Александр Дугин

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 1 13.11.2012 15:32:35

Александр Дугин

конец экономики

АМФОРА
Санкт-Петербург
2010

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 3 13.11.2012 15:32:38

УДК 33
ББК 65.5
Д 80

Печатается по решению кафедры
социологии международных отношений
социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Рецензенты:
д. э. н. Ю. М. Осипов и д. ф. н. В. Ю. Верещагин

Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»

Дугин А.
Д 80 Конец экономики / Александр Дугин. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. — 479 с.

ISBN 978-5-367-01455-6

Книга известного ученого, доктора политических наук А. Г. Дугина посвящена проблемам, связанным с мировым экономическим кризисом. Автор критикует либеральную систему современного капитализма, предлагая иной, евразийский выход из создавшейся ситуации.

УДК 33
ББК 65.5

ISBN 978-5-367-01455-6

© Дугин А., 2010
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2010

**Глобальный экономический кризис,
или Конец либеральной системы**

Конец либерального царства

**Конец либерализма
Либеральный тупик — евразийский выход**

**Крах либерализма и нелиберальная
экономическая альтернатива**

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 6 13.11.2012 15:32:41

КОНЕЦ ЭКОНОМИКИ

Экономика как судьба

Последние двести лет прошли под знаком экономического мышления. Когда отец-основатель экономической мысли Адам Смит (1723–1790) создавал свой классический труд «Исследование о природе и причинах богатства народов»[1], он больше думал о применении философских и этических принципов своего философского кумира, Джона Локка (1632–1704), и старшего друга, философа Дэвида Юма (1711–1776), к области хозяйства. Внимание к сфере экономики было второстепенным по значимости и служило иллюстрацией к общему принципу свободы и построенным на нем философской, этической и правовой системам. Основатель экономики сам был не экономистом, но философом. Постепенно его идеи в области хозяйства стали абсолютизироваться и легли в основу самостоятельной науки — политической экономии, или просто «экономики», которая два столетия претендовала на то, чтобы освободиться от философского и этического содержания и стать «точной наукой», заменив собой философию и идеологию.

На другом полюсе в сфере критической мысли, в учении Маркса (1818–1883), также очевидны сугубо философские корни: свой метод Маркс почерпнул в философии Гегеля,

---

[1] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 7 13.11.2012 15:32:41

который уделял проблемам хозяйства довольно мало места, сосредоточив основное внимание на Идее, к диалектическим трансформациям и метаморфозам которой сводил все содержание космогонического и исторического процессов. Маркс применил диалектический метод к экономике, обосновав тем самым примат экономического начала над всеми остальными в контексте антилиберальной критики.

Так, с двух сторон — либеральной и коммунистической — формировалось представление о центральном значении экономики в современной истории, о том, что «экономика — это судьба»[1]. Это высказывание Ратенау стало аксиомой XX века, когда экономика не только стала движущей силой основных политических процессов, но спор двух альтернативных экономических моделей — капитализма и социализма — предопределил глобальную архитектуру мира во второй половине столетия. Окончание холодной войны также было проинтерпретировано в экономических терминах — как победа капитализма над социализмом, то есть закрепление превосходства рынка над планом. Рынок стал глобальным, мировым не только как хозяйственная инфраструктура, но как глобальная идеология. Деньги стали мерой всех вещей. В социологии это получило название «рыночного общества». Речь шла не просто об обществе, чье хозяйство основывалось на рыночном принципе, но об обществе, воспроизводящем структуру рынка (с его обменом, торговлей, ценообразованием, эгоизмом, поиском выгоды, спекуляцией, распределением труда и т. д.) на всех уровнях. Экономика, таким образом, подчинила себе политику, общество, идеологию, историю и все остальное.

---

[1] Впервые эту формулу произнес сразу после заключения Версальского договора один из создателей Веймарской Германии, премьер-министр Вальтер Ратенау (1867–1922): «Wirtschaft ist unser Schicksal».

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 8 13.11.2012 15:32:42

Парадокс «конца истории»

В конце XX века Фрэнсис Фукуяма сформулировал свой знаменитый тезис о «конце истории»[1]. Смысл его заключался в констатации исчерпанности идеологического и политического содержания исторического процесса и перехода к решению чисто логистических задач в сфере экономики. Мировые проблемы, по мысли Фукуямы, отныне должны были сводиться к регулированию становления глобального мирового рынка, а все исторические трения между народами, нациями, политическими системами и идеологиями — безвозвратно отойти в прошлое. Многие подвергли идеи Фукуямы критике, утверждая, что он забежал вперед и что еще не все исторические противоречия и проблемы сняты в сфере политики, межнациональных и межконфессиональных отношений. Кроме того, не так уж гладко дела обстоят и с современным обществом, противоречия внутри которого видоизменились, но отнюдь не снялись окончательно.

Характерно, что вера самого автора данного тезиса продержалась недолго, и с середины 1990-х он стал его корректировать, пока полностью не отказался от него в 2000-е[2]. Причину пересмотра своей позиции Фукуяма объясняет эмпирическими наблюдениями — вопреки его прогностическому анализу конец холодной войны не привел автоматически к свертыванию исторического процесса и переходу к глобальному рынку. Нации и цивилизации сохранили конфликтный потенциал своих ценностных систем и практических интересов, и окончательного триумфа экономики на практике не произошло. Пока не произошло. Фукуяма считает, что надо переждать еще один цикл, в ходе которого будут урегулированы ряд основных проблем, осуществлена окончательная демократизация, более глубокое

---

[1] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

[2] См. мою беседу с Фукуямой «Идеи имеют большое значение»// Профиль. № 23(531) от 18.06.2007.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 9 13.11.2012 15:32:42

проникновение западных либеральных ценностей в глубь всех обществ планеты, и лишь после этого история завершится окончательно. Признавая, что он ошибся, он объясняет это тем, что «поспешил».

Здесь с Фукуямой вполне можно не согласиться. На этот раз принципиально. С одной стороны, он прав в том, что вектор в направлении абсолютизации экономики, объем аксиомы «экономика — это судьба» действительно учитывает основное содержание истории Нового времени и является наиболее точным ее выражением. Перемещение экономики в центр внимания обнажает основной нерв Просвещения, начавшегося с освобождения индивидуума и завершившегося отождествлением этой свободы со свободой частного предпринимательства и триумфом «homo economicus» (по выражению М. Вебера). Все это так. Возражение вызывает другое: Фукуяма, будучи прав в осмыслении логики Новейшей истории и ее неизбежного завершения в стихии глобального рынка, посчитал, что эмпирические опровержения этого в Realpolitik 1990-х и начала 2000-х годов — межнациональные конфликты, всплеск фундаментализма и терроризма, американские войны на Ближнем Востоке и в Афганистане — следует рассматривать как «промедление», «откладывание» «конца истории». Нет, «конец истории», какой мы ее знали в Новое время, действительно наступил. И стал философским фактом. Заметьте: наступил, а не отложился. Но в чистом виде этот конец и триумф глобальной экономики продлился только одно мгновение, совпадающее хронологически с концом 80-х — началом 90-х годов XX века. А затем человечество очутилось после этого «конца» по ту сторону истории, в постистории (Ж. Бодрийяр), но все дело в том, что пост-история, или пребывание в «конце истории», оказалась не совсем такой, какой она представлялась Фукуяме.

Сегодня мы живем после «конца истории». Как это бытие после конца, внутри наступившего конца, затрагивает экономику?

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 10 13.11.2012 15:32:42

Дериватив человека

Торжество принципа «экономики как судьбы» и планетарное учреждение «homo economicus» как нормативного типа поставило человечество перед интересной проблемой. С одной стороны, история была эвакуирована, дискредитирована как нечто «спонтанное» и «динамическое», чреватое непредсказуемостью, появлением рудиментов и остатков (residui) прежних эпох, но в то же время немедленно стало понятно, что историческое содержание было единственной матрицей, порождающей цивилизационные и культурные смыслы. Без них же «экономический проект» жизни как «глобального рынка» утрачивал всякий смысл. Пока это было целью, это могло мобилизовывать и вдохновлять (это и было мотором либеральной динамики); как только это стало данностью, энергия иссякла. Двигаясь к абсолютизации «экономического», человек постепенно растерял свою человечность, человеческие смыслы. Когда этот процесс достиг кульминации и рынок стал основным содержанием мировой истории, это противоречие вскрылось. Человек — с его ограничениями, атавизмами, предрассудками, мифами, с его «жизненным миром» — стал восприниматься как преграда на пути дальнейшей рационализации рынка. Рынок должен был расти по своей логике, все более и более набирая обороты в повышении своей виртуальности: все должно было расти — рынки ценных бумаг на будущие сделки, хедж-фонды, ценные бумаги на ценные бумаги и хеджирование хеджинговых операций и так до бесконечности.

Экономический человек, чье бытие повергалось тотальному «рыночному дисконту», по выражению теоретика «технического анализа» рынков Джона Мерфи[1], становился переменной от спекулятивных движений, движу-

[1] «The market discounts everything» — *John J. Murphy*. Technical Analysis of the Financial Markets. NY: New York Institute of Finance, 1999. См. также: *David M. Cutler, James M. Poterba, Lawrence H. Summers*. What Moves Stock Prices? // NBER Working Paper, № 2538, March 1988.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 11 13.11.2012 15:32:42

щихся в соответствии с трендами цен. Он утрачивал свой «фундаментал», становясь «придатком» все более автономных технических и финансовых процессов. То, что составляло сущность человеческого — культура — по мнению теоретиков постиндустриального общества, переосмыслялось как «препятствие на пути технического прогресса», поскольку «содержание культуры составляла совокупность иррациональных моментов, связанных с пережитками предыдущих фаз развития цивилизации». К этому сводились наиболее откровенные выводы либералов-технократов — таких, как Д. Белл[1]. Лишая человека культуры и истории, апологеты рынка и технократии подходили к той черте, за которой «homo economicus» должен был совершить фундаментальный прыжок в новое качество. Должна была произойти настоящая антропологическая революция: в мире чистой экономики требовались совершенно новые видовые качества, связанные с максимальной рационализацией основных функций, с быстротой брокерских реакций, с высокими скоростями принятия экономических решений, с отточенными и не обремененными ничем иным рыночными и спекулятивными инстинктами.

Человек должен был развиваться так же стремительно, как возрастала степень порядка деривативов в мировых финансовых институтах — на биржах и торговых площадках. В конечном счете ускоряющийся рост финансового рынка требовал выпуска «дериватива человека», который соответствовал бы высокому и постоянно ускоряющемуся ритму финансового роста и технического развития.

Кризис и антропологический сбой

На этом рубеже перехода от человека к «постчеловеку», к его технократическому деривативу, и произошла серия кризисов начала 2000-х годов. Первая волна, 2000 года

---

[1] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 12 13.11.2012 15:32:42

(крах dotcom'ов), смягченная переносом центра внимания мировых рынков на недвижимость и энергоресурсы под прикрытием паники, связанной с терактами 11 сентября, и вторая волна, 2008 года, когда так просто отложить проблему не удалось. Обе эти волны были связаны с антропологическим фактором. Социальная антропология держателей акций оказалась не в состоянии угнаться за ритмом роста финансовых пирамид. Рост цен на акции, который должен был бы быть бесконечным, если бы условия «конца истории» полностью соблюдались, натолкнулся на «атавизм» владельцев акций, не способных рационально подобрать нужную стратегию, чтобы справиться с развивающимися эвристическими закономерностями «новой экономики».

Люди повели себя «недоверчиво», «по старинке», отказав в доверии высшей математике виртуальных рыночных процессов. В первом случае (2001 год) упали доверие к индексу высокотехнологичного сектора и ожидания, связанные с геометрическим ростом в этой сфере, во втором случае рухнула американская ипотека, потянув за собой весь финансовый и кредитный сектор в мировом масштабе и ополовинив объемы хедж-фондов, что привело, кроме всего прочего, к замедлению роста экономики, падению цен на недвижимость и энергоресурсы. Две половины формулы «homo economicus» вошли друг с другом в противоречие, надо было выбирать: либо «homo», либо «economicus». Расхождение между виртуальностью роста финансового сектора и реальностью производства и товарного покрытия (рыночного фундаментала), по сути, представляло собой проблему столкновения с антропологическим барьером. Если бы человек по-настоящему стал экономическим, вся реальность (производство) была бы для него дисконтирована виртуальностью рынка. Но для этого сам человек должен был бы полностью стать виртуальным.

Эта виртуализация человека, теоретически произошедшая после глобальной победы либеральной рыночной парадигмы, несколько запоздала. Выведения человека искус-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 13 13.11.2012 15:32:42

ственным путем — генная инженерия, клонирование, система виртуальных дублей и голограмм, генетическое моделирование — пока не состоялось, а старый человек, произведенный естественным путем, хранил в своей социокультурной памяти слишком много архаических черт, привязывающих его к реальности (в ее старом, не до конца техническом понимании). Человек не должен был заметить перехода очень важной черты — к постчеловеку. Это должно было произойти само собой. Но не произошло. С этим и связан настоящий экономический глобальный кризис. Чтобы его не было, его никто не должен был заметить. Чтобы его не заметить, человек должен был быть более управляемым, гибко адаптированным к динамике рыночных трендов, той дисконтности, которая выражается в динамике ценовых трендов по ту сторону всякой верификации (единственной верификацией должна была стать возможность перевода акций в ликвидность, что на фоне постоянного роста котировок было занятием подавляющего меньшинства). Но в какой-то момент «культурность» человека (его страхи, опасения, недоверие, стремление убедиться в грубом наличии вещи) превозмогла его техничность (рациональный расчет постоянно растущей прибыли). Перед этим моментом человечество должно было быть заменено на постчеловечество, но этот процесс технически запоздал за идеологическим и политическим. Здесь мы имеем дело с явлением «культурного лага», исследованным американским социологом Уильямом Огборном в знаменитой книге «Социальное изменение»[1]: одна сторона социальной системы (в нашем случае — экономика и либеральная идеология) перешла в новое состояние, а другая сторона (в нашем случае — антропология) не успела. Это и есть смысл современного кризиса: нормативно история заменена экономикой, а либерализм и буржуазная демократия победи-

[1] *Ogburn William Fielding*. Social Change. New York, 1922.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 14 13.11.2012 15:32:42

ли в мировом масштабе; но на деле эта победа оказалась пирровой: прежнее кончилось, а ожидаемое не началось.

Кризис и горизонты войны

Означает ли такое положение дел возврат к прошлому, откат к предыдущей фазе экономического развития? Снимает ли это с повестки дня «новую экономику» и «конец истории»? Так мыслят многие экономисты, критически настроенные к «новой экономике» и оспаривающие ее логику как вариант «новой мифологии»[1]. На самом деле запаздывание антропологического среза за экономическими, технологическими и идеологическими трансформациями, «культурный лаг», еще не означает поворота цивилизационных тенденций в обратном направлении. Экономика последовательно становилась судьбой человечества в последние 300–400 лет, то есть в период роста и развития капитализма, не для того, чтобы отступить при первом столкновении с возникшими трудностями. Поэтому в теории эта фундаментальная тенденция не снимается и не обращается вспять. С другой стороны, она не может продолжаться в том же виде, как до кризиса.

Как правило, в таких ситуациях все решают мощные мировые войны, которые разряжают кризис, отвлекают внимание на брутальность кровавых событий, а на новом этапе социокультурное поле форматируется по-новому. Учитывая информационную управляемость современных обществ и уровень развития новых типов вооружений, можно допустить, что войны нового поколения, в отличие от старых войн, пройдут по иным сценариям. Нельзя исключить использование бактериологического, вирусологического, этнического и психологического оружия. Ката-

---

[1] *Хазин М.* Постмодерн — реальность или фантазия? / http://worldcrisis.ru/crisis/170860

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 15 13.11.2012 15:32:42

строфа, ведущая значительную часть человечества к гибели, может быть неожиданной и «креативной». В любом случае историческая инерция капитализма, набранная за последние столетия, не такова, чтобы ее остановить из-за пусть и серьезных, но технических сбоев.

С другой стороны, мало шансов, что стабилизация экономической ситуации произойдет само собой и кризис постепенно урегулируется, возвратив все процессы на свои места. Несоответствия между виртуальностью и реальностью, между техникой и культурой, между экономикой и антропологией, вскрывшиеся в этом кризисе, слишком серьезны, чтобы остаться вообще незамеченными. Нельзя заведомо отрицать возможности появления в ходе его развертывания на земле очагов сознательного сопротивления экономике как судьбе в глобальном масштабе, как продолжение на новом этапе той битвы, которую вел с капитализмом марксизм и в которой в конце XX века он потерпел поражение, оставив огромный цивилизационный вакуум. Но на сей раз речь пойдет не об альтернативной экономике (как в марксизме), но о мобилизации людей против экономического дисконта, в движении освобождения реальности от виртуальности, культуры от техники, истории от рынка. Это не просто возврат, это шаг в будущее, которое альтернативно тому, к которому логически ведет победивший либерализм. И в этой связи нельзя исключить, что в обозримом будущем линия фронта будет пролегать между людьми и постлюдьми, между «реалами» и «виртуалами», между «человеком человеческим» и «человеком экономическим».

Линия напряжения в таком анализе помещается не в идеологической, но в антропологической сфере. Время старых идеологий прошло. Либерализм выиграл битву и с фашизмом и с коммунизмом и сегодня столкнулся напрямую с человеческим фактором, не идеологизированным, сырым и спонтанным. Фашизм и коммунизм не отрицали экономики, они предлагали другие, отличные от либерализма модели экономики и пытались доказать их

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 16 13.11.2012 15:32:42

эффективность и конкурентоспособность. Они проиграли, и если основывать все на экономических показателях и на соответствующей им политической истории, то у противников либерализма не осталось аргументов — либерализм эффективнее, и если признать, что «экономика — это судьба», то из этого напрямую вытекает: «либерализм — это судьба». Лимит на экономические альтернативы закончился; любые соревнования в этой области и по имеющимся правилам снова приведут нас к убежденности в эффективности рынка, в превосходстве новой экономики над старой, в заведомой выигрышности постиндустриальных систем по сравнению с индустриальными, не говоря уже о прединдустриальных (что, вообще, очевидно). Но этот путь неминуемо ведет нас к постчеловеку, к необходимости замены *человека культурного* на *постчеловека технического*, что рано или поздно станет триумфом роботов, мутантов, клонов и големов.

Альтернатива новой виртуальной экономики, альтернатива либерализму не может лежать в сфере экономики — она должна лежать в сфере человека. Логика эффективности требует отказа от человеческого, расчеловечивания человека, смены его на «рационального монстра», чуждого страхам, предрассудкам, опасениям, недоверию, воспринимающего виртуальность как свою естественную жизненную стихию. В пределе экономика и техника есть царство автономных машин, антропоидов. Поэтому иная судьба требует выдвижения тезиса об ориентации на конец экономики. Если мы не хотим, чтобы кончился человек, должна кончиться экономика. Многим этот вывод покажется спорным, но мало-помалу его значение будет оценено по достоинству.

И если события, связанные с настоящим кризисом, будут развиваться достаточно динамично, и если все же серьезный планетарный конфликт мирового масштаба разразится (в той или иной форме), эта дилемма: либо человек, либо экономика, может стать важнейшим, центральным идеоло-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 17 13.11.2012 15:32:42

гическим моментом в самом ближайшем будущем. А после первых успешных экспериментов по созданию искусственного человека это станет просто само собой разумеющейся вещью.

Привыкшие за последние столетия мыслить исключительно в экономических терминах, люди могут изумиться: как возможен отказ от экономики, чем ее можно заменить? Ответ не так уж парадоксален: история знала гигантские периоды, в которых экономика играла второстепенную, подчиненную роль, а судьбой были религия, культура, философия, идеология, искусство. Из новейших тенденций ближе всего к тому, что может заменить собой экономику, стоит экология. Сочетание нового и одновременно древнего понимания природы и человека вне экономической парадигмы не несет в себе ничего несбыточного: если мы откажемся видеть в экономике судьбу, это не значит, что она исчезнет. Но она станет второстепенной, она закончится как абсолютная ценность, сохранившись как нечто прикладное, менее значимое, функционально зависящее от иных — не экономических — структур и приоритетов.

Но понятно, что никакой кризис не приведет сам по себе к концу экономики естественным путем. Этот конец зависит от глубинного волевого решения, которое должно созреть в самом человечестве, и чтобы реализовать его, потребуется высшее напряжение сил. Кризис, впрочем, создает для этого благоприятные условия. И даже вероятные потрясения, катастрофы и катаклизмы, напрямую с ним сопряженные, могут стать полезным антуражем, если страдания, ужас, боль и трепет вернут человечеству священное отношение к духовному началу, к религии, этике, природе, к самому человеческому существу в его высших проявлениях.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 18 13.11.2012 15:32:42

Часть 1
ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСА

ПОРА ЛЕЧИТЬ

Сегодня, когда мир лихорадит от краха либерально-капиталистической системы, а новая экономика дает фундаментальный сбой, какого, по словам Джорджа Сороса, не было со времен эпохи Великой депрессии, Запад, казалось бы, должен пересмотреть свою геополитику в отношении Восточной Европы, свою политику по Косово, по поводу ситуации в Ираке, Афганистане и т. д.

Если бы нечто подобное происходило с Россией, мы бы уже признавали свое поражение и отказывались от всего. Даже при небольшом системном кризисе в конце 1980-х гг. мы пошли на развал мировой социалистической системы, государства, политической системы и идеологии. В общем, мы тогда заметались в панике. Запад же демонстрирует, что он либо уничтожится вследствие наступившего кризиса, либо будет продолжать делать то, что делал раньше. В этом есть определенный англосаксонский героизм. Это похоже на последние минуты короля Артура, догнивающего на руках феи Морганы. Запад как ни в чем не бывало продолжает настаивать на том, что он прав, что Западная Европа — молодец и что следовать двойной морали нужно всегда, несмотря на то что на наших глазах разрушается мир, сотканный этой двойной моралью.

Можно только поражаться американцам и западным людям вообще. Сегодня происходит гигантский геополи-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 19 13.11.2012 15:32:42

тический, финансовый и идеологический дефолт западной системы. И тем не менее они умудряются настаивать на справедливости своих стандартов, называть «черное» «белым», и это должно послужить нам хорошим уроком.

Путин и Медведев видят, что мы правы и нужно настаивать на своем (многие вещи, на которых они настаивали, оказываются абсолютно верными). Но, по открытой и добродушной русской привычке, они желают видеть признание, одобрение и поддержку, чтобы убедиться в своей правоте. Однако ничего подобного не происходит. Вбивая гвозди в свой собственный гроб, Запад продолжает плевать в лицо здравому смыслу. Двойной стандарт со стороны Запада никуда не делся. Следует вспомнить, что еще совсем недавно, буквально накануне разразившегося кризиса, несколько западных специалистов-экономистов получили Нобелевскую премию за математическое доказательство того, что происходящий сегодня на фондовых биржах кризис никогда не может произойти.

Сейчас происходит девальвация Нобелевской премии, равно как и девальвация западных ценностей в качестве универсальных. Не говоря уже о девальвации западных стратегий, идей и экономических моделей как объективных. Запад вообще глубоко болен. Структурный психоанализ, описывающий основные синдромы психических отклонений, подтверждает, что западное «эго» находится в настолько глубоком конфликте со своим бессознательным и осуществляет при этом настолько чудовищные фантасмагорические переносы и проекции, что его невозможно не признать глубоко больным. Запад находится в таком глубоком разладе с реальностью, с моралью и нравственностью, что его нужно лечить. Западные люди становятся все более далекими от нормального и вменяемого состояния. В этой ситуации даже непонятно, как с ними обращаться. Жестко обращаться с ними нельзя, потому что это, как говорят, «неполиткорректно». Нынешний кризис на самом деле является кризисом их доверия и веры. Это кризис их

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 20 13.11.2012 15:32:42

психологии и социологии. Кризис идентичности западного «эго», наконец. То, что происходит сейчас, это не просто сбой в регуляции рынков. Болезнь Запада очень запущена, поэтому я снимаю свой прежний тезис о том, что западных людей (американцев и их сподвижников) надо как-то третировать. Это действительно нехорошо. Но тогда их нужно лечить. Причем немедленно. То, что они демонстрируют сейчас — это тяжелейшее заболевание.

Если мы будем по-прежнему оглядываться на Запад, согласовывать свою позицию и пытаться договориться, то у нас у самих начнутся проблемы с психикой. В этом смысле психическое заболевание заразно. Если у здоровых людей нет жестких механизмов защиты, то могут начаться настоящие психические эпидемии. Нам ни в коем случае нельзя находиться в одном пространстве с западной очумевшей толпой, абсолютно некритично осмысливающей саму себя. Западные люди потеряли то, чем долгое время гордились, — реалистичность. Сегодня нужно немедленно создавать международные комиссии для того, чтобы западные лидеры проходили процедуры медицинского освидетельствования. За большинством из них нужен серьезный клинический надзор.

Долгожданный крах мировой либеральной системы

Слово «кризис» прочно утвердилось в головах россиян за прошедший год, его обсуждение стало таким привычным, как обсуждение погоды, спортивных новостей, им можно объяснить и оправдать все что угодно. На то он и кризис. Но, надо сказать, это не просто финансовый или, как недавно было объявлено, экономический кризис. Рухнула масштабная либеральная модель экономической системы. А другой сейчас нет. Но если для США она была «родной», то для нашей страны — колониальной, западной.

Сейчас, когда кризис уже у всех на слуху, некоторые политологи заговорили о том, что Медведев и Путин сумели избавиться от привычной в нашей стране ассоциации «российское руководство — кризис». И хотя кризис в нашей стране огромный, гигантский, все же не стоит поднимать паники, ибо это фактически крах мировой капиталистической системы в ее новом издании, и наше политическое руководство — и Медведев, и Путин — прекрасно отдает себе отчет относительно того, насколько серьезны происходящие события. Рухнула мировая капиталистическая система, воплощенная в американской модели, все ищут спасения, кто во что горазд.

Россия в той мере, в которой она была интегрирована в мировую финансовую систему, пострадает значительно, а в той степени, в которой она не успела интегрироваться, почти не пострадает, хотя, к сожалению, в свое время мы послушались либералов — Гайдара, Грефа, Кудрина, Чубайса, Набиуллину, Дворковича — и двигались по направлению к ВТО, к интеграции в мировые финансовые механизмы. Это давало краткосрочный рост при благоприятной конъюнктуре цен на энергоносители, но сейчас именно это и стало фатальным. Что нас ситуативно обогатило, то нас и разорило. То, что нам помогло, то и погубило. В эпоху правления Путина мы всегда использовали либерализм, но когда либерализм рухнул, то, что мы приобрели, тоже рухнуло вместе с ним, в частности, Стабфонд, от которого практически ничего не осталось.

Естественно, называть вещи своими именами сейчас не могут ни Медведев, ни Путин, и не должны, потому что если людям рассказать, *что* происходит, люди от отчаяния могут впасть в хаос, в безумие — это мало кто выдержит. Действительно, и президент, и премьер вынуждены всячески отбиваться, делать вид, что никакого кризиса нет, что это частные вопросы, сбои в саморегуляции, что вот-вот финансовая система будет восстановлена, что нас это затронет меньше, чем другой мир. Эти слова необходимо

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 22 13.11.2012 15:32:42

произносить, и массы должны их слышать, чтобы раньше времени не сойти с ума. Но эксперты и люди, обладающие рациональным сознанием, не могут не понимать, что эти разговоры являются лишь социально-тактическими декларациями, а реально надо готовиться к самому худшему.

Но на самом деле сейчас Путину и Медведеву нечего сказать, сейчас надо тянуть время, чтобы народ успел осознать всю серьезность и необратимость произошедших процессов. Пока необходимо разработать альтернативный план, а с этим — проблема, потому что у нас есть только одни либеральные экономисты, другие либеральные экономисты и третьи либеральные экономисты. Грефа убрали с поста министра экономического развития, поставили Набиуллину. Но они оба либералы. Можно убрать Набиуллину, поставить другого либерала. У нас из всей «скамейки запасных» у власти в сфере экономики — либералы, либералы и еще раз либералы. Даже если всех разогнать, придут либералы четвертой или пятой волны. Можно провести параллели с рухнувшим коммунизмом в 1991 году — пытаться строить рыночную экономику плановыми методами так же абсурдно, как в сегодняшней ситуации, когда произошел крах либеральной системы, приглашать для спасения экономики новых либеральных экономистов, новые эшелоны либеральной мысли.

Путин и Медведев будут абсолютно правильно успокаивать народ, пока не переберут всех имеющихся у них либеральных экономистов, а когда ситуация станет концептуально абсолютно тупиковой, тогда, может быть, сделают попытку выработать нелиберальную альтернативу. Конечно, было бы гораздо разумнее признать всю серьезность кризиса сегодня, сразу предложив выход. Но сегодня объявить о наличии серьезной проблемы кризиса власти не могут по одной простой причине — если они сейчас скажут, каковы масштабы, природа, характер, объемы и последствия того, что происходит с экономикой мировой и российской, то затем надо будет предлагать план спасения.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 23 13.11.2012 15:32:42

Уже сегодня необходимо начать говорить о новой экономической системе, какой она может быть, и этому в частности посвящена данная книга.

В случае технического сбоя в экономике мы можем перебирать либеральные планы — план А, план В, план С или план D, но в любом случае все эти планы составлены по логике того необратимого роста экономики, за доказательство которого либеральные экономисты Роберт Мертон и Майрон Скоулз получили Нобелевскую премию. Еще в 1997 году они научно, с помощью математических расчетов, доказали, что того кризиса, который сейчас произошел, не могло произойти ни при каких обстоятельствах и рост финансового рынка бесконечен. Соответственно, сегодня люди, которые живут по либеральной логике, должны были бы либо покончить с собой, либо просто исчезнуть.

Но у нас сегодня нет альтернативы. У нас нет не только плана, но даже наброска этого плана, и не может быть на данный момент, потому что это требует определенных затрат, определенного времени. Эта работа в государственных органах не велась нигде. Сейчас с нами происходит то же, что произошло с крахом коммунистической системы в 1991 г. — все, что основывалось на коммунизме, перестало действовать. Произошел крах либеральной системы, но это еще не все осознали. В министерстве Кудрина пытаются отстоять либеральную модель, хотя ее больше нет, это очень сложная ситуация. Для того чтобы предложить новые проекты, нужно прежде всего изменить собственное сознание.

Нынешний кризис гораздо более серьезный, чем Великая депрессия 1929 года. И конечно, он делает вполне вероятными катастрофические сценарии. Более того, хотел бы отметить социальный аспект кризиса — это паралич экономической системы и, скорее всего, война, потому что кому-то придет в голову (наиболее вероятно, что США) решать все проблемы с помощью войны. Вторая мировая война была отложенным результатом как раз Великой депрессии.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 24 13.11.2012 15:32:43

Вариант этот может развиваться для Америки и сейчас, а нас могут в эту войну втянуть.

Надо сказать, что если у нас рухнула заимствованная модель экономики, то на Западе рухнула собственная, автохтонная модель. Америка пришла к либеральному развитию по собственной экономической логике, поэтому она сталкивается, по сути, с крахом своего глубинного мировоззрения, это гораздо более глубокий кризис, чем у нас, столкнувшихся с крахом колониальной политики, проводимой либералами-западниками. Это тоже важно, потому что это была, по большому счету, единственная политика в экономической сфере за последние двадцать лет.

И именно США, чтобы спастись от кризиса идентичности, кризиса экономической несостоятельности, дефолта, банкротства своей идеологической системы, могут прибегнуть к одному из самых простых исходов — войне, глобальной войне с серьезным противником. Но это совсем уже другая история, а пока нас ждет необратимый экономический и социальный кризис. Можно вспомнить известные строчки: «Ты все пела — это дело...» Пока все росло в экономике, основанной на фиктивных механизмах, мы «пели», а теперь будем «плясать». Другое дело, что у нас не наблюдается того самого «муравья», который умудренно констатирует кризис. Дело в том, что китайцы, например, которые более бережно и рационально относились к своей экономике, находятся в ситуации еще худшей, чем наша, потому что их экономика связана с покупательной способностью Америки, в шесть раз завышенной за счет кредитования спроса. А, например, Северная Корея — это, пожалуй, не «муравей», а «жук», который имеет свою программу. «Муравья», который бы готовился к кризису и создавал реальные альтернативы, мы не видим сегодня в мире.

Наша власть потворствовала американской идее либерализма, и чем быстрее произойдет осознание необходимости альтернативы, тем быстрее мы сможем вместе с другими странами, другими интеллектами думать, как спастись.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 25 13.11.2012 15:32:43

Страшно здесь то, что либерализм вновь и вновь оказывается той игрушкой, тем ядом и тем наркотиком, от которого нашей власти будет сложно избавляться. Хорошо, что Путин кое-что направлял на армию, это подвиг, потому что до него армию потихоньку уничтожали. Но этот процесс не завершен и не стал системным элементом политики. Это, скорее, русская совесть Путина, его честь подталкивали его к тому, чтобы не оголять нашу «оборонку». Реформирование армии начиналось до кризиса. Чем быстрее власть осознает кризис, тем больше коррекции внесет в эти реформы, потому что они были обращены к инерционному развитию ситуации, а ситуация явно вышла за пределы инерционности, и сейчас необходимо пересмотреть отношение к уровню вызовов, с которыми мы столкнемся. Вероятность мирового конфликта возросла многократно, и если мы не будем учитывать этот фактор, то просто разоружимся перед войной.

Стакан бывает пустой и полный. Сейчас стакан наполовину пустой. Но наполовину по отношению к тому, что было в 1990-е годы, он полный, потому что тогда он был просто пустой. Нам налили полстакана, и это хорошо, но этого недостаточно — где вторая половина?

Мы вступаем в период апокалипсиса (хотя, может быть, это не финальная катастрофа), во всяком случае, рухнула та система, которая считалась единственно верной и эффективной, а поскольку она рухнула, никто не избежит последствий этого.

Статус-кво больше нет

Начало глобального экономического кризиса в России ознаменовалось несколькими событиями: закончился путинский период президентства, был избран его преемник Медведев, произошла война в Южной Осетии, в нее была втянута Россия, за войной последовало признание новых кавказских республик, появились заявления НАТО о пре-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 26 13.11.2012 15:32:43

кращении сотрудничества с Россией и зазвучали мнения, что страна может остаться в изоляции. Однако выяснилось, что в изоляции мы остаться не можем, потому что слишком серьезно интегрированы в мировую экономику. Вроде бы хорошо. Но когда грянул кризис, бывший возможный «островок стабильности» оказался «интегрирован» и в этот кризис. Затем был избран президент США Барак Обама, кандидат от Демократической партии. Так повелось, что этим кандидатам часто приходилось исправлять ошибки предшествующих республиканцев. Незадолго до ухода сам Буш-младший извинился за произошедший кризис. Извинился за то, что виртуальная экономика вышла из-под контроля.

Если присмотреться к происходящему, то можно увидеть, что, действительно, для России закончились сразу несколько важнейших циклов: политический, геополитический, экономический, церковный. Для России закончился «статус-кво» — положение, когда можно было обходиться «технологическими адаптациями» и не принимать принципиальных решений. Но не только для России, но и для всего мира закончился «статус-кво», который царил последние двадцать лет и который был связан с победой либерализма и непоколебимым ростом либеральной экономики. Глобальный кризис показал конец цикла развития «третьей экономической модели». Для России же это совпало и с концом путинского президентства — еще одного цикла, который был основан на компромиссе между либеральными трендами и необходимостью отстаивания суверенитета России. А это уже завершилось августом 2008 года, когда российское руководство осознало, что мирным образом и поддержанием «статус-кво» свои позиции на Северном Кавказе и на постсоветском пространстве удержать не удастся. Кризис совпал с концом не только путинского президентства, но и концом путинского баланса, неприкосновенной Конституции — это все закончилось, мы изменили Конституцию, вышли за пределы РФ и одновременно полноценно вступили в глобальный кризис.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 27 13.11.2012 15:32:43

Отметим, что более восьмидесяти лет тому назад выдающийся русский экономист Николай Кондратьев выдвинул идею существования больших экономических циклов продолжительностью в 48–55 лет, в течение которых происходит смена «запаса основных материальных благ». В результате мировые производительные силы переходят на новый, более высокий уровень своего развития. С помощью этих циклов была предсказана в том числе Великая депрессия 1930-х гг., крах Уолл-стрит, и теперь экономисты вновь обратили внимание на то, что, оказывается, завершился очередной, пятый «К-цикл».

Таким образом, «повышательная волна» этого цикла проходила двадцать с лишним лет под флагом неолиберализма. В США появился институт деривативов, страховавший от возможного схлопывания финансовых пузырей, банки выдавали людям низконадежные кредиты, стимулируя спрос, и какое-то время все шло хорошо. Но «повышательная волна» завершилась, произошло насыщение рынка недвижимости, цены на нее перестали расти и даже начали падать. Плохие кредиты перестали погашаться, что привело сначала к ипотечному кризису, массовому невозврату ипотечных кредитов, кризису ликвидности, а затем через банковскую систему и к мировому финансовому кризису. Упал спрос на нефть, на металл, и Россия начала вкачивать триллионами деньги в поддержание экономики. «Накрыло» и наш «островок стабильности», накрыло наш Стабфонд. Между тем российское руководство, видимо, уже готовится к новому «повышательному циклу» и заявляет, что теперь именно в России может быть создан новый мировой финансовый центр.

Путинский «статус-кво» лучше, чем ельцинский, но одновременно это же было и губительным промедлением. Сейчас уже очевидно, что это было ненужной осторожностью и излишним доверием многим инерциальным тенденциям. Теперь само по себе ничего не «поедет», не начнет двигаться, теперь мы сталкиваемся с необходимостью ду-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 28 13.11.2012 15:32:43

мать, принимать политические решения, ранее же у нас имели место лишь технологические адаптации.

Мы заканчиваем период, когда можно было не принимать решения. Во всех этих закончившихся циклах можно было не принимать принципиальных решений, можно было ограничиться технологическими вопросами. Работая в режиме принятия технологических решений, российская власть закрыла эти циклы положительно, сделав максимум в рамках возможного, но она не сделала ничего по существу и толком. В этом смысле назрела необходимость отказаться от губительных тенденций Запада, претендующего на универсальность.

Как известно, в кризисный период события сменяются быстрее, чем меняется менталитет людей. Интересно, как наш менталитет принципиально менялся от 1991 года к 1998 году и от 1998–2000 гг. к 2008 году. Сначала он вошел в фазу недовольства разлагающейся советской моделью, и оно было повальным, поэтому люди приняли некую новую модель, которая казалась спасительной. Но к концу 1990-х гг., после кризиса 1998 г., стало понятно, что и отмена советской модели, и замена ее на либеральную — было ошибкой. Путин пришел как правитель, который соответствовал изменению этого менталитета, он как раз не опережал его, а подстраивался под изменения, под эти два вывода, которые сделали массы в 1990-е годы. Но медлительность путинских реформ привела к тому, что сегодня менталитет власти отстает от менталитета масс. Возможно, этот кризис позволит власти догнать менталитет народа. А воля народа заключается в том, чтобы больше не обращать внимания на различного рода политкорректности западного толка и стоять на своей собственной модели. Кризис приблизит менталитет политической элиты к тому менталитету, который сложился в обществе и на который Путин лишь наполовину ответил своей системой компромиссов. Очень хорошо ответил — до этого никто не отвечал. Теперь начинается самое интересное.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 29 13.11.2012 15:32:43

Нужно занять последовательную гражданскую позицию, каждому на своем уровне, от этого будет зависеть будущее страны. Кроме того, все большую актуальность приобретает идея многополярного мира и новых коллективных субъектов будущего. Олицетворением же менталитета Запада можно назвать в том числе и постмодернизм, сменивший западный модернизм. И постмодернизм для России стал таким же западным вызовом, на который придется отвечать, как на глобализм или либерализм. Если модернизм предполагает гуманизм, то постмодернизм — антигуманизм, если модернизм предполагает рассмотрение индивидуума, то постмодернизм — дивидуума, «постчеловека», с вживлением его в предметы. И если брать развитие информационного общества, то получается, что для него характерны все возрастающие объемы информации, вот только информация эта становится бессмысленной.

Информация — это знание, лишенное смысла, мы делаем информацию осмысленной, когда ее дешифруем. Сейчас мы идем к тому, чтобы вся информация была открытой, чтобы мы знали все, но одновременно ничего не понимали. Это приводит к появлению общества дивидуумов, общества непонимания. Ранее для людей реальность заключалась в существовании мифов, которые и были «реальностью», а нынешняя, современная концепция реальности уже вытесняется виртуальной. Нужно понять, как звучит вызов постмодернизма, что ему противопоставить: ведь именно гуманизм и прогресс привели Запад к постмодернизму. Это был определенный период для западной культуры, когда человек освободился от тех комплексов идей, которые его сдерживали в традиционном обществе, а затем он освободился и от Бога. Постмодернизм же олицетворяет уже разрушение самого человека, это последний вдох индивидуума. Человек не устоял, сбросил с трона самого себя так же, как до этого детронировал Бога. Теперь мы находимся в пасти зверя, вот-вот готового сомкнуть челюсти...

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 30 13.11.2012 15:32:43

Общество оказалось в пасти своего же развития и своего же прогресса, либеральная экономика довела себя до плачевного состояния своими же принципами, и глобализм встал (вышел?) к западному глобализму боком. А Путин—Медведев пока не определились, что с этим делать: решиться ли на самостоятельный шаг и дать ли России идти своим, самостоятельным путем.

КРИЗИС ТЕЛЬЦА

Тезисы о кризисе

Основы «новой экономики»

В основе современного мирового финансового кризиса лежит не технический сбой в макроэкономическом регулировании, но *фундаментальное противоречие глобальной финансовой системы.*

Эта система характеризуется достижением критического зазора между *финансовой массой* (включая различные формы ценных бумаг, фьючерсов, деривативов и т. д.) *и базовыми принципами классической рыночной экономики* (баланс между спросом и предложением = рыночный фундаментал).

Современная экономика (новая экономика) основана на аксиоме «*бесконечного макроэкономического роста*». В ходе этого роста совокупный объем капитализации предприятий и система ценных бумаг, опционов и деривативов достиг такого уровня, когда реальное товарное покрытие экономики превратилось в *бесконечно малую величину.*

Гигантский финансовый пузырь полностью заслонил собой *реальный сектор*. Отдельные сегменты этого реального сектора (до 2001 года — сферы высоких технологий, после 2001 года — цены на недвижимость и энергоносители, а в 2007 году — на продовольствие) стали *точками смычки с финансовой системой*, и вследствие этого цены

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 31 13.11.2012 15:32:43

в этих областях оторвались от рыночного фундаментала (были многократно завышены).

Логика «бесконечного роста» доказывалась либеральными экономистами-монетаристами на основе математических конструкций. На практике диспропорция между финансовой новой экономикой и реальной экономикой оказалась имеющей *конкретные лимиты.*

Ипотечный кризис сентября 2008 года в США и разорение крупнейших финансовых институтов стал прямым *опровержением* тех экономическо-статистических моделей, которые предрекали глобальной либеральной экономике перспективу «бесконечного ускоренного развития».

Мировоззренческая парадигма «новой экономики» (религия «золотого тельца» и пришествие виртуальности)

С философской и идеологической точек зрения, «новая экономика» основывается на вере в *автономность финансового сектора*. Это своего рода онтология (почти религиозная) *самодостаточности капитала*. Начиная с развития банковского процента в Европе Возрождения и Нового времени финансовый фактор неуклонно рос, постепенно превращаясь из подсобного экономического средства в классической модели «товар–деньги–товар» в самостоятельную и доминирующую реальность, в альфу и омегу всей хозяйственной деятельности, а затем и в средостение социально-политической и культурной жизни.

Если с технической точки зрения экономисты, критикующие «новую экономику», склонны видеть в ней «заговор» или «грандиозный обман» мирового уровня, то в социологическом аспекте это можно определить как форму своего рода «новой религии» — *религии «золотого тельца».*

Смысл этой «монетаристской религии» покоится на *вере в незыблемость и эффективность финансовых инсти-*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 32 13.11.2012 15:32:43

тутов, а подтверждается эта вера практической возможностью убедиться в ее адекватности в любой момент. Каждый может купить акции растущих компаний или иные ценные бумаги, включая изощренные системы деривативов, и через некоторое время продать их по более высокой цене. Деньги в финансовой экономике делали деньги почти «волшебным» способом. Товар, спрос, предложение, труд — все эти атрибуты старой экономики были вынесены за скобки.

Рыночная вера и жрецы макроэкономики и глобализма предлагали всем «попробовать самим». И миллионы игроков на бирже убеждались — «it works!» («это работает!»). Так осуществлялось эмпирическое подтверждение эффективности и действенности рыночной религии.

Параллельно с этими процессами в западном обществе второй половины XX века рос объем виртуализации информационной, социальной, экономической и культурной сфер. Компьютеризация и развитие сети Интернет способствовали перемещению внимания гигантских сегментов человечества в область «*виртуального пространства*». Подключение к сети уже одним своим фактом дает человеку всё — чувство престижа, информированность, способность к широкому «демократическому» обсуждению любых тем на форумах и блогах (без какой бы то ни было социальной иерархии), возможность широких и полезных знакомств, а в последнее время и напрямую работу и деньги.

«Новая экономика», таким образом, не изолированный феномен, но одно из измерений перехода от реального социума к социуму виртуальному.

Виртуальное не значит «ирреальное», «фиктивное». Виртуальное пространство — это *искусственно сконструированное пространство с минимальным количеством помех для циркуляции информации*. Поэтому в нем есть всё то, что есть в реальности, только в схематичном виде (в форме симулякра).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 33 13.11.2012 15:32:43

Смысл «информационного» или «постиндустриального общества» (что приблизительно одно и то же) в том, что *человек и человечество постепенно полностью перемещаются в область этой виртуальности*. Фильм «Матрица» дает фантастический, но реалистичный образ того, к чему должны были бы привести эти процессы.

В рамках такого общего процесса движения к постиндустриальной модели «новая экономика» являлась материальной основой этой глобальной религии, ее праксисом.

Виртуализация общества заведомо должна быть *глобальной,* чтобы за пределами сетевого пространства в конечном счете *никого не осталось*, так как в противном случае виртуальные процессы давали бы сбой на периферии. Отсюда необходимость глобализации и планетарного размаха, составляющие важнейшее условие виртуализации и постиндустриального общества. *Осенью 2008 года эта религия «золотого тельца» получила серьезнейший удар.*

Глубочайший кризис новой экономики налицо. Но он свидетельствует о еще более глубоких процессах — о философском и мировоззренческом кризисе постиндустриального общества, о сбое в глобальном культе «золотого тельца».

Постчеловек: антропологический вексель

Одной из принципиальных причин кризиса является *обнаружение прямого конфликта между виртуальным и остатками реального*. Виртуализация и, соответственно, виртуальная экономика стали развиваться такими *быстрыми* темпами и столь неравномерно, что *вне этой сферы* оказалась критически большая масса *реального* — реальных людей, реального общества, реального рыночного фундаментала (баланс спроса–предложения).

Бесконечность роста гарантировалась только тем, что этот процесс будет *глобальным, всеобщим и тотальным*. По сути, должен был произойти переход от реального к вирту-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 34 13.11.2012 15:32:43

альному, от конкретного к деривативному во *всех* областях и сферах жизни. И самое главное, экономическое и техническое развитие должны были обеспечить возможность появления «*нового человека*» — человека «победившего либерализма» — «деривативa человека», «человеческого деривативa».

Крупнейшие идеологии XX в. (коммунизм и фашизм) провозглашали необходимость «нового человека». Для марксистов — это должен был быть человек, наделенный *коммунистической сознательностью*, полностью свободный от кодов классового общества. На создание и воспитание такого человека большевики бросили все силы после революции 1917 года. Германский национал-социализм выдвинул свою версию «нового человека» — через «расовую гигиену», «выведение чистых арийцев» (операция «Lebensborn»).

Победившая сегодня либеральная идеология не программно, но практически подошла к сходной модели — для полноценного и адекватного пребывания в виртуальной среде, в «новой экономике» и «глобальном сообществе» необходимы люди иного типа — не реальные, но *виртуальные, постлюди*. Только они могут развиваться в такт с «бесконечным ростом», не замечая сбоев и полностью подчиняясь системам глобального кодирования со стороны «Матрицы». Эти «новые люди» глобализма не должны зависеть от нации, государства. Напротив, они могут произвольно менять среду обитания, профессии и даже пол по воле случая или по собственной прихоти. Но в перспективе эти мутации должны быть еще более глубокими, и в дело должны вступить уже в полном смысле слова *постчеловеческие существа* — клоны, киборги, виртуалы.

Это можно назвать *деривативом человека*. Только его появление может гарантировать виртуальной системе — и в том числе виртуальной финансовой системе (новой экономике) — устойчивость и «бесконечность». Ведь только дериватив человека (человек-опцион, человек-фьючерс)

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 35 13.11.2012 15:32:43

будет обладать необходимой для этого флексибельностью, волатильностью и динамической способностью к адаптации самосовершенствующегося биомеханизма.

Нынешний кризис: последний или предпоследний?

Нынешний кризис демонстрирует сбой «бесконечного роста», провал «виртуального проекта». Можно задаться вопросом: *это конец новой экономики (а следовательно, и религии «золотого тельца») или еще нет?*

Фундаментальная философская причина кризиса в том, что *настоящего деривативa человека пока не получено*, и по логике краха других великих идеологий XX в. (фашизма и коммунизма) человек остается все тем же самым, препятствуя собственной трансформации в идеальный абстрактный нормативный тип. И хотя космополитическая масса глобалистов демонстрирует многие свойства постчеловека (особенно это видно на примере современной молодежи, не вылезающей из Интернета и иных сетей, впитывающей глобализм и его коды с младенчества), реальных киборгов и клонов пока нет, и их разработка не перешла к последней стадии экспериментов и тем более к массовому производству. Отсутствие своевременного изготовления критического количества человеческих деривативов глобалистского толка является, безусловно, основной причиной сбоя глобальной экономики.

Нынешний кризис является:

- либо *финальным кризисом мировой капиталистической системы* (концом либерализма и новой экономики),
- либо *фундаментальным сбоем*, за которым последует коррекция и ускоренное производство человеческих деривативов, новая и более жесткая волна виртуализации и глобализации (возможно, с помощью новых средств и методик, ранее не использовавшихся капиталистической системой).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 36 13.11.2012 15:32:43

Если этот кризис является последним и либерализм стал жертвой провала при переходе к «новому человеку» (как до этого ничего не вышло у нацистов и коммунистов), то мы станем свидетелями глобального коллапса, возврата к предшествующим экономическим и социальным формациям в разных частях мира — вплоть до глубокой архаизации. В этом случае остатки капитализма могут причудливо соседствовать с социалистическими, монархическими, националистическими, теократическими и иными системами, а также с возвратом к натуральному обмену и чересполосице глубокого варварства.

Если кризис будет преодолен, не выходя за рамки либеральной теории и практики, то и в этом случае мир ждут *глобальные изменения*, поскольку ликвидировать последствия кризиса обычными мерами будет невозможно, а значит, следует ожидать либо серии *масштабных вооруженных конфликтов*, либо иных *катастроф*, которые отвлекли бы внимание человечества от открывшейся бездны.

На следующем этапе — например, после серии смертоносных региональных конфликтов, социальных взрывов и региональных кризисов — глобализм выступил бы как единственная модель спасения и примирения, а его догматы (включая «религию золотого тельца») стали бы внедряться более жесткими способами. После этого процесс виртуализации пошел бы в ускоренном ритме, и дериватив человека (киборги и клоны) был бы внедрен тотально и тоталитарно.

В любом случае глобалистам придется изменить тактику и обратиться к арсеналам более жестких режимов и к более прямым и недемократическим методам управления. Продолжением такого развития событий может стать сценарий фантастического романа или фильма про борьбу людей с роботами (неизвестно, с плохим или хорошим исходом).

С чем мы имеем дело: с предпоследним или с последним кризисом, мы поймем в самое ближайшее время.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 37 13.11.2012 15:32:44

Россия и вера в золотого тельца

«Религия золотого тельца» стала неофициальной, но единственной религией политических элит России после краха коммунизма. «Развитие», «модернизация», «глобализация», «рынок», «либеральные ценности», «права человека» — все это было принято в качестве неоспоримого норматива российского общества. Политические и экономические элиты России интегрировались в западный мир, перенимали его ценности, технологии, методики и принципы. Поэтому *нынешний кризис является абсолютным для правящей российской элиты.*

В истории посткоммунистической России есть *два периода*, когда «религия золотого тельца» практиковалась в той или иной форме.

В 1990-е годы, до Путина, это было официальной и открытой программой правящей элиты. Реформаторы, олигархи и демократы эпохи Ельцина ставили своей главной и основной задачей *интеграцию в глобальное общество под эгидой Запада и США*. Целью было включение России в новую экономику. В жертву этой цели приносилось все — в том числе и государственный суверенитет РФ.

После прихода Путина была проведена серьезная коррекции этой «либеральной веры». Путин запустил проект *постепенной* интеграции в новую экономику *с сохранением контроля* над политическим пространством РФ со стороны национальной администрации. Путин не выдвинул никакой альтернативной идеологии, не оспорил и не опроверг глобализм, рыночную экономику и либерализм. Напротив, он открыто присягнул всему этому, назвав себя «наемным менеджером» и выступив в этом качестве на выборах 2008 года. Но он *решительно отказался уступить контроль за администрированием России внешнему центру*. Он признал легитимность «мирового правительства» только при условии вхождения в его состав России *с сохранением национального суверенитета.*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 38 13.11.2012 15:32:44

Оспаривалась не вера в тельца, не глобалистская «церковь», но лишь объем и распределение полномочий в управлении теми или иными ее «епархиями», статус «епископов» и т. д.

Поэтому все противоречия с Западом и США при Путине носили *условный характер*. Так конкурируют между собой партнеры по общему проекту и силовые ведомства одной и той же страны. В ценностном смысле Путин всегда признавал, что Россия — «европейская страна и часть западной цивилизации» и настаивал на ее демократизации, либерализации, модернизации и вхождении в институты мировой экономики (в частности, в ВТО). При Путине был взят курс *на соединение тенденции глобализации, либерализма и монетаризма с конкурентной борьбой за административный контроль над территорией РФ*. Это и была формула Путина: «либерализм + патриотизм» или «*национал-глобализм*».

В такой ситуации нас застал нынешний кризис, поскольку курс Президента Медведева в основных чертах (с некоторыми нюансами) повторяет логику путинского выбора приоритетов и целей.

Последствия кризиса для России

Российская экономика интегрирована в финансовые институты в меньшей степени, нежели страны Запада и даже некоторые развивающиеся страны Азии. Даже в Индии или Сингапуре число держателей акций и игроков на фондовом рынке в процентном отношении намного превышает число россиян, напрямую связанных с этим сегментом экономики. Настоящее замечание могло бы вызвать надежды и внушить оптимизм, но это, увы, не так.

Россия интегрирована в «новую экономику» через свою финансовую систему, которая основана на долларе и тем самым связана с ним как с мировой резервной валютой.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 39 13.11.2012 15:32:44

Банковская система России неотделима от мировой банковской системы, и банковский кризис полностью отразится на функционировании российских банков в не меньшей степени, чем в странах самого Запада.

Сегодня фактом стало полное обрушение российского биржевого рынка — «голубых фишек». На первый взгляд, от этого теряют только олигархи и крупные игроки. Но на самом деле это отразится на каждом.

Оторванные от товарного покрытия и вообще от рыночного фундаментала, многократно переоцененные при расчете рыночной капитализации ценные бумаги, акции, деривативы и т. д., составлявшие основу богатства «новых русских» и в первую очередь олигархов, представляют собой фактически, юридически и экономически *те же деньги*, что получают за свою работу шахтер или учительница, что циркулируют между покупателем и продавцом в магазине. Все они проходят через финансовые институты, которые дают кредиты, переводят налоги, перечисляют зарплаты. Но эти финансовые институты в свою очередь неразделимо сращены с финансовыми механизмами новой экономики.

Поэтому то, что за последние недели потерял Дерипаска или Абрамович, *будет раскидано по всему обществу*. Ничем не обеспеченные и многократно переоцененные финансовые единицы — это *те же самые* конкретные деньги и товары, а также способ их производства, приобретения и обмена. Новая экономика не искусственная надстройка над реальной экономикой, это ее *неотъемлемая часть* — так раковая опухоль постепенно становится частью органической ткани живого организма. На определенной стадии радикальную операцию — удаление — делать уже поздно.

Если кризис 1998 года, связанный с падением рынка ГКО, позволял осуществить такую операцию радикально и от экономики в ее реальном секторе еще что-то осталось, то сегодня это повторить не удастся. *Реальной экономики, которая не была бы затронута финансовым сектором, в России почти нет.* Также нет финансового сектора, полностью

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 40 13.11.2012 15:32:44

изолированного от международной финансовой системы. К этому привела рыночная вера Путина, выраженная в его неизменных симпатиях к либералам —Касьянову, Грефу, Кудрину, Набиуллиной, Дворковичу, Илларионову — всем тем, кто возглавлял экономический блок правительства или определял курс экономики в Администрации Президента. Все они при президентстве Путина являлись и сейчас являются убежденными монетаристами и адептами культа золотого тельца.

Цифры пахнут нефтью

Основу экономики России при Путине составляла продажа необработанных природных ресурсов. На этом строился весь бюджет страны. Цена на энергоносители и полезные ископаемые неуклонно росла в последние 10 лет, и это стало основой экономического роста российской экономики. Но структура этого роста связана с общими макроэкономическими процессами, а это относится уже не к архаической модели — выкачал нефть и продал, чего проще, — но к «новой экономике» и ее сложным процедурам. Рост цен на энергоносители как на очевидный и наглядный материальный ресурс стал с конца 1990-х годов и особенно с начала 2000-х годов *одной из стратегий глобалистов для некоей коррекции чисто финансового сектора*. По мере того, как финансовые деривативы всех видов росли в цене по автономной логике «бесконечного роста», стратеги монетаризма выбрали несколько объектов, имеющих материальную наглядность, и включили их в область приоритетных портфельных инвестиций. С этим связаны *глобальная переоценка мировой недвижимости*, многократно превосходящая все мыслимые и немыслимые значения рыночного фундаментала, и цены на энергоносители.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 41 13.11.2012 15:32:44

Цены на нефть и газ в 2000-е годы росли не только из-за обостряющегося дефицита на эти товары, но из-за того, что с помощью такой операции *корректировался сверхперегретый финансовый рынок*.

Обвал финансового рынка не случайно начался с кризиса ипотеки в США, затем последовало и падение цен на сырье. Одним словом, цены на сырье были такие же дутые, как и на жилье, а всё вместе это было лишь одним из трендов общей *виртуализации экономики*. Сейчас цены на сырье упадут (долларов до 50), а финансовые механизмы, обеспечивавшие логистику трансакций по нему, начнут пробуксовывать.

Из этого вытекает, что *надежда на то, что в условиях глобального финансового кризиса экспортно-ориентированная экономика России останется не задетой и надежной, несостоятельна.*

Кроме того, российский фондовый рынок, где котировались в основном акции энергодобывающих компаний и других торговцев природными ископаемыми, в свою очередь мультиплицировал — на сей раз уже в пределах российской финансовой системы — свою доходность, что приводило к росту макроэкономических показателей уже собственно российской экономики. Крах российского фондового рынка обрушил и эти показатели, служившие, казалось бы, надежной опорой российской экономики. Балансовая же стоимость даже самых крупных компаний — да еще и в условиях финансового коллапса — относительно невелика. А это признание ведет нас к самым мрачным предсказаниям относительно бюджета.

И наконец последнее. В России, кроме экспорта ресурсов и внедрения информационных технологий и других инфраструктур постиндустриального общества, *никакой экономики просто не осталось*. В 1990-е годы либеральные реформаторы программно демонтировали и растащили остатки советской промышленности, а в 2000-е гг. на фоне дикого роста цен на сырье заниматься трудным и затрат-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 42 13.11.2012 15:32:44

ным делом восстановления национального производства было нерентабельно. Последним всплеском реальной экономики были меры по ликвидации последствий дефолта 1998 года, осуществленные силами правительства Примакова. Они дали свой положительный эффект, но последующий цикл роста цен на ресурсы *свел их на нет*.

Поэтому в водовороте мирового кризиса Россия осталась *без экономики* — виртуальная экономика рухнула, а реальной уже не осталось. Кроме того, гигантские финансовые убытки, которые впрыснуты сегодня в российскую экономику, являются мощным барьером для любых решительных действий по реанимации реального сектора без слома существующих структур.

Поэтому у Медведева и Путина, пребывающих в рамках статус-кво, остается только одна возможность — цепляться за механизмы гибнущего корабля новой экономики, надеясь, что как-нибудь пронесет и на этот раз. Если учесть, что это происходит на фоне стремительной эскалации отношений с США на постсоветском пространстве, то ситуация выглядит совсем мрачно.

Путин сделал ставку на новую экономику, одновременно пытаясь соперничать с теми, кто ее создал. Он не задумывался об альтернативе, возможно, у него не было на это времени или сил. Сейчас, увы, вполне закономерно наступает час расплаты.

Оборонно-промышленный комплекс и нынешний финансовый кризис

Вместе с тем неоспоримая заслуга Путина в том, что *он наметил вектор на геополитический суверенитет России*. И хотя это вписывалось в более широкий контекст его приверженности глобализму и либерализму, то есть сочеталось с верой в «золотого тельца» и новую экономику, на прак-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 43 13.11.2012 15:32:44

тике это привело к *усилению региональных позиций России, укрепило ее статус.*

В экономике такой вектор на укрепление суверенитета в первую очередь сказался *на государственной политике в области вооружений*, на Оборонно-промышленном комплексе (ОПК). Туда были направлены значительные средства части бюджета, а также был задействован ряд иных механизмов финансирования. В пользу ОПК перераспределялись дивиденды, полученные от экспорта природных ресурсов. По своему характеру это наиболее закрытая часть российской экономики, несколько вынесенная в сторону от рынка и привязанная к реальному сектору.

По сути, среди экономических сегментов *ОПК оказался в наименьшей степени затронутым кризисом*, хотя совсем независимой от общего состояния экономики эта сфера, конечно, быть не может.

Если учесть, что, вполне вероятно, США будут выходить из кризиса через *военные конфликты*, то именно у российского ОПК больше всего шансов стать *опорной зоной российской* государственности на следующем этапе, хотя это будет связано с развитием сложных и многомерных политических, идеологических и геополитических процессов, смысл и логику которых заранее трудно предсказать.

Если в 1998 году кризис рынка ГКО знаменовал собой конец прозападной олигархии (с прямой формой культа «золотого тельца») и в результате пришел Путин, а наиболее прозападные олигархи были «зачищены», то нынешний кризис логически должен завершить собой период доминации (доминирования) тех сил, которые действовали под эгидой «либерал-патриотизма» или «национал-глобализма», пытаясь *сочетать интеграцию в мировую экономику с сохранением контроля над страной в руках национальной администрации*. В 1990-е годы ОПК (тогда он назывался ВПК) был в полном загоне. При Путине он стал подниматься, так как власть начала понимать, что именно эта область является конкретной гарантией суверенитета России, а значит, и глав-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 44 13.11.2012 15:32:44

ным инструментом сохранения контроля. Но развитие ОПК проходило с оглядкой на либеральные схемы и при соблюдении рыночных глобалистских правил.

Грузинский кризис августа 2008 г. и особенно обвал мировой экономики в сентябре–октябре этого же года ставят ОПК в центр не только политической, но и экономической ситуации в стране. Будет ли это обстоятельство сопряжено со сменой лидеров страны, это пока невозможно предсказать, но совершенно очевидно, что политико-экономические элиты «национал-глобалистского» образца обречены на исчезновение в пользу неминуемого прихода к власти *«новых государственников»*.

«Неоконы» в США и «военное кейнсианство»

Тема «новых государственников» вызывает явные ассоциации с американскими «неоконами». И эта ассоциация не случайна. Дело в том, что американская политическая система также получила от кризиса колоссальный удар, с которым должна сейчас как-то разбираться. Либеральная экономика в ее современном постиндустриальном, финансовом виде, по сути, подверглась дефолту, и это скажется на всей американской политической системе.

Одним из сценариев выхода из кризиса является *резкое усиление американского Военно-промышленного комплекса*, переход к модели *«военного кейнсианства»*, где государственное управление экономикой будет проходить в формате резкого увеличения оборонного заказа и расширения госсектора. Это не добровольное и прозрачное кейнсианство в духе «New Deal» Рузвельта, но фактическое кейнсианство, задрапированное либеральной риторикой и внедряемое в силу чрезвычайных обстоятельств. И снова здесь наиболее прямым выходом для США была бы война (желательно где-то подальше от собственной территории).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 45 13.11.2012 15:32:44

Разработкой теоретической платформы на случай такого поворота событий давно занимается группа американских *неоконсерваторов* (П. Вулфовиц, У. Кристол, Р. Кейган, Р. Чейни, Р. Шонеман, Д. Кэйл и т. д.), усилившая свои позиции при Буше-младшем и сейчас тесно сотрудничающая с МакКейном. Их идеология — «Америка прежде всего!». Они открыто говорят о США как о «мировой империи» и «доброй гегемонии», считая, что либерально-демократическими ценностями и принципами для достижения конкретных целей вполне можно пожертвовать. Они опираются преимущественно на ВПК и готовятся к действиям в «чрезвычайной ситуации». Только у них среди всего американского политического истеблишмента есть сегодня представление о том, как теоретически выходить из сложившейся ситуации. Этот выход состоит в установлении *правореспубликанской диктатуры*. Другим народам такой выход несет только войну. И не случайно именно «неоконы» подтолкнули Саакашвили в августе 2008 года к атаке на Цхинвал.

Русские неоконы?

«Новые государственники» в России теоретически должны были бы, в общих чертах, повторять американскую модель. В США это американские националисты, пренебрегающие либерально-демократическими стандартами, движимые американским мессианством, протестантским фундаментализмом и традиционализмом и опирающиеся на ВПК. В России теоретически это должны быть русские (евразийские) патриоты, ориентированные на мобилизационное общество, русскую империю, православие и традиционные конфессии, а экономически отстаивающие идеи Фридриха Листа («автаркия больших пространств»), того же Кейнса («экономический остров», «положительное значение инфляции»), Шумпетера («примат экономического развития над экономическим ростом»), возможно, Сильвио

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 46 13.11.2012 15:32:44

Гезеля («порочность самого принципа денежного роста для развития реального сектора» — что воспел в своих стихах великий американский поэт Эзра Паунд), и в краткосрочной перспективе — рецепты *военной экономики*.

В отличие от Америки, такой группы в России не только не заметно в высших эшелонах власти, но, похоже, вообще не существует. Путин и его сподвижники сделали ставку только на *национал-глобализм*, а все остальные идеологические тенденции искусно маргинализовали и рассеяли.

Но, несмотря на то что «русских неоконов» нет в природе, развитие социально-политических, экономических и идеологических процессов, а также растущая эскалация российско-американских отношений на постсоветском пространстве (Закавказье, Украина и т. д.) делают появление такой группы практически *неизбежной*. Западные аналитики (например, итальянец Массимо Боффа в «Panorama» от 15.10.2008) уже стали писать об этом, примеряя различных российских политологов и мыслителей (В. Суркова, В. Третьякова и т. д.) к выполнению этой роли.

Русский неоконсервативный проект

Логически легко набросать тот план, который подобная «неоконсервативная группировка» могла бы предложить для выхода России из кризиса.

1. *Свертывание демократии* (даже фасадной) и переход к *мобилизационной модели общества* на корпоративной основе.

2. Установление «*комиссарской диктатуры*», сосредоточение власти в руках патриотической группы высокопоставленных чиновников, призванных вывести страну из кризиса (под эгидой лозунга «Россия — прежде всего!»).

3. Введение *госкапитализма* и перенос основного внимания на ОПК.

4. *Национализация крупной промышленности* и, в первую очередь, ресурсодобывающих отраслей.

5. Введение *прогрессивного подоходного налога* и высокого налога на прибыль.

6. Обеспечение *продовольственной безопасности* и целевые инвестиции в село.

7. *Социальная* поддержка населению.

8. Минимализация фондового рынка и установление *прямого государственного контроля над банковской системой.*

9. Переориентация внешней торговли *с Запада на Восток* — в страны Азии.

10. Укрепление экономического партнерства *с Китаем, Ираном, Турцией, странами тихоокеанского региона.*

11. Продолжение энергетического партнерства с Евросоюзом при относительном *игнорировании европейских ценностей и идеологии «прав человека».*

12. Утверждение *национальной консервативной системы ценностей* (религия, семья, мораль, патриотизм, дисциплина, служение, здоровье, спорт, честь, ответственность) вместо либерально-демократической вседозволенности и гедонизма.

13. Активное *поощрение рождаемости* (материальное и моральное), включая запреты на аборт.

14. Жесткий *идеологический* и ценностный контроль над СМИ.

15. Повышение роли *Церкви.*

16. Чрезвычайные меры по пресечению коррупции на идеологической основе.

17. Активная политика *по интеграции постсоветского пространства* под эгидой России (в мягкой и жесткой формах).

18. Стратегия интеграции этнических меньшинств в «российскую нацию».

Порядок и точные формулировки этих пунктов могут меняться. Теоретическая философская подоплека под них может быть подведена в ходе становления этой группы.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 48 13.11.2012 15:32:44

При этом очевидно одно: «неоконсервативный» выход России из настоящего состояния должен отвергнуть сам принцип «новой экономики», глобализм и либерализм в их теоретической и практической плоскостях, то есть сказать решительное «нет» «новой экономике», «виртуальному обществу» и самой «религии золотого тельца» (как в ее открытой, так и в скрытой, национал-глобалистской форме).

Каким этот процесс окажется в реальности, с какими трудностями столкнется и через кого конкретно будет воплощаться, заведомо сказать невозможно.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 49 13.11.2012 15:32:44

Часть 2

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ. ОРТОДОКСИЯ И ЕРЕСЬ

ЭКОНОМИКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ

Ничто, пожалуй, не обсуждается в нашем обществе с такой страстностью и с таким пылом, как экономические проекты. В дискуссии различные стороны употребляют целые блоки экономических терминов, ссылаются на различные концепции, намекают на те или иные школы экономической мысли. Но если внимательно приглядеться к ходу этой полемики, сразу станет очевидно, что почти никто и никогда не говорит всерьез об экономических первопринципах. Никто и никогда не удосуживается показать более или менее ясно весь спектр существующих альтернатив. За домигацией марксистского подхода во вчерашнем обществе последовала доминация либерального подхода, хотя на самом деле либеральная, рыночная экономика является далеко не единственной альтернативой марксизму. Поэтому нам представляется совершенно необходимым сделать краткий обзор существующих экономических проектов без предвзятости, не стараясь никого убедить в своей правоте. Объективность в определенных обстоятельствах бывает красноречивее пропаганды.

«Метафора часов»

Первые чисто экономические доктрины стали складываться в XVIII в., причем это происходило в интеллектуальном контексте философии «рационализма». Заметим,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 50 13.11.2012 15:32:44

что в это время «рациональным» считалось только то, что можно было описать в терминологии механических законов — «рациональное» и «объяснимое механическим образом» просто совпадало. Формулой, точнее всего определявшей эту эпоху, была знаменитая «метафора часов», согласно которой вся Вселенная и все ее части, включая человеческое общество, могут быть уподоблены часовому механизму. Особенно популярна эта метафора была в приложении к государству. Все части «механизма» рассматривались как принципиально заменимые, их общее число считалось строго известным, принцип и цель функционирования не вызывали никаких сомнений. Единственной проблемой, которая стояла перед «рационалистами-часовщиками», была проблема максимально эффективного и четкого функционирования «общества часового типа». В постоянном усовершенствовании «социального механизма» и состояла задача людей прогресса, оптимистов и инженеров.

Социальный рационализм нашел свое наиболее полное выражение в трудах таких философов, как Джон Локк и Бернар де Мандевиль. Два этих мыслителя сформулировали представление о человеке как о типе чистого эгоиста, лишенного качественной традиционной, исторической и национальной памяти, не связанного никакими органическими и естественными узами с общественной стихией и действующего исключительно в целях удовлетворения индивидуалистических и чисто меркантильных запросов. Индивидуум Локка и Мандевиля был некоей «вещью в себе», центральной и основной фигурой социальной реальности, не имеющей ни над собой, ни рядом с собой высших сверхиндивидуальных или просто внеиндивидуальных ценностей. «Метафора часов» оказалась применимой к такому обществу в полной мере. Общество мыслилось этими философами как составной механизм, агрегат, искусственная конструкция, состоящая из атомарных, автономных и дискретных частей — «эгоистических индивидуумов» в погоне за личным благосостоянием.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 51 13.11.2012 15:32:44

Как бы далеко современные западные либеральные теоретики ни ушли от примитивной откровенности Локка и Мандевиля, за всеми утонченными построениями скрывается именно такая убежденность, именно такое понимание природы общества и индивидуума, именно этот «инженерский оптимизм», составляющие совокупно основы либерального мировоззрения и либеральной идеологии.

Отец либеральной экономической теории Адам Смит был учеником именно этих философов, все его чисто экономические построения основываются на «механическом» понимании общества, на «метафоре часов», на убежденности в совершенной автономности индивидуума и уверенности, что главным мотивом всех социальных действий является стремление к удовлетворению индивидуальных потребностей, стремление к потреблению. И когда сторонники либеральной модели экономики утверждают, будто они стоят вне идеологии, что их интересуют лишь чисто экономические аспекты, они, сознательно или бессознательно, скрывают тот факт, что теориям либеральной экономики с необходимостью предшествует философия либерализма, утверждающая в своем центре очень специфический образ мира, человека, человеческих мотивов и ценностей. «Метафора часов» лежит в основе экономического либерализма как ее философское, идейное и даже «метафизическое» обоснование. Поэтому обсуждение любой экономической модели предполагает вскрытие философской и идеологической матрицы, формирующей логику сугубо экономических утверждений.

«Метафора дерева»

В эпоху рационализма также возникла интеллектуальная и философская оппозиция «метафоре часов», то есть представлению о человеке и обществе как сугубо механических, автономных и чисто количественных явлениях. Ярче всего эта тенденция проявилась у Канта, Гёте (в «Учении

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 52 13.11.2012 15:32:44

о красках»), Кольриджа и немецких романтиков. «Метафоре часов» они противопоставляли «метафору дерева», утверждая, что человек и общество — явления органические, а не механические, что они не описываются в терминах эгоистических, материальных интересов и что существует множество других — «трансцендентных», сверхиндивидуальных и сверхэгоистических факторов, которые детерминируют субъекта даже в вопросах экономического выбора. Романтики исходили из невозможности произвольно менять общественные и государственные формы и структуры как детали неживого механизма. Они полагали, что общество и индивидуум обусловлены множеством исторических, национальных, культурных, географических и тому подобных факторов, являющихся качественными показателями, заменить которые так же невозможно, как поменять листья дерева или его кору.

Именно «метафора дерева» как общее выражение «органической идеологии» легла в основу противоположных либеральным моделям экономических проектов. И за экономическими спорами почти всегда стоят сугубо идеологические противоречия, смысл которых сводится к противостоянию «метафоры часов» и «метафоры дерева». Как это ни удивительно, но и в современном мире при определении путей экономического развития мы сталкиваемся с тем же самым выбором, что и философы, жившие двести лет назад.

Ортодоксы и еретики

Линия экономического либерализма, намеченная Адамом Смитом, стала доминирующей экономической моделью западного общества в последние двести лет. «Метафора часов» одержала полную победу и стала неоспоримой догмой капиталистической Системы. Однако современные либеральные экономисты признают еще две «ортодоксальные» модели, несколько отличные, но основывающиеся на

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 53 13.11.2012 15:32:44

той же самой идеологической базе — на «метафоре часов». Это марксизм и доктрина Кейнса. Другими словами, «метафора часов» породила три основных течения в экономической теории, которые принято называть «ортодоксальными»: 1) классический либерализм (Адам Смит); 2) марксизм; 3) «кейнсианство».

Какими бы различными ни были подходы этих трех школ, имеющих множество частных вариаций, все они исходят из редукционистского, механицистского отношения к индивидууму и обществу, все они оперируют с социально-экономическими абстракциями, лишенными качества, вынесенными за рамки конкретного контекста. Именно упрощенность и механический редукционизм классических экономических схем делает их столь популярными — ведь для того, чтобы понять их логику и разобраться в функционировании экономики рыночного типа, в либеральной экономике, не следует изучать никаких исторических, традиционных или национальных контекстов. Всё здесь предельно упрощено и стандартизировано. Все части «общества потребления» принципиально заменимы, все мотивы действий его членов кристально ясны, все нюансы поведения заведомо исчислены, предопределены и очевидны. Общества «ортодоксальных» экономических моделей — либеральных, марксистских или «кейнсианских» — являются наиболее простыми в управлении и приспособленными для экспорта. А тот факт, что установление либеральной системы кладет конец особой неповторимой Истории народов, этносов, государств, наций или отдельных людей, не заботит экономических «ортодоксов». Для них Истории не существует, «часы» не имеют личности, они имеют только различные модели, отличающиеся по степени их эффективности, техническому совершенству и простоте обращения.

Предопределенные «метафорой дерева» альтернативные экономические теории, совокупно называемые «неортодоксальными экономическими проектами», а иногда презрительно — «еретическими доктринами», отнюдь не являются

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 54 13.11.2012 15:32:45

химерическими проектами, но составляют целую науку, обоснованную и полноценную, со своими догмами, доктринами и даже конкурирующими между собой школами. Строго говоря, «неортодоксальная» экономика представляет собой фланг идеологической борьбы, которая намного превосходит чисто экономический уровень и является отражением высших идеологических сфер.

Этапы развития либеральной доктрины

В XIX в. после Д. Рикардо, чья доктрина — как и доктрина Дж. Сэя — стоит несколько в стороне от магистрального курса экономического либерализма, линия Адама Смита была продолжена в первую очередь теоретиками «Венской школы», которые развили классические теории в гипериндивидуалистическом ключе, выступая за «неограниченный рынок», вплоть до отрицания целесообразности всех социально-политических институтов вообще. Некоторые предельные выводы теоретиков Венской школы — в частности, отрицание государства — поразительно напоминают идеи Маркса и его последователей, хотя пути, по которым либералы и коммунисты пришли к одинаковым результатам, различны. Это совпадение неслучайно. Оставаясь в рамках «ортодоксальной» экономики, и либералы и Маркс с необходимостью имели дело с различными вариациями «метафоры часов». Критика капитализма Марксом, несмотря на всю ее суровость, не ставила под сомнение превосходство чисто материальных аспектов жизни над всеми остальными, и отношение Маркса к человеку было таким же количественным, механицистским и «техническим», как и у классических либералов. Маркс так же отрицал историческую, национальную, государственную, духовную специфику народов и наций. Коммунистический идеал игнорировал качественные различия народов, предполагал отмирание расовой и этнической специфики, настаивал на гомогенизации и космополитизации общества.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 55 13.11.2012 15:32:45

Именно в силу принципиального согласия с основными экономическими постулатами либеральной идеологии теоретики экономического либерализма и включают концепции Маркса в число «ортодоксальных».

От Венской школы магистральная линия либеральной мысли идет к таким экономистам, как Бем-Баверк и Менгер. Эту линию можно определить как «методологический индивидуализм». Представители этого направления стремились доказать, что индивидуум в своей социальной роли не должен руководствоваться ничем, кроме личной «воли к потреблению», а все остальные мотивы деятельности следует вынести за скобки. Учениками Бем-Баверка были экономисты фон Мизес и Хайек. Несколько отличной от них была «Лозанская школа» Валраса и В. Парето, разработавшая, в частности, важную для современной либеральной теории концепцию «экономического равновесия» рынка. И наконец, наиболее современной версией либеральной теории являются разработки американца М. Фридманна и его группы «Чикаго бойз», а также макроконцепции француза Жака Аттали.

Современное западное общество — особенно США и северно-европейские страны — полностью воплотили в жизнь либеральные экономические модели, с учетом концепций Маркса и особенно английского экономиста Кейнса. Объединение Европы окончательно реализовало либеральную идею единого, гомогенного экономического пространства, лишенного государственных и национальных границ (эта либеральная идиллия парадоксально напоминает Маркса).

История альтернативной экономической теории

Основателями альтернативной, «неортодоксальной» экономики были Фридрих Лист и Жан Сисмонди. Особенно показателен в нашем контексте именно немецкий теоретик

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 56 13.11.2012 15:32:45

Ф. Лист, разработавший концепцию «протекционизма» и обосновавший необходимость участия государства в экономической деятельности. В философском контексте Ф. Лист был прямым последователем немецкого философа-идеалиста Г. Фихте, и поэтому можно сказать, что доктрина Фридриха Листа была экономическим воплощением идеального, «трансцендентного», сверхиндивидуалистического понимания человека и общества. Ф. Лист был антиподом Адама Смита, являвшегося выразителем философского «индивидуализма» и «механического рационализма» Локка.

Концепции Листа и Сисмонди в значительной степени предопределили концепции Немецкой исторической школы, ставшей в XIX веке синонимом всей «неортодоксальной» альтернативной экономической теории, поскольку в ней нашли выражение основные аспекты органического, исторического, качественного, идеального и традиционного подхода к человеку и обществу. Немецкая историческая школа началась с публикации в 1843 году «Очерка» Вильгельма Рошера с аргументированной критикой либерального подхода. Рошер, а позднее его последователи отказывались считать индивидуума центральной фигурой экономической реальности. Немецкая историческая школа считала, что «народ», Volk, является самостоятельной и недробимой социальной, и даже экономической, величиной и что государство должно считаться в первую очередь не с волей индивидуума, а с волей народа.

За публикациями Рошера следуют книги Бруно Хильдербрандта и Карла Книса, развивающие темы органической экономики, радикализируя тему национального и народного фактора. Но самой яркой фигурой XIX века в сфере альтернативной экономики был Густав Шмоллер, глава Младоисторической школы, возникшей в 1870 году. Шмоллер подверг критике принципы экономического либерализма, подчеркивая несостоятельность механицистских упрощений в концепциях Джона Локка и Адама Смита. Он разоблачал подмену в утверждении либералов, что основ-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 57 13.11.2012 15:32:45

ным мотивом человеческой деятельности является эгоизм, и показал, что в случае либеральных экономических теорий мы имеем дело не просто с отдельной наукой — экономикой, но с особой идеологией, которую он назвал «экономизмом». Шмоллер впервые продемонстрировал, что экономические теории суть не что иное, как приложение «метафоры часов» или «метафоры дерева» к экономической сфере, и что экономическая наука не может претендовать на статус автономной и изолированной дисциплины, независимой от политических, философских и религиозных доктрин.

Теории Шмоллера были развиты позднее знаменитыми немецкими философами и социологами Максом Вебером и Вернером Зомбартом. Вебер, в частности, показал логику происхождения капиталистической экономики из «духа» протестантизма как религиозно-мистического феномена, окончательно доказав тем самым «неэкономическую» природу экономического мировоззрения или «экономизма». Вебер и Зомбарт развили собственно социологический подход, который рассматривал экономические проблемы в глобальном контексте общества, понятого как органическое, историческое и духовное единство, не поддающееся анатомическому расчленению. После них «альтернативная» экономика отличалась от «ортодоксального» классического либерализма еще и тем, что обязательно применяла социологический метод наряду с чисто экономическим анализом. Идеи Вебера и Зомбарта были восприняты позже австрийским «неортодоксальным» экономистом Иозефом Шумпетером, поставившим элементы либеральных моделей Венской и Лозанской школ на службу «альтернативной», нелиберальной экономике.

Социологический подход к экономическим проблемам был характерен также для Торстейна Веблена, который вообще предложил отказаться от концепции «homo economicus» («человека экономического»), центральной концепции всех либеральных и марксистских экономических доктрин,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 58 13.11.2012 15:32:45

и использовать концепцию «homo sociologicus» («человека социологического»).

Теории Веблена повлияли на известного экономиста Джона Кеннета Гэлбрейта, который, хотя и не может быть до конца причислен к «неортодоксальным» экономистам, все же предельно далек от классических либеральных школ. Доктрина Гэлбрейта находится на границе между «кейнсианством» и социоэкономическими теориями Веблена. Гэлбрейт разоблачил различные формы мистификации, используемые в современном капиталистическом обществе, показав, что за иллюзией верховенства свободных потребительских интересов стоит жесткая и отчужденная воля «техноструктуры», *диктующая* индивидуумам, *что* и *сколько* потреблять. Концепции Гэлбрейта были использованы многими критиками современного капиталистического общества — Роже Гароди, Анри Лефевром, Гийомом Файем и т. д.

Наконец, наиболее выдающимся представителем альтернативной экономической мысли можно назвать ученика Шумпетера, француза Франсуа Перру. Он провел титаническую работу по исследованию динамики социальных систем с учетом комплексных экономических, политических и исторических факторов. Концепция Перру получила название «теории динамики структур». Перру блестяще показал, что в реальной жизни примат политики над экономикой всегда безусловен и неизбежен, независимо от того, признает ли это данная власть или нет. При этом он еще и полезен для общества. Перру разобрал аргументацию неолибералов, вскрыв ее несостоятельность и непоследовательность на логическом и теоретическом уровнях. Франсуа Перру не только проанализировал современную экономическую ситуацию, отбросив упрощенческую оптику «метафоры часов», но и наметил перспективы альтернативного нелиберального развития, предсказав скорый и катастрофический кризис либеральной экономической системы. В работах Перру много места отведено экологическим и биологическим, а также геополитическим и этническим факторам, чье влияние на экономику является подчас решающим.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 59 13.11.2012 15:32:45

Выбор дерева

Мы в общих чертах обрисовали контуры двух экономических подходов, каждый из которых имеет множество вариантов, нюансов, разновидностей, типов и т. д. Здесь важно подчеркнуть две вещи:

1. Экономические доктрины отражают общие мировоззренческие и философские установки той или иной эпохи, являются практическим приложением общих интеллектуальных и духовных принципов к экономическому уровню общества, а не самостоятельными и автономными дисциплинами. Поэтому за выбором той или иной экономической модели всегда неявно стоит метафизический выбор — между «метафорой часов» и «метафорой дерева», между «живым» и «неживым» космосом, между протестантским и православным пониманием смысла и предназначения человека.

2. Альтернативная «неортодоксальная» экономика не является анархическим, нигилистическим или отвлеченно романтическим утопизмом, чья критика либерализма безответственна и чьи теории заведомо маргинальны. Традиция альтернативной экономики интеллектуально полноценна, имеет множество исторических школ, и среди ее представителей есть гениальные, в высшей степени серьезные ученые, социологи, экономисты и философы, чей авторитет не смеют оспаривать даже их либеральные и «ортодоксальные» противники.

Сегодня мы всё чаще слышим высказывание: «к экономике надо подходить только с экономическими мерками». Это, казалось бы, очевидное, даже тавтологическое высказывание на самом деле является абсолютной ложью. Экономика — это продолжение политики, идеологии даже в том случае, если на словах это отрицается. И более того, те, кто выбирает «метафору часов», очень не любят признавать это и во всеуслышание заявлять о своем выборе. Это особенно

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 60 13.11.2012 15:32:45

характерно для тех обществ, где индивидуализм является довольно случайным и исключительным явлением (а именно так обстоит дело с русским обществом). В России откровенность либералов и называние вещей своими именами откровенно опасны. Это и заставляет их прибегать к умолчаниям и лжи.

Поэтому к экономике надо подходить прежде всего с политическими и идеологическими мерками. Экономика — это сфера глобального противостояния идеологий, мировоззрений, религий, парадигм, равно как и все другие уровни общественной и политической жизни. Здесь, как и везде, выбор конечной цели определяется с духовных или антидуховных позиций.

В заключение хочется сказать всем тем, кто интуитивно или сознательно выбирает «метафору дерева», — всем «нашим»: у нас есть стройная и продуманная экономическая доктрина, свободная как от марксистской, так и от либерально-капиталистической догматики. Альтернативная, «неортодоксальная» экономика — это прекрасно работающая модель, как показали те исключительные периоды европейской и азиатской истории — и особенно истории Германии, Италии, Испании, Португалии, Китая — когда элементы альтернативной экономики удавалось хотя бы частично реализовывать на практике. Пора ясно сказать нашим противникам: мы не мечтатели, наши доктрины реалистичны и продуманны, а если они все ориентированы в первую очередь на дух, на жизнь, на великие идеалы народа, нации, государства, справедливости и духа, то это отнюдь не означает, что это химеры или несбыточные фантазии. Каждый, кто выбирает дерево, символически выбирает Древо Жизни, Ось Мира, Сакральный Полюс Бытия.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 61 13.11.2012 15:32:45

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Ортодоксия и гетеродоксия в экономической мысли

Итак, помимо двух магистральных и противоположных друг другу экономических теорий (так называемых «ортодоксий» — марксизм и либерализм) существует еще одно громадное семейство, иногда (полушутливо) называемое *«еретическим»*. «Еретичность» этого направления состоит в отказе от *общих* постулатов, лежащих в основании как либерализма, так и его отрицания, воплощенного в марксизме.

Напомним, что и либерализм, и марксизм оперируют с одним и тем же понятийным и методологическим аппаратом. Основные предпосылки экономического анализа в обоих случаях *тождественны* (хотя выводы делаются прямо противоположные). Любая экономическая ортодоксия (как либеральная, так и марксистская) признает:

- *универсальность и однородность основных этапов экономической истории, независимо от того, какое общество рассматривается* (все сводится к измерению уровня развития или отсталости — то есть к количественному критерию, по умолчанию считающемуся единым для всего человечества, отдельные сегменты которого могут при этом находится на разных стадиях одного и того же пути);
- *приоритет хозяйственной логики и экономических отношений над всеми остальными факторами* (национальными, культурными, религиозными, историческими, географическими и т. д.), определяющими сущность общества, стадию его развития, его идентичность (формула «экономика — это судьба»).

Обе разновидности экономической ортодоксии — либеральная и марксистская — являются одновременно и философией, и идеологией, и политической практикой, и основой конкретной экономической стратегии — причем и та

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 62 13.11.2012 15:32:45

и другая представляют собой варианты именно «*экономизма*», так как экономический фактор является в них детерминирующим все остальные. *Схематический редукционизм и претензия на универсальность*, позволяющие свести все своеобразие и многоцветие хозяйственной жизни различных человеческих обществ к единой упрощенной модели, и стали причиной популярности этих учений, постепенно привели к тому, что они воспринимаются как *магистральные направления* в экономической мысли («мейнстрим»), вытеснив на периферию альтернативные модели.

Основное различие между ортодоксией и гетеродоксией в экономике состоит в следующем: *ортодоксальным считается идеологический и методологический «экономизм», абсолютизация собственно экономического фактора в сравнении со всеми остальными*.

Напомним, что *экономическая мысль* (в современном смысле этого понятия) зарождалась в эпоху Просвещения, когда образцом «научности», «точности» и «строгости» служили как раз *естественно-научные дисциплины*, в которых преобладали физико-математические методы исследования и описания реальности («mathesis universalis»). Будучи по определению наукой гуманитарной, экономика тем не менее тяготела к сближению с науками точными. А это, в свою очередь, порождало стремление уйти от рассмотрения феноменологического многообразия форм хозяйствования к упрощенным схемам с ограниченным набором критериев. Как известно, политическая экономия Адама Смита была опытом применения философии видного идеолога Просвещения Джона Локка к области хозяйства.

Экономическая ортодоксия состоит в максимально возможной «эмансипации» от внеэкономических факторов. Будучи возведенным к уровню философии и идеологии (что особенно заметно в истории либерализма и марксизма), «экономизм» становится *мировоззренческим императивом*, и абсолютизация набора определенных критериев в рамках научного метода переходит в разряд «социальной истины»,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 63 13.11.2012 15:32:45

запечатлевшей в себе окончательный приговор относительно самой природы реальности. В этом вопросе «экономика» повторяет траекторию естественных наук, которые из инструментальных гносеологических методологий (когда-то подчиненных мифологическим или теологическим системам, как в традиционных обществах) на заре Нового времени превратились в совокупность *аксиоматических* суждений относительно самой природы реальности, подчинив себе философию, религию, социальный миф.

Этот момент концептуального зарождения экономической ортодоксии для нас принципиален именно потому, что сегодня она явно испытывает существенный (возможно, фатальный) кризис. Именно по этой причине мы стремимся выйти за ее рамки, найти иной путь, обращаемся к *экономической гетеродоксии*. Очень важно, что в начальный период своего становления экономическая наука была особенно озабочена отбрасыванием многочисленных факторов, препятствующих выработке непротиворечивой схематической картины. Но именно то, что *отбрасывалось* или не было учтено по историческим причинам, для экономической гетеродоксии представляет особый интерес.

В качестве простого примера приведу замечание последователя русских народников А. В.Чаянова, взгляды которого сегодня популяризирует С. Г. Кара-Мурза. Речь идет о законе неисчерпаемости и предполагаемой «бесконечности» природных ресурсов, который лежит в основе теорий экономической ортодоксии. *Приравнивание бесконечно-малого фактора к строгому нулю* (и наоборот, бесконечно большого фактора — к бесконечному. — *А. Д.) — вообще является основой всех заблуждений современной научной методологии, которые драматически и с трудом изживает наука XX века*[1]. На уровне экономики это очевидно: если включить в число основных вводных параметров образо-

---

[1] См.: *Дугин А. Г.* Метафизика и геополитика природных ресурсов // Мировая энергетическая политика. № 9. 02.12.2002.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 64 13.11.2012 15:32:45

вания стоимости природные ресурсы и саму природную среду, то ортодоксальная экономическая модель (и либеральная, и марксистская) будет поколеблена в своем основании, и мы получим совершенно новую и, в определенном смысле, «гетеродоксальную» экономическую теорию с системой новых выводов и методов. Можно назвать это *«экологической экономикой»*. Мне могут возразить, что, мол, во времена А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса ресурсы действительно ничего не стоили и были «бесконечны» в сравнении с потребностью в них человечества, находившегося на предшествующей стадии технического развития, и что позже экономисты прекрасно и точно учли этот параметр (как своего рода «externalities»). Это верно, но давайте посмотрим на это внимательнее. Поправки на исчерпаемость и стоимость природных ресурсов внесены в готовые и отработанные экономические модели, основанные на молчаливом согласии относительно «бесконечности» и «бесплатности» ресурсов, причем внесены не в отправную структуру ортодоксальных экономических теорий — что потребовало бы их тотальной переработки, ревизии, — а просто добавлены к общей схеме, обсчитаны исходя из ее догм. Такие поправки не меняют ничего в *основании* экономической ортодоксии, они лишь добавляются к ней как *внешние дополнительные факторы*, не влияющие на корректность всей схемы. По этой причине *экономика ресурсов* и тем более *экология* оказываются на периферии основной магистрали развития ортодоксальной экономической мысли, учитываются лишь эпизодически и по мере необходимости. Более внимательное отношение к этим факторам неминуемо привело бы к ревизии самих основ этой ортодоксии.

Итак, экономическая «ортодоксия» представляет собой схематический редукционизм, в основе которого лежит абсолютизация экономического фактора, «экономизм».

Совершенно логично предположить, что «гетеродоксией» в таком случае будет в корне *иной* подход. То есть «гетеродоксальная» экономическая мысль исходит из предпо-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 65 13.11.2012 15:32:45

сылки, что *экономическая реальность не является базовой, универсальной, основополагающей для идентификации общества, а «экономизм» не есть последний критерий в определении социальной значимости тех или иных явлений*. Экономическая «гетеродоксия» отказывается:

- от *редукционизма* (сведения всех критериев анализа общества к экономическим факторам);
- от *универсализма* (то есть от аксиоматического положения, будто бы основные экономические законы действуют на всех исторических этапах и в любых обществах и, следовательно, одинаково применимы везде и ко всем).

Экономическая мысль в современной России (конфликт интерпретаций)

Экономический дискурс в современной России начиная с конца 1980-х годов прошлого века развертывался исключительно в рамках «ортодоксии». Вопрос ставился только таким образом: либо продолжать (варианты: трансформировать, развивать, сохранять, защищать, усовершенствовать и т. д.) социалистическую модель, основанную на марксистских предпосылках, либо перейти к либеральной модели, приняв ее аксиоматику и, соответственно, ее философские, идеологические и политические обоснования и выводы. До распада СССР в 1991 году преобладали споры вокруг возможностей *усовершенствования социализма* (марксистская версия экономической ортодоксии), потом, вместе с победой Ельцина, возобладала *либеральная* модель. Либерализм стал нормативной моделью не только экономических, но и политических и идеологических реформ 1990-х годов.

С теоретической точки зрения, формально противоположные друг другу учения — социализм и либерализм — объединяло одно важное обстоятельство: и для того и для другого не было никаких сомнений, что «*экономика — это судьба*», что ее законы *универсальны* и что *экономические*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 66 13.11.2012 15:32:45

критерии являются главными и определяющими в формировании идентичности общества, успешности развития государства и выработке основных политических решений. Все робкие попытки поставить эту догму ортодоксального экономизма под вопрос, считались смехотворными. Выбор описывался просто: план или рынок, национализация или приватизация, общественное (государственное) или частное.

В 1990-е годы начался процесс бурного перепрофилирования российской экономической науки, массированное внедрение в теории и на практике либеральных моделей, методов, дискурсов. Значительное число советников, экспертов, кураторов из Международного валютного фонда, Всемирного банка, научных центров западных стран хлынуло в Россию для внедрения здесь либеральной версии экономической ортодоксии и «помощи» в ликвидации практических и теоретических остатков социализма.

Переобучение советских экономистов (теоретиков и практиков), перестановка их с марксистских на либеральные рельсы облегчались двумя факторами: общностью признания приоритетности экономики и довольно развитой школой изучения западной экономической мысли в советской высшей школе (разумеется, первоначально в целях ее критики в рамках «идеологической войны» двух систем). Вместе с плюсами сохранение основного экономического дискурса в границах «ортодоксии» несло в себе и минусы. Наложение друг на друга двух версий экономической ортодоксии без того, чтобы одна из них стала бы прямым продолжением другой, порождало конфликт в функционировании двух «операционных систем» (социализм в марксизме рассматривается как политико-экономическая фаза, следующая за либерал-капитализмом, в российском же опыте 1990-х все было наоборот, и такого поворота теоретическая мысль заранее не предусматривала). Поэтому последовательные либералы (Е. Гайдар, А. Чубайс, Е. Ясин и т. д.) настаивали на «шоковой терапии», то есть на стре-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 67 13.11.2012 15:32:45

мительной и поспешной *деинсталляции социалистической ортодоксии,* включая полную приватизацию всего и вся, снос всех институтов социальной защиты, полное разгосударствление и т. д. — на практике и радикальное переучивание теоретиков по элементарным пособиям либеральных теоретиков — в духе «Economics» Самуэльсона, догматов Чикагской школы Милтона Фридмана и т. д.

В жизни «шоковая терапия» произошла в отдельных сегментах общества (хотя и весьма значительных — в приватизации промышленных и многих социальных объектов, в преобладании у власти политиков-либералов, в появлении центров агрессивной либеральной мысли типа «Высшей школы экономики»). Но полного разгосударствления и ликвидации социальной защиты добиться не удалось, как не удалось спешно переучить критическую массу научного и преподавательского состава. Определенная часть общества, включая представителей научного сообщества, саботировала либерализм сознательно, опираясь на верность (пусть инерциальную) советским устоям. Другая часть (скорее всего б*о*льшая) отрицала «шоковую терапию» чисто интуитивно, болезненно воспринимая практические результаты либеральных реформ и не желая «шевелить мозгами» вообще ни в каком направлении. В результате в 1990-е годы сложилась довольно отталкивающая картина, представлявшая собой фрагментарную и синкретическую смесь социализма и либерализма и сделавшая экономический дискурс сумбурным, противоестественным и рационально недешифруемым. Иконой такого «косноязычия» стал премьер В. С. Черномырдин, произносивший предложения, отдельные части которых принадлежали к далеким друг от друга смысловым контекстам. Такой дискурс, призванный скорее скрыть содержание, чем его раскрыть, в целом отражал состояние экономического мышления 1990-х: в нем ясно просвечивала аксиома «экономической ортодоксии», но логические схемы были фундаментально нарушены. Связным и последовательным был дискурс только крайних либера-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 68 13.11.2012 15:32:45

лов (младореформаторов), хотя его явно отторгала среда — как в лице народных масс (возмущенных результатами приватизации, деноминации и другими реформами), так и в лице научного сообщества.

И все-таки, если отвлечься от тех невразумительных форм, в которые облекались экономические программы в 1990-е годы, мы увидим, что на практике повсюду упорно внедрялась чисто либеральная монетаристская модель, скопированная с американских либеральных концепций и совершенно неподходящая для постсоветской экономической действительности. Приватизация и передача в частные руки целых отраслей промышленности считалась панацеей. При этом сращивание новоявленных капиталистов с криминалом, с одной стороны, и коррумпированным чиновничеством, с другой, приводило к тому, что эти процессы проходили совершенно непрозрачно — огромные состояния складывались не путем последовательной кропотливой деятельности в условиях рыночной экономики, а мгновенно, через отчуждение от государства гигантских экономических модулей. В теории, к которой апеллировали младореформаторы, речь шла о раскрепощении рыночной стихии и создании благоприятных условий для появления среднего класса. В жизни никакой средний класс, разумеется, не создавался. Он не появился в России до сих пор именно потому, что доминирующей на практике экономической моделью изначально стала система криминально-коррупционных монополий, возникших через приватизацию государства, что, с одной стороны, его ослабляло, а с другой — не позволяло вступить в дело логике классического капиталистического отбора на основе свободной конкуренции. Все это усугублялось тем, что на использование терминов «капитал», «капитализм», «буржуазия», на объяснения необходимости ликвидаций социальных гарантий реформаторами было наложено строгое табу, чтобы у населения не возникло идейного, политического отвержения реформ. И инерция социальной риторики, а также отдельные фрагментарные

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 69 13.11.2012 15:32:45

меры по смягчению последствий шоковой терапии действительно удерживали население от массового протеста. Таким образом, строительство капитализма и внедрение либеральной парадигмы шли исключительно сверху и были завуалированы, кое-где сознательно, а кое-где по искреннему недоразумению, невнятной, сбивающей с толку риторикой.

Согласно самой либеральной теории, классический капитализм развивался снизу, через циклы освобождения разнообразных сегментов хозяйственной деятельности, открывающейся для проявления в них свободной инициативы предприимчивых буржуа. А крупные монополии складывались на протяжении десятилетий и столетий как венец долгих усилий целых поколений или целых консорциумов пассионарных и удачливых предпринимателей. В России же крупный капитал возник в одночасье и не сопровождался никаким предварительным путем, никакими социальными и психологическими трансформациями, никаким историческим и хозяйственным опытом, никаким интеллектуальным и идеологическим процессом формирования буржуазии как класса. Правда, Фернан Бродель, скрупулезно исследовавший в рамках созданной им школы анналов историю возникновения европейского капитализма и, в частности, венецианское купечество, обнаружил, что классическая аксиома либерализма, будто крупный капитал создается поколениями возрастающих средств, накапливаемых постепенно мелкими предпринимателями, их наследниками и компаньонами, является англосаксонским мифом, введенным в оборот Адамом Смитом. На самом же деле европейский капитализм сложился в результате тесного взаимодействия отдельных секторов государственных образований эпохи Возрождения с социальными группами этнических или религиозных меньшинств, увидевших в торговле перспективы новых социально-политических дивидентов. Поэтому, с точки зрения Броделя, новый российский капитализм вполне вписался бы в эту изначаль-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 70 13.11.2012 15:32:45

ную модель, где роль государства, социальных девиантов и коррупционных процессов была определяющей и намного превосходила по своему значению частную предпринимательскую инициативу отдельных представителей третьего сословия.

В любом случае в 1990-е годы либерально-экономическая мысль в России никогда не выступала в форме открытых и откровенных программ и деклараций, существуя в качестве намеков, закрытых от широкой публики внутриведомственных программ, элитарных семинаров для чиновников и бизнесменов, проводимых западными экспертами, а подчас и кураторами. Так, в правительстве Егора Гайдара стратегическим планированием ведала напрямую группа американских экспертов, о чем спустя некоторое время открыто рассказал их руководитель Джеффри Сакс. Естественно, алгоритмы предлагаемых проектов и структурных преобразований до широкой публики в качестве внятных экономических программ не доводились. Более того, их логика часто бывала непонятной даже для их исполнителей. Подробно эту ситуацию описывает непосредственный участник экономических преобразований и член этого правительства Сергей Глазьев в своих поздних трудах.

С приходом к власти Путина в 2000-е годы экономическая мысль в России пребывала в плачевном состоянии, будучи заключенной в порочной круг «экономической ортодоксии», не способной ни открыто и ответственно принять либерализм, ни обосновать необходимость возврата к государственному планированию.

В такой ситуации восемь лет правления Путина с общей политической и социальной стабилизацией общества, а также с учетом благоприятной конъюнктуры цен на энергоносители и удачных административных реформ в духе централизации политической власти (что проходило под эгидой прагматизма и без опоры на какую бы то ни было идеологию) создали условия для нового, более взвешенного пересмотра экономических теорий и их релевантности

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 71 13.11.2012 15:32:46

для современной России. На практике правление Путина выдвинуло на первый план некоторые ценности духовного (а не экономического) порядка — патриотизм, консерватизм, ренационализацию некоторых крупных частных монополий, повышение роли государства, заботу о социальных и демографических проблемах (национальные проекты, поддержка рождаемости и т. д.). И эти ценности с воодушевлением были приняты широкими слоями общества и значительными кругами интеллигенции. Однако эти само собой напрашивающиеся прагматические меры не повлекли за собой практически никаких серьезных теоретических разработок в области экономической мысли. Все восемь лет либерализм (смягченный прагматическими национальными и социальными мерами политической власти) оставался в целом главенствующим теоретическим методом в вопросе экономического развития. Иными словами, предпосылки для нового витка экономического мышления появились, и, забегая вперед, некоторые полезные и даже необходимые пути были нащупаны в практических шагах власти, но теоретического оформления это не получило. В экономической области вопрос стоял только о личной лояльности либералов Путину: если они были лояльны, то технически оправдывали его шаги, часто идущие вразрез с либеральной ортодоксией, пытаясь при этом смягчить их последствия; если они были нелояльны, то подчеркивали и клеймили его отступления от либеральных догм. При этом осторожные попытки мыслить экономически иначе (вне как либеральных, так и марксистских догм) Путиным и его ближайшим окружением не замечались, игнорировались или откровенно отвергались. В политике Путина тезис о «экономике как судьбе» в целом сохранял свое значение, и даже в области укрепления геополитического суверенитета России (что не является «экономической ценностью») Путин предпочитал ставить акцент на экономических и, в частности, энергетических факторах.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 72 13.11.2012 15:32:46

Тем не менее такой строго прагматический, подчас конспиративный подход (думаем одно, говорим другое, делаем третье), дававший на предшествующем этапе конкретные позитивные плоды, постепенно исчерпал свой потенциал, и кризис экономической мысли в современной России требует разрешения.

Все эти факторы заставляют нас обратиться к гетеродоксальным экономическим теориям. Причем не просто для пополнения теоретических знаний о возможности широкого спектра экономических дискурсов, но для адаптации их (целиком или в форме отдельных элементов) к конкретной российской действительности. Но, вступая на этот путь, следует сразу же вынести за скобки то, что составляло и составляет высшую аксиому «ортодоксов» — «экономика это не судьба», она не универсальна, не общеприменима, она зависит от национального, исторического и географического контекста и не является высшей ценностью. Экономика, безусловно, важна, считают все представители гетеродоксальной экономической мысли без исключения, но... Но есть вещи и поважнее, убеждены они, и с таким убеждением они приступают к изучению и развитию экономической мысли, ни на мгновение не забывая, что речь идет о средстве, а не о цели.

Западные экономисты-гетеродоксы

В своем беглом обзоре неортодоксальных экономических теорий я намеренно остановлюсь только на иностранных авторах и их теориях.

Экономическая мысль — явление западное. Она появилась в Европе и там преимущественно развивалась. В других частях света, в том числе и в евразийской цивилизации России, она носила характер заимствования, и хотя русские ученые-экономисты активно включались в интеллектуальную среду, подчас привнося в нее действительно оригинальные идеи (чего стоят только блестящие интуиции о возмож-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 73 13.11.2012 15:32:46

ности построения социализма, минуя капитализм, русских народников или православная одухотворенная метафизическая «философия хозяйства» о. Сергия Булгакова), они оперировали чаще всего с западными моделями — развивая, уточняя или опровергая их. Собственной школы национальной экономической мысли мы так и не создали, хотя предпосылки для этого стали складываться в конце XIX — начале XX века. Этот процесс, увы, был прерван победой большевиков в 1917 году. Но и в этом случае русские экономисты всегда отталкивались от западных авторов, глубоко осмысляя их идеи, прежде чем сформулировать собственные оригинальные мысли и теории. Хотелось бы верить, что этот прерванный столетие назад процесс продолжится в России XXI века. И анализ идей «экономистов-гетеродоксов» логически должен стать здесь важным структурным элементом. Быть может, с опорой на «гетеродоксов» нам удастся не только лучше решить наши насущные проблемы в экономике, но и осмыслить содержание ортодоксальных экономических теорий, проанализировать причины их успехов и провалов в нашей собственной экономической истории.

Приверженцы классических экономических взглядов часто некритически относятся к своим первопринципам, и их дискурс содержит в себе слишком много от пропаганды, внушения и гипноза, призванных не только объяснить, сколько завербовать, убедить и превратить в своих адептов. Претензии экономистов-гетеродоксов более скромны: для них истина превыше всего. И истину они ищут вдали от проторенных троп. Там, где она, скорее всего и находится.

Закрытое торговое государство (Фихте)

Генеалогия гетеродоксальных экономических теорий восходит в этико-философском аспекте преимущественно к немецкой идеалистической философии и особенно к Иоганну Готлибу Фихте (1762–1814).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 74 13.11.2012 15:32:46

Философия Фихте довольно широко известна, его же экономические теории, как правило, считаются «наивными» и обходятся вниманием. Тем не менее они являются источником вдохновения для многих экономистов гетеродоксального направления.

По мысли Фихте, экономическое устройство общество должно быть основано на главном базовом принципе — на принципе справедливости. Этот принцип напрямую вытекает из философской убежденности Фихте о божественной природе субъекта, которая является и бесценным даром и предельной формой ответственности. В справедливости обе стороны человека (высшее свободное «я» и низшая эмпирическая индивидуальность) приходят в гармонию.

Философ выражает эту мысль в радикальной форме: «Пусть даже погибнет человечество (в смысле совокупности отдельных индивидуумов. — *А. Д.*), но восторжествует справедливость (в смысле божественного закона высшего «я». — *А. Д.*)». Фихте считает частную собственность материальным выражением человеческой свободы, но именно поэтому она не может быть произвольно или неравномерно (несправедливо!) распределена. Свободой в их высшем «я» обладают все люди в равной мере, следовательно, они должны в равной мере обладать и собственностью. Причем как свобода есть цель реализации человека, так и собственность в экономике есть цель хозяйственной деятельности. Собственность есть не данность, но задание.

Чтобы на практике реализовать права всех на справедливое обладание собственностью (и условиями труда на ее приобретение), необходимо государство. Так государство, в теории Фихте, становится главным субъектом экономики. Оно обеспечивает для всех равные условия, то есть именно государство и есть гарант справедливости и равномерного распределения собственности. В государстве воплощены высшее «я» и абсолютная человеческая свобода. На практике государство призвано обеспечить равенство условий обладания собственностью между земледельцами (предпола-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 75 13.11.2012 15:32:46

гается, что они заведомо наделены собственностью — землей) и ремесленниками и торговцами (которые, напротив, неотчуждаемой собственностью не обладают и зависят от стихии рынка, конъюнктуры цен и т. д.). Государство, рассуждает Фихте, должно обеспечить контроль за торговлей и производством, чтобы гарантировать всем участникам общества возможности обладать равной собственностью. А достичь этого возможно только в рамках «*закрытого торгового государства*». Такое государство должно быть закрытым для того, чтобы на экономические процессы в нем (в первую очередь на баланс спроса и предложения, регулируемый самим государством) не оказывали бы воздействия внешние факторы — в первую очередь экономические системы государств, основанных на ином принципе, нежели принцип справедливости.

Российский философ П. Гайденко так описывает идею «закрытого государства»:

«Только замыкание национального государства, прекращение торговли и обрыв всех внешних связей с окружающим миром может, по убеждению Фихте, обеспечить равенство и справедливость в распределении совокупного продукта, прекратить экономическую конкуренцию, эту „войну всех против всех". До сих пор нация была связана общими законами и общим судом, т. е. политико-юридически; в идеальном государстве она будет связана также и общим „национальным имуществом", то есть также и экономически. Юридическое государство сможет образовать также и обособленное торговое сообщество, чьи граждане смогут вступать в торговые отношения только друг с другом, но не с иностранцами. Для этого необходимо изъять у населения „мировые деньги" — прежде всего золото и серебро — и ввести местные деньги, имеющие обращение только в данном государстве.

При этом, естественно, государство должно отказаться от ввоза каких бы то ни было иностранных товаров, оно должно организовать в собственных пределах производство

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 76 13.11.2012 15:32:46

всех тех продуктов, которые до сих пор ввозились из-за границы. Это возможно, однако, только при условии, что идеальное государство располагает соответствующими природными ресурсами: оно должно иметь и плодородные земли, и лес, и рудники, и т. д. Наличие всех этих предпосылок для полного удовлетворения основных потребностей населения необходимо для существования данного государства, а потому составляет его *естественное право*; если данная нация не обладает такими предпосылками, она имеет законное право расширить свои границы — но не больше, чем это необходимо для замкнутой жизни нации».

Гайденко далее цитирует самого Фихте: «После того как внутри страны земледелие и фабрики доведены до предположенной степени совершенства, рассчитано отношение их друг к другу, торговли к обоим первым и официальных должностных лиц ко всем трем, после того, как по отношению к загранице государство расширилось до своих естественных границ и ему ничего не остается ни требовать от кого-либо из соседей, ни уступать им чего, — наступает полное замыкание торгового государства...»[1].

Фихте считает, что «закрытым торговым государством» должна стать Германия, а позже весь «христианский мир», т. е. Европа (под христианством Фихте, как и все мыслители Западной Европы, понимает только народы, исповедующие католичество и протестантизм — православные народы из этого понятия заведомо исключались).

Экономические теории Фихте являют собой пример того, как хозяйственная деятельность рассматривается в качестве инструмента реализации философских установок — в данном случае философских идей самого Фихте, где во главе угла стоят представление об абсолютной сво-

---

[1] *Гайденко П. П.* Парадоксы свободы в учении Фихте. М., 1990.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 77 13.11.2012 15:32:46

боде высшего «я» и принцип справедливости. Показательно, что эти идеи не только пользовались огромной популярностью в Германии XVIII–XX веков, где отчасти и на определенный период даже получили конкретное воплощение, но легко узнаются и в современном Евросоюзе, правда лишенные их религиозной и метафизической составляющей. На место «справедливости» здесь поставлены «права человека», на место «христианской нации» — «европейское гражданское общество», но прослеживается также и много общего.

Для России экономические идеи Фихте могут иметь сейчас самое актуальное значение. Экономика у Фихте оказывается подчиненной высшей метафизической ценности. Если отставить в сторону специфику философии самого Фихте, но сохранить принцип отношения к роли государства и его функции в организации хозяйства, вполне можно отыскать в русской духовной традиции — в первую очередь в православии, в русской культуре и философии — собственные ценности, которые могут быть поставлены во главу угла (в первую очередь русское понимание справедливости, отличное от западноевропейских критериев). Учитывая изменение социальной и экономической структуры общества, принцип «закрытого торгового государства» применительно к современной России приведет к выработке совершенно оригинального метода — каким образом и какими средствами обеспечить материальную справедливость для всех граждан.

Фридрих Лист: автаркия больших пространств

Продолжателем дела Фихте в экономической сфере был немецкий экономист Фридрих фон Лист (1789–1846). Как теории Адама Смита стали применением к сфере хозяйства идей Джона Локка, так и Лист превратил философские ин-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 78 13.11.2012 15:32:46

туиции теории «закрытого торгового государства» в стройную экономическую теорию, получившую название теории «автаркии больших пространств».

Лист долгое время жил в США, где имел возможность в деталях изучить американскую экономическую систему, основанную на широком применении протекционистских мер. По своим убеждениям Лист был либералом, и идея «автаркии больших пространств», в своем практическом выражении повторяющая выводы Фихте, пришла к нему в ходе эмпирических наблюдений за состоянием экономик европейских держав — особенно Англии и Германии. На определенном этапе своего анализа американский опыт протекционистских мер в международной торговле стал для него ключевым теоретическим пунктом.

Проанализировав применение либеральной теории на практике, Лист сделал вывод: «*Повсеместное и тотальное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на практике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути, но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает то общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими более развитыми странами тогда, когда внутренний рынок находится еще в зачаточном состоянии*». Исторически Лист имел в виду наблюдения за катастрофическими последствиями для слаборазвитой, полуфеодальной Германии XIX века некритического принятия либеральных норм рыночной торговли, навязываемых Англией и ее немецкими лоббистами.

Лист поместил либеральную теорию в конкретный исторический и национальный контекст и пришел к важнейшему выводу: вопреки претензиям этой теории на универсальность, она, на самом деле, отнюдь не так научна и беспристрастна, как хочет казаться; *рынок — это инструмент, функционирующий по принципу обогащения богатого и разорения бедного, усиления сильного и ослабления слабого*.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 79 13.11.2012 15:32:46

Таким образом, Лист впервые указал на *необходимость сопоставления рыночной модели с конкретными историческими обстоятельствами*, то есть перевел всю проблематику из теоретической сферы в область конкретной политики.

Лист предложил ставить вопрос следующим образом: мы не должны решать «рынок или не рынок», «свобода торговли или несвобода торговли». Мы должны выяснить, какими путями развить рыночные отношения в *конкретной* стране и *конкретном* государстве таким образом, чтобы *при соприкосновении с более развитым в рыночном смысле миром не утратить политического могущества, хозяйственного и промышленного суверенитета, национальной независимости.*

И Лист дал ответ на этот вопрос. Этим ответом явилась его знаменитая теория «автаркии больших пространств». Лист совершенно справедливо посчитал, что *для успешного развития хозяйства государство и нация должны обладать максимально возможными территориями, объединенными общей экономической структурой.* (Вспомним здесь идею Фихте о «единой христианской нации».) Только в таком случае можно добиться даже начальной степени *экономической суверенности.*

Для этой цели Лист предложил объединить Австрию, Германию и Пруссию в единый «*таможенный союз*», в пределах которого будут интенсивно развиваться интеграционные процессы и рыночные отношения. При этом он настаивал на том, чтобы внутренние ограничения на свободу торговли в пределах союза были минимальны или вообще отменены (либеральный принцип). Но по отношению к более развитому и могущественному англосаксонскому миру, напротив, должна существовать *гибкая и крайне продуманная система пошлин и таможенных тарифов, не допускающая зависимости «союза» от внешних поставщиков и ориентированная на максимально возможное развитие промышленно-хозяйственных отраслей, необходимых для обеспечения полной автаркии*. Вопрос экспорта был пре-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 80 13.11.2012 15:32:46

дельно либерализован и полностью соответствовал принципам «свободы торговли»; импорт же, напротив, подчинялся стратегическим интересам стран «таможенного союза» («Zollverein»): второстепенные и не обладающие стратегическим значением товары и ресурсы допускались на внутренний рынок беспрепятственно, а пошлины на всё, что могло бы привести к зависимости от внешнего поставщика и создавало бы тяжелые условия конкуренции для отечественных отраслей, напротив, искусственно и централизованно завышались.

Учение Листа получило название *«экономического национализма»*. Именно Фридрих Лист является основателем систематизированной теории «государственного протекционизма», несмотря на то что сам протекционизм существовал с незапамятных времен. Заслуга Листа в том, что он придал протекционизму статус экономической теории, а не просто прагматических мер, к которым прибегают политические власти той или иной страны для спасения национальных производителей от неравных условий конкуренции в процессе международной торговли.

Самым важным у Листа является историко-географическая и политическая *коррекция «либерального универсализма», привязка экономической ситуации к конкретному политическому и таможенному пространству*. Исторически идеи Листа были (с огромным успехом) применены в Германии в 1834 году (создание «таможенного союза»), позже его теориями вдохновлялись граф Сергей Юльевич Витте, Вальтер Ратенау и Владимир Ленин периода НЭП.

Граф Витте написал специальную работу «По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист». «Мы, русские, — говорил он в ней, — в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли нелепое направление. Наши

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 81 13.11.2012 15:32:46

экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономики. Результаты этой кройки налицо». Главный вывод Витте состоял в том, что общие экономические принципы непременно должны «получить видоизменение, соответствующее различным национальным условиям».

Труды Листа сегодня переизданы вместе с работой Витте и текстами видного русского ученого Д.И. Менделеева, который, помимо химии, живо интересовался экономическими учениями и был сторонником взглядов Листа[1].

Жан Шарль Симонд де Сисмонди

Швейцарский экономист Сисмонди (1773–1842) разработал теорию, на основании которой позднее развились многие современные *социалистические* учения немарксистского толка. Сисмонди жестко критиковал теорию Адама Смита, доказывая, что автономная логика развития либеральной экономической модели *не приведет автоматически к повышению благосостояния граждан*, так как динамика роста спроса будет серьезно опаздывать за ростом предложения, порождая кризис перепроизводства. Маркс обильно цитировал Сисмонди как своего предшественника в «Нищете философии».

Самое главное теоретическое утверждение Сисмонди состоит в формуле, согласно которой *подоходный налог и налог на наследуемую собственность (шире — другие виды налогов) должны быть основным инструментом перераспределения*. Такое перераспределение может производиться как в национально-государственном, так и в общественном масштабе и способствовать решению государственно-стратегических и социальных вопросов одновременно. Развивая линию Сисмонди, можно прийти как к классическо-

---

[1] *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М., 2005.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 82 13.11.2012 15:32:46

му социализму, так и к этатистским теориям, к моделям экономики национального типа.

Сисмонди исходит из основного принципа: налоги должны быть не просто инструментом содержания государственного аппарата как силового арбитра в споре между гражданами и машиной обеспечения их безопасности, но главным инструментом постоянного исправления неравенства доходов, возможностей, способностей и результатов, которые с неизбежностью появляются в любом обществе. Таким образом, государство превращается в главную экономическую инстанцию, которая обеспечивает динамику социального развития и гармонизацию частных интересов.

Гетеродоксальный элемент теории Сисмонди состоит в том, что рынок, частное предпринимательство и вообще вся хозяйственная деятельность осмысляются им как подсистемы единой социально-политической целостности, воплощенной в государстве. В отличие от либеральных теорий, государство мыслится не как отвлеченная от экономики инстанция, добавляемая к ней извне, или как отдельный игрок или как посредническая юридическая структура, лишь легализующая правила экономической деятельности, но как органическое живое существо, в котором экономика играет роль кровеносной системы и которое по этой причине не может относиться к этой системе отстраненно, пребывать с ней в договорных, контрактных отношениях. Экономика становится органической частью государства, и их разделение — даже в методологических целях — так же нелепо, как попытка изучения человека отдельно от его телесности.

В другом контексте эту же идею государства как живого организма еще более полно разовьет шведский геополитик Рудольф Челлен в своей знаменитой книге «Государства как формы жизни».

Идеи Сисмонди до сих пор являются классической теоретической базой для всех левых и демократических партий в мире. Через отношение к Сисмонди можно отличить

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 83 13.11.2012 15:32:46

«правых» политиков от «левых». Те, что ближе к концепции Сисмонди, — левые. Кто дальше от них — либералы, правые. Во многих современных странах Европы отношение к налогам и роли государства в их перераспределении состоит главный смысл выборной политики. Левые (демократы, социалисты и социал-демократы) всегда настаивают на повышении налогов и увеличении функций государства в их перераспределении. Правые всегда выступают за сокращение роли государства и за снижение налогов — плоский подоходный налог.

При этом идеи Сисмонди следует отнести к «экономической гетеродоксии» на основании выделенного нами с самого начала критерия — в них экономика рассматривается не как самостоятельная область и высшая универсальная ценность, но как интегральная часть более широкого и общего организма, называемого государством и обществом (сам Сисмонди жесткой разницы между этими двумя понятиями не делал).

Дальнейшее развитие концепций Листа и Сисмонди осуществлялось в «Немецкой исторической школе» (Вильгельм Рошер, Бруно Гильдербрандт, Карл Книс, Ингрэм). Выдающимся теоретиком этого направления был Густав Шмоллер, лидер «кафедральных социалистов» (Verein für Sozial-politik), а также Луиджи Брентано, Карл Бюхер, Адольф Хельд, Г. Ф. Кнапп и их последователи.

Густав Шмоллер

Одновременно с марксистской концепцией получила распространение теория возникновения классов на основе разделения труда и образования профессий.

Видным представителем этого направления был Густав Шмоллер (1838–1917). Он видел причину классовой неоднородности общества в расовых, профессиональных и имущественных различиях между людьми. При этом

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 84 13.11.2012 15:32:46

профессиональным различиям придавалось решающее значение. Шмоллер считал, что *неравномерное распределение собственности и материальных благ является результатом профессиональных различий*.

Противоречия между предпринимателями и наемными рабочими возникают только потому, что они принадлежат к разным профессиональным группам. По мнению Шмоллера, профессиональная принадлежность играет решающую роль в деле формирования национального характера. Появление профессий внутри народов создает при известных условиях определенные разновидности в народном характере, которые путем наследственной передачи переходят из поколения в поколение. Благодаря этому образуются расхождения в условиях труда, способе жизни. С прогрессирующим разделением труда духовная и физическая приспособленность к различного рода деятельности настолько развивается, что дети зачастую продолжают профессию отцов, выбирают жен из одного и того же круга родственных профессий. В итоге наследуется определенный вид воспитания, нравственности и привычек, что во всей совокупности своей способствует закреплению типических классовых черт.

Профессия, а не экономика, по Шмоллеру, является судьбой, и экономическое неравенство обществ имеет в своем основании различия в профессиональных традициях. Профессия, понятая, таким образом, из количественного критерия, сводимого к серии математических расчетов, выяснения отношения к собственности и т. д., становится качественным критерием. Преобладание тех или иных профессий оказывает решающее влияние на национально-культурный облик различных обществ и в конечном счете формирует динамику и маршруты экономического развития. Экономические системы представляют собой не разные уровни развертывания общего универсального процесса (как у экономистов-ортодоксов), но исторически и культурно обусловленные анклавы профессиональных

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 85 13.11.2012 15:32:46

направлений, формирующих всякий раз неповторимое и уникальное национальное лицо.

Такой подход контекстуализирует экономическую теорию, заставляет ввести в логистический аппарат экономических теорий в качестве самостоятельных параметров национальные, культурные и профессиональные особенности.

Шмоллер заложил основы *социологического подхода* к экономике. Он интересен и актуален тем, что помогает объяснить различия в экономическом развитии обществ как следствия индивидуальных наклонностей каждой нации и отказывается от дуальной оценки обществ по логике «лидирующий/отстающий».

Макс Вебер

В том же направлении, параллельно экономисту Шмоллеру, формулировал социологическую теорию экономики знаменитый Макс Вебер (1864–1920).

Макс Вебер предложил рассматривать экономическую структуру общества в чисто социологической перспективе, показывая, что *хозяйственный уклад есть не что иное, как проекция определенных философских, религиозных, метафизических и культурных установок*, т. е. не самостоятельная реальность, обладающая автономной и внутренней логикой (как считают представители «экономической ортодоксии»), но производная от внеэкономических социальных факторов.

Такой подход заставляет отнестись к анализу хозяйственного уклада как к структуре, являющейся воплощением комплекса этических и философских установок. Либеральную модель хозяйства, ее отражение и закрепление в теориях Смита и Риккардо Вебер идентифицирует с процессом материализации «протестантской этики», локализуя тем самым капитализм и его наиболее прогрессивные формы исторически, национально и религиозно. Само та-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 86 13.11.2012 15:32:46

кое утверждение лишает ортодоксальные экономические теории их претензии на универсализм, заставляет строго сопрягать конкретную систему хозяйства и ее философию с культурно-историческим контекстом.

Сам Вебер не делает из своей теории радикального вывода, который тем не менее сам собой напрашивается: *развитие капиталистических отношений несет в себе — в секуляризированном виде — идеологический комплекс, связанный с универсализацией автономизированной «протестантской этики».*

Этот вывод крайне важен при разработке теоретических моделей, призванных релятивизировать или вовсе отбросить «экономическую ортодоксию» как необоснованную абсолютизацию и догматизацию локального (исторически, теологически и географически), в сущности, феномена.

Вернер Зомбарт

Отчасти повторяя подход М. Вебера, немецкий социолог В. Зомбарт (1863–1941) применил его еще более широко, распознав предпосылки буржуазного строя уже в католичестве, в логике отношения индивидуального и общественного, в понимании частной собственности у Фомы Аквинского (шире у схоластов).

Зомбарт выделял два социологических типа, воплощающихся в хозяйственной деятельности — тип *торговца (посредника)* и тип *предпринимателя (созидателя, производителя, организатора)*[1]. В «экономизме» и классической экономической ортодоксии Зомбарт видит абсолютизацию подхода к хозяйству именно *посредника.*

Зомбарт показывает, что классическая политэкономия отражает ментальность первого типа — *типа торговца*.

---

[1] *Зомбарт В.* Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 87 13.11.2012 15:32:46

Именно для торговца весь экономический цикл сводится к количественной цепи, где общим знаменателем является прибыль, а остальные факторы носят вспомогательный характер. Редукционизм экономической ортодоксии Зомбарт видит как проекцию в научную сферу психологических установок подвижных миноритарных групп, которые в силу различных факторов (этнических, религиозных, социальных, профессиональных, психологических и т. д.) были отчуждены от органических связей сословного общества традиционной Европы. Теоретический индивидуализм схоластический антропологии долгие века сдерживался социальными традициями конкретных европейских народов и обществ, и лишь протестантская Реформация и (несколько позже) социальная активность европейского еврейства позволили миноритарному доселе типу торговца навязать себя как экономический эталон.

Экономическая теория, свойственная типу «производителя», по Зомбарту, должна быть совершенно иной, более многофакторной и представлять собой вариант «национального социализма».

По Зомбарту, социально ориентированная экономика должна отражать типологические черты «героя», «деятеля», «созидателя», тогда как экономическая ортодоксия имеет в своей основе типологию «торговца». Марксизм и ортодоксальный социализм Вебер критикует за то, что они соглашаются с основными теоретическими предпосылками классической политэкономии (которую Ф. Лист, кстати, называл *«классической космополитэкономией»*), а не показывают их произвольность и культурно-религиозную взаимосвязь со специфическим типом цивилизации.

«Национальный социализм» Зомбарта (не путать с расистскими воззрениями нацистов!) предполагает рассматривать экономические проблемы с точки зрения целостных структур, создавая тем самым предпосылки для особой качественной экономики. Теоретическая модель Зомбарта отлична как от марксистского социализма (с его имуще-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 88 13.11.2012 15:32:47

ственным равенством), так и от тоталитарного расистского проекта Гитлера. Но созвучие названий во многом препятствует тому, чтобы идеи этого выдающегося теоретика экономической гетеродоксии были оценены по достоинству.

Сильвио Гезелль

Другим крупнейшим теоретиком гетеродоксальной экономики является немецкий мыслитель и экономист Сильвио Гезелль (1862–1930).

Теория Гезелля основана на концептуализации следующего наблюдения за одной особенностью устройства современного капиталистического общества. Любые конкретные материальные объекты, находящиеся в частной собственности, являются *постоянным источником дополнительных трат и объектами приложения трудовых усилий*. Собственность нуждается в уходе, подлежит амортизации, стареет, изнашивается, требует для поддержания своего существования труда и финансовых вложений. По контрасту с этим деньги и их существование следуют обратной логике. Это единственная хозяйственная реальность, которая требует для своего поддержания минимальных затрат и, наоборот, будучи пущенной в оборот, самим фактом своего существования приносит прибыль (банковский процент). Начальная стоимость капитала, воплощенная в товаре, требует дополнительного производственного процесса для того, чтобы сохраниться. С деньгами все наоборот: денежный капитал — в нормальном случае — не обесценивается сам по себе, а прирастает.

Из этого Гезелль делает вывод о *постоянно возрастающей диспропорции между финансовым и реальным капиталом*, воплощенным в вещах («товарным покрытием»), и предсказывает возникновение чисто спекулятивной «финансовой экономики», «финансизма», которые полностью подчинят абстрактной биржевой фондовой игре сектор

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 89 13.11.2012 15:32:47

реального производства, что будет способствовать усилению социального неравенства, появлению отраслевых диспропорций и деградации всей мировой хозяйственной системы. Иными словами, Гезелль делает вывод о «пирамидальной природе денег». Кстати, это предсказание полностью сбылось в системе новейшей экономики.

Чтобы остановить этот негативный процесс, Гезелль предлагает *поставить финансовый капитал в равное положение с «капиталом физическим»*. Это предполагает введение т. н. «свободных денег» (Freigeld). Такие «свободные деньги» по истечении определенного срока должны *терять часть своей стоимости*, поэтому держатель денег будет вынужден стараться как можно скорее от них избавиться, вкладывая их в реальное производство, тем самым стимулируя и интенсифицируя его.

В 1932 г. в Австрии, в местечке Wörgl, эта система была с потрясающим успехом протестирована на местном уровне. Повторный эксперимент длился два года в Швейцарии, в Линьер-ан-Берри (1956–1958), и также дал позитивный результат — взлет промышленного производства и т. п. Обе попытки были искусственно пресечены вмешательством федеральных властей, увидевших в таком подходе угрозу всей финансовой системе, основанной на «ортодоксальной» логике.

Ценность теории Сильвио Гезелля особенно наглядна для тех, кто воочию столкнулся с пирамидальными финансовыми структурами, с разрушительными последствиями финансовой экономики и портфельных инвестиций. Общий принцип Гезелля: *деньги, которые не вкладываются в реальные товары и предметы — в реальный сектор экономики, не просто не способствуют развитию этой экономики, но ее разрушают,* является совершенно корректным законом, в справедливости которого каждый сегодня может убедиться.

Для современной России теории С. Гезелля могут быть чрезвычайно актуальны в связи с тем огромным накопле-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 90 13.11.2012 15:32:47

нием населением денежных средств, которые не инвестируются в реальное производство, а подспудно подготавливают обрушение финансовой системы и гиперинфляцию.

Дж. Кейнс

Крупнейший экономист XX века Дж. М. Кейнс (1883–1946) с огромным интересом отнесся к концепции С. Гезелля. Знаменитое кейнсианское утверждение о *позитивной функции инфляционного процесса* для развития реального сектора производства является смягченной версией «свободных денег» Гезелля. Постепенная и незначительная инфляция валюты стимулирует вкладывание денег в товары и способствует развитию реального сектора экономики.

Другой важнейшей линией теории Кейнса является теория *«экономической инсуляции»*. Для Кейнса культурно-исторический фактор не столь важен. Он оперирует с прагматическими категориями, но его вывод приводит к необходимости *ограниченного регулирования экономики со стороны государства и ориентации на промышленно-экономическую автаркию*. Кейнс не рассуждает в терминах «культуры» или «нации», его интересуют исключительно соображения экономической эффективности, но именно исходя из этих соображений он в определенной мере сближается с позициями Листа и Сисмонди.

Концепция Кейнса может быть квалифицирована как либерально-капиталистическая. Но при этом она фокусируется на описании тех явлений, которые выходят за рамки классической либеральной школы, признает важность «таможенного союза», протекционизма, относительного «дирижизма». Можно сказать, что теория Кейнса — это наиболее серьезная и обоснованная попытка уйти от логики экономической ортодоксии, не порывая с ней окончательно. В каком-то смысле Кейнс (как, впрочем, и Гэлбрейт, но с другой стороны) представляет собой *промежуточный*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 91 13.11.2012 15:32:47

вариант между экономической ортодоксией и экономической гетеродоксией.

Показательно, что в контексте современного победившего либерализма (причем в его экстремальной, чикагской версии) теории Кейнса воспринимаются как нечто «неприемлемое».

В отношении Кейнса в новейшей российской экономической мысли существует какое-то трудно объяснимое недоразумение. Будучи общепризнанным экономистом и почти «ортодоксом», он вполне мог бы стать главным ориентиром при переходе от социалистической системы к капиталистической в 1990-е годы при сохранении государством контроля над основными процессами экономики с соблюдением и укреплением суверенитета, плавной трансформацией социальных традиций и т. д. Если у последних советских и первых демократических экономистов не хватало воображения, чтобы обратиться к гетеродоксии и новаторским моделям, то Кейнс и его идеи лежали на поверхности, идеально соответствовали основным потребностям разлагающегося советского общества и гарантировали по меньшей мере постепенность и плавность перехода к рынку, приватизации и капитализму.

Советские экономисты не знать Кейнса (в отличие от Листа или Гезелля) просто не могли. Но тем не менее Кейнс и его идеи и в конце 1980-х, и в 1990-е, и даже в период правления Путина являлись *фигурами умолчания*. Это имя практически никогда не произносилось в теоретических дискуссиях, его взгляды на серьезном уровне принятия стратегических решений в области экономики никем не озвучивались. Причину этой аномалии, видимо, еще предстоит выяснить. На первый же взгляд объяснить это можно лишь обращением к теории «заговора либерального лобби». Но, как всегда, в таких случаях «теория заговора» все только затемняет, а не проясняет...

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 92 13.11.2012 15:32:47

Йозеф Шумпетер

Крайне интересны взгляды Йозефа Шумпетера (1883–1950) на обреченность либерально-капиталистической модели. Й. Шумпетер был убежден, что естественное развитие капитализма в XX веке постепенно приводит *к отказу от «духа предпринимательства»*, лежавшего в основе буржуазной системы. Происходит «механизация» предпринимательства, переход от принципа личной конкуренции к соревнованию элит и усилению вмешательства государственного сектора в экономику.

Шумпетер предрекает перерождение капиталистической системы в госкапитализм и обнаруживает в современной ему картине экономического развития западных стран многие «нелиберальные» черты.

Содержательна критика Шумпетером классической политэкономической теории, его полемика с Кейнсом, его акцент на социологическом измерении хозяйственных процессов.

Шумпетер ввел в экономическую науку разграничение между понятиями «*экономический рост*» и «*экономическое развитие*». Разница такова: «Поставьте в ряд столько почтовых карет, сколько пожелаете — железной дороги у вас при этом не получится».

Экономический рост — это увеличение производства и потребления одних и тех же товаров и услуг (в частности, почтовых карет) со временем.

Экономическое развитие — это прежде всего появление чего-то *нового*, неизвестного ранее (например, железных дорог), или, иначе говоря, инновация.

Инновация включает пять случаев:

- создание нового товара, с которым потребители еще не знакомы, или нового качества товара;
- создание нового метода производства, еще не испытанного в данной отрасли промышленности, который совершенно не обязательно основан на новом научном откры-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 93 13.11.2012 15:32:47

тии и может состоять в новой форме коммерческого обращения товара;

- открытие нового рынка, то есть рынка, на котором данная отрасль промышленности в данной стране еще не торговала, независимо от того, существовал ли этот рынок ранее;
- открытие нового источника факторов производства, опять-таки независимо от того, существовал ли этот источник ранее или его пришлось создать заново;
- создание новой организации отрасли, например, достижение монополии или ликвидация монопольной позиции.

В обществе, переживающем экономический рост, товары и деньги движутся навстречу друг другу по давно установившимся путям. Шумпетер называл такое движение «*циркулярным потоком экономической жизни*». Экономическое развитие нарушает ход циркулярного потока, вызывает к жизни новые отрасли промышленности и прекращает существование устаревших. Например, изобретение автомобиля привело не только к созданию автомобильной промышленности, но и к значительным изменениям в производстве стали, резины и стекла. В то же время автомобиль «похоронил» конные заводы и шорные фабрики — разведение лошадей и изготовление упряжи из промышленного производства превратилось в полукустарное ремесло.

Однако экономическое развитие не может происходить непрерывно просто потому, что новые идеи появляются не каждый день. Инновация, а с ней и экономическое развитие носит *прерывистый характер*. Именно прерывистым характером инновации Шумпетер объяснял *экономический цикл*.

Актуальность Шумпетера для современной России в том, что он позволяет начертить оптимистический сценарий дальнейшего экономического развития отечественной экономики без втягивания страны в изматывающий процесс «догоняющего роста» по основным существующим макроэкономическим параметрам, в котором мы можем не

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 94 13.11.2012 15:32:47

просто безнадежно отстать, но, сосредоточившись на второстепенных моментах, упустить реальные перспективы инновационного рывка.

Фернан Бродель

Фернан Бродель (1902–1985) официальный французский историк умеренного социал-демократического толка, последовательный европоцентрист, сторонник голлистской идеи «Европы от Дублина до Урала». Признавая в истории множественность типов культур и цивилизаций («локальные» или «автономные» культуры), обусловленных качественной разнородностью географически-культурного континуума, полагает, что им сопутствуют локальные экономики (в конце жизни Бродель работал над сочинением «Самобытность Франции»).

Рассуждая об экономиках европейского и неевропейского типов, Бродель вводит наряду с «мировой экономикой», «рынком всего мира», понятие *«мир-экономики»,* то есть экономики части планеты, детерминированной особенностями географического пространства, его границ и полюса-центра. Исследуя динамику капитализма и рынка, Бродель не абсолютизирует их роль в истории цивилизации. Во-первых, сама рыночная экономика, по Броделю — это лишь часть целого, поверхность гигантской массы материальной жизни человечества, неполная, несовершенная и несамодостаточная связь между производством и потреблением, не саморегулирующаяся система и не основа экономики как таковой. Можно верить в достоинства рыночной экономики, но верить в ее абсолютное господство, согласно Броделю, абсурдно.

Во-вторых, рынок и капитализм — разные вещи. Являясь зоной высоких прибылей, капитализм искажает, ломает рынок за счет монополий, отмены конкуренции и авторитарной организации экономики.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 95 13.11.2012 15:32:47

Согласно Броделю, капитализм не является неизбежным следствием свободного предпринимательства и рыночной экономики, механизм рынка совместим с иными формами экономики, в частности, с социализмом.

В книге «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», изданной Броделем в 1979 году, рассматривается мировая экономическая история (в основном 1400–1800 гг.), осознанная как игра, столкновение двух качественно разнородных жизненных укладов — «материальной жизни» и «экономической жизни» (в марксизме существует аналогичное разделение на «натуральное хозяйство» и «товарное производство»).

«Материальная жизнь» связана, по Броделю, с так называемой «структурой повседневности» — это та сторона жизни, в которую человек вовлечен по привычке, наследуя образцы поведения из архаической древности родов. Ей соответствует примитивная экономика, обязательно локальная, тяжеловесная, замкнутая, инертная, бессубъектная. «Материальная жизнь» связана с производством, экономика обмена в ней несовершенна, сфера производства и потребления разделены, натуральное потребление не включено в сферу рыночного обращения, не выходит за пределы семьи, общины; вещи имеют потребительную, а не меновую стоимость. Как пишет Бродель, «материальная жизнь сродни «плаванию в древних водах», «подводной охоте», «нахождению внутри истории, в которой времени не существует». Хронологически она относится к Европе 1400—1800-х годов.

Явление, названное Броделем «материальной жизнью», фактически тождественно сакрально ориентированному традиционному обществу.

Усложнение хозяйственной сферы через следующий рыночный этап сопровождалось отказом от трансцендентных ориентаций социума. Доминация потребительной стоимости и естественные и искусственные барьеры для свободы

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 96 13.11.2012 15:32:47

обмена характеризуют сакральный строй хозяйства. Об этом подробно рассказывается в третьей части «Капитала» Маркса, у Вернера Зомбарта («Буржуа») и у Макса Вебера («Протестантская этика и дух капитализма»). Эта обратная симметрия между стадиями развития хозяйства и сакральной ориентацией общества, а также масштабом и локализацией хозяйственной деятельности позволяет отчетливее проследить культурные и цивилизационные коннотации становления капитализма, а также спрогнозировать следствия его новейшей мондиальной стадии, точно угаданной и объясненной Броделем.

В оппозиции к материальной жизни находится т. н. «экономическая жизнь», главным принципом которой является «рыночная экономика», дифференцированный обмен, неразрывная связь между производством, где все рождается, и потреблением, где все гибнет.

«Экономическая жизнь», в свою очередь, имеет два этапа: 1) собственно рыночная экономика и 2) капитализм.

Одним из чрезвычайно плодотворных тезисов Броделя является идея о *нетождественности рыночной экономики и капитализма*. Согласно Броделю, существуют две формы рыночной экономики, два типа обмена — «А» и «Б». К категории «А» Бродель относит повседневный рыночный обмен, местную торговлю, обмен на малых расстояниях, если они носят регулярный и предсказуемый характер и открыты как для мелких, так и для крупных торговцев (торговля на короткие дистанции, локальная, ориентированная на потребительскую стоимость). В этом случае производитель (ремесленник, крестьянин) не отчужден от обмена, посредники редки либо численно незначительны, как правило, обмен контролируется производителем и проходит гласно, с минимальными махинациями (типа скупки по сниженной цене и перепродажи), уровень прибыли скромен, но надежно обеспечен. Первый тип обмена является локальным, подчиненным конкурентной борьбе и гласным.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 97 13.11.2012 15:32:47

В модели «Б», по Броделю, обмен стремится ускользнуть от гласности и контроля. Возникает так называемый «private market», «частный рынок» (в отличие от «public market»), который Бродель именует «противорынком» и который стремится избавиться от правил традиционного рынка. Коллективный рынок типа «А» заменяется системой индивидуальных сделок, при которых торговец разрывает прямую связь между производителем и конечным потребителем продукции, возникают длинные торговые цепочки, где прибыль произвольна, точнее, произвольно велика, так как торговец контролирует как производителя, так и потребителя, стремясь к «неэквивалентному обмену». Торговля на длинные дистанции бесконтрольна, связана с махинациями, максимальными прибылями, сконцентрированными в руках нескольких агентов (негоциантов). Согласно Броделю, чем длиннее торговая цепочка, тем отчетливее процесс капитализма.

Капиталисты перешагивают национальные границы, монополизируют отрасли и начинают бороться с конкуренцией, организуя обмен в виде жесткой иерархии. Капиталисты отказываются от специализации, распределяя деятельность между несколькими секторами, чтобы уменьшить риск. Сфера капитализма относится ко второму типу обмена, который стремится к господству и к отмене конкуренции.

Но капитализм связан не только с «противорынком» и отменой конкуренции. Ему необходима иерархия, стабильность общественного устройства (кланы, наследование имущества, земель и пр., отсутствие ротации элит, нейтралитет, слабость или потворство государства, а также снятие ограничений со стороны культуры и церкви). Как рынок типа «А» основан на оптимизационной эксплуатации традиционных моделей «материального общества», так и капитализм (система типа «Б») основан на оптимизационной эксплуатации локальных рыночных обществ. Каждая последующая система вырастает, таким образом, из предыдущей, ставя ее себе на службу.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 98 13.11.2012 15:32:47

«Мировая экономика» капитализма не существовала бы без «мир-экономик», локальных экономик (к которым Бродель относит китайскую, японскую, индийскую, исламскую и др.), то есть без экономического расслоения мира, экономических зон, экономической периферии, питающих капиталистический центр.

Самое интересное в мысли Броделя — это намечающийся переход от сугубо историцистского подхода, свойственного марксизму и классическому либерализму, к пространственной парадигме экономики. У Броделя происходит наложение теории экономического развития по стадиям (отличным в этом случае от классической марксистской схемы формаций, но также диахроническим) на пространственную дифференциацию экономического уклада.

Иными словами, Бродель прокладывает путь современным новейшим геополитическим и геоэкономическим методологиям объяснения социально-экономических и цивилизационных особенностей развития государств и национальных систем при помощи фундаментального фактора пространственной дифференциации.

Франсуа Перру

Последователь Шумпетера француз Франсуа Перру (1903–1987) продолжил линию на *контекстуализацию экономики*, выдвинув теорию «*очагов роста*».

С его точки зрения, развитие каждой конкретной хозяйственной и промышленной системы тесно сопряжено с некоторыми локальными точками, «полюсами», которые за счет своего особого положения, специфической инфраструктуры, социального и культурного профиля становятся *очагами развития* всей хозяйственной системы.

«Полюса роста» по определению — это агломерации предприятий, сконцентрированных в определенных местах, где экономический рост, предпринимательская актив-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 99 13.11.2012 15:32:47

ность, инновационный процесс отличаются наибольшей интенсивностью, оказывая влияние на другие территории, которые не входят в «полюса». Это и есть «поляризованное» развитие.

Концепция «поляризированного» развития была подхвачена многими бурно развивающимися странами (в частности, Тихоокеанского региона), так как давала возможность дифференцированно организовывать хозяйственное пространство, делая упор на отдельные компактные зоны, в то время как остальные — слабо развитые — территории получали поддержку и экономические ресурсы развития от «полюсов».

Учитывая масштабы территории России, вариации ландшафта и различия в уровнях экономического развития регионов, идея сосредоточения особых усилий на особо выделенных «очагах роста» напрашивается сама собой.

Серж-Кристоф Кольм

Современный экономист Серж-Кристоф Кольм (р. 1932) критикует экономическую ортодоксию, показывая теоретическую недостаточность анализа хозяйственных процессов как в либерализме, так и марксизме. С его точки зрения, в обоих случаях фактическое положение дел в экономическом развитии определенных обществ в определенную эпоху *неадекватно берется за основание для глобальных обобщений*. Кольм утверждает, что следует относиться к человеку как к меняющейся социоэкономической инстанции, способной к качественному, а не только количественному развитию.

Кольм настаивает на превалировании социальных услуг как *«этической парадигмы экономики»*.

Большое значение Кольм уделяет «экономике дара», развитой в традиционных обществах (тема разобрана

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 100 13.11.2012 15:32:47

у французских философов-структуралистов М. Мосса, Ж. Батая, М. Фуко, Ж. Делёза, Г. Дебора), подчеркивает необходимость учета экологических факторов.

Николас Жоржеску-Реген

Ученый румынского происхождения Жоржеску-Реген (1906–1994) — ученик Йозефа Шумпетера. Он развил теорию «*биоэкономики*», основанную на принципе учета ограниченности ресурсов и экологических последствий индустриального развития. Жоржеску-Реген утверждает, что в области минеральных ресурсов (которые, в отличие от растительных и животных, не восстанавливаются) действует физический закон энтропии.

Разделяя вслед за Шумпетером «экономическое развитие» и «экономический рост», он идет еще дальше и *противопоставляет эти понятия*, рассматривая «экономический рост» как *отрицательную* в конечном итоге характеристику, приводящую экосистему к необратимой деградации.

Жоржеску-Реген настаивает на необходимости «экономического спада» для того, чтобы экосистема земли могла выжить и развиваться гармонично.

Жоржеску-Реген предупреждает: «Мечта о бесконечном экономическом росте рано или поздно обернется кошмаром».

Мишель Альетта

Современный социолог и специалист в теории систем Мишель Альетта (р. 1938) с группой последователей разработал «*теорию регуляции*» или «регуляционизм». С точки зрения этой теории, общество, и особенно его экономический сектор, следует изучать на основании той модели регулирования, которая ему присуща.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 101 13.11.2012 15:32:47

«Регуляционисты» показывают, что капиталистическое общество на разных этапах своего развития применяет различные модели хозяйственной регуляции — конкурентная регуляция, монополистическая, регуляция с помощью экстенсивной, интенсивной или прогрессивной аккумуляции.

Западное общество, по мнению М. Альетта, приоритетно опиралось на «фордистскую» модель регуляции, которая к настоящему времени устарела. Альетта жестко критикует либералов за несостоятельную идею возврата к конкурентной регуляции, которая не соответствует новым параметрам развития общества.

В теории «регуляционизма» особенно интересны критика современного либерализма (вывод о регрессивной роли для экономики классических либеральных рецептов) и развитые концепции *альтернативных экономических систем*, ставящих акцент на новых моделях перераспределения доходов, гибкой форме управляемой адаптации производственного процесса к новым открытиям в биотехнологиях, информатике, коммуникационных средствах.

Клиффорд Дуглас

Клиффорд Дуглас (1879–1952) — автор экономической теории «*социального кредита*». С точки зрения Дугласа, большинство экономических проблем сводится к переходу от концепции кредита как дела частных банков *к кредиту как равномерно распределенному по всем членам общества социальному достоянию.*

Дуглас (в книге «Монополия кредита») предлагает следующие конкретные шаги:

Необходимо создать добавочную покупательную способность в форме беспроцентного кредита, что уравновесит платежные средства с объемом предложения. Для этой цели Центробанк должен быть наделен правом денежной эмиссии.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 102 13.11.2012 15:32:47

Эта дополнительная покупательная способность должна проистекать не из дополнительных затрат, но из новых кредитов, связанных с новым производством; этот кредит аннулируется после потребления и обесценивания продукции.

Социальный кредит должен быть распределен, с одной стороны, в форме дивидендов в каждой семье, считая по количеству людей, независимо от трудовых доходов, уровня расходов и размера собственности, а с другой — в форме компенсаций, предоставляемых предприятиям, которые соглашаются снизить отпускные цены. В такой ситуации покупательная способность постепенно будет все меньше и меньше зависеть от заработной платы, а развитие производства постепенно приведет к тому, что дивиденды серьезно эту заработную плату потеснят.

Показательно, что эта теория нашла много сторонников в Канаде, причем из числа политиков и экономистов консервативного направления.

Все эти авторы и школы в совокупности представляют собой целый спектр учений, расположенный *между крайним либерализмом и ортодоксальным марксизмом*. Но при этом важно подчеркнуть, что они отнюдь не являются простым *компромиссом* между либерализмом и марксизмом, неким промежуточным, средним вариантом. Весь этот теоретический комплекс основан на совершенно инаковых и самодостаточных мировоззренческих и научных предпосылках и поэтому может быть рассмотрен потенциально как нечто самостоятельное и законченное.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ГЕТЕРОДОКСАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Сформулируем обобщающие положения, которые характеризуют основные направления гетеродоксальной экономической мысли.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 103 13.11.2012 15:32:47

Контекстуализация

Экономическое устройство общества должно естественно вытекать из его *исторической, культурной, этнической, географической, религиозной и государственной специфики*, корениться в конкретике его традиционных институтов. Общая оценка уровня хозяйственного развития общества должна включать в себя качественные (не связанные с логикой обмена и торговли) параметры; необходимо применять синтетический индекс, учитывающий культурные, психологические, гигиенические и образовательные факторы общества.

Культуроцентрический плюрализм хозяйственных форм

Между принципом экономической свободы отдельных субъектов (обеспечивающим хозяйственную динамику) и рычагами социального регулирования должен быть найден *баланс*, природа и объем которого устанавливаются не произвольно, но исходя из исторической и географической конкретики.

Синтез конфликтологического и балансного подходов

Между принципом «борьбы» (марксизм) и принципом «равновесия» (либерализм) должно быть найдено *промежуточное решение*: например, равновесие на общесоциальном (государственном, национальном) уровне и динамичная конфликтность на уровне классов, профсоюзов или отдельных социальных секторов.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 104 13.11.2012 15:32:47

Социологизм, гуманизм и квалитатизм экономической системы

Экономическая модель должна быть рассмотрена *как функция* от социологической модели, что предполагает акцент на факторе «экономического развития» (по Й. Шумпетеру), «качественного измерения», «этической ориентации хозяйства». На практике необходимо предоставить для индивидуумов и коллективов, не желающих интегрироваться в экономическую систему, основанную на конкурентном принципе, возможность обратиться *к альтернативным структурам* внеденежного обмена, к социальным организмам, основанным на взаимопомощи, кооперации, ассоциации, общинности и т. д.

Мезоэкономизм, коллективная конкретизация

Постоянный акцент, падающий не на микроэкономический уровень (как в либерализме) и не на макроэкономический уровень (как в госсоциализме), а на *мезоэкономический срез*, что подразумевает поощрение плюральных экономико-социальных институтов, выходящих за уровень частного сектора, но и не подлежащих прямому государственному регулированию.

Аутоцентричность, широко понятый регионализм

Широко понятая *регионализация* экономики, поощрение и приоритетное развитие структур, связанных принципом территориальной близости (от локального до континентального масштабов), стремление к сельскохозяйственной автаркии, протекционизм производственного сектора

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 105 13.11.2012 15:32:48

в целях повышения уровня его развития в контексте мировой конъюнктуры, учреждение публичных фондов для создания привлекательных полюсов фундаментальных исследований и высоких технологий.

Экологизм, амбиентализм

Экономические модели должны включать в качестве основных вводных параметров не только количественные факторы (как в классических теориях), *но и качественные* — такие, как стоимость ограниченных планетарных ресурсов, стоимость экологических последствий промышленного производства, вред, наносимый вследствие хозяйственной деятельности окружающей среде.

Интеграционизм, таможенный союз континентального масштаба

Императив «*автаркийности больших пространств*» (термин Ф. Листа), тяготение к объединению плюральных мезоэкономических систем в общий пространственный блок с единой таможенной структурой и общей валютой.

Дифференциализм

«*Социализм разных скоростей*», гибкая шкала соотношений между частным и общественным уровнем в рамках одного и того же государственного образования в зависимости от особенностей его секторов.

Если основной закон либерализма и капитализма — это закон рынка, а главный принцип догматического социализма — план, то главным законом альтернативной теории будет принцип «*зависимости экономики от общества*» или «*закон социологичности экономики*».

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 106 13.11.2012 15:32:48

Для современной России на фоне краха экономического дискурса обеих версий классической ортодоксии обращение к этому направлению экономической мысли является чрезвычайно продуктивным, если не сказать спасительным.

НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Современная альтернатива «концу истории»

Сегодня мы стоим перед исторической проблемой нового определения или, точнее, «переопределения» социализма. Это «переопределение» не может быть одноразовой акцией какого-то отдельного мыслителя или школы. Оно должно сделаться общественным процессом — одним из главных направлений в становлении самосознания человечества на новом историческом витке. Одной из существенных истин мира, в котором мы живем сегодня, является основательный кризис «социализма», его исторический проигрыш или, по меньшей мере, его отступление. Не будь этого драматического поражения социализма, мир бы был иным. Следовательно, осмысляя сущность социализма, мы осмысляем сущность нашего времени.

Итак, что же такое социализм? Еще недавно всё было понятно. Существовали три разновидности социализма:

1) магистральный социализм (марксизм как своего рода ортодоксия);

2) «гошизм» (гетеродоксия, разоблачаемая как мелкобуржуазный уклон);

3) государственный квазисоциализм (или даже «госкапитализм»), к которому можно отнести широкий спектр политэкономических теорий от социал-демократии до кейнсианства.

Сегодня картина изменилась. То, что казалось максимально убедительной ортодоксией, на глазах рухнуло — ведь ортодоксальность социализма марксистского типа

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 107 13.11.2012 15:32:48

была убедительной в той степени, в какой этот социализм опирался на исторический триумф СССР. Эта опора была не просто побочным фактором, но эмпирическим, наглядным свидетельством жизнеспособности социально-экономической доктрины: реальный опыт и конкретные результаты советского строя служили важнейшим аргументом в теоретических дискуссиях о социализме. Опыт СССР играл важнейшую роль в философской картине социализма, в его определении, в выяснении основополагающих критериев и т. д. Следовательно, фундаментально изменилось значение самого термина «социализм».

Социализм как антилиберализм

Если обратиться к истокам, то мы видим, что в XIX в. «социализмом» называли всё то, что не подпадало под категорию «экономизма», что отличалось от подхода к социальной действительности с узко прагматическими критериями, основанными на меркантилизме и индивидуализме. Сегодня мы часто забываем этот изначальный смысл термина «социализм», стершийся под спудом сложных схоластических методологий и доктринальных систем. Но смысл этот крайне важен: изначально социализмом назывался такой социальный проект, в котором осевую роль играл возвышенный общественный идеал, отличный от прямолинейной логики классической политэкономии.

Социализм изначально означал коллективное усилие, созидательный мобилизационный проект, служение общественному идеалу, выходящему за рамки узкой хозяйственной логики. И противопоставлялся социализм не столько капитализму, сколько индивидуализму, прагматизму, абсолютизации экономического начала. В таком значении прямым антонимом социализма был именно «экономизм», иначе говоря, учение о самодостаточности и главенстве

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 108 13.11.2012 15:32:48

экономического фактора над остальными аспектами общественного бытия. Полнее всего этот «экономизм» воплотился в теориях либералов, фактически отождествился с ними.

Либерализм настаивал на раскрепощении экономики, на ее автономизации, на отрыве ее логистики от посторонних, нехозяйственных факторов. Социализм представлял собой прямо противоположное направление: он стремился подчинить хозяйственную жизнь высшему надэкономическому нравственному идеалу. Либерализм и социализм были солидарны между собой до той поры, пока речь шла о критике консервативных политических институтов, препятствующих и раскрепощению экономики, и утверждению новых социальных идеалов. Но эта солидарность была весьма ограниченной и обусловленной спецификой исторического момента: в основе обеих идеологий — либеральной и социалистической — лежали различные цели, задачи, методы и представления о перспективах.

Если в XIX в. социализм виделся как крайняя, наиболее радикальная форма либерализма и либеральной демократии, то в XX в. стало очевидно, что речь идет о двух альтернативных и враждебных формах мировосприятия.

Перечислим для наглядности основные характеристики того, чем являются либерализм и социализм, в качестве антитезы либерализму.

Основные, не меняющиеся от эпохи к эпохе принципы либерализма таковы:

1) «разумный эгоизм», индивидуализм — отсюда «святость» частной собственности, приватизация и т. д.;

2) ничем не ограниченная свобода предпринимательства;

3) ничем не компенсируемое и постоянно возрастающее экономическое неравенство;

4) минимализация вмешательства общества и государства в индивидуальную хозяйственную жизнь (принцип «каждый за себя»);

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 109 13.11.2012 15:32:48

5) отказ от нормативной помощи обездоленным слоям;

6) «плоская» или регрессивная шкала налогов, обеспечивающая уменьшение налогообложения обеспеченных слоев;

7) превосходство принципа «частного интереса» над принципом «нравственных ценностей»;

8) идея отмирания государства, политического и иных традиционных форм общественной организации — наций, классов, религий, этносов;

9) автоматическое отождествление самого факта богатства (не важно, какой ценой нажитого) с высоким социальным статусом человека в обществе (принцип «деньги решают всё»);

10) самостоятельная и все возрастающая роль финансового сектора в экономике (в ущерб реальному производству);

11) освобождение технократических тенденций от каких бы то ни было нравственных сдерживающих факторов.

Это не случайный набор характеристик, это константы буржуазной системы, основной смысловой вектор развивающегося капитализма, который достигает сегодня своей наивысшей стадии. Именно такая система ценностей прямо или косвенно навязывается сегодня в мировом масштабе США и странами Запада, следующими в их фарватере.

Соответственно, легко выстроить симметричную относительно всего сказанного концептуальную модель того, что в самом широком смысле можно определить как «социализм».

Широко понятый социализм предусматривает:

1) утверждение превосходства общественных, коллективных интересов над индивидуальными, общего над частным (именно этот смысл вкладывал в термин «социализм» Гастон Леру, который и ввел его в оборот); при этом следует подчеркнуть, что, в отличие от узко догматического и классового понимания социализма, «общественное» мо-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 110 13.11.2012 15:32:48

жет, в принципе, пониматься очень широко — как народное, национальное, государственное, этническое, религиозное и даже цивилизационное;

2) подчинение свободы предпринимательства стратегическим интересам коллектива, народа, государства, что предполагает допущение частной собственности в мелком и среднем бизнесе, но жесткий государственный контроль над стратегическими сферами производства, с приоритетной поддержкой коллективных форм хозяйствования;

3) прогрессивную либо даже негативную шкалу налогообложения, причем под последним подразумеваются выплаты за счет обеспеченных слоев всем гражданам, чьи доходы ниже определенного установленного уровня;

4) разумное вмешательство общества и государства в личную и хозяйственную жизнь граждан в тех случаях, когда требуется отстоять общественные интересы, помочь обездоленным, защитить слабых, а также когда частная деятельность вступает в противоречие с основными стратегическими и нравственными ориентирами всего общества в целом (принцип «все за одного»);

5) оказание в законодательном порядке социальной помощи обездоленным слоям, активная социальная защита, создание в обществе нравственного климата взаимоподдержки и солидарности;

6) четкое разграничение между степенью материального благополучия и социального престижа;

7) превосходство принципа «нравственных ценностей» над принципом «частного интереса»;

8) идея сохранения и эволюционного развития государства и иных традиционных форм общественной организации — наций, классов, религий, этносов в демократическом процессе, переход к новой социальной интегрирующей форме существования (типа Европейского союза);

9) подчинение финансового сектора нуждам сектора реального, развитие новых экономических технологий в тесной связи с проблемами традиционных форм произ-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 111 13.11.2012 15:32:48

водства, гармоничное распределение информационных, производственных и ресурсных секторов экономики в стратегических интересах народа и государства в целом (с учетом будущих поколений, национальной безопасности и культурно-исторической специфики);

10) постановку технократических тенденций в зависимость от культурно-этических критериев.

Холодная война буржуазного Запада и социалистического лагеря продемонстрировала всю серьезность напряжения, существующего в мировоззренческой сфере, между этими двумя моделями. А падение СССР ознаменовало триумф либерального подхода. Следует называть вещи своими именами: в этом проявилось не только преимущество либерального праксиса, победу одержал именно либерализм как мировоззрение, как «экономизм», как модель такого видения человеческого общества, в котором экономическая эффективность, прагматизм, индивидуализм, «разумный эгоизм» были утверждены в качестве высших ценностей.

В этом моменте заключается очень тонкая подмена. Социализм изначально по своей структуре и во всех своих разновидностях отказывался признавать имманентную логику развития экономических факторов высшим критерием. Такие неэкономические понятия, как «справедливость», «равенство», «солидарность», «коллективность», «общественное бытие», лежат в самой основе социалистического мышления. И процесс экономического роста, эффективность хозяйственных механизмов играют здесь важнейшую, но всегда вспомогательную роль. Экономическая сторона жизни призвана служить лишь инструментом для достижения нехозяйственных, нравственных задач. Поэтому само сопоставление чисто экономического эффекта либеральной и социалистической моделей заведомо бессмысленно. Социализм для его сторонников лучше не потому, что он эффективней, но потому, что он справедливее, нравственнее, идеальней.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 112 13.11.2012 15:32:48

Любые сопоставления технических показателей в рамках двух систем носили исключительно пропагандистский характер, являясь инструментами идеологической войны. А в любой войне все средства хороши для демонизации противника и для прославления боевой доблести собственной стороны. Всерьез, конечно, это воспринимать нельзя.

Сегодняшний регресс социализма и победа либерализма обнаруживают важнейший момент: кризис нравственного идеала в человечестве, повсеместное утверждение утилитаристского индивидуалистического начала, идеологии «экономизма» над идеалистическим мобилизационным мировоззрением, основывающимся на этике усилия, героизма, подвижничества, самопреодоления. Если говорить в терминах В. Зомбарта, сегодня «торговцы» (Händler) одержали верх над «героями» (Helden).

Широкое понимание социализма, о котором говорилось выше, является не только констатацией, но еще и результатом серьезного интеллектуального критического усилия, имеющего целью преодолеть навязчивый гипноз банальной ассоциации социализма исключительно с советским опытом, с марксистской ортодоксией (причем подвергшейся вынесению за скобки исторического контекста, фрагментаризации) и пропагандистским искажением — как советского, так и антисоветского толка. В частности, существует устойчивое мнение, что именно социализм является доведенным до последних пределов «экономизмом», высшей формой рационализации коллективного бытия.

Определенные аспекты мысли Маркса, некоторые стороны учения социалистов-утопистов, практика некоторых коммунистических режимов, а также агитационная апологетика идеологов «развитого социализма» дают для этого серьезные основания. Всё это, безусловно, присутствует в истории социалистических учений. Но не этот момент является в них главным. Сегодня как никогда важно отделять сущностные стороны социализма от второстепенных — в противном случае мы не сможем всерьез постичь это

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 113 13.11.2012 15:32:48

явление, а следовательно, даже недавние исторические периоды, в которые мы жили и действовали, останутся для нас тайной за семью печатями. Говорить о социализме следует, осуществляя серьезное мысленное усилие.

Если принять ретроспективную оценку широко понятого социализма как мировоззрения, отвергающего либеральную логику, стремящегося преодолеть ее, то мы подходим к возможности говорить о социализме в настоящем времени и осмыслять его перспективы в будущем.

«Конец истории» и «реальная доминация капитала»

Сегодня мы имеем дело с единственной идеологией, которая оказалась в положении единоличного победителя многих исторических баталий — либерализмом.

Свой тезис о наступающем (фактически наступившем) «конце истории» Фрэнсис Фукуяма тесно увязывает с наступлением эры либерализма. Другой либеральный мыслитель и идеолог, Жак Аттали, в схожих тонах трактует «Денежный Строй», «Ordre de Argent», который, по его мнению, сегодня окончательно сменяет «Религиозный Строй» («Ordre de Foi») и «Строй Силы» («Ordre de Force»).

Мы привыкли — вслед за Раймоном Ароном, Карлом Поппером, Николаем Бердяевым и Норманом Коном — говорить об «эсхатологической ориентации коммунистических учений». Более того, вскрытие их завуалированного эсхатологизма было до поры до времени одним из самых сильных аргументов в пользу «антинаучности», «утопичности», «архаичности» (читай несбыточности) коммунистических и даже социалистических концептуальных построений. Сегодня мы повсюду сталкиваемся с новым явлением — главные борцы с «эсхатологизмом», либеральные демократы, сами выступают в роли проповедников и глашатаев «конца истории».

Либералы понимают «конец истории» как преодоление человечеством всех массовых проектов, стремившихся подчинить социальное бытие высоким нравственным (и поэтому проблематичным) идеалам, построить общество, руководствуясь заведомо выработанной системой критериев и подчиняя этой цели экономические и хозяйственные инструменты. Либералы уверены, что мерой вещей является индивидуум, а не общество, свобода же есть возможность хозяйственной деятельности индивидуума, максимально не зависящей от внешних факторов. Идеология либерализма становится тотальной и универсальной в тот момент, когда ее основной противник (социализм) терпит поражение, общество становится однородным в мировом масштабе, идеологическая мотивация истории (состоящая в борьбе мировоззрений) отменяется, а человечество превращается в совокупность атомарных частиц, движущихся по индивидуальной стохастической траектории.Такой «конец истории» — не только очередная утопия или позиция отдельного автора. К этому ведет вся логика развития экономизма, прагматизма, либерализма. История утрачивает свое содержание в тот момент, когда исчезают коллективные «акторы» — государства, нации, классы, культуры, цивилизации. Либерализм предполагает не брутальную ликвидацию остатков истории, но постепенное их размывание. Сведение основных социальных процессов к узкоэкономической логике, причем к логике автономно экономической (в отличие от «нравственной экономики» социализма), не может не привести к тому, что любые институты, основанные не на либеральной логике, рано или поздно станут нерентабельными и неконкурентоспособными.

«Конец истории», конечно, еще не наступил. Но крах социалистического лагеря создал для его наступления все объективные предпосылки. Очень важно, что Фрэнсис Фукуяма жестко связывает два момента: «конец истории» и самороспуск социалистического лагеря. Поступая так, он указывает на очень интересную функцию социализма — функ-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 115 13.11.2012 15:32:48

цию «удерживающего», того, кто препятствует наступлению особой парадоксальной фазы бытия человечества. Термин «удерживающий», по-гречески «катехон», — важный составляющий элемент христианского учения. Он появляется в Послании к Фессалоникийцам св. апостола Павла и описывает загадочную фигуру, позже отождествленную патристикой с Православным Императором, «самодержцем», препятствующим приходу в мир «сына погибели», то есть «антихриста». Если для самих либералов новая, постисторическая фаза видится как победа и однозначное «добро», то вне либеральной логики то же самое явление может восприниматься в совсем иных тонах.

Мрачные прозрения о сущности новой стадии развития капитализма, когда Капитал окончательно подчинит себе все альтернативные силы и полюса социальной истории, составляли завещание последних мыслителей «новой левой» школы — Делёза, Гваттари, Дебора, Бодрийяра. В их трудах последнего периода наступление постиндустриального порядка рассматривается в крайне зловещих тонах. Но с тезисом о «конце истории» они в принципе согласны. (Бодрийяр предпочитает говорить о «пост-истории».)

Левая и антилиберальная мысль хотя и с противоположным, пессимистическим знаком, но в целом согласна с диагнозом Фукуямы. Однако там, где либералы видят исполнение исконных чаяний о «прекрасном новом мире планетарного рынка», «новые левые» видят триумф капиталистического отчуждения и социального зла, «реальной доминации капитала», следующей за эпохой его «формальной доминации» (по терминологии «Капитала» Маркса).

Имя альтернативы

Следует задаться вопросом: какова возможная альтернатива процессу, воплощенному в «конце истории», в финансовой цивилизации, в новой экономике, тотализации

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 116 13.11.2012 15:32:48

и глобализации либеральной ортодоксии, доведенной до логического предела?

Эта теоретическая альтернатива может (как и прежде) аппроксимативно называться «социализмом». Однако такой социализм должен быть качественно новым. В своей ортодоксальной версии на уровне противостояния форм социализм проиграл безвозвратно. Под знаменем этого противостояния прошло почти столетие: догматическое издание социализма исчерпало все свои плюсы и минусы. Но это совсем не означает, что «статус-кво» неумолимо надвигающегося «конца истории» будет позитивно принят всем человечеством. Человеческое существо обладает видовым достоинством, воплощенным в праве выбора. И это право неотчуждаемо от человека как духовно (а не только экономически) свободного существа.

Говоря «концу истории», тотальности либерализма, глобализации, «реальной доминации капитала» решительное «нет», отдельные личности и целые народы, конфессии и классы, государства и этносы попадают сегодня в пространство альтернативы. Наследники классической марксистской ортодоксии, сознательного коммунизма или советизма составляют в этом общем поле ничтожно малый процент. Подавляющее большинство противников «нового мирового порядка» едва ли отождествляет себя с «социализмом».

И тем не менее, если принять во внимание истоковое значение данного термина, предельно широкое и обобщающее, станет очевидно, что оно более всего остального покрывает все эти позиции. Сегодняшняя альтернатива планетарному господству либерализма точнее всего описывается именно понятием «социализма», но в интерпретации не XX, а XIX века. Определение «нового социализма» гораздо ближе к изначальному определению Гастона Леру, чем к сложнейшим схоластическим построениям мировоззренческих споров XX века.

Сегодня мы находимся в такой исторической позиции, откуда легко распознать связи между теми явлениями,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 117 13.11.2012 15:32:48

которые представлялись еще недавно несочетаемыми, взаимоисключающими. Логика мировоззренческой истории спрессовывает все прежние альтернативы либерализму в некую единую, почти хаотическую субстанцию, в странную политическую конфигурацию, которую мы видим в антиглобалистском движении, в Сиэтле, Праге и т. д. Этот антилиберальный синкретизм является живоносным источником нового нарождающегося движения, движения за Историю против ее «конца». Это синдром рождения «нового социализма».

Наступило время объединения всех представлений о социализме, переплавки в едином мировоззренческом тигле всех теорий, идей и мировоззрений, имеющих в себе элементы альтернативности по отношению к той реальности, которая одержала силовую и мировоззренческую, геополитическую и идеологическую победу в холодной войне. Нам сейчас нужно постмодернизировать социализм, внести в представление о нем экстравагантные, новые мотивы. Тогда хаос будет рождающим. Как говорил Ницше, «только тот, кто носит в своем сердце хаос, может родить танцующую звезду».

Эта «танцующая звезда» нового социализма, возможно, станет грядущей формализированной ортодоксией. А может быть, чем-то еще... Параметры бытия человечества меняются. У «нового социализма» есть два главных противника:

1) либеральная ортодоксия, которая осталась сегодня единственной правящей ортодоксией;

2) сектантский дух сегментов антилиберального фронта, пытающихся настаивать на частных мировоззренческих догмах (проигравших в этом статусе формальные битвы либерализму) как на готовой и универсальной ортодоксии.

Противодействие «новому социализму» со стороны либералов очевидно и естественно: администрация концлагеря заинтересована в восстании заключенных в самую последнюю очередь. Но помимо прямого давления существует

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 118 13.11.2012 15:32:48

древняя тактика властвования: привнесение противоречий в лагерь противника и разжигание их для того, чтобы воспрепятствовать консолидации и сплоченности. Таким образом, антилиберальные силы, настаивающие на внутренних противоречиях своего полюса, культивирующие догматизм и нетерпимость, на поверку оказываются проводниками воли того лагеря, с которым вроде бы ведут борьбу.

В их случае тоже следует руководствоваться ницшеанской формулой: «подтолкни, что падает». Когда-то марксизм был свеж и парадоксален, как весенний ветер. В последние годы СССР он источал запахи сгнившей овощной базы, был настолько банален и тавтологичен, что в критический момент испытания оказался полностью лишенным внутренней энергии. Поэтому он пал.

Я не сторонник (мягко говоря) Поппера, но его принцип «фальсификационизма» в чем-то привлекателен. Идея или мировоззрение являются живыми, когда они неочевидны, спорны, вызывают критику, когда они являют собой процесс, в котором можно соучаствовать, духовно двигаться и развиваться, когда есть «борьба» — «отец вещей» (Гераклит). Я убежден, что мировоззренческое оформление «нового социализма» придет совсем не с той стороны, откуда, по логике вещей, он мог бы прийти: не из советской ностальгии, пережитков марксизма, остатков «гошизма», вялых, нежизненных протестов европейской социал-демократии.

Основные принципы «нового социализма» в экономике

Вот несколько обобщающих положений, которые укажут направление разработки теории «нового социализма».

Первое — это «контекстуализация». Экономическое устройство общества должно естественно вытекать из его исторической, культурной, этнической, географической,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 119 13.11.2012 15:32:48

религиозной и государственной специфики, корениться в конкретике его традиционных институтов. Общая оценка уровня хозяйственного развития общества должна включать в себя качественные (не связанные лишь с логикой обмена и торговли) параметры, учитывающие культурные, психологические, гигиенические и образовательные факторы (синтетический индекс).

Второе — это культуроцентрический плюрализм хозяйственных форм. Между принципом экономической свободы отдельных субъектов (обеспечивающим хозяйственную динамику) и рычагами социального регулирования должен быть найден баланс, природа и объем которого устанавливаются не произвольно, но исходя из исторической и географической конкретики.

Третье — это синтез конфликтологического и балансового подходов. Между принципом «борьбы» (марксизм) и принципом «равновесия» (либерализм) должно быть найдено промежуточное решение: например, равновесие на общесоциальном (государственном, национальном) уровне и динамичная конфликтность на уровне классов, профсоюзов или отдельных социальных секторов.

Четверное — это социологизм, гуманизм и квалитатизм экономической системы. Экономическая модель должна быть рассмотрена как функция от социологической модели, что предполагает акцент на факторе «экономического развития» (по Й. Шумпетеру), «человеческого измерения», «этической ориентации хозяйства». На практике необходимо предоставить для индивидуумов и коллективов, не желающих интегрироваться в экономическую систему, основанную на конкурентном принципе, возможность обратиться к альтернативным структурам внеденежного обмена, к социальным организмам, основанным на взаимопомощи, кооперации, ассоциации, общинности и т. д.

Пятое — это мезоэкономизм, коллективная конкретизация. Речь идет о постоянном акценте, падающем не на микроэкономический (как в либерализме) или макроэконо-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 120 13.11.2012 15:32:48

мический (как в госсоциализме) уровень, а на мезоэкономический срез, что подразумевает поощрение плюральных экономико-социальных институтов, выходящих за уровень частного сектора, но и не подлежащих прямому государственному регулированию.

Шестое — это автоцентричность, широко понятый регионализм, регионализация экономики, поощрение и приоритетное развитие структур, связанных принципом территориальной близости (от локального до континентального масштабов), стремление к сельскохозяйственной автаркии, протекционизм производственного сектора для повышения уровня его развития в контексте мировой конъюнктуры, учреждение публичных фондов в целях создания привлекательных полюсов фундаментальных исследований и высоких технологий.

Седьмое — это экологизм и амбиентализм. Экономические модели должны включать в качестве основных вводных параметров не только количественные факторы (как в классических теориях), но и качественные — такие, как стоимость ограниченных планетарных ресурсов, стоимость экологических последствий промышленного производства, вред, наносимый окружающей среде хозяйственной деятельностью, и т. п.

Восьмое — это интеграционизм, таможенный союз континентального масштаба. Императив «автаркийности больших пространств» (термин Ф. Листа), объединение плюральных мезоэкономических систем в общий пространственный блок с единой таможенной структурой и общей валютой.

Девятое — это дифференциализм,«социализм разных скоростей», гибкая шкала соотношений между частным и общественным уровнем в рамках одного и того же государственного образования в зависимости от особенностей его секторов.

Не следует воспринимать это приглашение к свободной мысли по социалистическому вектору как некую голослов-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 121 13.11.2012 15:32:48

ную и лишенную содержания реальность, основанную на простом отторжении существующего положения в экономической науке. Напротив, мы должны лишь продолжить и расширить традицию, которая объективно существует и в ходе развития которой были сделаны колоссальные по значимости открытия, наблюдения и выводы. Но приходит время сделать это более решительно, чем ранее, когда основное внимание экономической мысли было приковано к драматическому соревнованию двух ортодоксальных школ — марксизма и либерализма. Сегодня, когда марксизм проиграл, самое время всерьез обратиться к немарксистским моделям социализма, и именно из этой — ранее остававшейся на периферии — матрицы, скорее всего, может родиться новая гибкая и адекватная экономическая теория, призванная предложить в XXI веке спасительную альтернативу тому жестокому, несправедливому, лживому и скрыто тоталитарному строю, каковым является современный либерализм.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 122 13.11.2012 15:32:48

Часть 3

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ВЕК СЕТЕЙ

Евразийство — не просто мировоззрение, это целая философия, в основе которой лежит представление о России как о самобытной цивилизации, о том, что различные народы, культуры, государства, этносы и религии имеют равное право на существование. Существует не одна цивилизация, а много цивилизаций — и западных, и восточных, и азиатских. Смысл евразийства в том, чтобы это многообразие народов, политических и экономических укладов, социальных и общественных систем, ценностей и религий не разрушить, не подровнять под одну гребенку, а сохранить.

В основе евразийства лежит концепция многополярности — концепция справедливого мира. И хотя эта философия крайне доброжелательна и открыта, она имеет оппонентов в лице тех, кто строит однополярный мир, кто навязывает миру одну-единственную идеологию в культуре, в политике, в экономике. Эти силы хотят видеть мир однообразным, а не многообразным, унифицированным под свой собственный формат. Поэтому евразийство в современном мире сталкивается с двумя принципиальными вещами, которые и призвано разрешить.

Засилье либерализма

Сегодня в России мы имеем дело с одной-единственной предельно развитой ультралиберальной моделью, которая

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 123 13.11.2012 15:32:49

считается универсальной. У многих инстинктивно она вызывает неприятие. Вместе с тем сегодня мы не имеем экономической теории, которая могла бы на новом этапе последовательно, обстоятельно, аргументированно и систематизированно заявить о тех фундаментальных и тупиковых недостатках либерализма и, в частности, американской модели либерализма, в формате которых мы вынуждены жить.

Наше общество продолжает делиться на либералов и их противников. Причем эти противники не имеют ясной экономической позиции; среди них есть и коммунисты, и националисты, и просто критики. Альтернативой либерализму и глобализму в мире объявлен антиглобализм, который известен в основном по актам вандализма, но который при этом также не предлагает реальных экономических альтернатив. Ситуация выглядит так: есть один-единственный экономический ультралиберальный язык, который навязан всему миру даже не столько Западом, сколько именно США, и есть человечество, то есть большое количество стран, государств, этносов, культур, которые его отторгают. Поняв, что в этом отторжении нет утверждения, а есть только отрицание, мы решили взяться за довольно амбициозный проект — выработать позитивную, созидательную альтернативу ультралиберальной модели. И тут оказалось, что у нас есть очень много всего, на что мы могли бы опереться. Это вполне позитивные и созидательные идеи и теории. Обнаружилась целая сокровищница экономической мысли, целая плеяда авторов, теоретиков, таких как Ф. фон Лист, Сильвио Гезелль, Франсуа Перру, Кейнс, Ф. Бродель и многих других.

Выработка теории альтернативного экономического развития с позиций евразийской перспективы и введение ее в практику и есть наша первая и главная задача. В условиях развивающегося кризиса, выявившего несостоятельность либеральных моделей, необходимо начать эко-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 124 13.11.2012 15:32:49

номически мыслить в новом направлении, сохраняя уникальность цивилизаций, отказываясь от тоталитарного ультралиберального языка, предлагая иную созидательную альтернативу.

Разработка теории экономической интеграции для евразийского пространства

Занимаясь на практике социально-политической деятельностью, вопросами интеграции постсоветского пространства, нынешняя российская власть столкнулась с той же самой проблемой — отсутствием теории интеграции постсоветского пространства. Есть СНГ, есть ЕврАзЭС, есть ЕЭП. Но мы не знаем ни одного теоретического текста по экономическому обоснованию этой интеграции, который был бы опубликован. На каком теоретическом основании проводится экономическая интеграция, каковы ее идеи, модели, теория? ЕврАзЭС — очень важная для интеграции структура — за всё свое существование так и не проявила себя в содержательном плане, из-за чего вся ее деятельность, по сути дела, пробуксовывает. В теоретическом плане это стерильная структура. В ней собрались чиновники, которые не способны справиться с осознанием той глобальной исторической проблемы, которая перед ними стоит — с разработкой конкретной теории интеграции евразийского материка, ограниченного не только странами ЕврАзЭС или даже СНГ. Эта интеграция, безусловно, должна быть обращена к Турции, Ирану, Индии, Китаю, Японии и Западной Европе с новой моделью экономического взаимодействия континентального порядка. Вот такой экономики больших пространств у нас до сих пор не создано, и в этом вторая задача — разработка модели и теории экономической интеграции для евразийского континентального пространства.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 125 13.11.2012 15:32:49

Евразийская практика

Но есть и третий аспект проблемы, который не менее важен — это практика. Все теоретические модели и экономическая мысль, на которой они основаны, будут бессильными и бесплодными, если они не будут подтверждаться и корректироваться конкретной экономической практикой, взаимодействием бизнес-, экономических, государственных, частных, транснациональных структур евразийского пространства, с одной стороны, и носителей экономической мысли — с другой. Другими словами, необходима полноценная лаборатория мысли, которая должна оперативно, не оставаясь на уровне одной лишь теории, выходить на уровень конкретных экономических проектов, на уровень развития партнерских экономических связей между странами Востока и Запада нашего континента, странами СНГ, странами ближнего и дальнего зарубежья. Это конкретный уровень — евразийское лоббирование тех крупных, в том числе энергетических, проектов, которые ложатся в основу евразийской интеграции.

Евразийский лоббизм

Термин «евразийский лоббизм» может кого-то испугать. Тем не менее лоббистская практика существует во всех развитых странах мира. И не всегда слово «лобби» имеет негативный характер. Лобби — это объединение определенных групп, сил, сегментов общества — культурных, этнических, конфессиональных, экономических, — которые продвигают свои собственные интересы на уровне государственных решений, конкретных законодательств, определенных шагов политической власти в область тех или иных действий на правительственном, международном или межправительственном уровне.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 126 13.11.2012 15:32:49

Евразийский лоббизм отличается от обычного лоббизма тем, что сфера его интересов крайне широка. Это, с одной стороны, представительство регионов в центре, это представительство стран СНГ, таких, например, как наш ближайший партнер Казахстан, это, если хотите, лоббирование интересов Казахстана или Белоруссии в России, но прозрачное и абсолютно понятное. То же и в отношении лоббирования русских государственных цивилизационных и культурных интересов в Казахстане. Иными словами, речь идет об обоюдном процессе. Это также лоббирование интересов России в Западной Европе, которая сегодня все больше и больше становится самостоятельным экономическим и геополитическим субъектом. И представительство европейских интересов в России в рамках единого проекта.

Объединить несоединимое

Может, конечно, показаться, что это слишком широкая тема. Но тем не менее у евразийства достаточно конкретная ориентация, конкретная модель и конкретные инструменты. Необходимо объединить, на первый взгляд, несоединимое: европейцев и азиатов, социалистов и коммунистов с консервативными кругами. Евразийство — это то, что соединяет в конкретном политическом или экономическом плане силы, противостоящие друг другу. Особое внимание стоит уделить Кавказу, проблематика которого очень серьезна и в экономическом смысле. Для России важнейшим партнером является Иран. И крайне важно развитие отношений с Японией, с Индией, странами Ближнего Востока, арабского мира. Это огромный emerging market, огромный «всплывающий рынок», это огромное количество производственно-творческих сил, которые, по большому счету, в рамках одномерной ультралиберальной американоцентричной модели просто игнорируются — эти земли, населенные прекрасными народами с огромной

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 127 13.11.2012 15:32:49

культурой труда, мысли, экономическими инициативами. В американоцентричном мире они фактически становятся захолустьем, приравниваются к третьему миру. Туда сбрасывают отходы, туда помещают вредные производства и так далее. В конце концов, сама концепция «третьего мира» унизительна для XXI века. Не должно быть «третьего мира». Должна быть единая Евразия — и это звучит гордо. И самые развитые и менее развитые страны должны находить в ней свое место и обогащать друг друга.

Нас часто упрекают: под вашими словами мало кто может не подписаться, это слишком хорошо, чтобы быть правдой, это утопия. В конце концов, с этим можно согласиться. Но вся история построена людьми, которые верили в высокие идеалы, которые были преданы высоким и чистым идеям. И если мы вспомним 20-е годы прошлого столетия — Жана Монне, движение за европейскую интеграцию, графа Куденов-Каллерги, который заявлял: «Европа должна быть единой!», то мы увидим, что и над ними смеялись и говорили, что они филантропы. И это во времена, когда Европа была истерзана кровавыми конфликтами, в которых участвовали миллионы, — Франция против Германии, траншеи, окопы, газы, трупы. Но они продолжали настаивать: «Европа должна быть единой!»

В этом же ключе, следуя за нашими предшественниками, русскими евразийцами, европеистами, сторонниками создания великих проектов, великих «пан-идей», как говорили в 1930-е годы, вслед за сторонниками интеграционных пространств в тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке, в Евро-Африке, в американской зоне — вслед за ними мы, евразийцы, продолжаем верить в идеал объединения, интеграции и справедливого экономического сосуществования народов, находящихся в разных культурных точках и на разных культурных и экономических уровнях. Проект у нас огромный, и это его основная цель.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 128 13.11.2012 15:32:49

Век сетей

Наша задача — интеграция и создание живой действующей сети для этой интеграции. XXI век — это век сетей. Это не век масс, не век демонстраций, не век восстаний. Это век сетей. База реализации наших планов — это, в первую очередь, конкретный проект создания действенной интеллектуально-коммерческой, экономической, если угодно, эффективно самоокупаемой, развивающейся сети. Сети XXI века — своего рода сетевое сообщество сторонников евразийства, которые думают и работают в первую очередь в экономическом направлении. Есть и другие инициативы, берущие на себя прочие аспекты интеграции. Но сейчас важно сосредоточиться и сконцентрировать внимание на экономических вопросах интеграции нашего большого пространства.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ

Экономический плюрализм и многоукладность

Евразийство предлагает собственное экономическое учение, отличное как от либерализма, так и от марксизма. Обычно в отношении подобной теории принято использовать определения «третий путь» или «экономика третьего пути».

Евразийская экономическая модель основана на принципе, противоположном либеральному универсализму. Каждая историческая общность имеет собственную уникальную историю экономического развития, особую структуру хозяйственного организма. Система критериев, согласно которым оценивается эффективность экономики, параметры ее достижений или недостатков, не может быть оторвана от исторического, социального и культурного контекста данного общества. Классическая школа западной экономической мысли исходит из ошибочной предпосылки

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 129 13.11.2012 15:32:49

относительно того, что экономическое развитие всех народов и государств движется в одном направлении и по одной и той же траектории, только с разными темпами. На этом убеждении основывается представление «о несомненных преимуществах западной экономической модели как наиболее продвинутом этапе в реализации общей для всех народов экономической модели». Отталкиваясь от этого убеждения, Запад считает себя вправе выступать экономическим арбитром в мировом масштабе, навязывая всем остальным ту систему экономических критериев, которые отражают логику развития экономических систем западных стран.

Евразийская экономическая модель исходит из противоположного принципа — из невозможности оценки хозяйственных систем различных народов, отправляясь от общего абстрактного критерия и в отрыве от исторической и культурной реальности. Против экономического монизма либеральной политэкономии евразийское мировоззрение выставляет концепцию экономического плюрализма. На практике это означает признание того, что *мировая экономическая система состоит из отдельных суверенных хозяйственных единиц*, развивающихся по своей внутренней логике и не могущих быть оцененными исходя из одной общей теории. Точно так же, как невозможно доказать на основании абстрактных критериев превосходство одной культуры над другой, истинность одной конфессии в сравнении с иной, преимущества одной расы над другой, невозможно утверждать преимущество одной системы хозяйства над другой, поскольку это означало бы перечеркивание самобытной экономической истории каждого конкретного народа и государства.

Задача евразийской экономики — гарантировать в рамках своей доминации суверенность, сохранение и органическое развитие всех существующих экономических систем, отражающих культурно-исторический путь конкретных народов. Экономический плюрализм евразийской

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 130 13.11.2012 15:32:49

модели на хозяйственном уровне отражает принцип многополярности, на которую ориентирована евразийская геополитика.

Императивом развития российской экономики является требование обязательной многоукладности, дифференцированного сочетания различных экономических систем — от государственного контроля (в стратегических областях) до свободного рынка (в мелком и среднем производстве, системе торговли, услуг) через разнообразные формы коллективного хозяйствования (кооперативы, акционерные предприятия и т. д.).

Принцип конкретной собственности (владение)

В основе евразийского взгляда на экономику лежит убежденность в том, что хозяйственная, трудовая деятельность, а также вопросы распределения результатов труда есть явления общественные, а не частные. Общество в различных его аспектах — этническом, государственном, профессиональном, возрастном, культурном, сословном и т. д. — есть самостоятельный и целостный субъект хозяйствования.

Евразийство отказывается возводить экономические модели (капиталистические и социалистические) в ранг высшего мерила социально-политических процессов. Конкретная экономика должна служить народу, этносу, государству. Экономическое устройство, таким образом, имеет не принципиальное, но второстепенное, прикладное значение. Либеральной и марксистской догматике евразийство противопоставляет экономический прагматизм, заведомо отказывая классическим направлениям экономической мысли в статусе «высшего авторитета» и «ортодоксии».

В духе славянской, русской, а еще шире, евразийской хозяйственной традиции экономика мыслится как элемент обустройства общественного целого. Это общественное

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 131 13.11.2012 15:32:49

целое (народное и государственное) обнаруживается на всех уровнях хозяйства, затрагивая все формы собственности.

Евразийство признает многообразие форм собственности, в том числе и частную собственность, но решительно отказывает последней в «священном» характере. «Священность» частной собственности есть характерная черта римского права, перенесенная в современное западноевропейское право. Эта «священность» вытекает из эгоистических, индивидуалистических предпосылок римского подхода к хозяйству, где в истоке права лежит сила, захват и присвоение, осуществленные индивидуумом.

Евразийство отрицает абсолютную и абстрактную собственность, где обладающий признается чистым субъектом, а предмет обладания — чистым объектом, находящимся в полной власти обладающего. Вся собственность, по евразийской теории, может быть только конкретной и относительной. Это означает, что собственник (в том числе и частный):

- не является абсолютно свободным в отношении своей собственности и ответственен за ее использование перед общественным целым;
- имеет разные степени свободы распоряжаться собственностью в зависимости от ее характера (недвижимость, земля, средства производства), и чем более публичный характер имеет объект владения, тем меньше степеней свободы у его обладателя;
- подконтролен обществу и государству в вопросе целевого использования собственности.

Общественный характер собственности максимально обнаруживается в тех объектах, которые по своей структуре намного превосходят масштаб индивидуума. Общенародной (общественной, государственной) собственностью являются земля Евразии, воды, озера, моря, речные артерии, недра, полезные ископаемые, вооруженные силы и их инфраструктура, военно-промышленный комплекс, финансовые институты с правом эмиссии общеевразийской валюты,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 132 13.11.2012 15:32:49

силовые министерства и ведомства, пенсионные фонды, транспортные магистрали, энергетика, отрасли промышленности, связанные с добычей и первичной переработкой природных ресурсов. В менеджменте объектов, принадлежащих к этой области, приватизация недопустима.

Смешанная собственность (государственная, коллективная, частная) допускается в сферах промышленности, банковско-кредитной деятельности, бирж, образования, строительства, медицинского обслуживания, культуры, крупного производства товаров и услуг, организации отдыха и досуга, жилищно-коммунальной деятельности.

Частная собственность преимущественно преобладает в области торговли, мелкого и среднего производства товаров и услуг, жилья, транспортных средств.

Основным принципом евразийской экономики является не столько принцип собственности, сколько принцип владения, иначе говоря, социально ответственного и ориентированного на цели общественного блага рачительного хозяйствования в конкретной вверенной сфере — будь-то частное предпринимательство, сельскохозяйственные угодья, промышленность или сфера услуг. Принцип владения (вотчины) предполагает целевое и подотчетное использование тех объектов, которые, находясь под контролем хозяина, содержат в себе общественное, надиндивидуальное измерение. Неправомерное и социально негативное использование объектов владения (даже оформленного как частная собственность) должно повлечь за собой меры правового воздействия в отношении владельца.

Границы собственности (предметов владения) в евразийской экономике устанавливаются не другой собственностью (как в либеральной теории) и не стираются вообще (как в коммунистическом учении), но определяются нормами общественного блага, взятого как высший идеал и цель всякого хозяйствования (в том числе и частного).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 133 13.11.2012 15:32:49

Государство и рынок

Общественный характер хозяйства ограничивает сферу рыночного подхода экономическими областями, нейтральными относительно целого — народа и государства. Свобода рынка максимальна в области циркуляции товаров и услуг, мелкого и среднего производства. Там, где дело касается стратегических областей, необходимо плановое хозяйство.

Рынок является наиболее динамичным и гибким элементом хозяйствования, поэтому в нестратегических областях он должен получить приоритетную поддержку со стороны государства и общества. В этой сфере жизненно важно максимально упростить формы регистрации, отчетности, налогообложения предприятий мелкого и среднего бизнеса, освободить эту сферу от лишних формальностей.

Государство должно максимально содействовать развитию частной инициативы, поощрять рыночные механизмы. Особый акцент должен быть сделан на государственной и общественной поддержке национального предпринимательства. Необходимо проводить в этом направлении патерналистскую политику, оперируя с таможенными пошлинами и квотами таким образом, чтобы создавать развитию национального рынка максимально благоприятные условия.

Евразийский «таможенный союз»

Важнейшим инструментом развития евразийской экономики является постепенное расширение зоны «таможенного союза» со странами ЕврАзЭС, с включением в него остальных стран СНГ. Именно границы СНГ являются оптимальными пределами для организации «единой экономической зоны», внутри которой не должно существовать никаких таможенных и валютных барьеров.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 134 13.11.2012 15:32:49

Необходимо стремиться к переходу от патернализма и поддержки национального производителя в рамках РФ к евразийскому патернализму, другими словами, к единой системе режима наибольшего благоприятствования для евразийских предпринимательских, производственных и рыночных структур на всей территории стран «таможенного союза», независимо от того, на территории какой конкретно страны расположено данное производство или коммерческое предприятие. Для реализации евразийской патерналистской политики необходимо совершенствовать законодательство, приводить налоговые, эмиссионные, кредитные и таможенные институты каждой из стран к единой системе. Главной задачей в этом вопросе является максимальное содействие превращению всего пространства стран СНГ в единую экономическую зону — с отсутствием внутренних барьеров, с единой системой правовых нормативов, регулирующих экономическую деятельность, с общей промышленной, торговой, биржевой, транспортной, кредитной, финансовой, энергетической, валютной, информационной системами. Для реализации этого проекта необходимо насытить существующие структуры ЕврАзЭС реальным содержанием, а также расширять круг стран–участниц Евразийского Содружества.

Принцип таможенных барьеров (евразийский «экономический национализм»)

Евразийская экономика в ее рыночном секторе должна основываться на ясном разграничении внутреннего и внешнего рынков. В отличие от либеральных ортодоксов, евразийцы не считают создание единообразной рыночной инфраструктуры в планетарном масштабе приоритетной задачей человеческой цивилизации. Хозяйство, и в частности его рыночный сегмент, есть продукт исторического опыта конкретного народа, конкретной цивилизации. Как

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 135 13.11.2012 15:32:49

правило, рамки этой цивилизации превосходят масштабы Государства, но не могут быть приравнены и к планетарному объему.

С точки зрения экономического евразийства, существуют естественные цивилизационные границы каждой из геоэкономических зон, за пределами которых начинаются геоэкономические пространства другой конфигурации с другими (чаще всего конкурентными) хозяйственными целями. Эти естественные цивилизационные границы играют огромную роль в евразийской экономике, являясь качественными барьерами, призванными служить важнейшим инструментом развития внутренней экономики и дифференцированного экономического обмена с теми пространствами, которые лежат по ту сторону. Если освобождение рыночного сектора, унификация экономических, налоговых, кредитных, валютно-финансовых, тарифных и пошлинных нормативов является важнейшей задачей евразийской экономики во внутреннем секторе, в рамках евразийских таможенных границ, то область международной торговли должна быть структурирована совершенно по иной схеме. Здесь должны поощряться (в форме тарифной и пошлинной политики) только те рыночные процессы, которые способствуют или, по меньшей мере, не противоречат развитию внутренних экономических ресурсов. Вместе с тем таможенные препятствия (иначе говоря, нерыночные факторы) должны включаться в случае тех товаров и услуг, поступление которых на внутренний рынок может привести к его деградации или замедлить его развитие.

Ответ на вызов «новой экономики»

Крах социалистической системы породил на Западе опасную иллюзию полного торжества капиталистической экономики, триумфа либерализма. При этом на рубеже 1990-х годов прошлого века капиталистическая система

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 136 13.11.2012 15:32:49

(особенно в США) вступила в фазу постиндустриального развития, что знаменовалось серьезным отрывом финансового, биржевого сектора от традиционного торгово-промышленного сектора, составлявшего основу капиталистического хозяйства на предыдущем историческом этапе. Это явление получило название «новой экономики», другими словами, такого хозяйственного устройства, при котором объем финансовых средств, вращающихся в сфере чисто финансовых операций — рынка акций, ценных бумаг, деривативов, кредитов, фьючерсов и т. д., — многократно превышал сектор средств, задействованных в реальном производстве. Распространение модели «новой экономики» на весь остальной мир создало патологическую ситуацию, при которой бюджеты целых стран с многомиллионным населением были сопоставимы с мгновенной прибылью, получаемой в ходе финансовых спекуляций отдельными брокерами.

«Новая экономика», путем сложных манипуляций уравнивающая конкретные торгово-промышленные реальности с виртуальной игрой развоплощенных финансов, стала основой «экономической глобализации» или «глобальной экономики». Поскольку правила игры в постиндустриальном обществе задают именно США, то они и смогли воспользоваться «финансовой схоластикой» этой системы в глобальном масштабе, обрекая остальные страны на роль «объекта» глобализации и, соответственно, на полную зависимость от экономических стратегий стран Запада.

Однако «новая экономика» основана не столько на реальных успехах, сколько на умелой и агрессивной политике манипулирования с образами, стихией зрелища. Мы предсказывали, что рано или поздно «новой экономике» придется столкнуться с несоответствием между оптимистическими ожиданиями и положением дел в секторе реальной — «старой» — экономики. Предъявление «новой экономике» реальных счетов не может не вызвать ее коллапса, и тогда положение тех стран, которые некритически

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 137 13.11.2012 15:32:49

дали себя вовлечь в процессы экономической глобализации, окажется катастрофическим.

Следует отметить, что не все страны Запада в равной мере вовлечены в «новую экономику». Так, экономическая система благополучных и вполне капиталистических Европы и Японии в значительной мере остается в рамках классической системы хозяйства, делающей ставку на реальный сектор экономики — производственные инвестиции, развитие конкретных промышленных и рыночных инфраструктур. Всеобщей глобализации эти развитые регионы отвечают «региональной глобализацией», иначе говоря, созданием относительно автономной системы, напоминающей «таможенный союз» или «автаркию больших пространств».

Евразийская экономическая политика состоит в том, чтобы критически отнестись к глобализации, распознать двусмысленность и подвох «новой экономики», по достоинству оценить ее риски и особенно ее возможные последствия для развития национального хозяйства.

Евразийство должно ответить на вызов «новой экономики» в духе Евросоюза и Японии — «региональной глобализацией», созданием широкой «экономической зоны», сопоставимой с европейской или тихоокеанской, в пределах которой будет установлена хозяйственная система, опирающаяся на реальный сектор и взаимодействующая преимущественно с соседними экономическими зонами (европейской и тихоокеанской), где акцент ставится на более традиционных и конкретных формах так называемой старой экономики.

Приоритет «экономического развития» над «экономическим ростом»

Очень важно провести различие между «количественным ростом» экономики и ее «качественным развитием». Понятие «роста» предполагает следование в русле уже

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 138 13.11.2012 15:32:49

имеющихся тенденций и ориентацию на критерии, почерпнутые из экономического устройства других обществ, находящихся в положении лидеров. Критерий «роста» в таком случае сводится к наблюдению численных показателей и к модели «догоняющего развития» (что предполагает слепое копирование основного направления и базовых условий всего курса).

Экономическое развитие, напротив, предполагает разработку оригинального сценария, широкий процесс инноваций, затрагивающий не только методы, но и цели хозяйственной деятельности, с параллельной выработкой новаторской системы критериев.

Согласно австрийскому экономисту Йозефу Шумпетеру, экономическое развитие предполагает:

1) создание нового, еще не знакомого потребителю, блага или прежнего блага, но с новыми качествами;

2) введение нового способа производства;

3) завоевание нового рынка сбыта или расширение прежнего;

4) использование нового вида сырья или полуфабрикатов;

5) введение новой организации дела для создания своей монополии или подрыва чужой.

Можно применить эти рекомендации к макроэкономическим реальностям, сконцентрировав хозяйственные усилия на инновационном потенциале. Это предполагает творческий поиск в разработке новых (евразийских) товаров, нового способа производства, нового понимания евразийских рынков, разработке новых видов сырья и источников энергии, позитивного использования особенностей евразийской трудовой психологии (имеющей циклический, общинный, синусоидальный, подчас спонтанный характер) и манипуляции с ней (вместо некритического копирования классических предпринимательских стратегий западных капиталистических обществ с присущими им критериями, основными группами товаров и услуг, жесткой привязкой

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 139 13.11.2012 15:32:49

к универсальным видам сырья и энергии, размеренной трудовой дисциплиной и привычными рынками сбыта).

Сконцентрировавшись на качественном развитии и использовании инновационного потенциала, а также психологических и стилистических особенностях евразийских обществ, можно в кратчайшие сроки достичь эффективных и серьезных результатов.

«Полюса развития»

Социально-экономический рельеф России (Евразии) предопределил неравномерность хозяйственного развития ее отдельных регионов. Учитывая обширность территорий, не приходится и мечтать об их равномерном экономическом развитии. В такой ситуации евразийская экономика считает целесообразным обратиться к теории «полюсов развития».

«Полюс развития» представляет собой активно развивающийся экономический центр, который может быть либо большим городом, либо крупным промышленным предприятием (или совокупностью таких предприятий), либо центром ресурсодобывающей промышленности, либо торговым, портовым, научным или иным центром с развитой социальной инфраструктурой.

«Полюс развития» в евразийской модели следует наделять особым, экстерриториальным, статусом и относиться к нему не как к региональному, а как к стратегическому общеевразийскому элементу хозяйства. Это означает, что «полюс развития» должен находиться в особой связи и с прилегающими к нему регионами и с федеральным центром. «Полюс развития» должен быть в центре внимания общеевразийской экономики, наделяться особым льготным режимом налогоблажения и тарифов. Укрепление, расширение и экономическое процветание «полюсов развития» должно быть одной из важнейших задач федераль-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 140 13.11.2012 15:32:49

ного центра, на них должны быть сконцентрированы особые усилия — в том числе транспортные, информационные, культурные и социальные программы.

«Полюса развития», со своей стороны, должны выполнять функцию равномерного подтягивания прилегающих к нему территорий до своего уровня, перераспределять результаты своего интенсивного экономического, технологического и социального роста в пользу всего региона.

«Коридоры развития» (евразийские транспортные сети)

Пространственная структура России (Евразии) ставит ее экономику в прямую зависимость от развития транспортных сетей. Огромные регионы остаются неосвоенными и слабозаселенными, многие районы страны отрезаны непроходимыми зонами от мест компактного поселения и социальных центров. Это тормозит экономическое развитие.

В такой ситуации транспортная сеть, система железнодорожного, автомобильного, речного сообщения приобретает дополнительную нагрузку, становясь пространственной осью развития и хозяйственного освоения территорий. Это обстоятельство лежит в основании экономической теории «коридоров развития».

«Коридоры развития» являются становым хребтом евразийской экономики, чье главное назначение — в связывании между собой всех точек евразийского пространства (и в первую очередь «полюсов развития»), что позволит создать (воссоздать) систему евразийского распределения труда и наладить прямое взаимодействие промышленных предприятий.

Ключевым проектом в этом направлении является создание трансевразийской железнодорожной магистрали, призванной объединить Европу с тихоокеанским побережьем России и далее — с Японией. Такая магистраль долж-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 141 13.11.2012 15:32:50

на стать «проектом века», поскольку от реализации его зависит полная интеграция всего материкового пространства и скрепление геоэкономической территории России (Евразии) надежными структурами. Широтный маршрут прокладывания основной трансевразийской магистрали может дополняться меридиональными ответвлениями, созданием новых социальных и экономических центров, располагающихся вдоль этой стратегической транспортной артерии.

Евразийские энергосистемы и ренационализация природной ренты

Евразийская экономика предполагает консолидацию всех ресурсодобывающих отраслей и, в первую очередь, энергоносителей — газовых, нефтедобывающих и угледобывающих — в единую систему, согласовывающую ценовую стратегию экспортных поставок с приоритетными целями всей евразийской системы. Совместно со странами ЕврАзЭС и СНГ Россия должна сосредоточить весь ресурсный потенциал в единой координирующей инстанции для того, чтобы вырабатывать общую консолидированную политику цен, тарифов и квот, а также оптимально перераспределять эти ресурсы внутри евразийского пространства, учитывая не только мировую динамику цен и конъюнктуру, но геополитические и геоэкономические задачи интеграции.

В вопросах ресурсоснабжения все страны ЕврАзЭС и СНГ должны пользоваться льготным режимом и вместе с тем строго подчиняться консолидированным решениям в экспортной политике и маршрутах прокладки нефте- и газопроводов с учетом интересов всей Евразии.

Природная рента, управление энергоносителями должны быть достоянием всего народа. Приватизированные сектора в этой области подлежат «евразийской ренационализации». При этом не следует возвращаться к устаревшей модели государственно-бюрократического управления (до-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 142 13.11.2012 15:32:50

казавшей свою неэффективность); в случаях адекватной системы менеджмента тех предприятий, которые на данный момент оказались в границах частного сектора, следует сохранить ее, лишь изменив формальный и правовой статус владельцев на статус управляющих — с существенными материальными, административными и управленческими льготами.

Задача евразийской ренационализации состоит не в огосударствлении эффективно работающих частных предприятий, связанных с эксплуатацией природной ренты, но в реструктуризации распределения доходов, получаемых от этой деятельности — с учетом стратегических, социальных и геополитических факторов.

Евразийская модернизация промышленности (промышленная политика)

Промышленное развитие на современном этапе обязано учитывать три важнейших обстоятельства, которые игнорировались в предшествующие периоды:

- прогрессирующее сокращение природных ресурсов земли;
- загрязнение окружающей среды;
- революционное развитие высоких информационных технологий.

Это ставит перед промышленностью новые задачи:

- инновационного поиска новых видов энергетики (энергия ветра, солнца, других восполняемых ресурсов);
- экологического ценза, предъявляемого к предприятиям и введение новых очистных технологий;
- информационной модернизации традиционных производственных технологий.

Эти требования диктуют новую логику промышленного развития, которое не должно сводиться к сохранению любой ценой существующих производственных единиц.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 143 13.11.2012 15:32:50

Вместе с тем нельзя следовать в этом вопросе прямой рыночной конъюнктуре.

Необходимо разработать последовательную промышленную политику, учитывающую долгосрочную перспективу всей Евразии. Определенные виды производств, с которыми связано развитие стратегически важных отраслей, необходимо приоритетно развивать и поддерживать — причем независимо от того, являются ли они конкурентноспособными в краткосрочной перспективе. И напротив, устаревшие и экологически разрушительные производства следует перепрофилировать или сокращать.

Сельское хозяйство

Сельскохозяйственные земли должны передаваться под целевое использование в пожизненное владение с правом семейного наследования при условии использования их по назначению. Крестьянский труд является исторической основой евразийской трудовой и социальной культуры. Сельский быт, агрокультурные циклы заложили основу духовной и трудовой этики большинства евразийских этносов, нравственный код и социальную психологию наших предков.

Крестьянский труд является не просто основой продуктового снабжения населения России (Евразии), но живой связью с прошлыми поколениями, оптимальной формой созидательной деятельности, укорененной в Традиции и максимально гармоничной с экологической и гигиенической точек зрения.

Сельский житель ярко и полноценно переживает органические связи с прошлым, с природой, с человеческой общиной. Возврат к земле есть евразийский императив, в котором воплощается на практике, в стихии трудовой деятельности общая установка на обращение к Традиции, восстановление оборванных и отчужденных связей совре-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 144 13.11.2012 15:32:50

менных людей со своими корнями. По этой причине сельскохозяйственная практика, аграрный фактор не должны рассматриваться только в узко экономической перспективе. Даже в том случае, если этот сектор будет, в определенной степени, дотационным, его необходимо сохранять, развивать и расширять, поскольку здесь находятся зоны духовного, психологического и нравственного возрождения народа.

С точки зрения стратегической, земельные хозяйства должны обеспечивать продуктовую самодостаточность населению России, чтобы при любых поворотах внешней политики народ мог рассчитывать на удовлетворение потребностей в качественной, экологически чистой пище.

Развитие и защита отечественной системы производства продуктов питания должна быть приоритетной задачей всего общества, и производители сельхозпродукции должны быть защищены продуманной системой таможенных тарифов на импорт продуктов питания, системой льготных кредитов, созданием гибкой системы «крестьянских банков», предоставляющих целевые ссуды крестьянским хозяйствам.

Евразийская стратегия предполагает постепенное расселение мегаполисов в пригородные и сельские районы, приобщение максимально широких слоев населения к крестьянскому труду и быту, к природному и хозяйственному ритму сельской жизни. Развитие систем коммуникаций — в частности, систем типа сети Интернет — должны способствовать тому, чтобы все работники широкого сектора производства смогли принимать в ней участие экстерриториально, физически проживая в сельской местности в окружении традиционного быта, органической общины и нетронутой природы.

Крестьянский труд по самой своей структуре предполагает общинный, коллективный характер. Оптимальный способ ведения хозяйства является соборным. Эти традиции трудовой соборности должны быть возрождены неза-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 145 13.11.2012 15:32:50

висимо от того, какова форма собственности в каждом конкретном хозяйстве. Признавая различные формы собственности — индивидуальные, коллективные и семейные, — евразийство поощряет общинный способ ведения хозяйства.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕОЕВРАЗИЙСТВА

Изменение качества евразийства

С начала перестройки неоевразийское мировоззрение активно развивалось группой подвижников, интеллектуалов, ученых и идеологов. Если на первых порах неоевразийство выглядело как экстравагантное учение для изысканных, элитарных кругов или необязательная добавка к программным документам национально-патриотической оппозиции (иначе и быть не могло в эпоху повального увлечения атлантизмом, Западом, либерал-демократией, являющихся прямой антитезой евразийства), то в наше время актуальность и даже неизбежность евразийства осознается все более широкими кругами правящих российских элит.

После периода чисто теоретических, философских и геополитических изысканий наступает время конкретизации отдельных аспектов евразийской (неоевразийской) доктрины применительно к насущным проблемам современной России. Такое существенное изменение статуса евразийства как мировоззрения, все более приближающегося к тому, чтобы стать официальной идеологией новой России, требует нового этапа большой работы, на сей раз адаптационного свойства.

Евразийство как экономический прагматизм

Евразийство исходит из принципа «идеократии», то есть доминации в общественной и политической жизни идеального начала, «идеи-правительницы». Вопросы

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 146 13.11.2012 15:32:50

о структуре хозяйственного уклада имеют в контексте евразийства второстепенный характер. Экономика не является судьбой, высшей инстанцией, универсальным показателем при определении политического строя. Она призвана лишь транслировать общие политические установки на конкретный хозяйственный уровень.

Экономика — средство, а не цель: атрибут, а не сущность политического устройства. Это предопределяет прагматизм евразийского учения применительно к экономической сфере. Экономические формы и инструменты, служащие политическому и мировоззренческому идеалу евразийства, способствующие процветанию Евразийской Державы, приветствуются. Те же, что наносят ущерб ее солидарности, стабильности и эффективности, — порицаются, независимо от узкоэкономического эффекта.

Контекстуалистский подход к экономике

Евразийский подход отказывается от экономоцентризма и солидарен с гетеродоксальными экономистами, экономистами «третьего пути», рассматривающими экономическую жизнь как производную от культуры. Можно сказать, что евразийство, ставя во главу угла традицию и культуру, исторические корни и ценность национального бытия, отдает предпочтение формам хозяйствования, укоренившимся в национальной истории евразийских народов. Для русского народа традиционно был характерен именно общинный, солидарный подход к труду, приоритет «правды» и «справедливости» над западными категориями «права». Русские видели труд как литургию, как инструмент для стяжания спасения (вспомним, например, концепцию «тяглового Государства» у Ивана Пересветова, главного идеолога Ивана Грозного). Такой подход сближал экономику с религией, физический труд и структуру производственных отношений с сотериологией. Начиная

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 147 13.11.2012 15:32:50

с XV века к этому комплексу добавилась и идея национальной избранности русского народа и русского Государства, ставшего наследником Византии. Отсюда концепция Святой Руси, которая еще более укрепляла неразрывный синтез между Верой, Государством, миссией народа и трудовой деятельностью.

В той степени, в какой евразийцы являются традиционалистами, они наследуют синтетический подход к экономике, стремятся на новом историческим уровне интегрировать хозяйственную деятельность в широкий социальный, национальный, культурный и духовный контекст, воссоздать литургическое единство. Это является предпосылкой для евразийского идеала «интегрального хозяйства», где экономический срез общества является неотъемлемой частью воплощения общей «идеи-правительницы». У этой идеальной стороны, сопряженной с традиционализмом, есть и прагматический аспект. Коль скоро Евразийское государство имеет конкретную форму и конкретные стороны, то его утверждение и укрепление становится главной целью хозяйственной деятельности. Таким образом, у евразийски понятой экономики появляется цель.

Евразийский солидаризм

Евразийцы всегда резко критиковали экономическую ортодоксию марксизма. Поддерживая геополитические стороны советской политики, централизм, сам факт идеократии, противостояние Западу, москвоцентризм, народность, определенный мифологизм и архаизм большевиков, евразийцы отрицали марксизм в его догматических формах. Предсказывая неизбежный кризис марксизма, евразийцы предлагали пути эволюции Советского государства в полноценно Евразийское государство, что предполагало введение определенных капиталистических элементов на нижнем и среднем уровнях, а также преобразование секулярной эти-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 148 13.11.2012 15:32:50

ки большевизма в православную традиционалистскую идеократию. Евразийцы подчеркивали определенную роль мелкого и среднего частного предпринимательства для гибкости, стабильности и динамизма хозяйственной системы. Но это не означало признания либерализма в качестве приоритетной экономической теории. Евразийцы признавали «общество с рынком», но не «рыночное общество». Здесь проходит существенная грань: рыночный принцип может быть до определенной степени полезен идеократическому строю в той мере, в какой он способствует развитию гибкой хозяйственной инфраструктуры. Но там, где рыночный принцип приобретает черты ценностной системы (либерализм), он вторгается в область, ему не свойственную, и несет в себе угрозу идеократии, подрывая и релятивизируя суверенность идеи-правительницы. На практике такая поправка означает локализацию правомочности частнособственнических отношений нестратегической сферой производства товаров и услуг, кредитной банковской системы. Рынок и частная собственность в евразийстве не наделяется ценностным качеством: ни позитивным (как в либерализме), ни негативным (как в марксизме). Эта сфера есть область прагматической допустимости и прагматической полезности.

Стратегические области экономики находятся под государственным контролем, и здесь действуют принцип протекционизма и патернализма, а также элементы плана, сопряженные с реализацией государством задач геополитического масштаба. Вместе с тем налоговая система призвана служить гармонизации социальной ситуации, поддерживать экономически слабых или несостоятельных участников хозяйственной жизни. Общим же принципом остается принцип общеевразийской солидарности, при котором наемные работники, частные предприниматели и госслужащие объединены общим культурным и социальным стилем, захвачены творческим созидательным порывом служения высшему идеалу. Эта хозяйственная солидарность подкреп-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 149 13.11.2012 15:32:50

ляется сверху и имеет разные уровни — от региональной, профессиональной до этнокультурной и религиозной, общинной солидарности.

Негативная оценка евразийцами либеральных реформ в России

Следует пояснить отношение евразийства к либеральным реформам в России. Отказ от марксизма как правящей идеологии неоевразийцы восприняли позитивно и на первых этапах реформ были солидарны с раскрепощением экономической инициативы (кооперативной, коллективной и частной) на мелком и среднем уровнях. Все это было допустимо, пока эти процессы не вошли в противоречие с геополитическими интересами страны и не стали превращаться в новую рыночную догматику (либерализм). Но, к сожалению, уже ранний этап перестройки сопровождался риторикой в духе теории конвергенции и некритического копирования западной модели.

Евразийство, исходящее из принципа неснимаемых противоречий между Евразией и Западом (особенно США) на уровне глубинных цивилизационных принципов и утверждающее высшей ценностью культурную и социально-политическую самобытность России-Евразии, сразу распознало катастрофичность либерал-демократических реформ и тот колоссальный ущерб, который несла в себе безоглядная ориентация на Запад. В такой ситуации представители коммунистической и, шире, национально-патриотической оппозиции были куда ближе неоевразийскому движению, нежели демократы-реформаторы.

В результате проведенных в России реформ место *советской* экономоцентричной модели, косвенно привязанной к евразийским принципам, заняла *либеральная* экономоцентричная модель, столь же тоталитарная и жесткая, но не ориентированная на собственный потенциал России,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 150 13.11.2012 15:32:50

а подразумевающая унизительную интеграцию в периферию западного мира. Открытость Западу и его либеральной экономике не привело и не могло привести к подтягиванию хозяйства России к европейскому или американскому уровню. Советские структуры хозяйства были сломлены, а получившие неожиданные геополитические козыри страны Запада (в первую очередь США) стали обращаться с Россией как с экономической колонией.

Рыночные отношения стремительно вышли за рамки мелкого и среднего бизнеса, приватизации подверглись стратегические сферы производства. В результате таких реформ в России сложился олигархический строй, проецирующий на общество тоталитарные догматы либерализма, добровольно передавший рычаги управления экономикой страны заокеанским центрам экономического контроля и международным финансовым институтам, функционирующим в интересах атлантистского геополитического полюса (США, страны НАТО). Приоритет в экономической сфере был всецело отдан краткосрочным операциям, финансовая система, трансакции, промышленные проекты были ориентированы на стремительный оборот средств. В такой ситуации аккумуляция финансовых средств и производственных структур происходила в руках тех социальных групп, кто более всего был ангажирован в либеральные стратегии как в политическом, так и в экономическом смыслах, а также тех, кто ориентировался на западные атлантистские экономические модели. Подчеркнем особо: речь шла не о заимствовании западного хозяйственного опыта и его адаптации к национальным условиям, но о сознательной ликвидации национальной хозяйственной системы во имя абстрактных догм либерализма и практических интересов экстерриториальных экономических центров силы.

В результате в России сложился не капиталистический класс собственников, но либеральный класс, компрадорская олигархия, ориентированная целиком и полностью на краткосрочные модели экономической деятельности и работа-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 151 13.11.2012 15:32:50

ющая на интересы зарубежных (западных) финансово-промышленных групп и транснациональных корпораций. Сложился не рынок, но полуколониальная децентрированная экономика либерал-атлантистского образца.

С начала 1990-х гг. евразийцы не могли не оказаться в оппозиции либерально-демократическому истеблишменту, олигархии, радикально атлантистской культуре. Плюсы отмены марксисткой ортодоксии в идеологии и в экономике не компенсировали развал евразийского геополитического блока, СССР, разрушение хозяйства, введение либерал-атлантистской мировоззренческой диктатуры.

Ельцинские экономические реформы в России в свете евразийской логики следует оценивать со знаком абсолютного минуса. Сегодня важно, что негативный баланс реформ стал очевиден для подавляющего большинства россиян. Все, кроме узкой прослойки олигархов и безответственной неквалифицированной интеллигенции крупных мегаполисов, оказались в результате данных реформ в материальном и моральном убытке. Это закономерно. Но в ходе этих реформ, помимо горстки олигархов и обнищавших масс, спонтанно сложились различные экономические группы, которые, разделяя негативную оценку либеральных реформ, постепенно осознают специфику своих собственных интересов и ждут от идеологических и политических кругов внятного и приемлемого для них проекта. Речь идет об отдельных пассионарных ядрах хозяйственной деятельности, использовавших деструкцию советской системы для высвобождения своего творческого, активного делового потенциала, но не попавшие или не пожелавшие попадать в пирамидальные структуры олигархов-атлантистов.

Именно эти круги, подчас очень влиятельные и могущественные, ожидают от новой власти в России и от евразийской мысли внятного ответа и последовательной программы.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 152 13.11.2012 15:32:50

Возрождение национального хозяйства не придет ни от ВПК, ни от социализма, ни от экспроприации олигархов

Неоевразийство отдает приоритет геополитическим и цивилизационным факторам, полагая, что в хозяйственной сфере привилегированными должны быть те области, которые напрямую сопряжены с геополитической мощью страны. Интересы ВПК и связанных с ним структур являются приоритетными в евразийской экономической программе.

Вторым важнейшим элементом является принцип социальной гармонии, солидарности и взаимопомощи — иными словами, социально ориентированная экономика. Обе эти сферы являются затратными для государственного бюджета. Инфрастуктура ВПК частично может быть задействована в технологическом рывке, в развитии высоких технологий и инновационном процессе, но специфика всей области не предполагает ее полной коммерциализации. Развитие национального ВПК не может быть поставлено в зависимость от эффективности или неэффективности внедрения побочных технологических разработок в область промышленности, хотя такое внедрение, безусловно, полезно и желательно. В переоценке возможностей ВПК относительно вопроса развития национальной промышленности заключается основное заблуждение так называемых государственников. Справедливо рассматривая стратегические сферы производства как первоочередные, они заблуждаются относительно их самодостаточности для гармоничного развития хозяйства. Заказы оборонной промышленности играют, без сомнения, значительную роль в экономике крупных геополитических держав, но это возможно лишь за счет того, что эффективно и адекватно сконфигурированы иные области хозяйства.

Что касается социальной сферы, то это вообще исключительно затратная статья. Ее значения нельзя преумень-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 153 13.11.2012 15:32:50

шать, поскольку социальная сфера активно влияет на общее состояние народа и, при адекватной структуризации, она способна серьезно оздоровить экономическую жизнь в обществе. Образование, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, культура досуга и помощь социально обездоленным являются в среднесрочной и долгосрочной перспективе предпосылками не только социального, но хозяйственного и экономического процветания.

Олигархические круги и сектора хозяйства, ангажированные в сферу краткосрочных операций, фондовый рынок, спекуляции с ценными бумагами и валютами, портфельными инвестициями, а также экономические структуры, являющиеся проводниками зарубежных промышленно-финансовых корпораций, активно препятствуют развитию хозяйственного фундаментала, делают невозможными среднесрочные инвестиции в реальный сектор, релятивизируют и маргинализируют хозяйственные инициативы, укрепляющие в национальном масштабе реальные промышленно-финансовые структуры. Аккумуляция большого процента оборотных средств и акций в руках олигархов-атлантистов является серьезной угрозой национальной безопасности государства, тормозит и в ряде случаев препятствует экономическому развитию. Самым полезным было бы упразднение политико-экономических и медиакратических систем, связанных с олигархами, деприватизация и ренационализация олигархических пакетов в целых отраслях промышленности и ресурсодобывающих областях как неконвертируемых во что-либо позитивное для евразийской экономики. Это расчистило бы поле действия для продуктивных экономических инициатив.

Методом исключения мы приходим к выводу, что для адекватного возрождения национальной экономики в евразийском ключе необходимо выделение особого типа хозяйственных деятелей, отличных и от работников стратегических предприятий (ВПК), и от обездоленных, неимущих масс, и от олигархов (пусть даже подвергшихся

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 154 13.11.2012 15:32:50

экспроприации). Представляется, что такую функцию наиболее динамичной хозяйственной среды должен был бы играть средний класс, но как раз этого класса по множеству причин в России за годы либеральных реформ так и не сложилось.

Евразийский капитал

В такой ситуации необходимо внимательнее присмотреться к классу средних предпринимателей (особенно региональных), структура собственности и интересы которых по объективным параметрам сопряжены с евразийским пространством и не связаны напрямую с Западом. Этот тип предпринимателя и собственника — довольно часто встречающийся, чтобы быть отдельным исключением, но далеко не столь стабильный, чтобы являться классом — может быть описан как «евразийский предприниматель». Максимально используя процесс либерализации, этот тип — пассионарный, деятельный, способный к адаптации — сумел за годы реформ преуспеть в создании финансовых, промышленных, ресурсообрабатывающих, сервисных, коммерческих и торговых структур, неразрывно связанных с конкретным пространственным, социальным и хозяйственным контекстом, вписанных в этот контекст. Совокупно эта область формирует то, что можно условно обозначить как «евразийский капитал» или «национальный капитал». Предпочтительно все же говорить именно о «евразийском капитале», поскольку термин «национальный» и слишком широк (под ним можно понимать результаты капитализации всей национальной промышленно-финансовой системы), и слишком узок (если использовать термин «нация» как синоним этнической принадлежности). Формула «евразийский капитал» описывает не только формальный, но и качественный признак, содержит в себе указание на природу этого капитала, подчеркивает его неразрывную связь с конкретным географическим, культурным, социальным и политическим рельефом.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 155 13.11.2012 15:32:50

Представители «евразийского капитала», его создатели и организаторы, отличаются тем, что не ориентированы на конвертацию этого капитала в формы либерал-атлантизма: ликвидность его невысока, скорость обращения невелика. Будучи переведенным в валюту и помещенным вне евразийского пространства, такой капитал обречен на быструю диссипацию. Вся его структура эффективна лишь в конкретном контексте, вне которого она утрачивает свою рентабельность. Хозяйственная психология евразийских предпринимателей такова, что максимально эффективной она оказывается в их привычной среде, с которой они связаны органически и где они прекрасно отдают себе отчет относительно формальных и неформальных закономерностей локального бизнеса. Более того, именно конкретика локального контекста, ее понимание и умение использовать лежат в основе экономического успеха этого типа предпринимателей. Приоритетная сфера деятельности экономических акторов является среднесрочной. В этом масштабе они крайне эффективны и адаптивны, способны на извлечение максимальной прибыли. Такие очаги и отдельные полюса являются матрицей поколения «евразийских хозяев», конкретного среднего класса, его прототипом. От олигархов они отличаются природой и структурой своей собственности, тем, что их капитал является «евразийским», вписанным в социальный ландшафт и слабо- (или почти не-) конвертируемым в атлантистские формы. Они часто имеют собственность и авуары за рубежом, но эта дань моде не меняет их структурной укорененности. Наличие заграничных счетов и вилл выполняет роль временной безопасной кассы и произвольной траты.

Тип предпринимателя-евразийца, хозяина, собственника является той ключевой фигурой, от позиции, консолидации интересов, самосознания и исторической ответственности которой зависят эффективность и возрождение евразийской экономики. И сегодня эта проблема является центральной.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 156 13.11.2012 15:32:50

Вопреки либерально-марксистской догматике национальный капитал совершенно не обязательно перерастает в транснациональный. А сам транснациональный капитал, также вопреки классическим теориям, отнюдь не теряет связи со своей культурной и национальной средой. Иллюстрацией первого положения служат японский и особенно китайский капитал, который, даже достигая уровня конкуренции с глобальным капиталом, остается контекстуально, политически, стратегически и национально связанным соответственно с японским и китайским обществами. Подчиняясь абстрактным законам мировых финансов только до определенной степени, такой капитал работает на укрепление совокупного потенциала своих держав. Когда Япония в конце 1980-х годов перешла определенную грань в интеграции в сторону транснациональных финансовых рынков, это повлекло за собой фундаментальный кризис японской экономики и спад производства, чьи последствия Япония не может ликвидировать уже второе десятилетие. Китай следит за этим более пристально, чему способствует жесткий контроль КПК над стратегическим планированием развития китайской экономики, а также патриотическая психология китайцев, включая хуатсяо — китайцев, проживающих вне терририории Китая, но сохраняющих китайскую идентичность и лояльность родине.

Примером, иллюстрирующим второе положение, является американский капитал, который, претендуя на роль глобального и транснационального, тесно связан с американскими геополитическими интересами и, вопреки либеральным теориям, стратегически обслуживает американские национальные интересы в глобальном масштабе. Чисто спекулятивный сектор — горячие деньги, портфельные инвестиции, строго соответствующие либеральным принципам извлечения выгоды в любой точке, где ее можно извлечь, представляет собой лишь маргинальный сегмент глобальной американской экономической политики, не влияющий на ее глобальную структуру.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 157 13.11.2012 15:32:50

Эти два примера иллюстрируют то, чем может и должен быть евразийский капитал, свободное развитие и становление которого не исключает привязки к стратегическим интересам российского государства и цивилизационным особенностям российского общества. Более того, именно с учетом этих факторов такой капитал только и сможет развиваться гармонично, не нарушая социального баланса, оказывая поддержку державе и народу и пользуясь взамен этого защитой государства и лигитимацией со стороны общества. В 1990-е годы российский капитал складывался по прямо противоположным алгоритмам — как капитал компрадорский, коррупционный, разлагающий государство и совершенно не лигитимный в глазах общества. Чтобы измениться в лучшую сторону, у него есть только один путь — стать евразийским. Принять на себя ответственность за социальную гармонизацию, культурный ландшафт и соучастие в реализации национальных интересов и геополитических проектов России.

ЛИБЕРАЛИЗМ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ЕМУ

С начала 1990-х либерализм стал основной догмой экономических реформ в России. Это дало свои плюсы и свои минусы. Сегодня, когда мировой финансовый кризис принял глобальные масштабы, самое время подвести *определенный баланс итогов либерального периода*. Все эти годы либеральные реформы в российской экономике проходили в общем контексте глобального подъема и распространения либерального подхода. Поэтому, вслед за остальными мировыми экономическими зонами, пораженными либеральными походами, Россия также переживает негативные последствия либеральных реформ, проявившиеся в формировании олигархии, демодернизации промышленности (за счет экспорта дорогих энергоносителей), социальном расщеплении по имущественному признаку, сокращении и утрате социальных гарантий, в расшатывании единства нации, обще-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 158 13.11.2012 15:32:50

ства, территориальной целостности и т. д. Все эти последствия более чем полутора десятилетий либерального торжества в экономике ставят вопрос о необходимых коррекциях либерализма и даже альтернативах ему. Что можно было бы предложить сегодня в качестве *нелиберальных моделей* развития экономики РФ и постсоветских стран?

Сегодня в экономике происходит фундаментальная смена парадигм. В российском обществе, в западном обществе и в обществах стран Востока происходит революция, по своему содержанию сопоставимая с тем, что произошло в Новое время, когда начался распад традиционных обществ и становление новой просвещенческой парадигмы. Мы долго жили в Новом времени, не задумываясь о том, где мы живем и что было до этого. У нас было ясное представление об истории. Но вдруг всё вновь оказалось под вопросом, и теперь следует заново обратиться к фундаментальным циклам истории, дабы вновь осмыслить, с чем мы сталкиваемся. Это осмысление необходимо начать с описания трех циклов истории, трех парадигм, трех моделей цивилизации.

Три периода общественно-экономического развития в истории человечества: премодерн — модерн — постмодерн

Первый тип цивилизации — премодерн или традиционное общество. Это форма существования человечества, основанная на доминировании религиозных, архаических принципов. Бóльшую часть своей истории, с момента сотворения мира, человечество жило именно в премодерне, в рамках традиционного общества.

Начиная с эпохи Просвещения XVII–XVIII веков и до конца XX века мы жили в Новом времени, которое обычно называют *модерном*. Это была особая цивилизация, с идеологиями и мировоззрениями, которые основывались на прямом отрицании премодерна. И еще совсем недавно мы жили в эпохе модерна и не задумывались над тем фактом,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 159 13.11.2012 15:32:51

что между модерном и премодерном существует такое же различие, как между плюсом и минусом. Модерн сменял эпоху премодерна, будучи его полным отрицанием. Всё, что утверждалось в традиционном обществе — картина мира, антропология, теология, хозяйство, общество, политика, быт, этика, — модерном отрицалось. По сути дела, это и было революцией Нового времени, революцией Просвещения. С точки зрения парадигмы Просвещения, парадигмы модерна, всё, что предшествовало модерну, было недостаточным, недоразвитым, негативным. Освобождение от премодерна, то есть традиционного общества, было главной движущей силой и пафосом перехода к модерну.

В конце XX века, буквально несколько десятилетий назад, человечество, триста лет спокойно пребывавшее в модерне, вдруг стало осознавать, что повестка дня модерна, освободительная, отрицающая премодерн, закончилась и возникает феномен, который условно, не очень точно, был назван *постмодерном*.

ПРЕМОДЕРН	МОДЕРН	ПОСТМОДЕРН
традиционное общество	Новое время XVI–XX	актуальный западный мир XX–XXI

Постмодерн — это актуальный западный мир последней четверти XX века — начала XXI века, но главным образом США после 1960-х годов. И хотя он представляет собой довольно условную конструкцию, политологи и историки стали сознавать, что между постмодерном и модерном существуют такие же различия, как между модерном и премодерном.

Вся повестка дня модерна в постмодерне была по сути дела отменена: модерн верил человеку, постмодерн не ве-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 160 13.11.2012 15:32:51

рит человеку, модерн говорил о необходимости улучшения условий жизни, постмодерн к этому относится безразлично, модерн настаивал на промышленном росте и социальной справедливости, постмодерн занят абсолютно другими вопросами. Модерн был искренним, пафосным и обращенным к прогрессу; постмодерн обращен к оптимизации, ироничен, холоден и по-новому жесток.

Всем трем описанным парадигмам — премодерну, модерну и постмодерну — соответствуют три уровня технологического развития, три технологических уклада.

Прединдустриальное общество — индустриальное общество — постиндустриальное общество

Премодерну соответствовало прединдустриальное общество, предшествовавшее индустриализации. Модерн — индустриальное общество, постмодерн — постиндустриальное общество. Это не просто термины. Премодерн, модерн и постмодерн — это социологическая, историческая конструкция, а прединдустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество — это описание технологических и экономических укладов. Очень любопытно современное деление всех экономических сегментов экономики на три сектора: первичный, вторичный и третичный.

ПРЕМОДЕРН	МОДЕРН	ПОСТМОДЕРН
прединдустриальное общество	индустриальное общество	постиндустриальное общество

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 161 13.11.2012 15:32:51

Три экономических сектора общества: первичный, вторичный и третичный

С точки зрения наложения трех парадигм друг на друга, возникает интересная взаимосвязь: премодерну и прединдустриальному обществу соответствует первичный сектор производства, аграрного, кустарного и ремесленного по своей структуре. Модерну — индустриальному обществу — соответствует вторичный сектор производства, то есть промышленность. Постмодерну, постиндустриальному («информационному», как его называют) обществу соответствует третичный сектор экономики, включающий в себя сферу услуг, в том числе финансовые, юридические, консалтинговые, менеджерские, страховочные, «парикмахерские» услуги и т. п. Принципиальное свойство третичного сектора состоит в том, что это не аграрное и не промышленное производство.

ПРЕМОДЕРН	МОДЕРН	ПОСТМОДЕРН
прединдустриальное общество	индустриальное общество	постиндустриальное общество
первичный сектор (сельское хоз-во)	вторичный сектор (промышленность)	третичный сектор (услуги)

Три модели понимания времени: вечность (циклы) — история — пост-история (конец истории)

В смене этих парадигм затрагиваются глубинные основы человека. Речь идет и о технологии, и об экономическом укладе, речь идет о перемещении экономического внимания

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 162 13.11.2012 15:32:51

от одного сегмента к другому, но одновременно речь идет о таких вещах, фундаментальных для человеческого существа, как понимание времени. Премодерну, или прединдустриальному, аграрному обществу, свойственны представления о вечности или о цикличности, соответствующие циклам сельскохозяйственных работ. Модерну, индустриальному обществу, промышленному сектору внятно представление об истории как о чем-то, что имеет начало и конец. Промышленному циклу соответствует представление о линейном времени, так как промышленное производство не связано с естественными, природными, сезонными циклами. Действительно, для рабочего сезонные циклы — это акциденции, в то время как циклы для крестьян — это некие фундаментальные основы бытия. Отсюда возникает концепция линейного времени или концепция одномерного прогресса, который доминирует исключительно в промышленном, индустриальном укладе.

Чему соответствует представление о времени в постмодерне? Фукуямовский конец истории и бодрийяровская концепция пост-истории — два сложных явления, отражающих фундаментальные сдвиги во всех отношениях.

Премодерн, или традиционное общество, основано на сакральном, или на мифе. Мифологическое, сакральное — это та операционная среда, в которой живет общество премодерна, сельскохозяйственной культуры, первичный сектор.

Модерну соответствует представление не о сакральном, но о реальном. В его основе не миф, а наука и рационализм. Это характерное качество именно модерна, который в наши дни, по мнению многих политологов, социологов и культурологов, закончился или заканчивается.

Что же соответствует этому представлению о реальности в постмодерне? На место сакрального, после реального, приходит виртуальное, на место науки — игра и ирония. На место рационализма — пародия. Это совершенно специфическая форма восприятия мира. Речь идет не просто о стиле, моде, например, о постановке в Большом театре оперы

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 163 13.11.2012 15:32:51

«Дети Розенталя» по либретто Сорокина. Речь идет о новом восприятии реальности. И поскольку современный человек в значительной степени создает ту реальность, в которой живет, то речь идет об изменении реальности как таковой.

ПРЕМОДЕРН	МОДЕРН	ПОСТМОДЕРН
прединдустриальное общество	индустриальное общество	постиндустриальное общество
сельское хозяйство	промышленность	финансы — информационные технологии — экономика знаний
вечность — циклы	время — история	конец истории — пост-история
сакральное — миф	реальное — наука — рационализм	виртуальное — игра — ирония — пародия

Что же такое либерализм, в том числе и в России, с учетом трех изложенных парадигм?

Три главные идеологии модерна (фашизм, коммунизм, либерализм)

В эпоху модерна существовали три основные идеологии. Они принципиально по-разному решали проблему отношения к премодерну, к самому модерну, и каждая из них выдвигала собственную версию постмодерна. У каждой из этих идеологий было собственное представление об отношении к трем парадигмам.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 164 13.11.2012 15:32:51

Обычно считается, что постмодерн есть новейшая, ультрасовременная реальность. Однако в каждой из традиционных идеологий модерна была своя версия постмодерна.

XX век был веком соревнования трех основных идеологий за право на свою версию продолжения в постмодерне. Фашизм был той современной идеологией, которая первой погибла в XX веке. Будучи в целом модернистическим явлением, он имел к премодерну самое позитивное отношение, стремясь к специфическому сочетанию премодерна (гиперборейская традиция, языческое наследие) и модернизации экономики и промышленности. В качестве постмодернистской модели фашизма был выбран «тысячелетний Планетарный Райх» с расовой подоплекой, экологией и идеями «нового средневековья». Мировая история должна была закончиться всемирной Нордической империей, пройдя через этап очень специфической модернизации, в которой архаические элементы сохранялись как нечто ценное и положительное. В 1945 году эта альтернативная либерализму модель модернизации потерпела поражение и исчезла.

Вторая модель — коммунистическая идеология. В ней существовало представление о пещерном коммунизме, классовом обществе и капитализме — всё это было, в каком-то смысле, премодерном для коммунизма. Социализм, СССР и советский лагерь составляли содержание коммунистического модерна. В основе идеологии марксизма также лежала идея модернизации, альтернативной по отношению к либерализму. У коммунистической модели было и свое представление о постмодернистической перспективе — победе мировой революции, коммунизма в мировом масштабе, отмене денег и эксплуатации. Эта идеология потерпела крах в 1991 году.

Обе модели — фашистская и коммунистическая — мыслили себя как альтернативу либерализму. Либерализм относится к премодерну строго негативно — как к архаике и феодализму, как к тому, отрицанием чего стала капита-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 165 13.11.2012 15:32:51

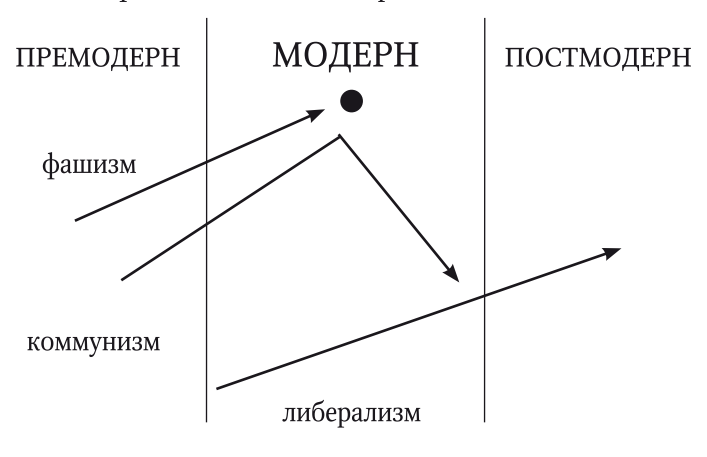
листическая формация. Проект модернизации либерализм видит в либеральном капитализме, в буржуазной демократии и свободном рынке. Это единственная не проигравшая в XX веке модернистская модель, сумевшая сформировать постмодерн не как несбывшийся проект, но как реальность, в которой мы с вами живем, включая информационное общество, one world, Empire, Wallstreet, мировое государство и глобализм. Либерализм — это тот постмодерн с абсолютизацией рынка, виртуализмом, Денежным Строем, финансизмом, глобализмом, исчезновением политики и концом истории, о котором говорил Фукуяма. Либеральный постмодерн — это «World State», «One World», синтез живого (человека) и неживого (машины), в сочетании с торжеством и мессианством либеральной демократии в глобальном смысле.

ПРЕМОДЕРН	МОДЕРН	ПОСТМОДЕРН
гиперборейская традиция (язычество)	**фашизм** национал-социализм — Германия Гитлера — страны Оси	тысячелетний Планетарный Райх
пещерный коммунизм — классовые общества — капитализм	**коммунизм** социализм — СССР — советский лагерь	коммунизм — победа мировой революции
архаическое общество — феодализм	**либерализм** либерал-капитализм — буржуазная демократия	информационное общество — One World — Empire — World State — глобализм

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 166 13.11.2012 15:32:51

XXI век: выигрыш либерализма

После краха предшествующих альтернативных форм модернизации либерализм остался единственной идеологией, которая перешла в постмодерн. На рисунке видна судьба трех идеологий модерна. Фашизм, вышедший из премодерна, подбит на взлете, не пройдя весь цикл. Мы ничего не знаем о кризисе и крахе фашистской экономики. Вначале эта экономика была эффективной, а затем фашизм был уничтожен. Мы не видим конкурентного проигрыша фашизма в экономическом противостоянии с другими системами, мы видим военное поражение фашизма. Отсюда возникло болезненное явление, связанное с фашизмом, которое по-французски называется «maison avec fantômes» — «дом с привидениями». В доме, в котором человек умер не своей смертью, раньше времени, часто раздаются различные стуки. Духи мертвых беспокоят живых тогда, когда жертва погибла внезапно, не исчерпав своих жизненных сил. Сохранилась определенная темная, сатанинская фасцинация фашизмом, с темами возвращения мертвецов и вампиризма, связанная с тем, что он не успел выродиться и был оборван в начале цикла. Поэтому, была ли состоятельна эта экономическая модель или нет, мы не знаем. Экономическая эффективность фашизма не была оспорена экономически.

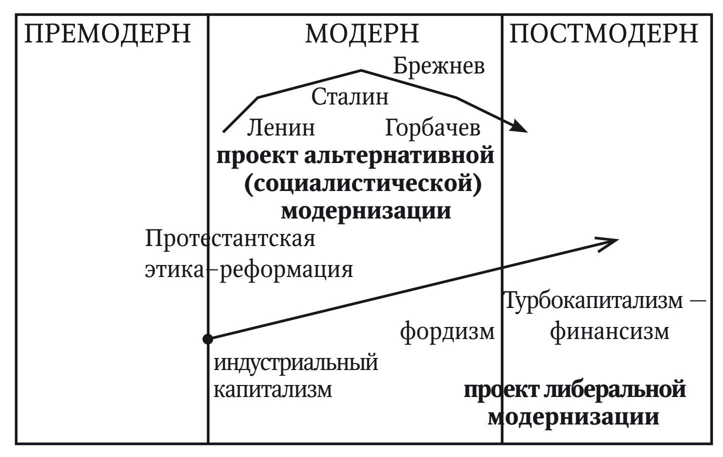

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 167 13.11.2012 15:32:51

Коммунистическая идеология тоже была глубоко укоренена в премодерне, как показали исследования, например, Михаила Агурского. В значительной степени она была архаической, «чевенгуровской» реальностью. Экономически она достигла определенных успехов и до какого-то момента была экономически конкурентноспособна по отношению к либерализму. Переломным моментом стали 1960–1970-е годы, когда экономическое и идеологическое развитие советского общества пошло на спад.

Советское общество, советская идеология, в отличие от фашизма, прошли все стадии. Советский проект имел начало, он развился вплоть до реальной конкурентоспособности с Западом, стал вменяемой ему альтернативой, потом стал распадаться, деградировать и наконец рухнул и исчез. В советском варианте коммунизм прошел свой цикл от начала до конца, но не смог перейти в постмодерн, деградировал и сгнил, обнаружив экономическую и технологическую неконкурентоспособность.

Когда мы говорим о *советском проекте* в будущем (а многие сейчас пытаются рассматривать именно этот проект как альтернативу либерализму), мы забываем о законченности этой идеологии. Она началась, развилась и потерпела экономический крах. Можно было бы восстанавливать ее в рамках модерна — но тут, что любопытно, и модерн закончился. Завершился сам процесс модернизации.

Проект альтернативной, социалистической модернизации представляет собой законченный и полноценный цикл.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 168 13.11.2012 15:32:51

В свое время два русских философа, Николай Данилевский и Константин Леонтьев, а потом и последовавший за ними Освальд Шпенглер разработали модели аналогий или гомологий между жизнью живых микроорганизмов и социальных организмов. И там и там они прослеживали становление, расцвет и потом распад. В проекте советской модернизации мы видим все эти стадии: Ленин — это начало модернизации, Сталин — успех модернизации, дальше — распад и деградация.

Экономический либерализм

Третья идеология, которая не коренилась в архаическом состоянии, в премодерне, а, лишь зародившись в нем, стала отрицанием премодерна — это либерализм. Экономический либерализм более фундаментален, чем политическая демократия. График развития либерализма иной: он рождается на границе между премодерном и модерном и через протестантскую этику, через Реформацию, через индустриальный капитализм-фордизм легко переходит в форму того, что называется «турбокапитализмом», «финасизмом» или «экономикой информационного толка».

Либерализм проводил свою модернизацию достаточно последовательно, выиграв вначале (вместе с коммунизмом) у фашизма, потом у коммунизма. И самое принципиальное — это черта, точка, грань, которая отделяет модерн от постмодерна. Это единственная современная идеология, которая качественным образом перешла из настоящего в будущее, пройдя весь цикл развития, доказав свою эффективность и в лице США осуществив переход в постиндустриальную стадию.

Французский писатель-политолог Морис Дантек написал книгу под названием «Мы живем в будущем». Это действительно так. Будущее, в котором действует постмодерн, уже началось, его законы, модели уже действуют. Это будущее реально. Напомним, что в традиционном мире существуют вечность и опыт вечности, например, в божествен-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 169 13.11.2012 15:32:51

ной литургии, которая сохранилась до сих пор. Четкое разделение на «вчера», «сегодня» и «завтра» существует только в модерне, это свойство истории, свойство модерна. Когда история заканчивается, будущее может наступить и стать настоящим, как это ни парадоксально выглядит. Утопия либерализма наступила, «завтра» началось, а «сегодня» закончилось. Мы живем в «завтрашнем дне», это американское завтра, завтра «третичного сектора».

Экономический либерализм в современной России

Каково же сейчас состояние экономики в России? Последние двадцать лет у нас доминируют либеральные представления. Люди, осуществляющие проекты российской экономики, руководящие правительственными инстанциями, возглавляющие экономический сектор в правительстве, являются сторонниками либерализма.

В тот момент, когда стало ясно, что экономика советского цикла в постмодерн попасть не может, что хрущевское предсказание наступления коммунизма в 1980-м году не сбылось (это очень фундаментальный момент, не случайно на 1980-х годах были зациклены и Хрущев, и Амальрик, и Оруэлл), когда все увидели, что в 1980-е годы в советском проекте не произошло качественного скачка альтернативной модернизации, позднесоветская элита во главе с Горбачевым приходит в состояние внутреннего помешательства от нерешенности вопроса о модернизации. И всё рушится не просто в экономике, всё происходит прежде всего в сознании, потому что нет четкого представления о соотношении возможностей дальнейшей конкуренции.

Откуда к нам пришел либерализм? Возникла идея о том, что можно попасть в постмодерн «на халяву». Нужно просто «попроситься» туда. Если сложно этого добиться через конкуренцию, то нужно войти туда через теорию конвергенции, совершить вместе с Западом скачок в турбокапитализм и осуществить следующий этап модернизации. Поскольку собственные силы на автономную модернизацию

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 170 13.11.2012 15:32:51

иссякли, возникла идея прицепиться к модернизации за счет других. Идея вполне в духе общего вырождения. Естественно, что полноценному коммунисту периода индустриализации или периода расцвета коммунистической модернизации этого в голову прийти не могло. Но к неполноценному коммунисту восьмидесятых это вполне могло прийти в голову. И началась перестройка. Смысл перестройки и последовавших за ней либеральных преобразований был только один: раз нам не удалось осуществить альтернативную модернизацию, мы пересаживаемся в другой поезд. Но поскольку в позднем социализме не было выверено парадигмальное отношение к цепочке «премодерн–модерн–постмодерн» («прединдустриальное–индустриальное–постиндустриальное»), а также не существовало представления об идентичности России как исторического и географического субъекта, эта попытка оказалась весьма двусмысленной. На практике она привела к ликвидации остатков модернизации (советского типа), к деиндустриализации, к переводу экономики в область поставщика ресурсов.

Зазор между крахом советской модели альтернативной модернизации и не крахом либерального общества в этом сложном состоянии и явился источником и фундаментальной базой того, что в России пока доминирует и будет еще какое-то время доминировать либерализм в экономическом подходе к обществу, в отношении к ценностям. Речь идет о том, что эта идеология, система взглядов и верований оказалась безальтернативной, победительной, притягательной, и никто всерьез против этой логики высказаться не мог.

Но идея просто пересесть в западный проект оказалась примитивной. Она-то нас и подвела, потому что это была идея умирающего человека. Это была не идея здорового, сильного, хитрого подростка, который хочет прицепиться к поезду, рискованно куда-то заехать, куда его не пускают просто так, пешком. Это была идея полуразложившегося больного, делавшего последние усилия, чтобы перебраться с одних носилок на другие, полагая, что они — более современные и скоростные. Перестройка порождена сумереч-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 171 13.11.2012 15:32:51

ным сознанием. Это было не народное волеизъявление, не консенсус, но агония модели неудавшейся модернизации, вследствие которой мы оказались включенными в либеральный проект.

Экономика России в начале XXI века		
ПРЕМОДЕРН	МОДЕРН	ПОСТМОДЕРН
деградация и депопуляция села кризис кустарного производства исчезновение традиционных ремесел	деградация промышленности износ парка станков устаревание оборудования упадок производства сокращение промышленного сектора безработица миграция дешевой неквалифицированной рабочей силы постепенный распад ВПК	финансы, интегрированные в международную систему глобалистские СМИ (дешевый постмодерн) ТНК олигархат менеджмент и пиар-технологи (на уровне самосознания) молодежь через моду, MTV и гранты

Что последовало дальше, где мы находимся сейчас, после тех либеральных реформ? Каково состояние экономики России в начале XXI века с точки зрения этих трех секторов?

Понятно, что происходит с проявлениями экономики премодерна: деградация земель, депопуляция села, крах аграрного производства и т. д. Совершенно очевидно, что, поскольку мы эту идею забросили еще «во время оно», еще в эпоху начала индустриализации, ценностей премодерна

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 172 13.11.2012 15:32:51

и кустарного производства или традиционных ремесел никто не отстоял и не утвердил. Экономика здесь минимальная с точки зрения извлечения прибыли, даже, наоборот, это убыточный сектор, соответственно, этого у нас не осталось. Первичный сектор в России отсутствует и не поддерживается даже с точки зрения культурно-экологических соображений.

Что касается наследия модерна, то произошли полная деградация оставшейся от предшествующего этапа промышленности, износ парка станков, устаревание оборудования, упадок производства, сокращение целых промышленных секторов, рост безработицы, миграция дешевой неквалифицированной рабочей силы, постепенный распад структуры ВПК. Почему? Дело в том, что в России полностью отсутствует проект национальной модернизации. Увидев, как либералы переходят из модерна в постмодерн, мы плюнули на идею модернизации (мы пытались соревноваться с модернизированными обществами, но не смогли), и теперь это многим уже кажется бессмысленным. С точки зрения воли, идеи фикс или одержимости, можно было бы бросить все силы на национальную модернизацию и как-то противодействовать тенденциям деградации, то есть выставить национальную модернизацию в качестве общей идеи. Но этого не происходит, и даже если идея национальной модернизации возникает и декларируется, она не прививается, не захватывает общественное сознание. Субъективный фактор не включается, и, соответственно, перед лицом экономики постмодерна и социальных успехов глобального либерализма промышленный сектор просто не может устоять. Поэтому, когда мы сетуем на то, что у нас исчезает самолетостроение (о чем известный экономист Михаил Леонтьев говорит в своих программах из года в год), на это есть принципиальный ответ: исчезает оно не только вследствие «головотяпства», компрадоров, некомпетентности людей, хотя отчасти и поэтому тоже. Происходит это именно потому, что западное общество, стратегии которого мы каль-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 173 13.11.2012 15:32:52

кируем, находится на этапе фазового перехода от модерна в постмодерн, а проект любой национальной модернизации является проектом эпохи модерна и, стремительно устаревая, на наших глазах терпит крах. Дальше вопрос просто снимается. Несмотря на декларации, никто станками и самолетами всерьез заниматься не хочет (и раньше-то занимались с огромными усилиями).

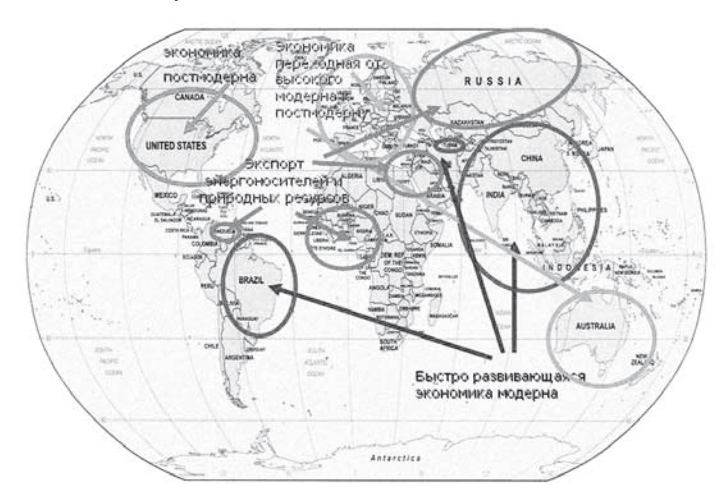
Теперь постмодерн. Сектор постмодерна в российской экономике присутствует очень активно. Это финансы, интегрированные в международную систему, это глобалистские СМИ, транслирующие кванты «дешевого» постмодерна, которые потребляются легко при подключении к постмодернистической сети, к Интернету, просто включив MTV. Это транснациональные корпорации, это олигархат, куршевельские «новые русские», это менеджмент и пиартехнологи на уровне самосознания, это пост-историческое отношение ко всему, что происходит, и это молодежь, которая через моду, через каналы MTV впитывает сознание постмодерна, резко отличающееся от того технологического уклада, в котором живет сама Россия. Это заимствование неких допингов самосознания другого класса. В свое время Вернер Зомбарт писал относительно того, что бедные часто могут быть сторонниками комфортизма и буржуазности даже больше самих буржуа. Такая картина показывает, что в современной России просто нет экономики, или, точнее, то, что в ней действует, экономикой, с точки зрения всех парадигм, назвать нельзя.

Основные экономические факторы, с которыми имеет дело российская экономика

В мире существуют несколько зон, где экономика есть. Существует экономика постмодерна с переразвитым третичным сектором в США. Фактически США — главный экономический и политический субъект управления ми-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 174 13.11.2012 15:32:52

ром. Субъект во всеоружии. Из этой инстанции управляется и российская экономика (и политика). Россия по факту является полуколонией, доминионом США.

Существует экономика высокого модерна, переходящего в постмодерн в Евросоюзе, где еще сохраняются элементы высокого промышленного развития, но уже появились элементы постмодерна. Евросоюз — переходная стадия от высокого модерна к постмодерну, эта диалектика отражена в коллизиях между европейской (континентальной) социал-демократией и англосаксонским (островным) либерализмом. В Европе происходит сейчас активное внедрение либерализма, и там социал-демократы, кейнсианцы ведут свои фундаментальные идеологические баталии. Европа хочет самостоятельно, постепенно перейти в постмодерн, а Америка им предлагает быстрый скачок. От России Евросоюз хочет только ресурсов. Экономическое пространство России интересно как источник добычи природных ресурсов и территория их транспортировки. Фантомность российской экономики провоцирует европейцев (немцев) втягиваться в это пространство. Но европейцы не могут действовать свободно, без оглядки на Штаты, а Штаты наблюдают за Россией и Евразией очень пристально.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 175 13.11.2012 15:32:52

Существуют бурно развивающиеся национальные экономики в стиле модерн, быстроразвивающиеся экономики модерна, например, в Турции, в Китае, в некоторых других странах тихоокеанского региона. Причем они осуществляют свой успех не благодаря экономическим факторам: эти экономические модели были очень слабы еще совсем недавно, когда мы процветали. Но они нашли культурный стимул для процветания *в себе*, открыли цивилизационный стимул для развития в собственной идентичности и выработали, путем колосального интеллектуального усилия, свою модель отношения и к постмодерну, и к модерну. Например, Китай — это уникальный опыт ускоренной модернизации. Китай пытается стать «вторичным сектором» в мировом масштабе. Модернизация Китая сочетает социализм и фашизм (национально-расовый фактор в китайском феномене). Сегодня Пекин стоит перед перспективой выработки своей версии постмодерна и постиндустриального проекта. Китай знает, что делает в экономике. И для этого ему нужны ресурсы. Российские ресурсы. Он их получит — не мытьем, так катаньем. К странам с быстроразвивающейся экономикой модерна относится, в какой-то степени, и Бразилия.

Существуют еще зоны, которые неидентифицируемы с точки зрения уклада — прединдустриального, индустриального или постиндустриального, и которые просто поставляют ресурсы. Это арабский мир, в частности Ближний Восток, Западная Африка, Венесуэла и Россия. Среди этих уже неэкономических зон (они могут быть богатыми и в каком-то смысле даже сильными, но экономики там нет, потому что там нет никакого уклада, все уклады, которые там наличествуют, являются рудиментарными и совершенно неплановыми и неконсолидированными) есть пространства, которые экспортируют энергоресурсы. Исламский мир — прямой конкурент России. Ранее СССР выступал как один из спонсоров модернизации исламского мира. Сегодня между Россией и исламским миром никаких объективных экономических интересов нет. Одна из вер-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 176 13.11.2012 15:32:52

сий экспорта исламского экстремизма: экономическая конкуренция — мусульмане на постсоветском пространстве живут в областях нефтедобычи.

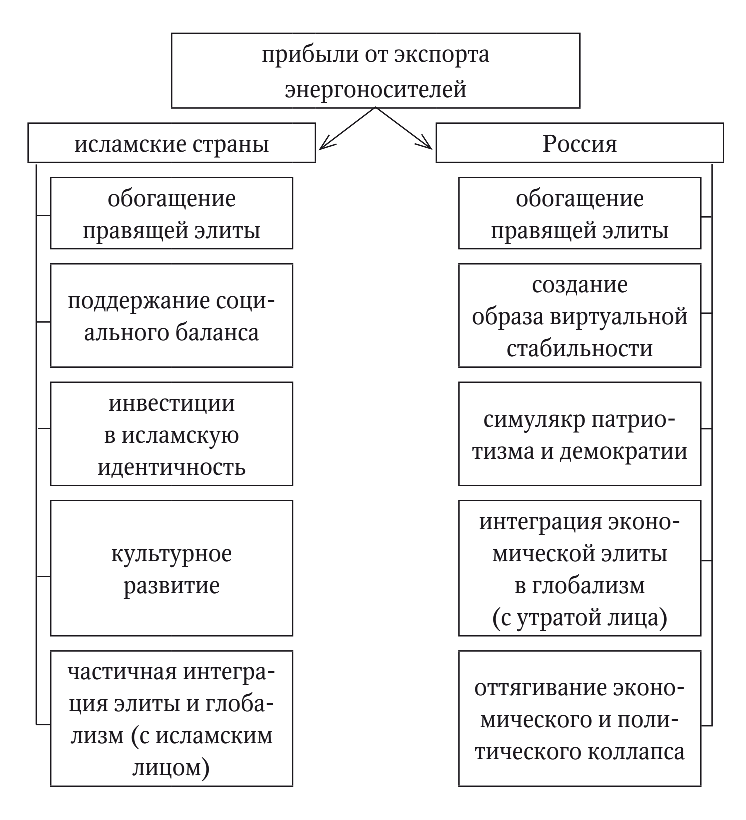
Экспорт сырья — нефть, газ, сталь

Российская экономика основана на экспорте сырья. Деньги, машины, дачи, покупки — все это производное от продажи природных ресурсов. По сути, для этой операции вообще не надо никакой экономики. Показательно, что Путин сказал на встрече с главой «ТНК-ВР»: «За счет вашего менеджмента прибыли выросли в 20 раз». Отдав процесс перекачки ресурсов иностранцам полностью, можно еще больше увеличить прибыль.

Ресурсы могут добываться в экономике без «первичного», «вторичного» и «третичного» секторов, как в Саудовской Аравии или Эмиратах. Эти сектора имеют в таком случае не экономическое, а культурно-социальное значение. Но в Саудовской Аравии экспорт нефти накладывается на сильную исламскую идентичность. Исламская экономика — явление культурное, а не экономическое. Например, как распределяются прибыли от экспорта энергоносителей в исламских странах? В первую очередь, это обогащение правящей элиты, во-вторых, поддержание социального баланса. Но в исламских странах идут также инвестиции в исламскую идентичность, и это фундаментальный момент. Исламской экономики нет, а вот исламская идентичность есть. И часть нефтедолларов, которые они получают от продажи нефти, идет на инвестиции в эту идентичность. Это химерическая цивилизационная, культурная вещь, неэкономический фактор, но он питается за счет экономики. Часть денег идет на культуру (это вытекает из исламской идентичности) и на частичную интеграцию элит в глобализм. Но эти элиты сохраняют свою идентичность, представляя мировой элите ислам. В этом вопросе они действуют неэкономически, они просто демонстрируют свою иден-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 177 13.11.2012 15:32:52

тичность. В России идентичности нет, поэтому нефть, газ, руда и лес отдаются просто так.

Как происходит распределение прибыли от экспорта в России: обогащение правящей элиты, так же как в исламском мире. Это совпадает. За счет экспорта в бессмысленном и эфемерном полукомфорте наслаждаются «элита» и обслуживающий ее персонал, от остальных откупаются копейками. Второе — инвестиции идут в создание образа виртуальной стабильности, это целая современная российская индустрия, поскольку образ этой виртуальной стабильности необходим как приложение к трубе. Сырьевые деньги тратятся также на симулякр патриотизма и демократии. Сами по себе и патриотизм, и демократия — слишком серьезные

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 178 13.11.2012 15:32:52

и ответственные вещи, для того чтобы их реально выпускать. Поэтому вместо создания или открытия проектов патриотизма и демократии создают их симулякры, которые функционируют как таковые. Это «дешевый» постмодерн. Полученные временные дивиденды уходят в никуда.

Так же, как в исламских странах, происходит интеграция нашей российской экономической элиты в глобализм. Только без идентичности, потому что ничего русского в нашей элите нет. Главная задача инвестиций — куда идут прибыли от добычи — это оттягивание экономического и политического коллапса. Нечто подобное происходит, к примеру, в западных африканских странах, которые тоже достаточно много инвестируют в добычу нефти. И соответственно, мы, увы, похожи на них.

В такой ситуации находится объяснение неким противоречиям между исламским миром, и особенно арабским исламом, и Россией. Мы — конкуренты не в цивилизационном проекте, а с точки зрения поставок сырья тем, кто его покупает. Этим объясняется поддержка арабским исламом разрушительных элементов в России. Таким образом, поставляя свои ресурсы странам с постиндустриальной и вы-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 179 13.11.2012 15:32:53

сокоиндустриальной экономикой, Россия осуществляет постмодернизацию только лишь российских экономических элит, делая их представителями экстерриториальных сетей. По сути, они являются «внешними управляющими». Все остальные обслуживают эти элиты и от населения просто откупаются. Это программа не только уже сидящего Михаила Ходорковского или еще не сидящего Романа Абрамовича: так думают и поступают все олигархи, вся экономическая элита РФ.

Либерализм в этом случае есть приведение операционной системы российской экономики к стандартам постиндустриального Запада с игнорированием фундаментальной проблемы исторической и географической специфики России. Либерализм переформатирует российский харддиск — стирает всю старую информацию, устанавливает на пустом месте новую операционную систему. Национальным остается только «хардвер», весь «софтвер» загружается извне.

По факту, такой российский либерализм интегрирует Россию в глобальную сеть постиндустриального пространства без какой бы то ни было субъектности. Развитие «третичного сектора» в нашем случае — это развитие «экстерриториального» сектора. Люди, попадающие в него, получают новую — глобалистскую — идентичность.

Вопрос отношения к либерализму — абсолютный вопрос

Проблема экономической альтернативы либерализму в России не является экономической проблемой. Она вписывается в гораздо более фундаментальный контекст смены парадигм, выбора проекта, определения идентичности, формирования отношения к логике истории и структуре политической географии. По сути, проблема либерализма и либеральной экономики в России — вообще не экономическая проблема. Это проблема, если угодно, религиозная

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 180 13.11.2012 15:32:53

или даже более глубокая, парадигмальная. Например, Исламский проект в своих устоях осуществляет внутреннее, метафизическое или религиозное, отторжение логики либерализма, включая постмодернистические проекты. Это некое фундаментальное восстание, революционный проект, который имеет обоснование в самом себе, а не в том, что нечто является более эффективным. Он просто заявляет: «Это невозможно, недопустимо, мы говорим либерализму „нет", все что угодно, только не это». Это отрицание духовное, исходящее из глубины и фундаментальности мировоззренческой постановки проблемы, это, действительно, некий акт религиозного или национального утверждения.

Объяснить негативный аспект либерализма и сказать, что его надо как-то исправить, несерьезно и несостоятельно. Простой линейный баланс неудач и издержек либеральных реформ в России, обращение к опыту теорий, корректирующих или отвергающих либерализм, сами по себе недостаточны — это скорее следствия, технические приемы, которые повисают в воздухе, пока не решены парадигмальные вопросы. Многие честные люди понимают, что что-то с либерализмом не то, что-то с нашей экономикой не то, что-то с нами, или с нашим обществом, не то, и справедливо критикуют издержки либерализма. Но предложения, как надо всё исправить и улучшить, являются наивными, голословными или просто полемическими, а чаще всего — бессодержательными. Потому что косметическим образом здесь исправить ничего невозможно. Либо это надо признать, смириться и просто участвовать в тех процессах, которыми занимается российская экономическая элита. Люди же живут как-то, вся Москва живет, обязательно у кого-то есть родственники, которые работают менеджерами, секретаршами или уборщицами в Газпроме, и этого достаточно для прокорма всей семьи. При трубе люди вполне могут существовать, обслуживать ее, тем более что рядом с ней плодится множество интересных параллельных пиаровских проектов. За счет этого может прожить значительная часть населения.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 181 13.11.2012 15:32:53

Либерализм — это единственный удавшийся вход в постмодерн (постиндустриальное общество). Это реальность как экономическая, так и историческая и геополитическая. Это краткое резюме фундаментальной парадигмы, за которой стоит колосальный фундаментал. Теоретически можно указать на минусы либерализма, но в реальности мы не можем указать практически никакой весомой альтернативы ему в качестве очевидной и наглядной реальности.

Критика либерализма выводит нас на уровень метафизики, религии, интерпретации логики истории и трансформации общественных парадигм. Как отмечалось, это вопрос не только не экономический, но даже не политический, а духовный. Он обращен к сути человеческого начала. Это выбор из разряда абсолютных: «быть или не быть», «добро или зло», «либерализм» или «нелиберализм». И, как всегда, в таких случаях речь идет об акте *решения*, исходящего из глубин человеческого существа, об акте Веры и Исповедничества.

Оспаривать либерализм — все равно что оспаривать логику истории. Это, разумеется, можно делать, и все религии и великие идеологии делают это. Но эта задача ничего общего не имеет с решением технических проблем, с повышением технологической эффективности экономического устройства.

Хайдеггер говорил, что сущность техники — это проблема не техническая.

К онтологии альтернативы либерализму

Чисто теоретически можно представить альтернативные либерализму проекты на трех уровнях.

Евразийский ответ на вызов либерализма представляет собой наиболее последовательную систему взглядов: он сочетает в себе возможности для совмещения премодерна, модерна и постмодерна, первичного, вторичного и третичного секторов.

В плане премодерна — это переосмысление аграрного, кустарного производства и ремесел, проект возврата к по-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 182 13.11.2012 15:32:53

чве, традиционализм, возрождение традиций и экономики на религиозной основе.

Евразийство есть традиционализм. Это означает, что евразийство не признает линейного прогресса и настаивает на циклическом движении с возвратами и повторами пройденного. Поэтому экономика аграрно-кустарного производства как одна из ценностей человеческого сообщества, в том числе в экономическом и экологическом смыслах, имеет право на существование в качестве одной из сфер экономики.

Евразийцы понимают логику либерализма, но все доводы в его пользу, в евразийской системе координат, становятся доводами против него. «Кому и зачем нужно аграрное общество?» — спрашивает либерал. И отвечает: «С экономической точки зрения — никому, потому что оно неконкурентноспособно, является заведомо затратной, экономически неприбыльной вещью в сравнении с обществами с активно развивающейся промышленностью». Но это верно только с количественной, чисто экономической точки зрения и совершенно не верно с точки зрения неэкономического — общекультурного, цивилизационного и экологического подходов.

Что касается модернизации, промышленного подхода. На этот счет у евразийства тоже есть определенный проект: «модернизация без вестернизации», то есть использование модернизации без идеологического сопровождения содержанием парадигмы модерна, то есть модернизация ответная, направленная на то, чтобы не стать объектом физической экспансии другого государства. Индустриальное общество (модерн) принимается евразийством только для защиты идентичности, как оборонная мера, которая должна быть очищена от идеологии модерна, от содержания модерна. Проект «модернизации без вестернизации» — это, в каком-то смысле, «псевдомодернизация». Это евразийский, имперский или наднациональный социализм, это автаркия больших пространств, таможенный союз, экономи-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 183 13.11.2012 15:32:53

ческая интеграция постсоветского пространства, это экономический холизм.

Проект евразийской экономики		
ПРЕМОДЕРН	МОДЕРН	ПОСТМОДЕРН
возрождение традиции (Православия), аграрного труда, ремесел	модернизация баз вестернизации	многополярный мир
проект возврата к почве	оборонная модернизация	система дифференцированных экономических отношений с Европой, Азией
традиционализм	евразийский (имперский, наднациональный) социализм	мировая евразийская сеть — коммуникации между идентичностями (культурами)
	автаркия больших пространств (таможенный союз постсоветского пространства)	
	экономический холизм	экологизм

Третий уровень постмодерна — постмодернистический проект евразийской экономики — это многополярная система дифференцированных экономических отношений с Европой и с Азией, то есть идея того, что многообразие географии территорий диктует многообразие экономических моделей. Отказ от универсализации экономических подходов, создание системы мировой евразийской коммуникации, основанной на принципах сети между коллективными или культурными идентичностями, экологизм — это проекты, основанные совершенно на иных императивах, нежели

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 184 13.11.2012 15:32:53

экономическая целесообразность. Это альтернатива либерализму не по причине эффективности, а потому, что это более нравственный, духовный и моральный исторический выход для человечества.

Постиндустриальное общество и постмодерн — глобализация, доминация США и либеральная экономика рассматриваются евразийством как «великая пародия», Апокалипсис и «царство антихриста», как экономика антихриста, основанная на ценностной системе врага человеческого. По логике евразийства, индустриальная эпоха, секуляризация и Новое время сами по себе есть величайшая катастрофа, а постмодерн — высшая стадия этой катастрофы.

Евразийский проект есть проект великого возвращения к истокам. В центре Евразийского проекта — вопрос идентичности как высшей и абсолютной ценности. Русской идентичности как непрерывной метафизической надвременной реальности. Если угодно, это «онтологический национализм».

Классики теорий коррекций и альтернатив либерализму
Фридрих Лист (1789–1846)
Жан Шарль Симонд де Сисмонди (1773–1842)
Густав Шмоллер (1838–1917)
Макс Вебер (1864–1920)
Вермер Зомбарт (1863–1941)
Жозеф Прудон (1809–1865)
Сильвио Газелль (1862–1930)
Дж. Кейнс (1883–1946)
Йозеф Шумпетер (1883–1950)

Мы уже называли имена классиков альтернативных либерализму или существенно корректирующих либерализм теорий. Это Лист, Сисмонди, Шмоллер, Вебер, Зомбарт, Прудон, Гезелль, Кейнс, Шумпетер. Можно назвать еще десятки людей, каждый из которых вносил поправки в либеральную ортодоксию. Сами по себе эти мыслители, при

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 185 13.11.2012 15:32:53

всех их минусах и плюсах, остались на обочине. Все они называются «гетеродоксальными экономистами», критиковавшими либерализм в различных его проявлениях и предлагавшими серьезные изменения в ортодоксии либеральной теории.

Почему они остались на обочине? Почему они именуются «гетеродоксальными» экономическими авторами в отличие от либералов или марксистов? Да потому, что просто они никому не были нужны. Они могут стать нужными, если возникнет надэкономический императив поиска альтернативы. Тогда их теории начинают работать. А пока они просто украшают жизнь интеллектуальному и экономическому сообществу.

Современные теоретики коррекций и альтернатив либерализму
Франсуа Перру Серж Кристоф Кольм Николас Жоржеску-Реген Мишель Альетта Клиффорд Дуглас Амартия Сен

Существуют также современные авторы — Перру, Кольм, Жоржеску-Реген, Альетта, Дуглас, Сен и другие представители антиглобалистской экономики, которые достаточно выразительно критикуют, в том числе и с эстетической точки зрения, эксцессы либерализма и глобализации.

Из принципиального метафизического отторжения либерализма как резюме модерна возникает ткань конкретных экономических проектов.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 186 13.11.2012 15:32:53

Основные теоретические принципы альтернативной экономической теории
> Контекстуализация > Культуроцентрический плюрализм хозяйственных форм > Синтез конфликтологического и балансного подходов > Социологизм, гуманизм и квалитатизм экономической системы > Мезоэкономизм, коллективная конкретизация > Автоцентричность, широко понятый регионализм > Экологизм, амбиентализм > Интеграционизм, таможенный союз континентального масштаба > Дифференциализм

Основные принципы коррекции либерализма

Основные принципы коррекции либерализма — это экономические предложения, которые могут начать работать в контексте более фундаментального, неэкономического, альтернативного философского выбора, который должен этому предшествовать.

Если Россия мыслит себя как идентичность, как нечто, что имеет абсолютное и самостоятельное значение, можно говорить о том, как относиться к этой идентичности в премодерне, модерне и постмодерне, о том, как осмыслить крах советского проект а альтернативной модернизации и как поступить с тем вызовом либеральной модернизации, которая наступает на нас как рок, как фатум. Ибо последнее не просто заговор каких-то плохих людей, это фундаментальнейшая линия истории, как неотвратимая, жестокая

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 187 13.11.2012 15:32:53

поступь каменного гостя. Она настолько серьезна, что просто сказать, что она не нравится — недостаточно. Это как каток. Если мы хотим его остановить, если наша идентичность хочет спастись и настоять на своем, мы должны основательно продумать наши аргументы.

Как поступают с прибылью от энергоносителей разные страны? Ни исламские страны, ни Россия — никто не вкладывает эти деньги в модернизацию, никто и никогда, это такой закон. Экспортно-поставляющие страны не занимаются модернизацией, точнее, элитной постмодернизацией занимаются, а реальной — нет. Отсюда феномены Дубая, Эмиратов и т. п. Может быть, нам нужны были кризис, падение цен на нефть, народные выступления, коллапс, отсутствие выплат бюджетникам для того, чтобы пробудить национальную мысль, которая предшествует и либерализму, и экономике, чтобы мы вспомнили, *что* мы такое, посмотрели по сторонам, *где* мы живем, *что* было *до* нас и что мы делали всё это время.

Альтернатива либерализму обосновывается системой метафизических взглядов и только в таком качестве может получить внутреннюю стройность. Все существующие коррекции и модели обретут смысл только в этом контексте.

ТЕОРИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: СИНХРОНИЗМ ТРЕХ УКЛАДОВ, ГИПОТЕЗА ВЕЧНОСТИ, ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ИМПЕРАТИВ

Экономическая синхрония как основа евразийской теории хозяйства

С точки зрения философии евразийства, *одномерного, одностороннего прогресса в истории не существует.* Широко распространенное представление о том, что мир движется поступательно от простого к сложному, евразийство считает ошибочным. Развитие мира, и в том числе экономическое развитие общества, происходит циклически. И даже

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 188 13.11.2012 15:32:53

самые высокоразвитые культуры после цепочки катастроф возвращаются на прежний уровень. Любой прогресс сменяется фазой регресса. При таком подходе нет представления о том, что модернизация является абсолютным и единственным направлением и что история продвигается всегда и непременно от худшего к лучшему состоянию. И поэтому сам термин «модернизация», в том числе и модернизация экономики, *может быть поставлен под вопрос*. Модернизация представляет собой циклическое явление. Она обратима, локальна, может затрагивать лишь отдельные аспекты общества, а может меняться на прямо противоположный вектор.

Многие вещи, происходящие сегодня на постсоветском пространстве, подтверждают это наблюдение: мы видим, что на наших глазах осуществляется *архаизация* многих экономических процессов. До определенного момента мы развивались в индустриальном направлении, сегодня же в одних областях перешли к прединдустриальному состоянию, а в иных — к постиндустриальному.

Здесь следует упомянуть о трех мирах культового, мифологического представления традиционного общества, сохранившегося до сегодняшнего дня у многих народов, например у якутов. В православной церкви тоже существуют три параллельных мира — ад, рай и человеческая реальность. Если спроецировать учение о трех мирах на конкретную историю, в мире возникает дополнительное, вертикальное измерение, которое является символом вечности. Вечность, которая не зависит ни от чего и делает относительными все события горизонтального мира. Вечность релятивизирует время и прогресс, показывает возможность параллельных времен и приводит напрямую к циклическому видению истории.

Приняв гипотезу вечности как рабочую и спроецировав ее на область экономики, мы получаем теорию экономических циклов, т. е. представление о круговом, не линейном развитии хозяйственного уклада. Это переход от экономи-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 189 13.11.2012 15:32:53

ческой диахронии, описываемой в категориях «раньше–позже», «уже–еще не», «развитое–недоразвитое» и т. п., к экономической синхронии, предлагающей рассматривать развитие как циклический процесс, где между циклами существуют аналогии, но общего, единого для всех, универсального направления развития нет.

Экономическая синхрония приводит к выводу, что одновременно в одном и том же обществе, а тем более в различных обществах могут существовать различные технологические формации и экономические уклады. Эти уклады качественно различаются, представляя собой не ступени поступательного развития, а, скорее, особые фазы, подобные возрастам человеческой жизни, иерархия между которыми не выстраивается. Ведь странно было бы считать, что ребенок — это недоразвитый взрослый, взрослый — недоразвитый старик, а старик — несовершенный труп. Каждый возраст имеет свое качественное значение и присущие только ему критерии и нормы совершенства. Точно так же, с позиции евразийской экономики, нельзя утверждать, что традиционные формы хозяйствования, например оленеводство и охотничий промысел чукчей, юкагиров или якутов, являются примитивной фазой развития, низшей по сравнению с видами деятельности индустриального или постиндустриальногом общества.

Евразийцы считают, что существуют различные циклы хозяйствования и не всегда переход от одного к другому есть прогресс. Вернее, прогресс в технической сфере может сопровождаться регрессом в иных аспектах хозяйственной жизни, представляющей собой объемный и многомерный процесс, сопряженный с культурой, традицией, специфическим структурированием жизненных энергий.

Мы можем наметить наиболее универсальные точки развития, но сплошь и рядом после достижения некоторого критического порога отрицательные аспекты начинают перевешивать положительные, и человечество сталкивается с серьезным кризисом, который подчас сопровождается

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 190 13.11.2012 15:32:53

отступлением экономической жизни к прежним уровням, а иногда и полным ее регрессом.

В современной индустриальной и постиндустриальной экономике существуют фундаментальные кризисы и, как наиболее яркое их выражение — экономика войн и конфликтов, которая по мере развития оружия массового поражения становится опасной для самого бытия человечества, т. е. несет в себе заряд чистого негатива.

Именно к такому страшному кризису, с точки зрения евразийства, приближается современная постиндустриальная цивилизация: это вероятность экологической катастрофы, демографического взрыва, энергетического исчерпания недр, моральной деградацией самого человеческого вида, приблизившегося вплотную к перспективе клонирования, разложения всех традиционных форм коллективов — вплоть до семей. Автономизированная логика технического прогресса постепенно меняет самих центральных субъектов экономической деятельности — от конкретных людей и человеческих коллективов, например наций, мы перешли к расплывчатой концепции «индивидуального множества», утратившего любые качественные определения и стоящего на пороге промышленного воспроизводства псевдочеловеческих типов. Это прекрасно вписывается в логику циклического евразийского видения: прогресс сочетается с регрессом, и за пиком подъема неотвратимо следует падение. При этом евразийцы считают, что, поскольку возврат легитимен и прошлое не является негативным само по себе, можно сознательно и безболезненно в определенный момент менять курс развития и поворачивать на 180 градусов, переходя на предшествующие экономические циклы. В любом случае евразийская экономическая теория признаёт правомерность циклов, и это предопределяет другие более частные выводы.

Исходя из этого первый фундаментальный теоретический постулат евразийского экономического мышления можно сформулировать так: *любую экономическую ситуа-*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 191 13.11.2012 15:32:53

цию следует рассматривать как циклическую, а не как развивающуюся исключительно планомерно и поступательно. Чтобы оценить экономическую ситуацию, необходимо поместить ее в исторический, культурный, географический, национальный и религиозный контекст. И именно этот контекст поможет нам понять, с каким циклом и с какой его фазой мы имеем дело. Исходя из этого мы поймем, *что* необходимо принимать за норму и как ее поддерживать в каждом конкретном случае.

Если подходить к любой экономической ситуации с универсальными мерками однонаправленного прогресса, то мы упустим из виду качественные стороны общественных процессов и наши действия могут привести к непоправимым и неоправданным издержкам. Так, рецепты Международного валютного фонда, примененные к архаической экономике Сомали, привели ее к полному краху, несмотря на финансовые вливания и кредиты, в результате чего эта страна, совсем недавно экспортировавшая продукты питания в Кувейт, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты, оказалась за чертой бедности, на грани всеобщего голода. Баланс традиционного хозяйствования был нарушен: вместо дешевых, но необходимых маиса и триго страна стала разводить дорогостоящие, но плохо растущие фрукты. В довершение всего рекомендованная МВФ приватизация колодцев привела к всеобщему голоду и полной деградации общества.

На этом примере легко понять, чем отличается евразийский циклизм от либерального универсализма: евразийство начало бы с исследования существующей структуры сомалийской экономики и обратило бы все усилия на укрепление и поддержку существующих направлений с частичной модернизацией отдельных областей промышленности или сельского хозяйства — с чутким вниманием к общему балансу. Это потребовало бы больше времени, но дало бы надежные и позитивные результаты. Либеральные реформы

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 192 13.11.2012 15:32:53

по советам МВФ прошли стремительно, но закончились катастрофой, последствия которой ощущаются до сих пор, хотя минуло уже более десяти лет.

Концепция трех миров делает концепцию линейного времени относительной, касающейся только одного из миров — промежуточного мира, — в котором происходит развитие, в то время как в верхних и нижних мирах течет другое время, развертываются иные процессы.

Возьмем, например, прогресс по-американски. Мы видим высокий уровень технологий, материальный комфорт, высокие доходы, развитую индустрию развлечений. В «среднем мире» налицо развитие и прогресс. Теперь посмотрим на культурное состояние общества, живущего в условиях материального прогресса, и мы увидим тревожные образцы вырождения, распада, развращенности, утраты моральных ценностей и норм. Это проявление «нижнего мира», инфернальных пейзажей. Наложение этих двух миров делает прогресс и поступательное развитие экономики, саму техногенную цивилизацию американской модели относительными категориями.

Методология евразийского экономического мышления основана на представлениях о том, что в разные моменты общественного движения мы имеем дело с разными циклами. Идея поступательного развития призывает сравнивать несравнимые вещи. Так, современная западная общественная модель считается эталоном. А все иные модели — либо ее карикатурами, либо предварительными стадиями ее развития. Сам термин «развитие» может привести к неверному пониманию процессов, и поэтому евразийство настаивает на употреблении термина «циклы». Циклы — это понятие, объективно фиксирующее различные трансформации и процессы без их окончательной линейной оценки по шкале «лучше–хуже». Цикл фиксируется и описывается на основе математической, социологической модели, на основе строго определенного контекста.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 193 13.11.2012 15:32:53

Экономика прединдустриального общества — модернизация как внешний фактор

С учетом циклического развития необходимо рассматривать *три наиболее общие парадигмальные структуры общественно-хозяйственных отношений.*

Первая: прединдустриальное общество, или общество премодерна. Социология определяет понятием «премодерн», «предсовременное общество» или «традиционное общество» то общество, которому соответствует прединдустриальный (допромышленный) экономический уклад. В нем можно выделить разные стадии, но доиндустриальный уровень развития имеет ряд постоянных характеристик — преобладание сельского хозяйства, скотоводства и охоты (включая собирательство), концентрация трудовых общин в небольших поселениях, слабое развитие товарно-денежных отношений, отсутствие накопления капитала. Если в таком обществе искусственно и ускоренно прививать рыночную инфраструктуру, «в лоб» индустриализировать его, то мы получим нечто искаженное и уродливое. Отсутствие соответствующих хозяйственных навыков будет восполняться притоком мигрантов, принадлежащих к обществам иного цикла, баланс производительных сил и производственных отношений начнет разрушаться, вся социальная система — разлагаться.

При этом важно то, что процесс модернизации «традиционных обществ» отнюдь не является органичным и естественным процессом, свойственным всем культурам и народам. Хотя элементы индустриального и капиталистического уклада есть почти везде, но полноты реализации они достигли исключительно в определенном историко-географическом контексте — в Западной Европе начиная с эпохи Реформации. Культурной и идеологической опорой этих процессов послужило весьма специфическое толкование христианства протестантскими теологами, которые возвели индивидуализм и материальное благополучие

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 194 13.11.2012 15:32:53

в ранг религиозных добродетелей. По этому поводу подробно высказался Макс Вебер в своей знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма». Иными словами, сам факт естественного перехода от прединдустриального (традиционного) к индустриальному обществу является уникальным событием, имевшим место в Западной Европе в Новое время. Во всех остальных случаях мы имеем дело с *вынужденной (искусственной) модернизацией*, являвшейся либо результатом прямой колонизации различных регионов западноевропейскими державами, либо формой ответной защиты от посягательств тех же держав. Теоретики прогресса и универсального развития абсолютизировали частный опыт экономической и социальной истории Западной Европы и объявили его обязательным для всех стран. Такой технологический и хозяйственный сценарий индустриализации теснейшим образом связан с определенной идеологической доминантой, отсутствовавшей в традиционных обществах, выстроенных на иных основаниях и развивающихся по иным сценариям, чем западноевропейские страны.

Табуирование «про́клятой части» — экономика дара, экономика жертвы

Интересны в этом отношении исследования Марселя Мосса относительно сакрального табуирования прибавочного продукта в «традиционных обществах» и требования его антиутилитарного использования — в частности, через ритуал жертвы и коллективных праздников. В определенные священные дни у многих народов существовал религиозный обычай: разом и совершенно иррационально уничтожать излишки собранных с трудом и по капле накопленных плодов хозяйственной деятельности — через пир, требу, жертвоприношения и т. д. В частности, наиболее выразителен ритуал потлача, практиковавшийся у североаме-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 195 13.11.2012 15:32:53

риканских индейцев, во время которого уничтожались дары. Считалось, что чем более дорогую вещь индеец уничтожит на глазах другого индейца, тем больше чести ему следует оказывать. С накопленными и непотраченными товарами и продуктами связывались темные легенды: они относились к «проклятой части», которая должна быть использована в сакральных, то есть нерациональных, непродуктивных, целях, так как в противном случае принесла бы несчастье всему коллективу.

В традиционном обществе преобладает «экономика дара». И если общество в результате хозяйственной деятельности наращивало избытки, то устраивался праздник, на котором избытки съедались, сжигались или раздаривались богам или духам. Избыток представлял опасность, был нарушением баланса, продуктом, сакрально не ценным и потому отдаваемым в жертву производящим силам природы. Отсюда экономика жертвы.

Нечто аналогичное — в частности, запрет на ростовщичество, этика нестяжательства и т. д. — существовало и в развитых монотеистических религиях. Радикальный перелом в подобном отношении к прибавочному продукту произошел только в Европе Нового времени, строго параллельно — исторически и географически — распространению протестантской морали, превозносившей накопительство, бережливость и сверхрационализацию хозяйственного процесса вопреки другим монотеистическим религиям и ветвям христианства — в первую очередь православию и католичеству.

Религиозно-идеологическая предпосылка капитализма: протестантизм и десакрализация

Переход к иному укладу протестантских стран Европы создал предпосылки для индустриального развития и преобладания товарно-денежных отношений. Остальным стра-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 196 13.11.2012 15:32:54

нам — как европейским, но не протестантским, так и неевропейским — эта индустриальная модель с момента ее возникновения преподносилась как нечто обязательное и универсальное. Но, чтобы утвердиться в конкретном «традиционном обществе», парадигма индустриализации должна была разрушить духовную основу этого общества, в частности, отменить табуирование накопительства, иные аспекты непротестантской этики. Следовательно, индустриальная модель для большинства разновидностей «традиционного общества» была продуктом внешнего воздействия, а не закономерным этапом внутреннего органического развития. Там, где не было «вестернизации», то есть прямого колониального вторжения Запада, там не было и индустриализации — колониальной или защитной, там сохранялись и сохраняются нормы «традиционного общества», а товарно-денежные отношения и аналоги протестантской этики не возникали, экономика накопления не развивалась и устойчиво существовала «экономика дара».

Евразийство на стороне экономики дара

Экономика «традиционного общества» рассматривается в евразийской экономической теории как совершенная и законченная в самой себе модель, основывающаяся на вполне осмысленной и корректно сформулированной системе взглядов и верований, а все общества, живущие в прединдустриальном порядке хозяйства, по совокупности критериев считаются сопоставимыми с иными обществами. При этом если по уровню комфорта и технических средств они и уступают индустриальным, то по экологическим и энергетические аспектам жизни, духовной насыщенности и обрядовой стороне, напротив, явно превосходят современные западные и вестернизированные коллективы и страны. Привлечение к сравнительной оценке не одного мира, а сразу «трех миров», использование гипотезы Веч-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 197 13.11.2012 15:32:54

ности позволяет прийти к совершенно иным выводам в отношении тех форм традиционных обществ, которые сохранились до нашего времени. Евразийство рассматривает их как наиболее часто встречающиеся, а следовательно, исторически оправданные и гармоничные формы хозяйствования, основанные на серьезном культурном, мировоззренческом и религиозном фундаменте. Отказ от презрительной оценки прединдустриальных экономических систем, внимание к их внутреннему устройству и позитивная переоценка их структур и контекстов являются важнейшими элементами евразийского экономического учения.

Индустриальный цикл хозяйства: история и география возникновения

В чистом виде *индустриальный цикл современного общества* появился в эпоху Просвещения в Западной Европе и установил новый набор идеологических, экономических и социально-политических критериев, составляющих основу капитализма и в качестве критического ответа на него — социализма. Речь шла о модернизации. Это была модернизация традиционного общества Европы, и везде, куда влияние Европы проникало, происходил переход от аграрного уклада к промышленному производству с соответствующими изменениями: переносом центра тяжести от города к деревне, утверждением новых стандартов, новой модели распределения благ, новых — по отношению к феодальным — идейных и этических принципов. Появился феномен накопления капитала, прекрасно описанный Марксом. *Промышленное состояние общества здесь осмысливается как более совершенное, чем аграрное.*

При этом интересно, что в традиционном обществе аграрного типа преобладает циклическая, сезонная картина мира, в индустриальном обществе начинает доминировать время, в аграрном обществе — постоянство и вечность, в ин-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 198 13.11.2012 15:32:54

дустриальном — однолинейное движение и прогресс. Возникает два совершенно разных отношения к хозяйственной системе. Промышленное производство или промышленная модель хозяйства, начиная с первых шагов в XVI веке, к XX веку становится массовым явлением.

Постиндустриальный уклад

Весь XIX и XX век индустриализация шествует по планете, и к концу 70–80-х годов XX века стоявшие во главе перехода от прединдустриального к индустриальному состоянию страны достигают новой стадии *постиндустриального* общества. Промышленность становится так же малозначима, как при расцвете индустриализации — сельское хозяйство. Складывается автономная финансовая сфера, превалирующая над реальной экономикой, над производством.

Известно, что в современной постиндустриальной системе количество финансовых обязательств и общий оборот ценных бумаг, включая фьючерсные и хеджинговые документы — свопы, опционы, опционы к опционам и т. д., — многократно превышает реальный объем тех товаров, которые на эти виртуальные денежные средства можно приобрести. Денежная сфера и фондовый рынок ценных бумаг обретают самостоятельный, почти полностью автономный от реального производства характер. И отдельные виртуальные трансакции — например, манипуляции с долгами стран третьего мира — подчас превышают объемы ВВП крупных и развитых стран. Некоторые же вполне модернизированные и высокоразвитые в промышленном отношении страны, например Малайзия, в одночасье становятся банкротами в спекулятивной фондовой игре. Вспомним кризис, потрясший мировую финансовую систему в 1998 году. Россия тогда не пострадала от него только потому, что была слабо вовлечена в мировую постиндустриальную игру.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 199 13.11.2012 15:32:54

Три экономических уклада современной России

Российская экономика сегодня находится в фазе регрессивного индустриального цикла, с элементами не очень значимого в экономике, но важного в социально-культурной сфере *прединдустриального* цикла. Процесс экономической модернизации российского хозяйства — крайне двусмысленное и неоднозначное явление. В советский период мы стремились конкурировать с Западом в рамках только индустриальной модели. Когда Запад перешел к постиндустриальной стадии, мы растерялись, подняли руки и рухнули, хотя многие аграрные общества сопротивлялись индустриальной модернизации довольно жестко — вплоть до затяжных национально-освободительных войн.

Сегодня в России параллельно и синхронно, почти не пересекаясь, существуют *три экономических уклада*. Одна (незначительная) часть экономики России интегрирована в финансовую систему постиндустриального общества: в основном это финансовые технологии, крупные фондовые биржи. Хотя в нашей стране они еще примитивны и слабы, но постепенно интегрируются в транснациональный финансовый рынок. К этой же глобальной системе — но в качестве простых поставщиков ресурсов — относятся крупные олигархические монополии, которые выросли на манипуляциях с приватизированной государственной собственностью.

В постиндустриальном экономическом планетарном укладе вся российская экономика — величина бесконечно малая. Как любят повторять либералы: «В постиндустриальном обществе, в мире постмодерна, вся Россия со всей своей экономикой, со всеми людьми и пространствами стоит меньше, чем десять секунд торгов Нью-Йоркской биржи». И действительно, если мы посмотрим на чистые цифры, то увидим, что, к примеру, дневные манипуляции на фондовых биржах с совершенно абстрактным долгом Бразилии стоят больше, чем весь годовой бюджет России.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 200 13.11.2012 15:32:54

Как видят проблему российской экономики олигархи

Программа российских олигархов и ультралибералов состоит в том, чтобы напроситься в индивидуальном порядке в мировой клуб постиндустриальной экономики, отбросив недоразвитое и недомодернизированное российское общество как затратную и никчемную обузу. Кое-кто из олигархов интегрируется в этот клуб, являясь там бесконечно малой величиной. Приватизированная олигархами задарма Россия со всем ее индустриальным укладом, не говоря уже о прединдустриальных зонах, для них — бесконечно малая величина. Например, Михаил Ходорковский мыслил в категориях, которые не учитывали таких понятий и ценностей, как «государство», «народ», «нация», «промышленность». Он мыслил в категории мировых глобальных сетей, транснациональных корпораций. Ходорковский утверждал, что пытался объяснить нашему Президенту, что государство и власть — это анахронизм. Но, по его словам, президент этого не понял. Хотя, скорее всего, Президент как раз-таки всё понял, но просто придерживался другой системы взглядов. Но и Ходорковский — не глупый человек. За ним есть доля истины. Он верно описывает процесс, тенденцию и дерзко доводит эту логику до конца. Если Россия примет стратегию постиндустриального уклада, критерии постмодерна, если она вовлечется в процесс финансовой виртуальной экономики, она превратится в бесконечно малую величину и станет простым объектом глобализации, приняв ее нормативы. Согласно этим нормативам, современная Россия — система индустриальная, причем не самая успешная. При переходе к постмодерну ее значение, включая политико-социальные и властные институты, население, культуру и т. д., обнуляется по аналогии с тем, как приравниваются к «нулю» системы аграрного производства на фоне развития промышленности и капиталистических отношений.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 201 13.11.2012 15:32:54

Америка мыслит и действует в категориях постиндустриальной экономики, где многие миллиарды долларов ежесекундно двигаются в направление тех секторов, которые к нам, к России, к жизни россиян не имеют никакого отношения. Триллионные суммы виртуальной финансовой экономики постмодерна — это почти абстракция, не имеющая отношения к реальному сектору. При этом они являются вполне действенным и реальным фактором, так как манипуляции с подобными виртуальными суммами могут вполне реально влиять на систему конкретных товаров.

Экономисты либеральной школы, демонстрируя алхимические схемы финансовых процессов внутри виртуальной экономики, могут убедить кого угодно и в чем угодно. Им не составит большого труда доказать, что, с экономической точки зрения, в постиндустриальных условиях нет никакой разницы, есть ли Россия или ее нет. Что бы с нами ни произошло, это ничего не изменит в мировой глобальной рыночной системе. Отсюда западное пренебрежение к российской экономике и политике. Единственное, чем может ответить Россия на столь уничижительное, но оправданное экономической схоластикой цифр отношение, это достать ядерную бомбу и сказать: «Если вы так будете с нами разговаривать, вот что мы можем с вами сделать». Принимая во внимание такую вероятность, Запад предлагает нам распилить все ракеты и свинтить все боеголовки. И тогда с нами будут говорить другим тоном. С этого момента нам жестко дадут понять, что мы с постмодерном не справились и, следовательно, логика экономического развития преодолела нас как «устаревшее явление», считаться с которым отныне не обязательно.

Модернизация и постмодернизация

Постиндустриальный мир — это вполне конкретный экономический и социально-политический уклад, который возникает на определенной стадии развития индустриаль-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 202 13.11.2012 15:32:54

ного общества и представляет собой особую хозяйственную парадигму, существенно отличающуюся от парадигмы индустриального уклада. За определенной чертой процесс «модернизации» завершается, так как завершается преодоление последних остатков «традиционного общества» и преодолевать больше нечего. С этого момента уже некорректно говорить о модернизации. Начинается *постиндустриализация* или *постмодернизация*. Это означает, что на первый план выходят критерии, методологии и принципы, отличные от нормативов модерна. И снова, как в случае с неевропейскими традиционными обществами, постмодерн приходит *извне*, с Запада, который первым встал на путь модерна и обнаружил парадоксы глобализации и постмодерна. Постмодерн не вызрел нигде, кроме как на Западе, особенно в США, и отныне Запад стал полюсом и двигателем именно постмодерна, распространяя на территорию планеты ту модель, до которой дошел сам, но которая никак не следовала из логики развития других, неевропейских обществ, модернизировавшихся по собственной логике.

В такой ситуации и находится современная Россия. С Запада в нее активно насаждаются модули постмодерна и глобализации. Экономическая глобализация — это воплощение постиндустриальных критериев в планетарном пространстве. Ярче и успешнее всего постмодерн воплощается в культуре и СМИ, довольно быстро усваивающих постмодернистический код. В той мере, в какой СМИ относятся к экономическому сектору, они представляют собой элемент экономики постмодерна, наряду с индустрией телекоммуникаций, некоторых биржевых и финансовых технологий, фондового рынка, хеджирования и т. д.

В России сохранились остатки и промышленного уровня. Но индустрия, быть может лишь за исключением отдельных областей ВПК, у нас сильно деградировала и потеряла ритм развития. Сколько сил, жизней целых народов было загублено в Советском Союзе во имя осуществления модернизации. Были достигнуты впечатляющие результаты, но сегодня весь этот подвиг сведен практиче-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 203 13.11.2012 15:32:54

ски к нулю. Индустриальное развитие либо активно осуществляется, либо наступает деградация, и перед лицом внешних конкурентов, особенно перед лицом постиндустриальных технологий, все достижения стремительно девальвируются.

Русские пожертвовали собой ради модернизации

Модернизация — это суть трагедии русского народа. Вступив в модернизацию, сделавшись ее агентами и носителями, русские в значительной степени утратили связь времен, контакты с традиционным обществом, со своими корнями, с религией, верой, культурой, голосом крови. В последние века именно русские люди были носителями индустриального процесса, в то время как другие этнические группы и народы России и СССР жили, сохраняя определенные параметры традиционного общества и прединдустриального уклада.

Русские вложились в модернизацию хозяйства и заплатили за это огромную цену. Но и ее оказалось недостаточно, чтобы пройти этот путь до конца. В евразийской перспективе можно сказать, что Россия вошла в цикл модерна, но пошла в этом цикле по своему пути. В таком случае особенность российской модернизации оценивается не как абсолютный провал, а как воплощение своеобразного и неповторимого исторического маршрута, обусловленного и дополненного логикой «событий», разворачивающихся в двух «других мирах», исходя из гипотезы Вечности.

Кризис индустриального уклада в современной России

В данный момент индустриальный цикл переживает сложное состояние и движется в сторону деградации. Уровень промышленного производства явно недостаточен,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 204 13.11.2012 15:32:54

чтобы справиться с переходом к постиндустриальному обществу, и российская экономика стремительно утрачивает наработанные за советский период преимущества. Отсюда переход к роли поставщика необработанных ресурсов — сырой нефти, газа, металлов и т. д. От развитой промышленной экономики Россия переходит к «зачаточной» промышленной экономике, двигаясь по индустриальному циклу модерна в «обратном» направлении. Параллельно этому продолжают вырождаться — как бы по инерции модернизационного периода — аграрный сектор и традиционные формы хозяйства, и большие массы сельского населения, в первую очередь молодежи, перемещаются в мегаполисы и районные центры. К этому добавляются волны новых мигрантов из стран СНГ, оторванных от родных мест и естественных хозяйственных функций. При этом села и деревни стремительно вымирают, и параллельно падению спроса на промышленных рабочих и сокращению рабочих мест в индустриальном секторе повышается роль потенциального пролетариата — непрофессионального городского населения, способного выполнять лишь неквалифицированную работу.

Три экономические парадигмы и учет дополнительных факторов

В современной России сосуществуют одновременно три формации — прединдустриальный сегмент «традиционного хозяйства» (преимущественно в области сельского хозяйства), деградирующий индустриальный сегмент и сегмент постиндустриальной финансово-фондовой сферы, более или менее встроенной в глобальную экономику, но представляющей в ней микроскопический элемент. Причем есть несколько полуэкономических или неэкономических факторов, которые придают ситуации совершенно особое значение: у России сохраняются значительный запас ядерного оружия, огромные территории, исключительно бога-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 205 13.11.2012 15:32:54

тые природными ресурсами, которых столь недостает экономически гораздо более развитым странам, и исторический опыт «имперской» миссии, сформировавший коллективную идентичность русско-советского человека. Эти три важнейших фактора едва ли могут быть прямым образом оценены в экономическом эквиваленте — ядерное оружие как потенциал глобального уничтожения человечества едва ли имеет конкретную цену и стоит не меньше, по крайней мере, чем все богатства мира; стоимость природных ресурсов можно подсчитать, но их резкое сокращение на фоне экономического роста ведущих мировых держав может уже в ближайшее время сделать их главнейшей резервной валютой мировой экономики; а духовный потенциал и «имперская» идентичность русского народа способны породить при определенных обстоятельствах такие мобилизационные энергии, которые могут существенно повлиять на хозяйственные процессы — если русские снова почувствуют впереди «великую цель».

Евразийский контекстуальный подход настаивает на том, чтобы *учитывать эти не вполне экономические факторы наряду с иными показателями*, несмотря на то что установить прямые количественные индексы здесь вряд ли возможно. Вместе с тем фиксация внимания на подобных факторах в корректном исследовании логики хозяйственных процессов в России даст новый взгляд на понимание многих российских явлений, с трудом укладывающихся в классические схемы.

Евразийский постмодерн: фильтр

Евразийская экономическая теория дифференцированно относится к элементам трех экономических формаций, присутствующих в современной России. Модернизация для евразийцев не самоцель, она необходима и позитивна в одних случаях и на одних уровнях, но вредна и разрушитель-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 206 13.11.2012 15:32:54

на в других. Поэтому все три экономические парадигмы — прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная — вполне могут сосуществовать, причем в едином географическом секторе. Это предполагает четкую дифференциацию — евразийскую дифференциацию, экономическая идея которой состоит в том, что России необходим евразийский постмодерн (постиндустриальная составляющая), евразийский модерн (индустриальная составляющая) и евразийский премодерн (прединдустриальная составляющая).

Евразийский постмодерн рассматривается как специальный экономический модуль, связывающий российскую хозяйственную систему с мировой глобальной системой. Этот модуль должен быть полупрозрачным, то есть не только соединять, но и изолировать — это должен быть *фильтр*. Экономическая логика функционирования мировой финансовой системы должна быть осмыслена и освоена особой группой российских экономистов, которые будут служить своего рода интерфейсом для взаимодействия с глобальными финансовыми институтами, но она же должна следить за дозированием и качественной дифференциацией получаемых на входе информационных импульсов. Постиндустриальные технологии и энергии должны адаптироваться к российской специфике с учетом многомерного понимания хозяйственной системы — в модели «трех миров» и при принятии гипотезы Вечности. Специалисты для этого рода занятий должны отбираться особенно тщательно, по аналогии с сотрудниками разведывательных организаций, которым предстоит досконально освоить язык враждебных контекстов, но сохранить при этом верность собственной идентичности. По сути, носители евразийского постмодерна должны готовиться к функциям «двойных агентов», преломляющих в себе и в курируемых институтах — евразийских биржах, фондовых рынках, банках и ТНК — токи постмодерна и расщепляющих их на пригодное и непригодное для внутреннего использования.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 207 13.11.2012 15:32:54

Нечто подобное мы видим во внешнеэкономической практике Японии и Китая. Экспансия японских и китайских корпораций на планетарном уровне, их тесное переплетение с иностранными ТНК не нарушают лояльности их ядра китайским и японским национальным ценностям, служат фильтром для развития внутреннего потенциала в высокотехнологичном ключе. Использование такого интерфейса традиционными обществами Японии и Китая в отношении западных стран, пребывающих в ином технологическом и экономическом цикле, и сделало возможным бурный рост хозяйственных систем этих стран при сохранении национальной идентичности. Аналогичные системы действуют в этих странах и по отношению к постмодерну, хотя постиндустриальные стратегии Запада кое в чем смогли пробить систему такой защиты, и вовлеченность японской финансовой системы в виртуальные биржевые игры стоила Японии тяжелейшего кризиса. Китай же предпочитает вообще заслоняться от постиндустриальных стратегий, ограничивая информационную экспансию Запада.

Россия должна двигаться именно в этом направлении и сосредоточить свои усилия на создании полноценного *евразийского экономического фильтра перед лицом глобального постмодерна*. Одним из конкретных направлений в этом процессе является проект «региональной глобализации» или «глобализации больших пространств», где экономической и информационной интеграции подлежит не всё мировое пространство, как на том настаивает глобалистский проект, но смежные и сходные по типу территории — такие, как Европа, страны СНГ, азиатские страны, исламский мир и т. д.

Постиндустриальный сектор российской экономики должен приоритетно заниматься сферой финансов, юридического обеспечения трансакций, вопросами валютной корзины или валютной интеграции, эмиссии новых интеграционных денег регионального формата — по аналогии с евро, информационными сетями, таможенной политикой, а так-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 208 13.11.2012 15:32:54

же экспортом стратегического сырья и импортом жизненно важных товаров и продуктов. Здесь крайне важно владение полнотой технологий экономического постмодерна, знакомство с его духом и методологиями. Это требует особой подготовки и особого подбора кадров, включая определенные психологические особенности и ментальные характеристики. Тут важно главное: не государство для постиндустриальной экономики, а постиндустриальная экономика для нашего общего цивилизационного ансамбля.

Оздоровление индустриального сектора: целевая избирательная модернизация и сырьевой фактор

На втором, индустриальном уровне следует исправить ситуацию в индустриальном секторе, вывести его из деградационной фазы, оздоровить и ориентировать в позитивном направлении. Причем здесь стоит заведомо отказаться от принципа модернизации любой ценой. Модернизация хозяйства не самоцель, но лишь средство — причем средство скорее для защиты от внешних вызовов, грозящих России утратой идентичности, свободы и независимости. Иными словами, модернизация производства — это лишь инструмент ответа на политический вопрос. Из такого евразийского подхода вытекает принцип *избирательной модернизации*. Модернизировать следует не все сектора производства, а только те, которые прагматически необходимы в данной конкретной ситуации — для обеспечения общей экономической независимости от потенциальных внешних врагов. Это означает приоритет разработок в сфере военно-промышленного комплекса, необходимый минимум промышленного производства и, что самое актуальное на сегодняшний день, построение модулей глубокой переработки сырых природных ресурсов с тем, чтобы экспортировать продукты этой переработки — желательно в виде готовой товарной продукции.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 209 13.11.2012 15:32:54

Наличие *максимально длинного* технологического цикла в деле переработки природных ресурсов является наиболее насущной проблемой современной российской экономики. От успеха этого начинания зависит, начнется ли развитие промышленного сектора или деградация продолжится. В настоящий момент российская экономика ориентирована на экспорт природных ресурсов в сыром виде, и это усугубляет ее упадок, порождая поиск коротких денег, расчет на молниеносные прибыли и т. д.

Сырьевая ориентация нынешней России и привлекательная конъюнктура цен должны быть использованы для экономического рывка. Ныне существующая система олигархического использования экспорта природных ресурсов — с «откатом» в бюджет государства — категорически препятствует промышленному развитию. Психология олигархов отрицает долгосрочные инвестиции в переработку и создание промышленных цепей, а значит, сохранение статус-кво в российской экономике исключает движение в позитивном направлении. Чтобы изменить такое положение дел, государство должно применить силу, либо явочным порядком обязав нефтяных, газовых и других магнатов инвестировать прибыли в создание полного цикла глубокой переработки, либо подвергнуть собственность крупных монополистов национализации. Здесь нам необходимо *просвещенное неокейнсианство*. В этом суть евразийского рецепта применительно к индустриальному уровню.

Вместе с тем следует осознать фактор экспорта сырьевых ресурсов как важнейший стратегический сектор, чье значение намного превосходит количественные показатели ценовых таблиц и сухие цифры полученной прибыли. Сырье сегодня — это инструмент влияния, давления, выживания, и оно «стоит» гораздо выше, чем его «цена», а значит, гораздо больше, нежели подсобный материал. Сбывая сырье тем или иным покупателям, мы либо поддерживаем друга и стратегического партнера, либо вооружаем врага. Получатели сырья, а также маршруты его доставки — тру-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 210 13.11.2012 15:32:54

бопроводы и т. п. — имеют не только экономическое, но стратегическое и политическое значение. Это следует приоритетно учитывать. Евразийская идея в решении проблемы энергетической зависимости состоит в том, чтобы наладить те маршруты, которые нам выгодны в стратегическом аспекте — это Европа и Азия, — и реинвестировать получаемую сверхприбыль в развитие новых технологических производств, то есть существовать в рамках модерна, развивая индустриальный сектор в национальных интересах.

Традиционное хозяйство: код национальной идентичности

Третий уровень — традиционное хозяйство, аграрный сектор, прединдустриальное производство. Отдавая отчет в заведомой убыточности сектора традиционного хозяйства (по критериям и промышленного производства, и тем более постиндустриального уклада), понимая, что этот сектор является бесконечно малой величиной, которой можно пренебречь с точки зрения чисто экономических показателей как в индустриальном, так и в постиндустриальном контексте, необходимо тем не менее сохранять и развивать этот уровень, но уже с точки зрения морально-нравственной, культурно-духовной. Аграрный сектор является абсолютно убыточным, бесконечно малым с позиции чисто экономических показателей в США и в Европе, и тем не менее он щедро дотируется из бюджета этих вполне либеральных и постиндустриальных стран. Формально гораздо выгоднее покупать всё, что производится в секторе сельского хозяйства за пределом США, Франции и т. д. — в Мексике, в странах третьего мира, где дешевая рабочая сила, аренда земли и т. д. Но даже американцы сохраняют это убыточное, дотируемое сельское хозяйство. Почему они его дотируют? Если бы они руководствовались только экономической выгодой и перестали его дотировать, оно просто бы исчезло, как исчезло сегодня промышленное производство в Европе

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 211 13.11.2012 15:32:54

и в Америке. Но американское правительство прекрасно понимает, что американские фермеры — это носители американского духа, особого культурного, психологического и социального типа, который необходим для консолидации США как государства пусть не по экономическим, но по политическим и культурным причинам.

Евразийство в еще большей степени позитивно оценивает занятие традиционными формами хозяйства — в первую очередь сельскохозяйственный труд, скотоводство, охоту, ремесла и т. д. В этом проявляется код национальной идентичности, передается от поколения к поколению осевой элемент народной культуры, воплощенной в ритме и структуре труда. Это экологично, нравственно, духовно и бесценно для пестования народного духа и народного самосознания. Применять к этой сфере «традиционного общества» критерии и требования индустриальной или тем более постиндустриальной парадигмы бессмысленно и вредно; при необходимости этот уровень хозяйства должен просто дотироваться, а оптимальным было бы создание для циркуляции товаров, производимых здесь, естественной среды — вплоть до воссоздания натурального обмена и экономики дара и жертвы. Этот сектор экономики в общем контексте призван выполнять культурную и даже культовую функцию. Даже если люди получили бы экономическую возможность не работать, нравственный долг и само солярное, пассионарное устройство человеческой личности заставило бы их трудиться. *Свободный труд — это не труд под воздействием нужды, но труд, осознанный как этический императив, как естественный выплеск внутренних сил.* Труд — это моральная обязанность, а жизнь на дотациях — это не жизнь, а разложение. Труд в рамках традиционного хозяйства — это этическая обязанность; это позволяет одновременно прокормить себя и гармонично существовать в конкретной исторической и этнической общине в сакрализированном космосе. И к этому традиционному циклу нельзя применять критерии других циклов.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 212 13.11.2012 15:32:55

Экономическая теория не имеет единого постоянного критерия: ни критерия развития, ни критерия общего эквивалента. И в этом отношении национальные интересы или политические задачи стоят выше, чем экономика. Если мы утверждаем главным субъектом хозяйствования народ, тогда у нас возникает и ценность традиционного производства (как ритуальная структура общественного бытия), и ценность индустриального развития экономики (необходимого для защиты от внешних угроз), и создание постиндустриальных сегментов (как фильтра и интерфейса для взаимодействия с глобальными финансово-информационными сетями).

Три экономические логики и проблема фазовых переходов

Итак, есть не одна экономика и экономическая логика, а три: первая — логика экономики постмодерна, вторая — логика экономики модерна и модернизации, и третья — логика экономики традиционного общества, то есть премодерна. Признание правомочности и возможности синхронного сосуществования всех этих логик составляет уникальность евразийской экономической мысли. Из этого следует, что надо давать не одно, а три экономических образования, разделять экономические проблемы на три типа задач и решать их тремя разными способами, и ни в коем случае их не смешивать. Самое сложное при этом — найти между ними фазы перехода, выяснить, как перейти от одного уклада к другому, где границы одного явления, а где другого.

Прогнозы глобального кризиса

Сегодня мы существуем и действуем не в безвоздушном пространстве, но в условиях глобального кризиса финансовой системы, который уже подходит к своему пику. Это

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 213 13.11.2012 15:32:55

ставит перед Россией совершенно новые задачи: разработать многоукладную, трехуровневую экономическую модель нужно еще и для того, чтобы сохранить Россию в условиях глобального экономического коллапса, возникшего вследствие ускоренного движения в постиндустриальном режиме. Существует глубочайшее противоречие между функцией доллара как мировой резервной валюты и как национальной валютой США. Когда это макроэкономическое, глобальное противоречие достигнет критической черты, произойдёт колоссальный экономический кризис — кризис мировой финансовой системы, основанной на мировой резервной валюте — долларе. Это случится тогда, когда соотношение виртуальных денег и ценных бумаг достигнет критического уровня разрыва по отношению к реальному производству и товарному покрытию. Сохранение индустриального и прединдустриального хозяйственных циклов в России становится залогом спасения и выживания в этих условиях.

К теории евразийской интеграции

Другим важнейшим элементом евразийского экономического мышления является теория интеграции большого пространства или «экономика больших пространств». Согласно этой теории, хозяйственным субъектам в настоящих условиях не может выступать Россия как отдельно взятая страна, она слишком мала для этого. Россия уже не способна отстоять в одиночку свою экономическую независимость перед лицом западного мира, который живет в условиях постиндустриального общества. Для обеспечения минимального масштаба, обеспечивающего экономическую суверенность России, необходимы союзники и партнеры. Ими являются в ближайшем круге страны СНГ, образующие совместно остов «Большого пространства», затем — примыкающие к этому пространству страны

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 214 13.11.2012 15:32:55

Восточной Европы и Азии (Болгария, Сербия, Иран, Турция, Монголия, Индия). И наконец, два самостоятельных и как минимум нейтральных «больших пространства» с Запада и Востока от России — Евросоюз и Япония.

Протекционизм должен существовать не в национальном, а в евразийском масштабе, то есть минимальным модулем экономической автаркии является Евразийский Союз, который должен быть экономически единым. Евразийский Союз мы видим состоящим из ядра — Россия, Казахстан, Беларусь, Украина (страны ЕЭП), а также Киргизии и Таджикистана (страны ЕврАзЭС), Армении (входит в ОДКБ). Это наша первая линия экономической обороны. Но дальше мы должны экономически интегрироваться со странами, находящимися в сходном с нами положении. Это, в первую очередь, Иран, Индия, Турция. Такая евразийская экономическая модель — это «евразийский патернализм», не национальный, но континентальный, «патернализм больших пространств».

Часть 4
ЭКОНОМИКА И ГЕОПОЛИТИКА

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Экономические и геоэкономические аспекты

Автаркия больших пространств — евразийский принцип «экономического плюрализма»

Евразийская экономическая модель основана на принципе, противоположном либеральному универсализму, постулатам так называемой классической школы экономики. Каждая историческая общность имеет собственную уникальную историю экономического развития, особую структуру хозяйственного организма. Система критериев, согласно которым оцениваются эффективность экономики, параметры ее достижений или недостатков, не может быть оторвана от исторического, социального и культурного контекстов данного общества. Классическая школа западной экономической мысли исходит из ошибочной предпосылки относительно того, что экономическое развитие всех народов и государств осуществляется в одном направлении и по одной и той же траектории, лишь с разными скоростями. На этом убеждении основывается представление «о несомненных преимуществах западной экономической модели как наиболее продвинутого этапа в реализации общей для всех народов экономической модели». Отталкиваясь от этого убеждения, Запад считает себя вправе выступать экономическим арбитром в мировом масштабе, навязывая всем остальным ту систему экономических критериев, ко-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 216 13.11.2012 15:32:55

торые отражают логику развития экономических систем западных стран.

Евразийская экономическая модель исходит из противоположного принципа — невозможности оценки хозяйственных систем различных народов, отправляясь от общего, абстрактного критерия и в отрыве от исторической и культурной реальности. Против экономического монизма либеральной политэкономии евразийское мировоззрение выставляет концепцию экономического плюрализма. На практике это означает, что мировая экономическая система состоит из отдельных суверенных хозяйственных единиц, развивающихся по своей внутренней логике и не могущих быть оцененными исходя из единой общей теории. Точно так же, как невозможно доказать на основании абстрактных критериев превосходство одной культуры над другой, истинность одной конфессии по сравнению с иной, преимущества одной расы над другой, невозможно обосновать преимущество одной системы хозяйствования над другой, поскольку это означало бы перечеркивание самобытной экономической истории каждого конкретного народа и государства. Традиционные хозяйственные комплексы архаических племен столь же эффективны, сбалансированы и адекватны в рамках своего исторического и культурного контекста, как и развитые промышленные технологические комплексы западного мира. Хозяйственная, экономическая специфика отражает культурную особость страны или народа. Задача евразийской экономики гарантировать в рамках своей доминации суверенность, сохранение и органическое развитие всех существующих экономических систем, отражающих культурно-исторический путь конкретных народов. Экономический плюрализм евразийской модели на хозяйственном уровне отражает принцип многополярности, на который ориентирована евразийская геополитика.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 217 13.11.2012 15:32:55

Создание развитой автаркийной экономической системы смешанного типа (многоукладность)

Экономический вектор развития России должен органично согласовываться с базовым геополитическим и стратегическим ориентиром ее развития, другими словами, с Евразийским проектом. Совершенно очевидно, что следование за абстрактными догмами чисто экономических идеологий — будь то марксизм или либерализм — уводит Россию от ее судьбы в лабиринты схоластики и гражданских конфликтов. Более того, либерализм, как и марксизм, настаивает на экономической унификации, нивелировке хозяйственных процессов. Естественное развитие хозяйства России в будущем должно осуществляться на базе комплексного подхода с учетом как экономических, так и неэкономических факторов. Стратегический императив евразийской линии требует встраивания экономики в режим «расширенной автаркии» в перспективе континентального масштаба. Это неокейнсианская модель «экономической инсуляции» или модернизированная версия «таможенного союза».

Эта экономическая модель предполагает частичную открытость экономики (в отношении стратегических союзников) и наличие экономических барьеров перед лицом хозяйственных систем тех стран, которые входят в противостоящий стратегический блок.

Вторым императивом развития российской экономики является требование обязательной многоукладности, дифференцированного сочетания различных экономических систем — от государственного контроля (в стратегических областях) до свободного рынка (в мелком и среднем производстве, системе торговли, услуг) через разнообразные системы коллективного хозяйствования (кооперативы, акционированные предприятия и т. д.).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 218 13.11.2012 15:32:55

Кейнсианство для Евразии, «евразийская экономическая инсуляция»

Экономическая модель, наиболее соответствующая современной Евразии с учетом основополагающего цивилизационного фактора, — это модель кейнсианская, ставящая во главу угла соблюдение стратегических приоритетов евразийского ансамбля государств и наций. При определении ориентации экономических реформ акцент должен ставиться не просто на достижении максимальной экономической эффективности, но на общецивилизационном и социальном контекстах, в интересах которых и должны, по логике вещей, осуществляться эти реформы. А поскольку этот контекст по своим основополагающим векторам не просто отличен, но во многом противоположен атлантистской либеральной системе, «новому мировому порядку», то главной задачей является создание «евразийского экономического острова», обладающего относительной автаркией. Это предполагает патерналистский вариант экономики, необходимый на протяжении всего экономического развития Евразии. При этом развитие базовых секторов промышленности, информационной системы, сельского хозяйства и особенно высоких технологий должно быть главнейшей задачей центральной власти, ответственной за стратегические вопросы. Рыночная стихия, совершенно необходимая в ряде областей экономики — мелкое и среднее производство, сфера услуг и т. д., — должна комбинироваться с государственным сектором. Проблема занятости должна решаться на стратегически государственном, а не только рыночном уровне. Паразитический класс рантье должен быть маргинализирован перед лицом производительных социальных групп предпринимателей и работников, получающих заработную плату в частных и государственных предприятиях (так называемый салариат).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 219 13.11.2012 15:32:55

Евразийские финансы

России необходимо встроить собственную валюту в общий планетарный финансовый контекст. Сделать это возможно только двумя путями: либо привязав ее к валютам других крупных геоэкономических регионов (европейскому или тихоокеанскому), либо создав собственную геофинансовую систему в рамках обширного евразийского таможенного союза, так называемый «евразийский рубль».

Вариант привязки российской валюты к доллару (являющемуся «де-факто» мировой резервной валютой) отпадает в силу стратегических причин, поскольку делает евразийскую экономику России зависимой от атлантистского геополитического полюса. Оба варианта могут реализовываться параллельно с приоритетом выхода на перспективу «евразийского рубля». Обеспечением «евразийского рубля» могут быть не только промышленно-экономические структуры, но вся совокупность геополитического, ресурсного и стратегического потенциала Евразии, с особым акцентом на сферу российских ядерных вооружений и иных новейших военных технологий, оцененных в финансовом эквиваленте по степени масштабности силового потенциала. Именно по такой логике США в послевоенном мире добились доминирования в капиталистическом лагере, переведя свое силовое стратегическое превосходство в эквивалент финансовой доминации доллара как мировой резервной валюты, переоценив стратегическое силовое превосходство в финансовом эквиваленте и именно в результате такой операции обеспечив свой бурный экономический рост. Россия в рамках евразийского стратегического блока вполне может повторить данную схему и привязать свою валюту, «евразийский рубль», к сохранению и развитию военного стратегического потенциала, осознанного как гарантия свободы и независимости других евразийских держав от неоколониальной диктатуры «нового мирового порядка».

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 220 13.11.2012 15:32:55

Модернизация

Перед Евразией стоит важнейшая задача перехода к новой технологической и экономической инфраструктуре, к радикальной модернизации сферы производства и финансовых технологий. Проблема модернизации должна решаться под знаком творческой адаптации новейших высоких технологий к потребностям российского государства с соблюдением стратегических приоритетов. Частичная открытость в сфере обмена технологиями, необходимая для динамического развития хозяйства и конкурентной стимуляции отечественных разработок, а также для доступа к патентному рынку, должна строго контролироваться централизованными органами, чтобы не допустить технологической зависимости от внешних инновационных и патентных систем. Инновационная сфера должна приоритетно поощряться на централизованном уровне, а импорт высоких технологий и производств регулироваться специальными экспертными структурами. В этой сфере необходим принцип «модернизации без вестернизации» — эффективного развития высоких технологий и модернизации информационно-промышленной области без впадения в зависимость от атлантистского геополитического полюса.

Распределение труда в рамках континентального блока

Современное экономическое устройство достигает максимальной эффективности за счет распределения труда в мировом масштабе. Различные геоэкономические зоны, специализируясь на определенных областях, оптимизируют усилия и конечную отдачу. Богатый Север сосредоточен на развитии финансовых технологий и создании оригинальных ноу-хау, патентных образцов. Тихоокеанский регион постепенно становится зоной индустриального испол-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 221 13.11.2012 15:32:55

нения. Остальные зоны рассматриваются в атлантистском видении «нового мирового порядка» как экономически недоразвитые и поставщики ресурсов.

Задача Евразии создать альтернативную модель планетарного распределения труда, основанную на более справедливом и гармоничном принципе. Неизбежная профильная дифференциация не должна быть основана на логике эксплуатации и экономического доминирования одной из зон. Распределение труда в континентальном блоке должно исходить из требования обеспечения автаркии как евразийского целого, так и его отдельных частей. Западная модель оптимизационной эксплуатации должна быть заменена на ограниченном евразийском пространстве на принцип солидарности развития. Неизбежное геоэтническое распределение труда в рамках Евразии должно быть ориентировано на грядущее освобождение народов Евразии от гнета экономического императива. На переходном этапе разумно обратиться к дифференциации евразийских зон по следующим параметрам: инновационная, высокотехнологическая зона и стратегический интеллектуальный потенциал — западные области Евразии; индустриальная зона — Средняя Евразия; ресурсные территории — Восток и Север. Такая геоэкономическая стратификация Евразии должна рассматриваться как временная, с дальней целью гармоничного распределения баланса через социальное развитие северо-восточных областей, поиска инновационных моделей энергообеспечения, которое сможет релятивизировать представление о природных ресурсах, а также через постепенное продление промышленной зоны в юго-восточном и северо-западном направлениях евразийского материка.

Интеграция разных скоростей

Различные сектора евразийского пространства находятся на различных стадиях экономического развития. Интенсивное участие этих секторов в общем евразийском

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 222 13.11.2012 15:32:55

блоке предполагает выработку дифференцированной экономической модели интеграции. Сверхзадача евразийской экономики — модернизировать экономически слаборазвитые области, богатые ресурсами, и равномерно распределить промышленные зоны, а также децентрировать инновационный потенциал. В условиях новейших информационных технологий это представляется вполне реальным. Модель евразийской экономики должна, отправляясь от экономической данности, представляющей собой явное экономическое неравенство фрагментов евразийского ансамбля, стремиться к гомогенизации экономики на всем пространстве континента. Экономическая интеграция при этом с необходимостью должна реализовываться на разных скоростях — как промежуточный этап создания более однородной экономической среды.

Патерналистская модель

Для осуществления евразийского экономического проекта необходимо активное содействие государства. Государство должно взять на себя всю полноту ответственности за исторический цивилизационный выбор. На практике это означает, что Россия как государство должна осознать свои экономические проблемы и вектора развития в контексте глобальной исторической миссии и взять на себя ответственность за хозяйственную сферу в исторической перспективе. Это предполагает солидарность политической и экономической элиты в реализации исторических задач Евразии. Патернализм как сугубая протекция государственных инстанций развитию национального предпринимательства, экономических областей, непосредственно сопряженных с уровнем геополитического статуса государства, должен стать нормой. Налоговые, юридические, коммерческие и иные льготы стратегическим секторам национальной экономики, ориентирующимся на внутренние

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 223 13.11.2012 15:32:55

ресурсы, должны быть законодательно гарантированы. Те области хозяйства (производства, торговли, сферы услуг и т. д.), которые напрямую связаны с цивилизационными интересами государства, должны быть поставлены в привилегированные условия, получить льготные ассигнования, кредиты, налоговые сетки, таможенные квоты и т. п. от государства.

Геоэкономический уровень: четвертая зона, прагматическое участие в мировой виртуальной экономике

Главной экономической задачей России является создание самостоятельной автаркийной сплошной экономической зоны в пределах Евразии. Четвертая евразийская зона — наряду с тремя существующими: Американской, Европейский и Тихоокеанской — должна объединить в общее хозяйственное пространство территории стран СНГ, ряд восточноевропейских и азиатских стран, заинтересованных в стратегической самостоятельности перед лицом экономического диктата «богатого Севера». Потенциальными участниками четвертой зоны могут быть страны с различными системами хозяйства, что предполагает экономическую интеграцию разных скоростей в зависимости от специфики данного региона или страны. Четвертая экономическая зона должна ориентироваться на приоритетное взаимодействие с соседними экономическими пространствами — европейским и тихоокеанским — с дальней целью противодействия американской гегемонии в мировом масштабе и нормализации экономического баланса на территории всей планеты. Уже первые шаги по реализации четвертой зоны изменят экономический баланс между высокотехнологическими, промышленными и ресурсопоставляющими регионами, подорвет однозначную доминацию «богатого Севера» и колониальную эксплуатацию «бедного Юга».

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 224 13.11.2012 15:32:55

Участие в планетарных геоэкономических процессах с целью придать им евразийское цивилизационное направление

Финансово-экономическая система России не может игнорировать складывающуюся виртуальную экономику мирового уровня, перевод экономического потенциала в сферу информационных технологий и электронных бирж. В далекой перспективе евразийский курс должен привести к релятивизации (а то и отмене) такой виртуальной финансовой системы и возвращению к приоритетам реального сектора, долгосрочных инвестиций и конкретного производства материальных благ, к переходу от виртуального капитала к реальному, созидательному и организующему менеджменту. Но на переходном этапе Россия может соучаствовать в мировой виртуальной экономике путем делегирования особых брокерских групп, находящихся под стратегическим контролем высших государственных инстанций для освоения новейших технологий и, по возможности, придания глобальным трендам направления, стратегически усиливающего позиции евразийской геоэкономики.

Промышленный уровень: евразийская модернизация в рамках континентального «таможенного союза», информатизация

Создание четвертой зоны требует радикальной модернизации отечественной промышленности, масштабного и планомерного внедрения высоких технологий в ключевые сферы стратегического производства. В основе такой модернизации должна лежать система информатизации, связи и транспорта, которые составляют осевую реальность постиндустриального этапа развития экономики. Благода-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 225 13.11.2012 15:32:55

ря масштабной информатизации многочисленные проблемы организации производства, сбыта и распределения, а также процессы экономической интеграции и распределения труда в рамках евразийской зоны будут успешно решены. Информатизация за счет гибкости технологий может внедряться как в высокотехнологичные процессы, так и в некоторые традиционные сферы экономики, повсюду многократно повышая эффективность. Планомерная и всеобщая информатизация должна стать стратегическим приоритетом государства. В вопросе создания солидарной системы евразийского таможенного союза информатизация будет играть центральную роль, и успех такого союза будет в немалой степени зависеть именно от нее.

Регионализация, создание замкнутых промышленных циклов, экологический ценз

Интеграционные процессы в евразийской экономике должны сопровождаться повышением значения отдельных регионов, степени их административной и хозяйственной самостоятельности. Промышленные зоны должны интегрироваться в общее евразийское хозяйственное поле не декретным образом, а через органичные и естественные горизонтальные связи, воспроизводящие на экономическом уровне систему федеративного устройства. Контроль из центра должен затрагивать исключительно стратегические сферы, задавать общие параметры экономики, а конкретные пути реализации общих задач по развитию промышленности должны определяться на низовом уровне.

Распределение труда в рамках четвертой зоны не предполагает централизации управления производством. Промышленные массивы должны основываться на использовании локальных инфраструктур и ресурсных возможностей. Необходимо создавать замкнутые промышленные

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 226 13.11.2012 15:32:55

циклы, привязанные к локальным пространствам. Такая организация частично замкнутых промышленных циклов с привязкой к локальной системе необходима для повышения устойчивости общеевразийской хозяйственной модели и повышения уровня промышленной безопасности. Промышленные комплексы в такой ситуации должны становиться ядром социальных ансамблей с учетом этнической, демографической, религиозной и культурной специфики населения.

Экологический фактор должен быть включен на приоритетных началах в экспертные оценки промышленных проектов, а также его учет необходим в вопросах реструктуризации существующих производств. Вероятность экологической катастрофы в настоящих условиях возрастает, и в этой ситуации сохранение экосистем становится важнейшим элементом стратегической безопасности. И главным критерием здесь должен стать экологический ценз промышленных производств.

ЧЕТВЕРТАЯ ЗОНА

Экономика — это не более чем язык

Сегодня многие убеждены, что экономика — это судьба, что это реальность в себе, предопределяющая всё остальное и служащая универсальным шифром к пониманию важнейших исторических процессов. Противники такого узкого подхода склонны, в свою очередь, принижать значение экономики, игнорировать ее закономерности, отмахиваться от ее императивов. Обе позиции неконструктивны. На самом деле экономика — не что иное, как язык. И на этом языке можно выразить самые разные высказывания, идеи, послания.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 227 13.11.2012 15:32:55

Определение геоэкономики

Среди экономических теорий, выражающих в специфической манере целый веер подспудных мировоззренческих позиций, есть такие, которые считают экономические закономерности чем-то универсальным и всеобщим (таковы либерализм и марксизм), и такие, которые неразрывно связывают экономику с иными факторами — историческими, культурными, этническими, религиозными, социальными и т. д. (так называемые теории «экономики третьего пути», или «гетеродоксальной экономики»).

Среди «гетеродоксальных» моделей наиболее интересны те, которые связывают экономику с пространством, с географией, с геополитикой как универсальной дисциплиной, исследующей влияние пространства на историю цивилизаций. Такие теории получили название «геоэкономических». В них экономическая модель связывается со спецификой исторического пространства каждого конкретного народа и государства.

Можно сказать, что геоэкономика — это составной язык, в котором совмещаются элементы традиционных экономических концепций с чисто геополитическим аппаратом. Геоэкономика базируется на следующем принципе: конкретное историческое место применения экономических моделей на практике влияет на всю экономическую систему, подстраивая ее под уникальную цивилизационную среду. Таким образом, в любые экономические модели вносятся существенные поправки, делающие каждую экономическую систему уникальной.

Заметим, что современная геоэкономика восходит к таким теоретикам, как немец Фридрих Лист и американец Дж. М. Кейнс. Каждый из них по-своему сформулировал принцип своеобразия экономических зон. Лист говорил об «автаркии больших пространств», Кейнс — об «экономической инсуляции» (о построении экономических систем по «островному принципу» — «инсула» по-латински «остров»).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 228 13.11.2012 15:32:55

Три зоны и Трехсторонняя комиссия

В настоящий момент геоэкономическая картина мира представляет собой три гигантские экономические зоны — американскую, европейскую и тихоокеанскую. В середине 1970-х гг. крупнейшими интеллектуальными фондами и финансовыми транснациональными корпорациями капиталистического мира была создана Трехсторонняя комиссия, призванная регулировать сложнейшие отношения между этими тремя зонами-мирами. В руководство комиссии вошли представители США, Европы и Японии.

Каждая из трех геоэкономических зон является самостоятельным и ограниченным, автаркийным пространством, конкурирующим с другими пространствами. Но они неоднородны в качественном смысле. Американская зона является среди них главенствующей. Не столько по экономическим показателям, сколько по стратегическим и политическим — только США обладают ядерным оружием и выступают как политико-силовой гарант мировой капиталистической системы. Две другие зоны находятся в отношении США в полувассальном положении и обязаны подчинять логику своего экономического развития внешней стратегической воле США.

Эта закономерность воплощена в структуре Трехсторонней комиссии, бессменным председателем которой является американец Дэвид Рокфеллер («Чейз Манхэттен банк»), а главными интеллектуальными кадрами — представители США в лице знаменитых Генри Киссенджера и Збигнева Бжезинского и аппарата их научных фондов.

Из этой картины видно, что капиталистический мир только внешне кажется однородным рыночным полем, сплошным «открытым обществом». На самом деле его структура определяется геополитическим, цивилизационным проектом: США, оказавшиеся главными победителями во Второй мировой войне, стратегически подчинили себе в экономическом смысле две другие геоэкономические

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 229 13.11.2012 15:32:55

зоны — европейскую (сложившуюся в основном вокруг Германии) и азиатскую (организованную вокруг Японии). При этом обе эти зоны вынуждены были платить США своего рода «ядерный налог», отдавая дань американской «защите мирового капитализма».

Обреченная Родина

После падения социалистического лагеря геоэкономическая картина мира резко изменилась. На месте стран с социалистической экономикой, занимавших положение в сердце Евразии, возник определенный вакуум. Вся трехзоновая система была выстроена таким образом, чтобы конкурировать с СССР и сдавливать его с Востока и Запада. Когда разрушительная цель была достигнута, в общей системе произошло смещение равновесия.

Стратеги Запада и идеологи Трехсторонней комиссии постепенно пришли к выводу, что возникшие на месте СССР новые государства с рыночно ориентированной экономикой, выступая единым блоком, представляют колоссальный дестабилизирующий фактор для всей системы, лишая США логического обоснования их стратегического господства. Поэтому было принято решение активно способствовать экономической дезинтеграции стран СНГ, ослаблению экономического единства внутри самой РФ, а далее — политической фрагментации евразийских государств. Этот проект был озвучен в знаменитой статье Бжезинского «Геостратегия для Евразии», опубликованной 24.10.1997 в «НГ». Речь шла о необходимости расчленения России и о постепенном включении ее различных частей и других стран СНГ в три существующие зоны, которые таким образом расширят свои ареалы влияния. На геоэкономическом языке проект приговора, вынесенного РФ и СНГ, назывался «верностью концепции трех геоэкономических

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 230 13.11.2012 15:32:56

зон». На экономическом языке синонимом такого проекта была формула «углубления либеральных реформ».

В традиционной для капиталистического мира модели у России, СНГ и Евразии просто нет своего места. И это не злая воля «тайных организаций», это простая логика геоэкономического устройства планеты на рубеже третьего тысячелетия. Этому обучают в высших западных колледжах, а не за плотными покровами масонских ателье.

Патриотическая идея в экономике

Патриотический проект вполне может быть сформулирован и на геоэкономическом языке с той же ясностью, с какой он формулируется в политике. Здесь задача однозначна: *четвертая экономическая зона.*

Будущее России, будущее Евразии как самостоятельного и независимого «острова», «континента» зависит от того, сможем ли мы отстоять сейчас процессы экономической интеграции в рамках СНГ и сохранить в целостности экономические связи в самой России.

Полной национальной изоляции в нашем мире быть не может. И чем шире будет евразийская экономическая зона, тем более выгодным это будет в далекой и средней перспективе, несмотря на временные издержки, возможные из-за включения в единый таможенный союз некоторых бедных стран СНГ.

Требуя немедленного создания четвертой геоэкономической зоны, всячески способствуя этому, невзирая на политическое оформление этого процесса, мы фактически вступаем в национально-освободительную борьбу, предпринимаем антиколониальную революцию. Но раз экономика — это только язык, патриотическая идея может быть точно сформулирована и на этом языке.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 231 13.11.2012 15:32:56

Ядерный фактор

Если Россия сумеет собрать четвертую геоэкономическую зону — развивая линию «договора 5» о таможенном союзе (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) — вся картина мира изменится. Сохранение у нас ядерного потенциала поставит европейскую и тихоокеанскую геоэкономическую зоны перед новым выбором. Геоэкономически интегрированная Евразия может стать источником колоссальных мировых трансформаций, инициировать процесс геополитического освобождения новых зон из-под американского кураторства.

Больше всего США боятся пролиферации Россией ядерного вооружения, особенно в отношении тех государств, которые отказываются слепо подчиняться американскому геополитическому и геоэкономическому диктату. Следовательно, именно это нам и надо делать.

Обрекающие нас на смерть больше всего боятся, что мы останемся живы. Это естественно. Но если мы все же хотим жить, приглядимся внимательней — чего конкретно так опасается безжалостный палач?

ЭКОНОМИКА — ГЕОПОЛИТИКА: ЗАГОВОР ЭКОНОМИСТОВ

I. Три экономические парадигмы

Преступная ошибка

Одной из самых трагических ошибок «перестройки» была неправильно сформулированная проблема выбора экономической модели. С одной стороны, это было следствием некомпетентности нашей экономической науки, не сумевшей ни защитить марксистский подход, ни объектив-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 232 13.11.2012 15:32:56

но изложить весь спектр существующих экономических учений с тем, чтобы общество смогло сознательно сделать свой исторический выбор. С другой стороны, нельзя упускать из виду и откровенную диверсию, слаженную и эффективную подрывную деятельность агентов влияния Запада, приложивших все усилия, чтобы увести общественное внимание от подлинной формулировки объективно стоявшей проблемы. Как бы то ни было, невежество в сочетании с идеологической диверсией способствовали тому, что страна была поставлена перед выбором: либо социалистическая, плановая экономика (марксизм), либо рыночная модель либерализма, либо Карл Маркс, либо Адам Смит. Третье исключалось. Этот принцип исключенного третьего оказался для России фатальным. И именно здесь следует искать корень нашей национальной и государственной катастрофы.

Либерализм

Либерализм в экономической области означает безоговорочную доминацию принципа рынка надо всеми остальными социальными категориями, «полную свободу торговли», знаменитый принцип «laisser faire». Однако сам термин «либерализм» является двусмысленным. На уровне экономики он означает «рынок», и «свобода», на которую намекает слово «либерализм» (от латинского «libertas» — «свобода»), прикладывается только и исключительно к свободе торговли, свободе рынка, к свободе спекуляции. Теоретики либерализма принципиально отказывались говорить об иных аспектах свободы — свободы духовной, интеллектуальной и т. д., — предоставив для ее обозначения иной термин — «freedom».

Философским источником для конструкции, ставящей во главу угла принцип «индивидуальной выгоды», «экономического эгоизма» и «невидимой руки», являются учения

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 233 13.11.2012 15:32:56

Локка, де Мандевиля и других теоретиков крайнего индивидуализма, развившегося, в свою очередь, на базе принципа «индивидуального спасения», который был заложен в католической схоластике, а самое полное воплощение получил в протестантской этике. Для такого религиозно-философского подхода характерно представление об индивидууме как о совершенно самостоятельной, автономной, суверенной, атомарной единице, предоставленной только самой себе и могущей поступать, как ей заблагорассудится — «Каждый человек отвечает только за самого себя». На этом основании строится как особая протестантская мораль, так и философское мировоззрение. И не случайно либеральная идеология получила максимальное развитие именно в протестантских странах, особенно в Англии.

Исторически адаптацию философии индивидуализма к области политэкономии осуществил Адам Смит, отец-основатель научной теории капиталистического хозяйствования.

Теория рынка, либерализм несет на себе неизгладимый отпечаток той исторической, географической и религиозной среды, где он развился в законченную доктрину и приобрел черты научной теории. От Адама Смита прямая линия идет к Венской школе (Бам-Баверк, Менгер, фон Мизес), модернизировавшей и применившей к современным условиям постулаты классического либерализма, чьи формулировки со времен Адама Смита отчасти заметно устарели. Для Венской школы характерно развитие основных установок либеральной теории:

- представление об эгоизме как основном регуляторе рынка;
- тезис о механицизме моделей, основанный на сравнении общества с искусственно созданной машиной, состоящей из множества взаимозаменяемых элементов;
- концепция изоляции экономики от исторической реальности;
- антисоциологизм;
- антирегуляционизм и т. д.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 234 13.11.2012 15:32:56

Ярким деятелем этого направления, обобщившим опыт Венской школы, был фон Хайек — ключевая фигура либеральной мысли в XX веке.

Параллельно Венской школе развивалось направление Лозанской школы Валраса и его ученика Вильфредо Парето, развивших учение о «равновесии». Хотя Парето больше известен как авангардный социолог с макиавеллистскими симпатиями, не следует забывать, что «теория равновесия», которой он придерживался, основана на радикально либеральных предпосылках.

И наконец, последним этапом развития этой либеральной школы, которую можно рассматривать как наиболее ортодоксальную теорию капитализма, стала неолиберальная американская школа Сент-Луиса и Чикаго. Чикагскую школу возглавлял небезызвестный Мильтон Фридман. Его учеником был Джеффри Сакс, человек, во многом ответственный за проведение экономических реформ в России, инструктор Гайдара и Чубайса.

Показательно, что вся либеральная линия от Локка до российских «молодых реформаторов» основана на протестантской этике и англосаксонской модели хозяйства, отличной не только от азиатских или российских путей, но и от политэкономических традиций континентальной Европы.

Эту либеральную модель нашему обществу жестко навязали в качестве альтернативы марксизму, причем дело было представлено таким образом, будто никаких иных вариантов не существует.

Марксизм

Самой популярной политэкономической теорией, представляющей прямую антитезу либеральной доктрине, является марксизм. Маркс сознательно взял английских политэкономистов (Смит, Рикардо) за отправную точку и создал учение, полностью отрицающее основы либера-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 235 13.11.2012 15:32:56

лизма — как в философском, так и в хозяйственном, этическом, мировоззренческом и т. д. аспектах. Если у либералов в центре внимания стоял «автономный индивидуум», то Маркс центральной фигурой берет общество, коллектив, класс. Общество, по Марксу, не складывается из атомов, но само учреждает эти атомы, воспитывает и формирует их конкретное самосознание, предопределяет их социальную и жизненную траекторию, устанавливает нормы хозяйствования и законы экономической деятельности.

Марксизм противоположен либерализму во всем. Он:

- отрицает эгоизм как социальный регулятор;
- настаивает на необходимости жесткого регулирования сферы производства и распределения;
- рассматривает экономическую модель в контексте общей логики исторического развития (теория смены экономических формаций);
- отвергает этику «свободы торговли» и «эгоизма», противопоставляя им этику труда и справедливого распределения, этику коллектива;
- рассматривает капитал и его законы как воплощение мирового зла, а экономическую эксплуатацию человека человеком считает высшей несправедливостью;
- отвергает теорию равновесия, утверждая конфликтность и неравновесность, принцип борьбы движущей силой человеческой истории, и в том числе экономической истории.

Некоторые современные французские социологи остроумно заметили, что за противоречием между либерализмом и марксизмом можно различить национальный момент. Смит и его учение представляют собой типичное творение англосаксонского духа, резюме хозяйственной и философской истории Англии и протестантизма. Маркс же, несмотря на еврейское происхождение и претензии на универсальность, высказывает комплекс идей, естественным образом вытекающих из немецкой традиции и отра-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 236 13.11.2012 15:32:56

жающих, пусть в предельной и радикализированной форме, специфику «германского» духа.

Однако сами либералы и марксисты претендуют на то, что их социально-экономические учения являются универсальными, объективными и пригодными для всего человечества. Обе экономические идеологии подчеркивают свой интернациональный характер, в перспективе ориентируются на отмирание государства и имеют универсалистский пафос.

История марксисткой теории у нас известна лучше либеральной традиции, так что и повторять ее основные этапы нет смысла. Важно лишь подчеркнуть, что победа марксизма как идеологии именно в аграрной традиционалистской евроазиатской России, представляющей собой прямой антипод англосаксонскому миру как в религиозно-этическом, так и в хозяйственном смысле, вряд ли может быть простой исторической случайностью.

Третий путь в экономике

Как уже многократно нами отмечалось, помимо двух магистральных и противоположных друг другу экономических теорий существует еще одно громадное семейство, называемое совокупно «экономическими теориями третьего пути».

Тот факт, что на это направление с самого начала перестройки практически никто не обращал внимания, предпочитая говорить о выборе из двух противоположностей, является величайшим интеллектуальным преступлением. На самом деле, это отнюдь не маргинальное и второстепенное направление в политэкономической науке. Достаточно указать на тот факт, что такие столпы современной экономической мысли, как Кейнс или Гэлбрейт, относятся именно к этому «третьему типу». Заметим, что укор в «ереси» ничуть не умаляет эффективности предлагаемых рецептов

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 237 13.11.2012 15:32:56

и моделей. Речь идет лишь о конвенции, об условности, о некотором негласном договоре научного сообщества, которое считает экономической ортодоксией лишь либерализм и марксизм.

Итак, в чем заключаются основные предпосылки этой «третьей экономической теории»?

Ее основной особенностью является отказ от представления об экономике как о самостоятельной и самодостаточной сфере, в которой действуют особые законы, свойственные только этой сфере. Иными словами, все разновидности «третьего пути в экономике» отличаются тем, что отказывают экономике в главенстве над остальными науками, в признании ее полноценной и законченной идеологией. И либерализм, и марксизм являются не просто научными моделями, изучающими хозяйство и экономические закономерности, но и мировоззрениями, со всеми вытекающими из этого последствиями. Более того, эти мировоззрения являются «экономическими мировоззрениями», претендующими на главенство и универсализм экономической парадигмы. Это и является залогом их «ортодоксальности».

«Еретики», напротив, считают экономику важным, существенным, но отнюдь не главным аспектом социально-политической реальности, одним из факторов наряду с другими. И, следовательно, они утверждают зависимый, производный относительно других реальностей характер хозяйственной жизни по сравнению с другими реальностями. В отношении того, что же именно является главным в социально-исторической области, мнения у сторонников «экономики третьего пути» значительно разнятся. Некоторые из них говорят о культурном факторе, другие о национальном, третьи о государственном, четвертые об этническом, пятые о религиозном, шестые о социологическом, седьмые о географическом, восьмые об историческом и т. д. Несмотря на разнообразие частных точек зрения на этот вопрос, важнее всего одно обстоятельство: существует це-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 238 13.11.2012 15:32:56

лый ряд экономических теорий, отводящих экономике подчиненную роль, независимо от того, какой именно фактор берется в том или ином случае в качестве определяющего.

Теории «экономики третьего пути» восходят в этико-философском аспекте преимущественно к немецкой идеалистической философии, особенно к Фихте. С точки зрения сугубо хозяйственной огромное влияние на них оказали теоретики немецкого камерализма (фон Юсти, Зоннерфеедс и др.). Эта линия ведет к выдающемуся экономисту, ключевой фигуре всего этого направления, Фридриху Листу. Параллельно Листу аналогичную парадигму развивал другой титан экономической мысли — Сисмонди. Лист и Сисмонди сформулировали основные положения «зависимой экономики», рассмотренной как одно из измерений социально-географической реальности.

Полноценное развитие концепций Листа и Сисмонди осуществлялось в Немецкой исторической школе (Вильгельм Рошер, Бруно Гильдербрандт, Карл Книс). Выдающимся теоретиком этого направления был Густав Шмоллер.

В том же направлении, параллельно экономисту Шмоллеру, формулировал социологическую теорию экономики знаменитый Макс Вебер (позже ее развил его последователь, Вернер Зомбарт).

Еще одной линией того же направления, хотя и основывающейся на иной философской и мировоззренческой реальности, является теория «экономической инсуляции» американца Кейнса. Для Кейнса культурно-исторический фактор не столь важен. Он оперирует с прагматическими категориями, но его вывод приводит к необходимости ограниченного регулирования экономики со стороны государства, с ориентацией на промышленно-экономическую автаркию. Кейнс не рассуждает в терминах «культуры» или «нации», его интересуют исключительно соображения экономической эффективности, но именно исходя из этих соображений он в значительной степени сближается с позициями Листа и Сисмонди.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 239 13.11.2012 15:32:56

От Шмоллера и немецких социологов «концепции экономики третьего пути» передаются выдающимся теоретикам Йозефу Шумпетеру и его ученику Франсуа Перру.

Кейнс, в свою очередь, оказывает колоссальное влияние на институционалистскую экономическую школу, развивавшую принципы Торстейна Веблена. Институционализм настаивает на отказе от экономического универсализма и на необходимости привязывать изучение экономических моделей к конкретным социальным институтам, сложившимся в том или ином обществе. К институционалистам примыкают такие известные экономисты, как Митчел, Берль, Бернэм и сам Джон Кеннет Гэлбрейт.

Все эти школы в совокупности представляют собой целый спектр учений, расположенный между крайними капитализмом (либерализмом) и ортодоксальным марксизмом. Но при этом важно подчеркнуть, что «третий путь» в экономике отнюдь не является простым компромиссом между капитализмом и марксизмом, каким-то промежуточным, средним вариантом. Он основан на совершенно инаковых и самодостаточных мировоззренческих и научных предпосылках и поэтому может рассмотрен как нечто самостоятельное и законченное.

И все же в сфере практической применение принципов «экономики третьего пути» разнозначно созданию такого типа хозяйствования, который будет иметь в себе элементы обеих ортодоксальных моделей (капитализма и социализма), только взятых в отрыве от их идеологических предпосылок, от их «экономизма».

Легко сформулировать основные положения «экономики третьего пути»:

- экономическое устройство общества должно естественно вытекать из его исторической, культурной, этнической, географической, религиозной и государственной специфики, корениться в конкретике его традиционных институтов;

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 240 13.11.2012 15:32:56

- между принципом экономической свободы отдельных субъектов (обеспечивающим хозяйственную динамику) и рычагами социального регулирования должен быть найден баланс, природа и объем которого устанавливаются не произвольно, но исходя из исторической и географической конкретики;
- экономическая модель должна быть рассмотрена как функция от социологической модели;
- между принципом «борьбы» и принципом «равновесия» должно быть найдено промежуточное решение: например, равновесие на общесоциальном (государственном, национальном) уровне и динамичная конфликтность на уровне классов или отдельных социальных секторов;
- постоянный акцент, падающий не на микроэкономический уровень (как в либерализме) и не на макроэкономический уровень (как в госсоциализме), а на мезоэкономический срез, что подразумевает поощрение плюральных экономико-социальных институтов, выходящих за уровень частного сектора, но и не подлежащих прямому государственному регулированию;
- регионализация экономики, подстраивание хозяйственных структур под естественные условия конкретной географической и национальной среды;
- императив «автаркийности больших пространств» (термин Ф. Листа), тяготение к объединению плюральных мезоэкономических систем в общий пространственный блок с единой таможенной структурой и общей валютой;
- «социализм разных скоростей», гибкая шкала соотношений между частным и общественным уровнем в рамках одного и того же государственного образования в зависимости от особенностей его секторов.

Таковы самые общие черты «экономики третьего пути». Если основной закон либерализма и капитализма — закон рынка, а главный принцип социализма — план, то главным законом «еретической теории» будет принцип зависимости экономики от общества или закон социологичности экономики.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 241 13.11.2012 15:32:56

«Экономика больших пространств» Фридриха Листа

Сделаем небольшое отступление, чтобы продемонстрировать важность и эффективность «экономики третьего пути» применительно к реальной истории. Для этого обратимся к фигуре выдающегося деятеля этого направления Фридриху Листу.

Лист был немцем по происхождению и либералом по убеждениям. Долгое время прожив в США, он воочию наблюдал бурный рост капиталистических рыночных отношений в этой стране на заре ее развития. Именно в период пребывания Листа в Америке президент Монро сформулировал знаменитую доктрину: «Америка для американцев». Это было не просто националистическое утверждение, направленное на активное и сознательное противодействие проведению Европой самостоятельной политики на американском континенте. Речь шла также о стратегическом и экономическом единении обеих Америк под эгидой США и превращении целого конгломерата государств в единую геополитическую систему. С доктрины Монро и начался путь США к достижению мирового господства. Надо отдать должное Фридриху Листу — он смог оценить геополитическую идею Монро по достоинству уже в самом зачаточном ее виде. Американский опыт очень сильно повлиял на взгляды самого Листа, особенно когда он снова вернулся на родину, в Германию.

Оказавшись на родной земле и имея опыт наблюдения за экономическим и геополитическим развитием англосаксонского мира, Лист открыл важнейшую закономерность, соединяющую принцип государственности с принципом свободного рынка.

Проанализировав практическое применение либеральной теории на практике, Лист открыл следующий закон: «повсеместное и тотальное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на прак-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 242 13.11.2012 15:32:56

тике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути, но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает то общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими более развитыми странами тогда, когда внутренний рынок находится еще в зачаточном состоянии». Безусловно, сам Лист имел в виду наблюдения за катастрофическими последствиями для слаборазвитой, полуфеодальной Германии некритического принятия либеральных норм рыночной торговли, навязываемых Англией и ее немецкими лоббистами. Лист поместил либеральную теорию в конкретный исторический и национальный контекст и пришел к важнейшему выводу: вопреки претензиям этой теории на универсальность она на самом деле отнюдь не так научна и беспристрастна, как хочет показаться; рынок — это инструмент, который функционирует по принципу обогащения богатого и разорения бедного, усиления сильного и ослабления слабого. Таким образом, Лист впервые указал на необходимость сопоставления рыночной модели с конкретными историческими обстоятельствами, а следовательно, перевел всю проблематику из научной сферы в область конкретной политики. Лист предложил ставить вопрос следующим образом: мы не должны решать «рынок или не рынок», «свобода торговли или несвобода торговли». Мы должны выяснить, какими путями развить рыночные отношения в конкретной стране и конкретном государстве таким образом, чтобы при соприкосновении с более развитым в рыночном отношении миром не утратить политического могущества, хозяйственного и промышленного суверенитета, национальной независимости.

И Лист дал ответ на этот вопрос в своей знаменитой теории «автаркии больших пространств». Лист справедливо посчитал, что для успешного развития хозяйства государство и нация должны обладать максимальными территориями, объединенными общей экономической структурой. Только в таком случае можно добиться начальной степени экономической суверенности. Для этой цели Лист предложил

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 243 13.11.2012 15:32:56

объединить Австрию, Германию и Пруссию в единый «таможенный союз», в пределах которого будут интенсивно развиваться интеграционные процессы и рыночные отношения. При этом он настаивал на том, чтобы внутренние ограничения на свободу торговли в пределах союза были минимальны или вообще отменены. Но по отношению к более развитому и могущественному англосаксонскому миру, напротив, должна существовать гибкая и крайне продуманная система пошлин, не допускающая зависимости «союза» от внешних поставщиков и ориентированная на максимально возможное развитие промышленно-хозяйственных отраслей, необходимых для обеспечения полной автаркии. Вопрос экспорта был предельно либерализирован и полностью соответствовал принципам «свободы торговли», импорт же, напротив, подчинялся стратегическим интересам стран «таможенного союза» (второстепенные и не обладающие стратегическим значением товары и ресурсы допускались на внутренний рынок беспрепятственно, а пошлины на всё, что могло привести к зависимости от внешнего поставщика и создавало бы тяжелые условия конкуренции для отечественных отраслей, напротив, искусственно и централизованно завышались).

Учение Листа получило название «экономического национализма». Очень показательно, что смысл доктрины Кейнса сводится приблизительно к той же самой концепции: его теория «экономической инсуляции» также ставит во главу угла не абстрактную доктрину «свободы рынка», но стратегические интересы государства и ориентацию на автаркию и суверенитет.

II. Геополитические принципы

География как судьба

Геополитика как наука сложилась во второй половине XX в. на основе политической географии. Ее основателями были швед Рудольф Челлен и англичанин Хэлфорд

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 244 13.11.2012 15:32:56

Макиндер. Смысл этой дисциплины сводится к утверждению: многие закономерности в развитии государств, народов, культур, цивилизаций и религий предопределяются в огромной степени географическими, пространственными факторами. Иными словами — «география как судьба».

Сделав чисто научное открытие о тесной и не осознававшейся ранее связи структуры государства с пространством и ландшафтом, основатели геополитики сразу же перешли к конкретной политической практике, международным отношениям и военной стратегии. Это придало их исследованиям актуальность, и ученые, начавшие развивать новую науку, быстро сделали политические и дипломатические карьеры.

Позднее термин «геополитика» был в значительной степени дискредитирован тем, что его узурпировали германские национал-социалисты (впрочем, не следует забывать, что первыми к этой науке обратились не германские, но шведские, американские и английские авторы). Выдающийся немецкий геополитик Карл Хаусхофер запятнал себя и отчасти само слово «геополитика» сотрудничеством с Гитлером, но при этом агрессивные милитаристы Третьего Райха использовали в учении Хаусхофера лишь то, что соответствовало их собственным шовинистическим устремлениям, а остальное просто отбрасывали. Так, к примеру, Гитлером была отвергнута идея Хаусхофера о «евразийском континентальном блоке» по оси «Берлин–Москва(!)–Токио». Этот «евразийский блок», по мысли Хаусхофера, должен был стать главным звеном всей немецкой международной практики и военной стратегии. Но вместо геополитического союза с Москвой гитлеровцы предпочли преступное (и самоубийственное для них самих) нападение на СССР, пресловутый «Drang nach Osten».

Марксисты вообще отрицали геополитику как «буржуазную науку», поэтому на долгое время (особенно после войны) в СССР она была под запретом.

Лишь постепенно и особенно в последние десятилетия интерес к геополитике стал пробуждаться вновь и с осо-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 245 13.11.2012 15:32:56

бенной силой. За короткий срок геополитика стала чрезвычайно популярной дисциплиной в вопросах стратегического и военного планирования США, так что в настоящее время преподавание этой науки является общеобязательным во всех высших учебных заведениях Запада, готовящих будущих руководителей государств и ответственных аналитиков. Обязательной дисциплиной является геополитика и в высших военных учреждениях развитых стран.

Борьба Суши и Моря

В основе геополитики лежит деление всех государств и культур на два типа — сухопутные и морские. Это первый закон геополитики. Геополитики заметили, что морские цивилизации, культуры, основанные на мореплавании, чаще всего имеют рыночную экономическую систему и тяготеют к либерал-демократическому укладу в политике. Сухопутные державы, напротив, отдают предпочтение нерыночной (плановой или частично плановой) экономике и ограниченной демократии или вообще иерархическому устройству общества.

Образцами такого противостояния в древности являются: торговый Карфаген против иерархического Рима, демократические Афины против военизированной аскетичной Спарты.

Позднее первенство морской цивилизации перешло к Англии (затем к США), а такие государства, как Германия, Австро-Венгрия и Россия, воплощали в себе образец сухопутной державы.

Постепенно геополитическая пара Суша—Море закрепилась в форме противостояния стран Запада и Востока. Запад, и особенно форпост западной цивилизации США, довел до самых последних пределов рыночную логику, тогда как евразийские и восточные государства искали иных путей развития (советский социалистический эксперимент

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 246 13.11.2012 15:32:57

вполне вписывался в этот поиск). Начиная со второй половины XX в. геополитическая карта мира была окончательно поделена на два лагеря — на евразийский Восточный блок с осью в СССР и на атлантический Западный блок с осью в США. Журналисты, а позже политики назвали такое противостояние «холодной войной», и этот термин получил широкое распространение. Считалось, что в основе планетарной напряженности лежат чисто идеологические мотивы (борьба социализма и капитализма). Однако геополитики задолго до второй половины XX в., когда даже понятия «холодной войны» не существовало, предсказали неизбежное противостояние морской англосаксонской, атлантистской цивилизации и сухопутных держав Евразии (причем прогнозировали они это совершенно безотносительно идеологических расхождений). Противостояние атлантизма и евразийства неизбежно по основополагающим культурно-цивилизационным соображениям даже в том случае, если Восток и Запад признают одни и те же идеологические ценности. Геополитика рано или поздно возьмет свое, и рано или поздно между двумя этими планетарными полюсами обозначится и обострится неизбежный геополитический конфликт. Не злая воля отдельных личностей или «милитаристски» ориентированных политиков («ястребов») ответственна за это, но объективная логика пространства и ландшафта.

Итак, деление в XX в. всего мира на два стратегических лагеря — страны Варшавского договора и страны НАТО — было следствием не идеологического, но чисто геополитического противостояния, проистекавшего из основных законов «политической географии».

Геополитический подтекст холодной войны

Американские президенты и их советники ясно осознавали геополитическую подкладку противостояния США и СССР в холодной войне. Будучи ознакомленными

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 247 13.11.2012 15:32:57

с основами геополитики, они ни на минуту не заблуждались относительно того, что даже возможные идеологические сдвиги в СССР в демократическом направлении никогда не отменят культурного противостояния. И явным доказательством настоящего положения вещей оказалось то, что за самороспуском Восточного блока, Варшавского договора не последовало симметричной акции со стороны НАТО. Натовские стратеги понимали, что отказ Москвы от коммунизма и теорий «мировой революции» ничего по сути не меняет в противостоянии «атлантизма» и «евразийства». Именно по этой причине Северо-Атлантический альянс не только сохранился, но расширился и укрепился. Подобное недружелюбие со стороны «западных партнеров» привело в недоумение российское руководство, хотя последнее можно объяснить лишь полным игнорированием основ геополитики, той «буржуазной науки», от которой с презрением отворачивались советские специалисты и аналитики, по инерции составляющие штат советников уже новых некоммунистических руководителей российского государства.

Так постепенно сложилась парадоксальная ситуация. США на основе геополитического анализа продолжали считать демократическую Россию своим потенциальным противником и закрепили это положение в своей военной доктрине. А сама Россия, вопреки геополитике и руководствуясь чисто идеологической логикой, только взятой теперь с обратным знаком, отказалась от рассмотрения США и стран НАТО в качестве «потенциальных противников», поспешно выкинув их в качестве таковых из своей военной доктрины. Чтобы не быть голословными, приведем несколько цитат.

В докладе американского заместителя министра обороны, ответственного за политические вопросы, Пола Вулфовица от 1992 г., опубликованного в «New York Times» 8 марта 1992 г. и в «International Herald Tribune» 9 марта 1992 г., содержится перечисление основных приоритетов

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 248 13.11.2012 15:32:57

американской внешней политики, продиктованной стратегическими соображениями.

США надо «убедить потенциальных соперников, что они не должны рассчитывать на то, чтобы играть в мировой политике роль, сопоставимую с США». Более того, «их надо убедить отказаться и от стремления играть более важную роль даже в региональном масштабе». США должны «учитывать интересы других высокоразвитых индустриальных наций с тем, чтобы принудить их отказаться от противодействия американскому лидерству или от постановки под сомнение превосходства нашего экономического и политического устройства». Доклад Вулфовица рассматривает в качестве основной угрозы «опасность для европейской стабильности, проистекающую из-за подъема в России национализма или попытки России снова присоединить к ней страны, получившие независимость: Украину, Белоруссию и другие».

Эти заявления основаны на геополитическом тезисе о необходимости атлантистского противостояния даже теоретической возможности организации альтернативного сухопутного блока. Под «потенциальными соперниками» США недвусмысленно имеются в виду Россия, исламские государства и некоторые мощные европейские державы (Франция, Германия и т. д.) — т. е. все те государства и культуры, которые имеют евразийское, континентальное измерение и особую культурную и стратегическую историю.

Итак, пресловутое продвижение НАТО на Восток, с атлантистской геополитической точки зрения, вполне закономерно, а с позиций атлантистских стратегов — совершенно логично. При этом фразы относительно «подъема национализма в России» (ни малейших признаков которого в действительности здесь не наблюдается) призваны лишь затемнить истинную сущность атлантической стратегии и украсить агрессивные шаги «гуманитарной риторикой».

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 249 13.11.2012 15:32:57

Комплексный подход

Геополитики оперируют не только культурными факторами. Для них не менее важен учет реального стратегического и экономического потенциала. Тем и отличается геополитический подход от всех других, что он учитывает самые разные факторы — и идеальные, и материальные, и военные, и религиозные, и культурные, и экономические. И помимо географического местоположения России, которое делает ее объективно главным геополитическим противником атлантизма, мы сталкиваемся в реальности с проблемой ядерного потенциала, которым Россия до сих пор обладает и который по-прежнему достаточен, чтобы в случае необходимости силовым воздействием предотвратить масштабный военный конфликт, направленный против нашей страны. Русская история, евразийская культура, православная религия и ядерное оружие России в геополитическом смысле оказываются взаимодополняющими силовыми факторами, которые, будучи объединенными, в совокупности обеспечивают россиянам сохранение государственности, свободы и независимости. Идеология вторична. История показывает, что она часто меняется даже на протяжении нескольких десятилетий, основные же векторы развития государства и нации сохраняются несмотря ни на что. И Европа и Россия поменяли не одну политическую модель, видели путчи и перевороты, диктатуры и республики, монархии и парламенты, бунты и репрессии... Но при этом, если окинуть взглядом всю историю, мы видим торжественный и величественный, долгий и трудный, но неизменно прекрасный и осмысленный путь народов и государств к своим собственным целям, к высшим, созидаемым веками и миллионами жизней идеалам.

Геополитика — наука, которая заставляет мыслить масштабно, мыслить веками, континентами и народами. И если кому-то она может показаться слишком абстрактной, это впечатление обманчивое. Именно благодаря вни-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 250 13.11.2012 15:32:57

мательнейшему и скрупулезному учету геополитических закономерностей американским аналитикам и, шире, стратегам западной цивилизации удалось добиться таких впечатляющих успехов по борьбе с евразийским конкурентом (т. е., увы, с нами). И в этом анализе они учитывали все факторы — экономический потенциал и протестантскую этику, западную философию индивидуализма и эффективность рынка, ядерное оружие и «американскую мечту» мирового господства («manifest destiny»).

Русская геополитика должна поступать точно так же — учитывать все исторические, экономические и стратегические уровни и освещать руководству страны тот исторический и геополитический пейзаж, в котором им предстоит действовать и принимать жизненно важные решения. Любой односторонний подход — например, чисто экономический, религиозный или стратегический — может оказаться фатальным. Геополитика — синтетическая наука, совершенно необходимая для властных инстанций государства.

Евразийский блок

Вторым геополитическим законом (после закона противостояния морской и сухопутной цивилизаций) является закон стратегических блоков. Он гласит, что логика истории диктует необходимость расширения территорий, входящих в состав либо единого государства, либо стратегического блока нескольких государств, для того чтобы соответствовать меняющимся историческим условиям и оставаться конкурентоспособным. Иначе этот закон формулируется так: «от городов-государств — через государства-территории — к государствам-континентам». Такая территориальная, военная и экономическая интеграция — очевидный факт политической истории всего XX в. В нынешних условиях ни одно национальное государство не может обеспечить своей независимости, экономической, военной и культурной самостоятельности, если оно не будет участвовать в каком-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 251 13.11.2012 15:32:57

нибудь из крупных стратегических блоков. Мы наблюдаем это в процессах интеграции американского континента в единый таможенный союз, в создании Европейского союза и т. д. При этом вполне естественно, что атлантистская цивилизация может расширяться только за счет нейтральных или евразийских территорий, и наоборот. В этом вопросе — в выборе блока — важную роль играют не только силовые или материальные факторы, но и близость культур, религий и национальных традиций.

В такой геополитической перспективе «расширение НАТО» вполне естественно, так как в этом проявляется стремление одного планетарного блока — атлантистского — максимально расширить зону континентального контроля за счет другого блока (пусть пока потенциального) — евразийского.

III. Суперпозиция геополитической и экономической парадигм

Кризис «научности»

Наложение двух планов анализа — геополитического и экономического — является крайне рискованной операцией.

Во-первых, привычное оперирование с двумя, а не с тремя экономическими парадигмами делает общую схему в самой экономической науке неполной, если не сказать пристрастной. И вопреки исторической и научной очевидности семейство экономических доктрин, не вписывающихся в нормы двух основных «экономических идеологий», признанных «ортодоксальными», продолжает оставаться за кадром магистрального развития экономической дискуссии. Это порождает превратную перспективу в постановке базовых вопросов экономической теории, и, следовательно, за норму и «ортодоксальную научность» при-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 252 13.11.2012 15:32:57

нимается нечто заведомо анормальное. Для того чтобы исправить это положение, утвердив экономические модели «третьего пути» как нечто совершенно самостоятельное и научно-когерентное, необходимо еще проделать серьезную и масштабную работу. Лишь после этого тройственная модель экономических парадигм, с которой мы оперируем в данном тексте, будет до конца понятна и обоснована.

Во-вторых, в отношении геополитики до сих пор распространено мнение, что эта дисциплина не является строго научной и представляет собой лишь систему постфактумного объяснения определенных особенностей Realpolitik, не связанных ни с какой строгой научной теорией. Если добавить к этому еще всеобщее невежество в области базовых геополитических текстов, которые находились под идеологическим запретом в нашей стране и даже на Западе стали всерьез изучаться в академических сферах лишь в середине 1980-х гг., то наша задача становится еще более сложной.

Нам предстоит наложить друг на друга две модели, каждая из которых является в глазах научного сообщества более чем спорной.

С другой стороны, очевидно, что само научное сообщество в той стадии, в которой оно пребывает сегодня, не может претендовать ни на соблюдение ортодоксии в какой бы то ни было сфере, ни на утверждение нового ее понимания. Марксистский подход, доминировавший в советской науке, был совсем недавно отвергнут, неумолимо подверглись контестации и сами критерии научности, особенно в тех областях, которые имели отношение к социальным дисциплинам, а также к макроидеологическим конструкциям. Поэтому невозможно отныне отрицать геополитику только на том основании, что она является «буржуазной». Точно так же невозможно утверждать безусловную научность коммунистической парадигмы в ущерб всем остальным экономическим теориям. Складывается ситуация, когда «научность» становится довольно бессодержательным кри-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 253 13.11.2012 15:32:57

терием, не обеспеченным серьезной методологической базой, а плюрализм возможных подходов исключает само представление о «научности» или «ненаучности». Этот вопрос был поставлен на международной конференции, проходившей в конце 1980-х гг. в США под выразительным названием «Конец науки?». Большинство ученых согласились с выводом, что «наука» в классическом (позитивистском) ее понимании более не существует как нечто самостоятельное, беспрепятственно переходя в иные смежные с ней области — искусство, политику, коммуникативную сферу и т. д.

Как бы то ни было, в такой ситуации неординарные подходы напрашиваются сами собой, а рискованность конструкции становится не только ее отрицательной стороной, но и положительной. Возможно, именно совокупность неординарных, «гетеродоксальных» методологий и станет базовым определением «новой научности» в той динамично меняющейся ситуации, в которую мы всё глубже погружаемся.

Маркс и Восток, Смит и Запад

Сопоставление принципа геополитического дуализма с тремя моделями в экономике сразу же дает крайне заманчивую картину. Атлантический полюс или остов талассократической цивилизации (Запад) явно соотносится с либерализмом, с классическим капитализмом, с Адамом Смитом и наиболее ортодоксальной линией его последователей — вплоть до Чикагской школы.

Сухопутная цивилизация, евразийский континентальный ансамбль, напротив, в экономической области соответствует противоположной, антилиберальной традиции, связанной с социализмом и марксизмом.

Хотя основатели геополитики формулировали свои теории задолго до Октябрьской революции, когда еще невозможно было предугадать победу коммунистических движе-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 254 13.11.2012 15:32:57

ний в Евразии, последующее историческое развитие показало удивительную проницательность геополитиков, отождествлявших Запад и талассократию с «торговым строем», с карфагенским типом цивилизации. И хотя Римский цивилизационный полюс в начале XX в. ассоциировался более с реакционными монархическими режимами, типа царской России, события показали, что антикапиталистическая ориентация Советской власти привела к еще более радикальному противостоянию Востока и Запада, атлантистов и евразийцев, чем при царизме.

Такое подтверждение геополитических прогнозов легло в основу понимания Западом геополитического значения «холодной войны» и предопределило ее географию, сопряженную не только со стратегическими и чисто политическими аспектами, но и с экономической моделью. Капитализм, либерализм, теории Смита в этой перспективе можно рассматривать как один из аспектов общего геополитического комплекса атлантизма.

Верно также и противоположное: Восток и особенно его геополитический полюс Россия, «сердцевинная земля» (heartland), ось евразийского ансамбля становятся плацдармом социализма, марксизма, полярной относительно либерализма экономической теории. Следовательно, логично рассматривать социализм как аспект евразийства.

Геополитика сводит в единую и в целом непротиворечивую схему две «ортодоксальные» экономические идеологии, объясняя географическую предопределенность каждой из них, их органическую связь со структурой «качественного пространства». Такая поправка на географию сразу же сводит экономическую проблематику выяснения преимуществ того или иного экономического устройства к конкретному историко-географическому контексту. Иными словами, успехи или неуспехи либерализма генетически связываются с Западом, с особостью его культурных и цивилизационных путей развития, и, следовательно, строго очерчивается контекст, в рамках которого правомочно

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 255 13.11.2012 15:32:57

судить об эффективности или неэффективности тех или иных версий магистральной теории либерализма. То же справедливо и для Востока, который в целом исторически сопряжен с разнообразными версиями хозяйствования, отличными от классического либерал-капитализма, что изначально и предопределило его социалистический выбор. Вместе с тем эффективность или неээфективность социалистического хозяйствования также должны быть оценены исходя из цивилизационных особенностей всего евразийского контекста.

Береговая экономика

Чем являются в таком случае «экономические теории третьего пути», о которых мы уже говорили?

В геополитической картине мира между атлантистским полюсом (англосаксонский мир, США) и евразийским полюсом (Россия, Евразия) лежит «береговая зона», промежуточные пространства, стратегически и геополитически «растянутые» между континентальным притяжением Суши и внешним вызовом Моря. Этой «береговой зоной» для Евразии является широкая полоса, простирающаяся от Западной Европы через Ближний Восток к Ирану, Индии, Китаю и Индокитаю и далее в южные пространства Тихоокеанского ареала. Пока Америка не достигла стратегической законченности (доктрина Монро), такая же ситуация существовала и на американском континенте, где огромные пространства «берегового характера» являлись стратегическими колониями европейских держав, в том числе и России (Аляска, некоторые провинции тихоокеанского побережья и т. д.). Но после того как США полностью установили стратегический диктат в Новом Свете (то есть к началу XX века), под «береговыми зонами» стали понимать именно западные и южные пределы евразийского материка.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 256 13.11.2012 15:32:57

По логике нашей схемы, этим «береговым зонам» должны соответствовать различные версии «экономики третьего пути», отчасти имеющие капиталистические (рыночные), а отчасти — социалистические (плановые) элементы. Современный экономист Мишель Альбер в своей знаменитой книге «Капитализм против капитализма» отмечает двойственность в структуре того, что принято называть «капиталистическим миром». С одной стороны, он выделяет англосаксонский капитализм, строго следующий либеральной ортодоксии, а с другой, говорит о «рейнско-ниппонском» варианте, имеющем многие элементы социального, национального и государственого подхода. Показательно, что в качестве европейской базы «второго», неанглосаксонского, т. е. неатлантистского, капитализма Мишель Альбер берет именно Германию — страну, занимающую в Европе крайнее восточное положение и являющуюся восточным геополитическим пределом западной «береговой зоны» Евразии.

Иными словами, третья экономическая парадигма может соответствовать «береговым зонам», тем пространствам, которые занимают в геополитическом смысле промежуточное положение, находясь между Морем и Сушей, испытывая на себе противоположные импульсы. Конечно, «береговые зоны» неравнозначны (с точки зрения влияния на них атлантизма), но все же нетрудно понять, насколько плодотворными могли бы стать попытки развить эту модель и далее, связав экономические модели разных государств с принадлежностью к конкретным геополитическим зонам.

Прояснение некоторых противоречий

Говоря о «третьем пути» в экономике, мы подчеркивали самостоятельность его идеологических и философских предпосылок, акцентировали, что речь идет не о компромиссном совмещении двух ортодоксальных макромоделей,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 257 13.11.2012 15:32:57

но об органическом развитии особой, оригинальной линии. Совмещение экономических моделей третьего пути с «береговой зоной» в геополитической схеме ставит несколько проблем. Разберем их поочередно.

Во-первых, в такой модели получается, что «экономика третьего пути», соответствующая «береговым зонам», должна относиться только к промежуточным геополитическим пространствам. В то же время в лице Кейнса мы видим ее американскую версию и одновременно прямо или косвенно указываем на привлекательность такой конструкции для евразийской России. Это видимое противоречие требует некоторых разъяснений. В период New Deal, когда США следовали в общих чертах за идеями Кейнса, эта страна значительно отдалилась от общеатлантистской стратегической линии, замкнувшись на внутренние проблемы, которые постепенно и методично стали решаться в рамках автаркийного пространства. Еще Макиндер сомневался в талассократическом призвании США, считая, что это государство может пойти не «карфагенским», но «римским» путем в геополитике. На практике это предполагало отказ от вмешательства в планетарные вопросы, рассмотрение доктрины Монро как последнего слова в американской стратегии. Кейнсианство для США было пределом возможного цивилизационного сближения с континентально-европейским и даже евразийским путем, и не случайно самые тесные отношения континентальной Германии и СССР с США приходятся на время президенства Рузвельта и особенно на эпоху доминации в Америке теории Кейнса. При Вудро Вильсоне, чей курс довел Штаты до Великой депрессии, и после отказа от концепции «экономической инсуляции» во второй половине 1930-х годов США, напротив, отдалились от евразийских моделей, сближаясь с Англией и либерально-атлантистскими геополитическими проектами.

Важна следующая особенность. После отказа от New Deal США снова вступили на путь либерализма, и вновь на горизонте замаячила следующая Великая депрессия. Си-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 258 13.11.2012 15:32:57

туацию спасла Вторая мировая война, которая заставила экономику США перестраиваться на военный лад, что означало усиление позиций госсектора и плана в общей структуре экономики. В 1940-е годы ведущие экономисты Запада (и либералы и марксисты) единодушно предсказывали новый виток всеобщего кризиса американской экономики сразу же после окончания войны, так как «реконверсия» погрузила бы страну в хаос и упадок. Но прогнозируемый кризис не произошел. Причина проста — отсутствие «реконверсии», которая была отложена в США на неопределенный срок в связи со скорым началом «холодной войны». Иными словами, принцип атлантистского либерализма в качестве официальной доктрины Запада был в случае США сглажен учетом реальной геополитической ситуации, в которой географический фактор и конкретика противостояния заставляли вносить «третьепутистские» поправки в экономическую стратегию. Речь шла о почти возврате к кейнсианству в рамках послевоенной экономической стратегии США. Кстати, именно этим объясняется гигантская внешняя задолженность США, которая на самом деле есть не что иное, как оформленная под кредит обязательная плата развитых европейских держав за предоставление США военной протекции по отношению к потенциальному агрессору с Востока, т. е. к СССР.

Евразии, России имеет смысл обратиться к экономике третьего пути не как к панацее, а как к доктрине, способной учесть важнейшие факторы, остающиеся вне сферы компетенции марксизма в силу специфики его чисто экономического редукционистского метода. В «третьей парадигме» важна философская подоплека теории хозяйства, и именно ее отсутствием в жесткой марксистской ортодоксии можно отчасти объяснить кризис этого экономического учения. Можно говорить о крайне левых разновидностях «экономики третьего пути» — таких, которые предлагали русские народники (Лавров, Михайлов, братья Серно-Соловьевичи и т. д., позже левые эсеры), и в данном случае экономиче-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 259 13.11.2012 15:32:57

ский социализм Маркса мог бы вполне сочетаться с органицистской философией. С другой стороны, в данную модель прекрасно вписывались бы и концепции «христианского социализма», особенно связанные с воззрениями о. Сергия Булгакова. Поэтому к «третьей экономической парадигме» отнюдь не следует относиться как к безоглядному повороту Востока навстречу Западу и к ревизионистскому отказу от коммунистического радикализма (хотя под определенным углом зрения это может выглядеть именно так).

Кейнс — немедленно, здесь и сейчас

Следует задаться вопросом: почему в момент кризиса социалистической системы в СССР в качестве альтернативы марксизму и государственному социализму нам гипнотически и со всех сторон внушалась мысль — «если не план, то рынок»? Даже самое поверхностное знакомство с экономической историей России, даже беглый взгляд, брошенный на логику развития ее хозяйственных институтов, с полнейшей очевидностью доказывают, что при отказе от ортодоксального марксизма первое, что должно было привлечь наше внимание, — это разнообразные модели «экономики третьего пути». Именами Кейнса, Листа, Шумпетера, Шмоллера, Перру должны были пестрить все газеты, их должны были неуклонно повторять телеведущие и о них спорить интеллектуалы. Это было бы совершенно логично и не нарушало бы ни постепенности реформ, ни их последовательности. Но в то же время жесткое связывание экономической ситуации с историко-географической и культурной конкретикой России заставило бы реформаторов ни на мгновение не упускать стратегических, национальных и государственных интересов, подстраивая под них основные механизмы и пути хозяйственных трансформаций.

Но всё было и остается совершенно иным. Даже сегодня, когда абсурдность и нигилизм либеральных преобра-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 260 13.11.2012 15:32:57

зований ясен всем, включая власть, в нашей стране продолжает господствовать мнение, что провал рыночных реформ есть то же самое, как возврат в прошлое, во времена господства ортодоксальной версии марксизма. Но при всем сказанном невозможность такого возврата столь же ясно предчувствуется всеми. И мы оказываемся в безысходной, тупиковой ситуации, когда движение вперед по заданному курсу окончательно осознается как губительное, а возврат невозможен.

Сегодня крайне распространены разнообразные теории заговора. И действительно, видя, что́ за такой короткий срок сумели сделать с мощной, великой державой реформаторы, мысль о колоссальном национальном предательстве напрашивается сама собой. Вместо исправления ситуации в застойном, потерявшем динамику обществе, вместо адекватного и подлинно демократического, честного и всенародного обновления мы пришли к диктатуре либерального нигилизма, к всевластию узкого, некомпетентного и коррумпированного круга лиц, рассматривающих свое господство над страной и ее народом как циничную эксплуатацию доверчивых и недоразвитых невежд.

Следует задаться вопросом: почему мы за все эти годы ни справа, ни слева, ни от власти, ни от оппозиции ничего не слышали о Листе, Сисмонди, Веблене, Шумпетере, Шмоллере, Перру, «автаркии больших пространств», «экономическом национализме», «экономической инсуляции», «институционализме», «социологическом подходе к экономике» и т. д.? Почему мы не выбирали, в конце концов, между тремя знаковыми фигурами — Маркс, Смит, Кейнс? По какому праву и на каком основании урезали наш выбор, лишили нас возможности компетентного демократического соучастия в нашей собственной судьбе?

Трудно поверить, что советская экономическая школа была столь неразвитой, что эти концепции оставались неизвестными ученым. Следовательно, остается только один вывод: существовал и продолжает существовать некоторый

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 261 13.11.2012 15:32:57

«заговор экономистов», ставящий своей целью заведомо ввести в заблуждение общественность относительно объективной картины в области существующих экономических моделей. Ничем иным отсутствие в центре общественной дискуссии концепций различных представителей «третьего пути в экономике» объяснить просто невозможно.

Чтобы не вдаваться в детали и не создавать путаницы, не обязательно было подробно освещать теории Гэлбрейта, Шмоллера или Шумпетера. Но замалчивать такого гиганта, как Кейнс, скрыть (другого слова не подберешь) от широкой общественности его успешную, разгромную полемику с Хайеком, не оставившую камня на камне от неолиберальных теорий, было преступлением.

Нет никаких сомнений, что даже при отказе от ортодоксального коммунизма и от социалистического выбора в случае полноценной информированности наше общество выбрало бы не экстремистских сторонников абсолютно чуждой нам англосаксонской либеральной модели, противоречащей устоям нашей экономической истории, но какую-то одну из версий «еретической теории». В этом случае даже переход к рынку был бы безболезненным, постепенным, плавным, а главное, не повлек бы за собой распада великого государства, потерю территорий, разложение единой многонациональной общности, утрату геополитического лидерства в планетарном масштабе.

В свое время «третья модель» спасала самые разные режимы и государства — от Бисмарка и Вильгельма II до графа Витте, Ленина и Ратенау. США именно она обеспечила спасительную для экономики политику New Deal, позволившую справиться с катастрофическими последствиями Великой депрессии, до которой, кстати, довели страну в 1920-е годы именно радикальные либералы.

И приступить к реализации этих срочных мер должно любое правительство, каких бы идеологических предпочтений оно ни придерживалось, если оно только руководствуется интересами своего собственного народа и своей собственной страны.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 262 13.11.2012 15:32:57

Подведем итоги нашего исследования:

1. Экономическая модель не должна рассматриваться в отрыве от геополитической конкретики. Подобно тому, как внутриматериковые пространства Евразии не могут произвольно определять свое геополитическое значение, заведомо данное и детерминированное законами географии, спецификой истории и логикой цивилизационного пути, так и социальные системы, государства и нации, располагающиеся на этих пространствах, не должны осуществлять выбор экономической системы произвольно, невзирая на геополитическую предопределенность, включающую в себя и сферу хозяйствования.

2. На практике это означает необходимость отказа от безоглядной вестернизации, что относится как к геополитической международной линии, так и к выбору внутриэкономических парадигм.

3. Геополитическая заданность ставит пределы колебаний в выборе экономической модели, и этими пределами являются марксизм, с одной стороны, и теории «экономики третьего пути», с другой.

4. В том случае, если сам Запад будет тяготеть к экономике «третьего пути», отказываясь от радикального либерализма, геополитическая напряженность между двумя полюсами будет ослабляться, особенно если Евразия станет двигаться во встречном направлении. В геополитической сфере это означает повышение статуса «береговых зон» — то есть Европы, Ближнего Востока, Ирана, Индии и Китая в общей панораме геополитической истории. В экономическом плане это соответствует отказу от «экономизма» и «экономической ортодоксии» и обращению к тем пластам экономической мысли, которые произрастали из иных философских и мировоззренческих предпосылок, отводящих сфере хозяйствования подчиненную роль.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 263 13.11.2012 15:32:58

МЕТАФИЗИКА И ГЕОПОЛИТИКА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Природа и стоимость

Тема экономики природных ресурсов обычно трактуется с определенной долей стыдливости. Это показательно, поскольку природа стала трансцендентной для современного человека, скрытой в глубинах бессознательного и говорить о ней ясным языком как-то не принято. Современный технологический человек, вооружившийся аппаратом экономической теории, чувствует себя в техносфере как в своей естественной среде, а любое упоминание о природе и ее особенностях воспринимается как досадный голос давно преодоленного атавизма. Тема природных ресурсов в экономической теории сходна с темой исследований подсознания: рационалистическая мысль тяготится бессознательным, стремится ускользнуть от столкновения с ним. Такова же и оценка природных ресурсов, а особенно тема их дефицита и исчерпаемости, возвращающая экономическую мысль человечества к неприятным реалиям природы, заявляющей о своем присутствии в мире тотальной цифровой виртуализации.

В теме природных ресурсов есть нечто «конспирологическое». Для желтой прессы и особенно для малотиражных сенсациалистских листков, проповедующих «теорию заговора», характерны мотивы объяснения всех масштабных политических процессов борьбой за природные ресурсы. Показательно, что такая модель объяснения воспринимается одновременно как нечто почти очевидное и как нечто экстравагантное, полупристойное. Точно так же относится бодрствующий человек к голосу подсознания: он одновременно очевиден и непристоен. Культура, сфера образов и, в конце концов, реклама ставят работу с бессознательным на поток, всячески обыгрывают его сюжеты. Нечто подобное проделывают и авторы хлестких передовиц, бой-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 264 13.11.2012 15:32:58

ко утверждающих, что в «основе иракского вторжения лежит нефть», что «исход выборов на Украине зависит от поставок газа в Европу», а «неудавшийся переворот в Венесуэле заказали американские нефтяные магнаты». Но объектом пристального и глубокого исследования респектабельных экономических изданий эта тема становится крайне редко, да и в этом случае подобного рода анализ сопровождается таким количеством фигур умолчания, намеков и двусмысленностей, что еще более затемняет логику основных процессов в этой области, а не проясняет ее.

Если мы посмотрим на истоки формирования современных экономических теорий, то наша аналогия между природными ресурсами и областью бессознательного получит дополнительное обоснование. Базовые теории классиков либеральной мысли были по сути лишь применением рациональной механицистской номиналистской философии (Ньютон, Локк, Гоббс и др.) к области хозяйства. Подобно тому, как рационалисты сводили процесс познания к рассудочной деятельности, прогрессивно освобождаясь от «иррационального» — т. е. «бессознательного», «природного», «инстинктивного», «архаического», «сакрального» — в человеке, так и отцы-основатели классической политэкономии выделяли в хозяйственной деятельности те элементы, которые наиболее соответствовали коду рационализации и оптимизации, оставляя в стороне те сферы хозяйства — природные, исторические, обрядовые и т. д., — которые не укладывались бы в рассудочные клише.

Рационализм классической либеральной теории был унаследован методологически и марксистами, хотя в других вопросах позиции этих экономических школ существенно разнились. Маркс видел современного человека как существо, полностью преодолевшее природу, целиком и полностью социальное. И в теории социализма рационализация хозяйства занимает столь же центральное место, как и в либерализме. Природа же ограничивает эту рациональность спонтанным узором своих проявлений. Если

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 265 13.11.2012 15:32:58

понимать «природные ресурсы» в широком смысле, то можно сказать, что современная экономическая система борется не за «природные ресурсы», но против «природных ресурсов», стремясь в конечном итоге окончательно эмансипировать хозяйственный цикл от всех естественных зависимостей, от externalaties.

Данные теоретические соображения нашли свое отражение в самой основе современного экономического подхода, а более конкретно — в тезисе «неисчерпаемости (бесконечности) и бесплатности природных ресурсов». Такими «бесконечными и бесплатными» природные ресурсы действительно были на ранней стадии развития индустриального капитализма, в XVIII–XIX вв. Если говорить точнее, в общем контексте капиталистического хозяйства предел стоимости природных ресурсов стремился к нулю. Как и во многих других областях позитивистских наук — и в самой структуре дифференциальных исчислений, — бесконечно малой погрешностью пренебрегали. И в основу экономической логистики стоимость природных ресурсов была включена как нулевая, а их объем — как бесконечный. Сделав такое допущение, основатели экономической науки двинулись дальше — к тем областям хозяйственных алгоритмов, где природы как фактора уже не было. Схемы рассудка подавили погрешности бессознательного. Исключив природу, экономика стала рассудочно-позитивной.

Показательно, что первые подозрения в неадекватности такого базового подхода стали проявляться параллельно в самых разных областях науки — как естественной, так и гуманитарной. Одновременно с обнаружением учеными XX века фундаментальных противоречий в основе классических аксиом современной физики и кризисом позитивизма в философии человечество столкнулось со сходной проблемой в сфере экономики: природные ресурсы оказались конечными, ограниченными и небесплатными, то есть имеющими самостоятельную стоимость, связанную с многочисленными факторами — причем не только экономиче-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 266 13.11.2012 15:32:58

ского, но и политического, шире, геополитического порядка. Это теоретическое положение в экономике человечество познало эмпирически — в форме империалистических войн, конфликтов цивилизаций, борьбы за ресурсы.

Столкнувшись с этой проблемой, экономисты поступили так же, как философы-рационалисты, обнаружившие на заре XX в. наличие подсознания — стали исследовать вновь обнаружившиеся (но исконные) реальности с помощью методов, которые сложились как раз за счет вытеснения этих реальностей. Когда экономика не могла более игнорировать влияние природных факторов, она стала обсчитывать их при помощи тех инструментов, которые сформировались именно через отбрасывание этих факторов как несущественной погрешности.

Здесь налицо следующее несоответствие: сам алгоритм экономического анализа как классической политэкономии, так и марксистской исходит из предпосылки бесконечности и бесплатности природных ресурсов, однако, столкнувшись на практике с эмпирическим опровержением этого тезиса, теоретики не стали пересматривать основы своей теории, но, не обращая внимание на логическое противоречие, стали исследовать вновь открывшиеся обстоятельства с помощью привычных теоретических инструментов. Именно по этой причине сектор экономической дисциплины, занятый изучением природных ресурсов, пребывает в столь странном состоянии — между сенсационалистской конспирологией, формальным описанием статус-кво и многочисленными тавтологическими заключениями, перемешанными с фигурами умолчания. Раз природный фактор был изначально исключен из базовых парадигм определения стоимости, он стал фигурировать в качестве «постороннего аттрактора» (если использовать по аналогии язык современной физической теории фракталов В. Мандельброта).

Конечно, кое-какие попытки включения природного фактора в механизмы определения стоимости делались,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 267 13.11.2012 15:32:58

например, русским экономистом-народником Чаяновым, французскими социологами — М. Моссом, Ж. Батаем, американским физиком Ф. Капра и т. д. Но всё это оставалось в русле маргинальных теоретических построений.

Ресурсы и геополитическое пространство мира

Одной из удобных методологий, позволяющих оперировать с самим понятием стоимости полезных ископаемых на практике, является геополитика. Если взглянуть на земную карту основных крупных месторождений глазами геополитика, мы получим в высшей степени поучительную модель, легко объясняющую многие темные стороны современной политической и экономической истории. Геополитику можно назвать «политическим психоанализом, привязанным к пространству».

Тема природных ресурсов, их местонахождения, доставки, рынков сбыта вписана в конкретные пространства, где живут народы, пролегают конкретные политические, национальные, этнические, религиозные, цивилизационные, культурные границы. С точки зрения геополитики тематика природных ресурсов — как и всё, что связано с пространством, землей и почвой — является важнейшим качественным параметром, связанным с человеческим обществом и логикой (пространственного) развития человеческой истории.

При переходе от чисто экономического взгляда, описывающего тему поверхностно (что и где находится, сколько ресурсов необходимо человечеству, где, что и кому выгоднее продать, как и куда удобнее доставить, где переработать и т. д.), к более сложной картине — к геополитике природных ресурсов, собственно экономические показатели и расчеты ставятся в зависимость от более глубоких и неочевидных процессов. Перенесение темы экономики природных ресурсов в геополитическую плоскость дает нам новое по-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 268 13.11.2012 15:32:58

нимание множества труднообъяснимых закономерностей — почему разрабатываются те или иные месторождения и не разрабатываются другие, казалось бы, более привлекательные? Почему маршруты доставки полезных ископаемых сплошь и рядом выбираются не самым оптимальным, с экономической точки зрения, образом? Как связаны политические процессы в основных ресурсодобывающих странах с полезными ископаемыми и т. д.?

Не осмыслив эту область понимания, Россия не сможет строить адекватную стратегию в настоящей сфере. И без внимательного учета геополитических факторов мы всегда будем здесь наталкиваться на препятствия, природа и структура которых будет от нас ускользать.

С геополитической точки зрения, существуют две основополагающие модели (базовых проекта) обращения с реальным пространством нашей планеты. Эти проекты, каждый по-своему и в соответствии со своими целями, учитывают специфику развития различных регионов, культур, цивилизаций, этносов, политических систем, стремясь поместить их в собственный контекст. Поскольку природные ресурсы, будучи ограниченными, имеющими стоимость и принципиально важными для технологического развития отдельных регионов земли и всего человечества, представляют сегодня фактическое поле конкуренции и борьбы за цивилизационное выживание, то оба геополитических проекта предполагают свой макросценарий по оперированию с ними, включая весь цикл — разведку месторождений, их разработку, переработку ископаемых, доставку и сбыт. В реальной жизни пока не существует единого человечества, единой системы управления. Поэтому тезисы о контроле и управлении природными ресурсами не могут разбираться абстрактно, в утопическом ключе как «осознанная задача всего человечества, стоящего перед проблемой оптимизации своей жизнедеятельности». К сожалению, до сих пор существуют антагонистические противоречия между различными регионами Земли, и если они перестали

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 269 13.11.2012 15:32:58

формулироваться в колониальных или идеологических терминах, это не значит, что они исчезли.

Геополитическая оценка этих противоречий является наиболее взвешенной и объективной. Если мы сделаем краткий экскурс в геополитическую картину мира, то поймем, в чем суть проблемы. Это касается, например, ближневосточных нефтяных ресурсов. Мы также поймем, какие основные параметры должна учитывать Россия при работе с долгами бывших развивающихся стран, на чьих территориях находятся полезные ископаемые.

Геополитическая модель, развитая англичанином Х. Макиндером, американцем адмиралом Мэханом и другими геополитиками, предполагает существование двух фундаментальных геополитических образований, тяготеющих к глобальному формату, — силы Суши (теллурократия, евразийство) и силы Моря (талассократия, атлантизм). Основные положения в этой сфере были сформированы и описаны еще в конце XIX — начале XX в., и мы видим, что история прошлого столетия полностью подтвердила правоту этих прогнозов. Перед нами два антагонистичных полюса — не в классовом, а в пространственном смысле. Основой полюса Суши (Евразии) является так называемый heartland, «сердцевинная земля», лежащая в глубине российской территории, это оплот теллурократии. Противоположное «островное могущество», «морское могущество» (Sea Power), называемое также «талассократией», находится либо в береговом секторе (на начальном этапе), либо в океаническом секторе (на более поздних этапах). Между этими двумя геополитическими началами развертывается геополитическое противостояние, связанное с цивилизационной, технологической, стратегической, культурной сторонами жизни. Напрямую затрагивает оно и область природных ресурсов.

Согласно классической формуле Макиндера — «тот, кто контролирует Евразию, контролирует мир». Способ контроля над Евразией может быть двояким. И это принципиально.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 270 13.11.2012 15:32:58

Континентальный способ контроля над Евразией предполагает преобладание импульса, исходящего изнутри континента, из heartland'а. В геополитике название политического образования, контролирующего на данный момент heartland, не принципиально — будь то Российская империя, Советский Союз, демократическая Россия, СНГ или какое-либо новое образование, которое может возникнуть на этой территории.

Задача сухопутного полюса — максимально расширить свое влияние на те зоны, которые лежат между heartland'ом и акваторией, омывающей евразийский материк, максимально интегрировав их в стратегическом, экономическом смыслах. Естественно, то же самое касается и ресурсов. Евразийский подход к ресурсам состоит в создании единой ресурсодобывающей и ресурсоперерабатывающей сферы на максимально широком пространстве континента. Это определяет требования к пространственному размещению транспортных сетей, газопроводов и нефтепроводов, в частности, позиционированию центров переработки, способов доставки вторичной продукции и т. д. Конкретно относительно доставки ресурсов можно сказать, что евразийский проект состоит в связи каждого отдельного месторождения с внутриконтинентальными пространствами. Если мы учтем этот факт, станет понятным всё геополитическое значение газопроводов и нефтепроводов, связывающих российские, центральноазиатские и кавказские месторождения с Европой (и тихоокеанским регионом) континентальной сетью. Консолидация евразийских ресурсов в континентальном фокусе усиливает общий геополитический потенциал Евразии.

Существует вторая модель контроля над Евразией (и, соответственно, над природными ресурсами), это контроль внешний, со стороны Моря (талассократии). Этот тип (атлантического) контроля над той же ключевой стратегической зоной предполагает внешнее освоение «берегового пространства» (rimland), которое отделяет «сердцевинную

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 271 13.11.2012 15:32:58

землю» от теплых морей. Эта вторая модель связана исторически с англосаксонским могуществом, Британской империей и США — другим англосаксонским государством, к которому постепенно перешла талассократическая миссия и которое сегодня фактически правит миром. В этом случае предлагаемая геополитическая модель совершенно другая. В данном случае речь идет о связывании структуры «береговых пространств» с заокеанским центром силы и о манипуляции планетарной стратегии с помощью контроля над водными просторами — морями и океанами. Если евразийский сухопутный импульс стремится интегрировать материковое пространство, то атлантистский, морской импульс, напротив, ставит своей целью не допустить этой интеграции, преградить доступ к теплым морям, установить контроль по всему периметру береговых пространств. В случае природных ресурсов здесь также напрашивается альтернативная система их разработки, переработки, транспортировки и сбыта. Транспортировка производится преимущественно морскими путями с помощью танкеров.

Таким образом, существует не единый план энергетического развития планеты, разработки природных ресурсов, а как минимум два. То, с чем мы имеем здесь дело, это не просто противостояние двух идеологических или политических систем. Политические и идеологические системы могут быть очень похожи (например, империи Британская и Российская), они могут быть противоположны — например, капиталистическая и социалистическая системы, могут быть тождественны — например, демократия, одинаковая в основных своих чертах как в России, так и на современном Западе. Конкретная форма, в которую облекаются геополитические противоречия, второстепенна, суть же остается неизменной. Даже в том случае, если это противостояние, эта борьба за модели освоения, переработки и сбыта тех или иных природных ресурсов разворачивается

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 272 13.11.2012 15:32:58

в форме цивилизованного диалога, ситуация остается крайне напряженной.

Вопросы о том, какие месторождения следует развивать, каким образом они будут влиять на экономику регионов, как и куда, на какие рынки необходимо доставлять природные ресурсы, не могут быть рассмотрены исключительно в энергетическом и экономическом аспектах, без опоры на геополитику. С точки зрения чисто энергетической или экономической, мы никогда не объясним множество явлений, связанных с этой сферой. За покровом цифр, данными геологоразведки, информацией о создании холдингов и т. д. скрыты глубинные геополитические тенденции.

Если говорить о евразийском подходе к проблемам энергоресурсов, мы приходим к необходимости выработки самостоятельной евразийской концепции их извлечения, развития, переработки и транспортировки. Причем эта модель, по определению, должна существенно отличаться от того, как видит эту проблему атлантистский полюс и, соответственно, как она трактуется в современном глобализме. России как стране, совпадающей геополитически с пространством heartland'а, выгодно (не только в долгосрочной, но и в краткосрочной перспективе) развитие собственных месторождений, внедрение собственных технологий, укрепление собственного присутствия на тех месторождениях, которые находятся вблизи наших границ, в странах СНГ, и далее — в Азии, странах Ближнего Востока. Кроме того, особое значение в этом отношении имеет развитие транспортных сетей евразийских магистралей. При этом, естественно, данный проект не может развиваться исключительно на отраслевом уровне. Необходима целостная ресурсная и энергетическая политика государства, сформулированная на основе геополитической методологии.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 273 13.11.2012 15:32:58

Береговая зона и диалектика природных ресурсов

Теперь рассмотрим несколько более пристально, что представляет собой сегодня «береговая зона», rimland, тянущаяся через европейское пространство и Ближний Восток к Дальнему Востоку и Тихоокеанской зоне. Некогда сама Европа (особенно Англия и Франция) была полюсом Запада, фокусом атлантизма и выполняла в планетарном масштабе ту атлантическую и талассократическую функцию, о которой мы говорили выше. Когда в течение XX века центр тяжести атлантической системы сместился еще западнее, по ту сторону океана, сама Европа стала периферией атлантического сообщества, а не центром, как было раньше. Этот процесс развертывался постепенно, начиная с доктрины Монро, предполагавшей в первой половине XIX в. вытеснение европейского влияния с американского континента, и заканчивая доктриной Вильсона, провозгласившей, что США имеет отныне глобальные интересы — в том числе и в Европе. На данный момент Европа представляет собой некоторое «промежуточное пространство», контролируемое стратегически — в том числе и через энергоресурсы — американским полюсом. Наличие 6-го флота США в Средиземном море, американская политика на Ближнем Востоке, подчинение европейской политики американским приоритетам — всё это держит Европу в стратегической и энергетической зависимости от США.

Манипулируя различными инструментами влияния на процесс энергоснабжения Европы, США сохраняют и укрепляют над ней свой геополитический контроль. Одним из самых важных рычагов этого контроля является участие США в ближневосточной политике, постоянный контроль над нефтедобычей и доставкой нефти в Европу из арабских стран. При этом для США необходимо соблюдать постоянный баланс нефтедобычи в этом регионе, ограничивая его рост, чтобы у Европы сохранялась постоянная энергозависимость от североафриканского региона.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 274 13.11.2012 15:32:58

Совершенно обратная ситуация в Венесуэле, где США, напротив, выгодно повышение объемов добычи нефти, поскольку в этом случае от данного фактора зависит собственно экономика самих США. И совсем не заинтересован атлантический полюс в развитии евразийского нефтедобывающего комплекса.

В настоящее время Объединенная Европа, очень мощная экономически, безусловно, заинтересована в том, чтобы усилить свою энергетическую безопасность, которая является прямой предпосылкой дальнейшего возвращения Европы в историю как важного геополитического субъекта. В этом смысле она фундаментально заинтересована как в прямом взаимодействии с ближневосточными регионами и проведении в них своей, независимой от США, ресурсодобывающей политики, так и в развитии евразийских месторождений и, соответственно, в транспортировке ресурсов по сухопутным маршрутам. Благодаря такой диверсификации поступления энергоресурсов Европа может сделать тот энергетический, а в конечном итоге стратегический и геополитический скачок, к которому она стремится как новый потенциальный субъект, получающий большую степень свободы в проведении собственной геополитической стратегии в пространстве rimland.

В этом отношении вопрос о российско-европейских, российско-американских, российско-арабских отношениях в огромной мере предопределен размещением месторождений, их объемом, возможностью технологического освоения и статусом в международной политике, который имеет та или иная страна. К примеру, пока Ирак находится под санкциями ООН, его месторождения имеют одни значения и функции, если санкции будут сняты — другие. Кстати, причиной нападения Ирака на Кувейт была именно несдержанность Багдада в стремлении получить прямой доступ к портам Персидского залива, открывающим Ираку возможность свободной поставки нефти во все страны мира — и в первую очередь в Европу. Но и само государство Кувейт

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 275 13.11.2012 15:32:58

было изначально специально создано англичанами для того, чтобы контролировать стратегическую зону богатого Междуречья через марионеточное образование, лояльное Великобритании и препятствующее прямому доступу к морским просторам. Заложенный в предыдущие столетия геополитический алгоритм остается действенным и в наше время. То же самое касается Ливии и Ирана. Императив атлантистского контроля потребовал в определенный момент ограничения поставок энергоресурсов богатых ливийских и тем более иранских месторождений, результатом чего стала международная изоляция этих стран, признанная под давлением США остальными государствами.

Россия как Евразия должна выстраивать свою ресурсную и энергетическую политику внутри страны и за рубежом исходя из своих собственных интересов, которые, по определению, не могут совпадать с тем, что устраивает атлантический полюс. Не трудно сделать вывод, что в этом вопросе евразийские интересы России и энергетические приоритеты современного Евросоюза очень близки. Иными словами, и Россия и Евросоюз заинтересованы в реорганизации ресурсной и энергетической политики на значительном секторе rimland'а, «береговой зоны» от Европы до Ирана и Центральной Азии. И столь же очевидно, что США, напротив, заинтересованы в сохранении статус-кво.

Теперь обратимся к восточному сектору «береговой зоны», окаймляющей евразийский материк. На Дальнем Востоке в рамках тихоокеанского региона существует пространство, которое во многих отношениях можно сопоставить с современной Европой. В первую очередь речь идет о Японии и ее геополитических и энергетических перспективах. Своих ресурсов в Японии нет, при том, что она представляет собой колоссальный рынок потребления энергоресурсов. В этом смысле между Японией и Евросоюзом существует почти полная аналогия, и ей точно так же жизненно необходимы альтернативные способы поставки энергии, подключение к евразийскому потенциалу. Ответственные

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 276 13.11.2012 15:32:58

правительственные и экономические круги Японии сегодня ясно отдают себе отчет в том, что зависимость от США в энергетической сфере ограничивает Японию и не дает усилить свой геополитический статус. Наиболее дальновидные политики, профессионально занимающиеся геополитическим анализом, глубоко заинтересованы в совместном с Россией освоении евразийских пространств. На основе этой логики возникла идея создания системы транспортных сетей, которые бы связали Японские острова с континентальной территорией Евразии. Реализации этого проекта препятствуют политические моменты и вопрос о Курильских островах. Ту же функцию выполняет тема Чечни и соблюдения «прав человека» в российско-европейских отношениях. В обоих случаях мы видим, что серьезной реорганизации геополитического пространства Евразии в выгодном для основных ее субъектов (России, Евросоюза и Японии) ключе препятствуют некоторые моменты, чье геополитическое значение представляется несопоставимо малым перед лицом той перспективы, которая открывается в сфере энергетического сотрудничества и совместной стратегии разработки природных ресурсов. Сама эта диспропорция наводит на мысль, что за настоящими «политическими» вопросами стоят фундаментальные интересы третьей стороны, заинтересованной в сохранении статус-кво. Совершенно очевидно, речь идет о США.

Если спроецировать все высказанные соображения на более конкретную проблематику поиска инвестиций в геологоразведывательные проекты и развитие энергоресурсов, мы получим однозначную картину. Максимум финансов и заинтересованности в развитии месторождений находится в странах Запада, и особенно в США. Англосаксонский капитал и технологии являются наиболее мощными в этой сфере. Но с учетом геополитических закономерностей легко понять, что не всегда конкретные инвестиции со стороны этого полюса действительно способствуют развитию этой сферы, не всегда декларируемая цель будет

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 277 13.11.2012 15:32:58

реализовываться, поскольку всё зависит не столько от экономической рентабельности и прибыльности проекта, сколько от надэкономических, геополитических, стратегических интересов. Вполне возможны инвестиции с целью замораживания производства. Контроль над месторождениями природных ресурсов, безусловно, является приоритетной задачей атлантического капитала. Развитие и эксплуатация их — совершенно иное дело, и здесь более не действительны никакие подсчеты и никакие объемы прибылей. Инвестиции атлантического полюса всегда имеют определенную геополитическую специфику. В «береговой зоне», и особенно во внутриматериковом пространстве Евразии, они сопряжены со стремлением усилить контроль, но вместе с тем затормозить процесс развития. Поэтому американские (шире — англосаксонские) инвестиции в эту область на всем пространстве Евразии имеют совершенно определенный характер и, несмотря на их привлекательность, могут привести далеко не к тем последствиям, которые изначально декларируются.

Рассмотрим обратный вариант — возможность собственно евразийских инвестиций в эту сферу — как в России (СНГ), так и в «береговой зоне». Естественно, в нынешнем состоянии у России мало экономических инструментов для самостоятельной стратегии в этом вопросе. Россия не может даже отдаленно рассматриваться как источник инвестиций в какую бы то ни было масштабную область. Это немыслимо при росте ВВП в 4%, но и при росте в 8% ситуация качественно не изменится.

Следовательно, евразийский энергетический проект должен выстраиваться асимметрично относительно атлантистского проекта в этой области. Россия (Евразия) может выступить в роли энергетического диспетчера в новой модели организации евразийского энергетического комплекса, предлагая альтернативный атлантистскому алгоритм. Для этого у России есть все основания — и собственные ме-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 278 13.11.2012 15:32:58

сторождения, и пространственное расположение, ключевое для организации транспортных сетей, и особые отношения со странами СНГ и даже с некоторыми странами, рассматривающимися как «парии» (Иран, Ирак, Ливия), и определенный опыт в энергодобыче, и серьезный интеллектуальный, логистический потенциал. Фатально отсутствуют лишь финансы.

Но здесь мы видим, что в случае Европы и Японии (шире — стран Тихоокеанского региона), напротив, есть дефицит самих природных ресурсов, пространства, политической свободы маневра, но финансово-инвестиционный потенциал, напротив, имеется в полном объеме.

Таким образом, евразийский проект приобретает вполне реалистичные черты, если учесть эту комплиментарность разных зон евразийского материка.

Эти соображения делают актуальной выработку нового формата евразийской энергетической стратегии. Поскольку здесь политика, экономика, энергетика, культура, история, дипломатия, отраслевые и технологические вопросы, конфессиональные и территориальные проблемы тесно переплетены между собой, то продвижение евразийского проекта требует объединения усилий многих инстанций — властных, силовых и отраслевых. Логичнее всего сосредоточить мониторинг этих проблем в единой консультационной структуре, объединяющей представителей Правительства, силовых министерств и ведомств, магнатов энергетических отраслей, интеллектуалов-геополитиков, финансистов и отраслевых специалистов.

Нам надо брать пример с США, где подобные объединения давно существуют и действуют в высшей степени эффективно — что мы и видим в современной геополитической картине мира, которая складывается, увы, отнюдь не в пользу Евразии.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 279 13.11.2012 15:32:58

ГАЗ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: СРЕДСТВО ПРОТИВ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА

Фактор газа в мировой экономике является вопросом очень серьезным. Газ представляет собой важнейший источник энергии. По сути дела, газ — это «дубль нефти». Американские энергетические системы многих заводов, промышленных станций настроены на двойное потребление — они могут работать и от жидкого топлива, и от газа. Двойная система свойственна также многим крупным промышленным европейским центрам.

С энергетической точки зрения фактор нефти очевиден. Всем понятно, что это тот мотор, без которого нет современной экономики. Газ же в структуре экономики и энергоресурсов выступает как дублер нефти. Но если рынок нефти является демонополизированным и здесь действительно действуют рыночные принципы, то газовые корпорации, как правило, являются монополиями во всех странах Европы, кроме Дании, где существует микроскопическая, почти фиктивная конкуренция между газовыми корпорациями.

Почему же существуют свободный рынок нефти и почти полная монополия на газ? Можно прочитать несколько тысяч страниц специальных анализов и найти лишь то объяснение, что газ и всё, что с ним связано, имеют повышенную степень угрозы, что работа с ним влечет за собой возможность взрывов, возможность технических неполадок, которые могут привести к масштабным катастрофам экономического, экологического и физического характера. Но дело не только в этом.

Как правило, наша цивилизация, наша экономика говорит на двойном языке, используя двойные стандарты. С одной стороны, на внешнем уровне декларируются либеральные принципы — свободная конкуренция, рыночный подход, демократия и т. д. Но для того, чтобы в какой-то момент эти процессы не приняли катастрофического ха-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 280 13.11.2012 15:32:59

рактера, в нашей цивилизации существует определенный сегмент, существующий по совершенно другим принципам. Иначе говоря, если дело с демократией или рынком заходит «не туда», начинают включаться механизмы, которые корректируют этот процесс или просто (при необходимости) заменяют его. Это похоже на то, что произошло, например, во время теракта 11 сентября в США, когда была запущена дополнительная система управления страной, в которой уже не было ни демократии, ни рынка, а действовали совершенно иные принципы управления обществом и экономикой.

Согласно этой гипотезе, газ выполняет функцию запасного энергетического дубля. Если в нефтяной сфере произойдет коллапс, связанный с рыночными механизмами или с определенными политическими трениями, то газ выступит неким резервным продуктом энергетики и мировая экономика, экономика западных стран в первую очередь, не рухнет в один момент.

Иными словами, газовая отрасль является строго монопольной неслучайно — газ является резервной энергией мировой экономики. Это очень важная характеристика, и поэтому геополитика газа принципиально отличается от геополитики нефти. Геополитика газа принадлежит более серьезным экономическим циклам, чем геополитика нефти, и колебания в газовой сфере тоже идут совершенно иными темпами и с иной частотой, нежели в нефтяной отрасли.

Газ и нефть — вещи очень разные. Нефть более гибкая, газ более постоянный, более неподвижный, более фиксированный, более монополизированный. Ценообразование в сфере газовой промышленности гораздо менее прозрачно, чем процесс ценообразования в сфере нефтяной промышленности. Ценообразование продуктов природного газа тесно связанно с другими продуктами, с параллельными энергоресурсами: углем и нефтью. Газ дублирует те процессы, которые происходят на рынке других энергоносителей.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 281 13.11.2012 15:32:59

Геополитика сегодняшнего дня

Через исследование сферы газа мы выходим на очень принципиальную, фундаментальную картину геополитического устройства мира.

Когда мы говорим о геополитике, мы должны помнить, что слово «геополитика» — не пустой термин. Это не какая-то абстракция и не синоним международных отношений. Геополитика — это дисциплина, у которой есть свои собственные системы координат, своя методология и своя модель видения реальности, видения смысла тех процессов, которые развертываются в сегодняшнем мире. С точки зрения геополитики, существует борьба или оппозиция между двумя типами цивилизаций, между цивилизацией Моря и цивилизацией Суши, между атлантизмом и евразийством, между англосаксонским полюсом и евразийским. Это вписано в основу геополитического мировоззрения: неснимаемые противоречия, конкуренция, оппозиция, война, битва, столкновение, соревнование — как угодно — между атлантическим и евразийским полюсом составляет движущую силу основных процессов мировой политики. Это аксиома геополитики. Если кто-то говорит, что это не так, или думает, что это не совсем так, или он с этим не согласен, или не слышал ничего об этом, то слово «геополитика» лучше не употреблять. Поэтому, когда мы говорим о геополитике газа, мы говорим о том, как система газоснабжения, добычи газа, транспортировки и рынка потребления газа вписывается в эту геополитическую модель.

В современном мире происходят фундаментальные геополитические процессы, связанные с созданием однополярного мира, который является геополитическим результатом окончания холодной войны. Во время холодной войны существовало противостояние двух лагерей: западного и восточного, которое точно и строго соответствовало традиционной модели противостояния Моря и Суши. По результатам холодной войны была закреплена победа одного

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 282 13.11.2012 15:32:59

из этих полюсов, атлантического полюса, причем важно не то, что одна система победила другую, важно другое — одна геополитическая модель победила другую и осталась единственным полюсом.

Сегодня, с геополитической точки зрения, мир представляет собой однополярную реальность, где существует центр однополярного мира (США) и существует система слоев. Самый ближайший — трансатлантический слой, второй слой — страны третьего мира, в центре четвертого слоя, который в геополитике атлантизма называется «черной дырой» (З. Бжезинский, «Великая шахматная доска»), находится Россия как основа евразийского пространства. Иными словами, однополярный мир создается за счет ослабления той реальности, которая ему противостояла — евразийского геополитического пространства, и всё больше и больше частей этого пространства евразийского материка интегрируется или ставится под контроль однополярного мира. Это фундаментальный процесс современных геополитических преобразований, переход от двуполярности к однополярности, от баланса стратегического влияния к смещению мира в совершенно в иную плоскость.

Мы знаем, что есть системы, которые основаны на двух полюсах. Например, плюс и минус, черный и белый, это круговые системы, где есть полюс и периферия. То же самое было и в геополитике. В однополярной же ситуации евразийский континент, по сути, из субъекта превращается в объект.

Мотор прошлого противостояния — второй полюс, который был воплощен в Советском Союзе, а сегодня в расчлененном виде продолжает свое существование в России, является «козлом отпущения» этого процесса, перехода от двуполярной модели к однополярной. Это и есть фундаментальный геополитический процесс, который сегодня происходит в мире.

Но известно, что, с геополитической точки зрения, до сих пор справедлива формула Хэлфорда Макиндера, осно-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 283 13.11.2012 15:32:59

вателя этой науки. Согласно этой формуле, «тот, кто контролирует „heartland“ (это территория России), контролирует Евразию, а тот, кто контролирует Евразию, контролирует весь мир».

Конечно, с классической геополитической картиной сегодня мы встречаемся только у самых ортодоксальных геополитиков, таких как Збигнев Бжезинский. Чаще всего американская стратегическая мысль, американские дипломаты мыслят немного в иных категориях, но очень сходных. Если мы поймем логику их геополитического видения, то поймем многие закономерности, связанные с рынком газа и с теми процессами, которые происходят в этой сфере.

С точки зрения стратегической доктрины США и угрозы американским национальным интересам, существуют три сосредоточенные на евразийском пространстве реальности, которые ограничивают американскую гегемонию к 2050 году. Это в первую очередь Китай, который становится самостоятельным полюсом и имеет для этого очень серьезные основания: экономические, демографические, культурные, политические. Это исламский мир, который является политическим антагонистом однополярного мира и отвергает однополярный мир из-за несовместимости исламских ценностей с ценностями системы однополярного мира (либерально-демократическими и американскими). И существует Евросоюз, который претендует на то, чтобы стать новым геополитическим субъектом с собственной политикой, собственными энергетическими интересами, заинтересованный в прямых контактах с арабским миром и доступе к арабским энергоносителям без посредничества США. Этот европейский полюс всё более осознает себя в качестве антагониста однополярному миру. И безусловно, самой главной в этой евразийской системе является территория стран СНГ, и в первую очередь Российской Федерации.

Делая «update» и «upgrade» классической геополитической теории, мы получаем следующую картину: для полно-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 284 13.11.2012 15:32:59

го утверждения однополярного мира Соединенным Штатам Америки и их атлантическим союзникам во всем мире необходимо получить контроль над этими тремя пространствами — Европой, исламским миром и Китаем — и не допустить их самостоятельного конкурентного возвышения. А поскольку Россия в значительной степени играет геополитически и стратегически центральную роль, то США необходимо воспрепятствовать превращению России в мощное геополитическое образование, способное к самостоятельному волеизъявлению, и разделить Евразийский континент на четыре базовых больших пространства. Эта задача сформулирована еще в 1992 г. Полом Вулфовицем и Льюисом Скутером Либи в их докладе о том, что́ угрожает интересам США в XXI веке. Самая главная угроза — возможность возникновения евразийского альянса на евразийском материке, то есть некий альтернативный сценарий, который сорвет строительство однополярного мира. Иными словами, если между этими четырьмя большими пространствами плюс «боковыми» пространствами, такими как Индия, сама по себе представляющая целый континент, и Юго-Восточная Азия, возникнет стратегическое партнерство и сотрудничество, то однополярный мир потерпит фиаско. Таким образом, пространство Евразии оказывается в центре внимания двух фундаментальных мировых сил.

В этой связи нельзя не обратить внимания на создание фонда «Евразия», который базируется в Америке, а в России действует под именем «Новая Евразия». Американское посольство активно развивает сетевые структуры этого фонда на территории Кавказа под предлогом борьбы с фундаментализмом, в Западной и Восточной Сибири под предлогом изучения процессов демографии китайской миграции и т. д. Иными словами, США в высшей степени интересуются Евразией как объектом в рамках атлантической геополитики. Речь идет о контроле над этим объектом и о поддержании Евразии именно в качестве объекта. Суще-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 285 13.11.2012 15:32:59

ствует противоположная евразийская позиция, где Евразия мыслится как субъект и где выстраивается альтернативная контрстратегия. Эта контрстратегия состоит в том, чтобы найти общие точки соприкосновения между всеми большими пространствами евразийского материка для того, чтобы сбалансировать американский полюс и создать некое равновесие.

Когда происходило вторжение американцев в Ирак, американский консервативный фонд «Heritage Foundation» опубликовал очень важную и интересную статью некоего господина Халстона под названием «Стратегия собирания вишен», где он уподоблял проявившийся в тот момент франко-германо-российский альянс, ось Париж–Берлин–Москва, выразившую несогласие с американской агрессией, компании Дороти из сказки «Волшебник страны Оз». В компании Дороти были существа, каждый из которых был лишен какого-то фундаментального качества: у Страшилы не было мозгов, у Железного Дровосека не было сердца, а у Льва не было храбрости. Каждый из них был ущербен, но, собравшись вместе в команду вокруг Дороти, они смогли осуществлять поставленные задачи и достигать желаемого. Автор статьи уподобил Францию, Германию и Россию друзьям Дороти: у Германии нет внешней политики, нет самостоятельной армии; французская экономика зависима и несамостоятельна; Россия вообще находится в полуобморочном состоянии, но тем не менее если сложить все потенциалы трех «друзей Дороти», то для американцев возникает вполне серьезная опасность. Их задача была развалить этот альянс любой ценой. Мировому сообществу внушалось, что этот альянс не нужен, что он лишний, бестолковый и все равно ему ничего не светит, что он вообще и не альянс-то вовсе; и постепенно они с этой задачей справились. Атлантическая геополитика, понимая, что альянс Европы, России, Китая, исламского мира, других больших пространств евразийского материка может составить серьезнейшую конкуренцию и сорвать планы мировой доми-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 286 13.11.2012 15:32:59

нации однополярного мира, делает всё возможное, чтобы этого не допустить. Евразийство сегодня представляет собой именно тенденцию к созданию подобного альянса.

Итак, Большая Игра в современном издании — как, кстати, она именовалась еще в XIX веке, когда так обозначали геополитическое состязание между Российской империей и англосаксами, — позиционна на всем евразийском пространстве. Суть по большому счету не меняется, меняется время, меняются государства. Большая игра XXI века — это игра между евразийцами и атлантистами.

Атлантисты играют на то, чтобы не дать четырем главным большим пространствам евразийского материка образовать коалицию, которая координировала бы свои стратегические позиции и тем самым не допустила полной доминации, полного контроля США надо всем миром, однополярной глобализации, и утвердила многополярный мир. Это атлантическая сторона большой игры, это тот, кто играет в шахматы с той стороны. С этой же стороны играют евразийцы. Их задача — сделать нечто полновесное из нескольких больших пространств Евразии, каждое из которых имеет определенный недостаток, как в истории про Дороти и ее друзей. В России нет приличной экономики и политической воли, у Китая — недостаток технологий, у Европы — недостаток ресурсов, у исламского мира есть мощная пассионарная идеология, есть ресурсы, но также нет экономики. Другими словами, каждый из участников евразийского альянса имеет фундаментальные недостатки, и евразийская задача заключается в том, чтобы преодолеть эти недостатки и сложить потенциал, создав предпосылки многополярного мира. Вот смысл большой игры, смысл геополитики XXI века.

Газ и геополитика

Как всё это проецируется на газовую сферу? Здесь сразу заметен один интересный момент: 70% газовых запасов, которые, как мы выяснили, являются резервной энергети-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 287 13.11.2012 15:32:59

кой мира, находятся как раз на евразийском материке. Первое место по запасам газа занимает Россия, второе — Иран, дальше — Саудовская Аравия. Большие запасы есть в Туркмении, Казахстане и т. д. На самом деле газовые месторождения есть, конечно, и в других регионах мира, но основной массив находится именно на евразийском пространстве, то есть в труднодоступных для морского вторжения территориях. А потребители газа в большинстве своем находятся на периферии евразийского материка.

Если мы посмотрим на экономику Евразии отвлеченно, с точки зрения чисто экономической, не отягченной никакими политическими и национальными соображениями логики, мы увидим, что баланс газового рынка привел бы к очень быстрому гармоничному и стабильному развитию всех евразийских пространств. Представим себе, что Россия никак политически не сдерживается в поставках газа в Европу, в Китай, а также в Турцию. Благодаря такому чисто теоретическому подходу экономики этих стран, особенно энергозависимая экономика Европы и экономика Китая, которые и так достаточно активны, получают дополнительную базу для интенсивного, мощного и стабильного развития, то есть у них появляется гарантия будущего.

Если рассматривать российский газ как стратегический потенциал, предполагая, что в России существует вменяемое правительство, то колоссальные средства, получаемые за счет продажи и поставки газа, могли бы идти на экономическое развитие, инвестироваться в развитие высоких технологий, в создание нового поколения экономики, модернизацию и постмодернизацию определенных областей, а не разворовываться, как это происходит сейчас. Грамотное использование газовых ресурсов позволило бы произвести некое уравнивание тех потенциалов, которые существуют в разных сегментах евразийского материка.

Либеральный рынок газа в рамках евразийского материка как раз и являлся бы воплощенным, последовательным евразийством. А при создании единой газовой энерго-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 288 13.11.2012 15:32:59

системы Евразии, соответствующей нынешнему положению дел в соотношении между предложением и спросом (даже если отвлечься от геополитических и неэкономических, негазовых факторов), этот рыночный фундаментал сам по себе создал бы сегодня оптимальные условия для развития экономики всех евразийских государств. Но именно этому стремятся любым образом, не по экономическим, не по рыночным, а по геополитическим соображениям, используя разные формы нерыночного воздействия, помешать США. Именно такого развития газовой энергетики и не желают допустить представители однополярного глобализма.

Санитарные кордоны

Каким образом они предотвращают интеграционное развитие событий в Евразии? Для этого применяется традиционная атлантистская стратегия «санитарных кордонов», опробованная Англией еще в Большой Игре XIX — начала XX в. Когда на Евразийском континенте возникают два союзника, объединение которых представляет угрозу для атлантического полюса, тогда между этими союзниками создаются санитарные кордоны — определенные зоны, не близкие ни одному из этих союзников и представляющие собой расширенную конфликтную территорию. Это и называется «стратегией санитарных кордонов», с помощью которой искусственно создается и поддерживается противостояние между потенциальными участниками стратегического континентального альянса.

Именно такая зона и именно с такими геополитическими целями создается сегодня между Европой и Россией. Европа и Россия по объективным причинам, с точки зрения всех геополитических соображений, просто обречены на сближение. У Европы есть то, что нужно России, а у России есть то, что нужно Европе. Свободный рыночный

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 289 13.11.2012 15:32:59

обмен между ними, в том числе определенными технологиями, ресурсами, потенциалом безопасности — это то, что естественным образом вписывается в интересы обоих пространств, но не вписывается в интересы США. И чтобы не допустить опасного для США сближения Европы и России, создается то, что называется «Новой Европой». Это восточноевропейские страны, срочно и эксклюзивно принятые в Евросоюз и в НАТО и которые при этом больше ориентируются на Вашингтон, чем на Берлин, Брюссель или Париж. По отношению к России эти бывшие страны восточного лагеря выступают в жесткой оппозиции. Сегодня этот санитарный кордон расширяется на глазах. К нему, безусловно, принадлежат страны Балтии, а также «оранжевая» Украина. Мы знаем, что именно страны «Новой Европы» являются главными антироссийскими активистами на всех европейских совещаниях и постоянно требуют самых жестких мер против России.

Такой же санитарный кордон создается и на Кавказе. Здесь цель стратегии атлантистов — посеять раздор между Россией и исламским миром, который волей-неволей реагирует на то, что происходит на населенном преимущественно мусульманами российском Кавказе.

Нечто подобное происходит также в Центральной и Средней Азии. Между Россией и Китаем такого санитарного кордона почти нет, но Синьцзян и Тибет — в принципе, потенциальные кандидаты на то, чтобы выступить в качестве такого санитарного кордона. Здесь также негативно сказывается фактор китайской демографии — заселение китайцами Восточной Сибири и Дальнего Востока. Всё это создает напряжение и проблемы, которые препятствуют естественному развитию отношений между Россией и Китаем.

Система санитарных кордонов как главнейший инструмент Большой игры классического стиля сегодня вновь активнейшим образом введена в действие. Санитарный кордон, который располагается поясом от стран Балтии по границам России до Дальнего Востока через Кавказ и Цен-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 290 13.11.2012 15:32:59

тральную Азию, является главным инструментом атлантического однополярного управления геополитическими процессами на Евразийском континенте. С помощью этого кордона предотвращается сближение России с Европой, исламским миром и Китаем. А именно это сближение является залогом превращения Евразии как континента из *объекта* внешней манипуляции в *субъект.*

Газ как средство интеграции

Здесь мы подходим вплотную к газовой проблематике, поскольку газ является той фундаментальной инфраструктурой, которая в большой степени аффектирует этот альянс. Дело в том, что российский газ является залогом российско-европейских и российско-китайских отношений. Через газ осуществляется фундаментальный диалог между этими тремя пространствами. Эти три крупных пространства связаны газом, и именно для того, чтобы не допустить этой связи, используются санитарные кордоны, которые располагаются между этими зонами.

Здесь возникает еще один крайне любопытный вопрос. Именно газ является главным аргументом в решении вопроса о сохранении или распаде СНГ. Если СНГ реализует евразийскую модель, то все страны, которые зависят напрямую от российского газа — Украина, Белоруссия, Молдова, будучи мостом между Россией и Европой, выполняя евразийскую функцию соединения, становятся зоной взаимного развития. Через российский газ и сближение России с Европой они автоматически получают оба фундаментальных для их развития экономических фактора: российскую энергетику и европейские технологии. В этом и заключался смысл создания ЕврАзЭС и ЕЭП — для того, чтобы превратить эти страны в соучастников евразийского развития. Это то, что нужно Европе (которая часто пугается открыто заявить о своих реальных интересах), это

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 291 13.11.2012 15:32:59

нужно России, но не нужно американцам. И поэтому ситуация вокруг российского газа, все, что связано с поставками газа на Украину, в Белоруссию, приобретает совершенно иное значение и становится из интегрирующего фактора дезинтегрирующим.

Сходная ситуация складывается и в отношении российско-китайского газового партнерства. За всеми вопросами относительно маршрута газопровода и цен на газ в российско-китайских отношениях стоит определенная политическая модель. Российский газ гарантирует Китаю фундаментальный экономический, в том числе военно-технологический, рост. Россия для того, чтобы пойти на это, сама должна руководствоваться строго геополитическими интересами. Китай также должен сознавать, что в качестве асимметричного хода необходимо строго регулировать и даже вообще повернуть вспять процессы китайской миграции на Дальний Восток и в Восточную Сибирь. Это не благопожелание, а логика настоящих дипломатических переговоров. Для того чтобы прийти к правильной модели, необходимо найти общую базу в интересах каждой из сторон. Американцы активно противодействуют этому, подталкивая Китай через свои методы влияния к активному демографическому освоению Восточной Сибири и Дальнего Востока и обещая русским в Москве поддержку против этого процесса, мол, когда дело дойдет до конфликта, то мы военным образом вас, русских, поддержим, о чем американские эмиссары постоянно заявляют.

Проблема газа существует и применительно к Кавказу. Тематика Кавказа как такового создает определенный зазор между интересами России и политического ислама, но на другом уровне. Исламские страны и Россия являются поставщиками, а не потребителями газа, и наш альянс должен быть основан на понимании общности наших геополитических целей. В таком случае можно будет договариваться о совместных квотах, тарифах и схемах поставки природного газа в сторону потребителей, выступая не как

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 292 13.11.2012 15:32:59

конкуренты, а как союзники, распределяя рынки, маршруты газопроводов и т. п., стремясь совместно к извлечению максимальной экономической выгоды. Но атлантисты с помощью санитарных кордонов стремятся сорвать возможность такой координации.

Если задача однополярного мира — с помощью санитарных кордонов заблокировать естественный рынок газовых продуктов Евразии, то стратегия многополярного мира, евразийского мира заключается в прямо противоположном: необходимо разблокировать, растворить санитарные кордоны, и для того, чтобы сделать это, следует предпринять несколько шагов.

Необходимо наделить область поставок газа статусом важнейшего геополитического инструмента России. «Газпром» должен быть осознан не как экономическое или промышленное явление, а как важнейший политический и геополитический институт и ресурс российского правительства, российской власти.

Необходимо найти в странах евразийского континента: в Европе, Китае, исламском мире, а также в Индии, Японии и других азиатских странах — адекватных партнеров, субъектов, осознающих центральность газовой темы в евразийской стратегии. Это очень важно, потому что аргументация и правильный выбор партнера могут очень сильно влиять на процессы.

В срочном порядке необходимо создать систему евразийских газовых консорциумов для разработки новых газовых месторождений в Евразии с широким использованием концессий. Всем известно, что 80% текущей добычи природного газа приходится на три-четыре самых крупных месторождения: Уренгойское, Ямбургское, Медвежье, Вянгапурское, и там повсюду началась фаза падающей добычи. Соответственно, разведка новых месторождений — это задача, стратегически важная для каждого евразийского центра силы.

Необходимо проложить новые прямые газопроводные маршруты, призванные уйти от зависимости всего цикла

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 293 13.11.2012 15:32:59

газоснабжения от санитарных кордонов. Это принципиальный вопрос. Если между реальными силовыми субъектами евразийской геополитики будет установлена прямая газовая коммуникация, как бы она ни была дорога, это стократно окупится, в то время как прохождение газопроводов через Украину, например, показывает их уязвимость, поскольку Украина на настоящем этапе продолжает играть роль санитарного кордона. С Ющенко и «оранжевыми» процессами мы попали в геополитическую газовую ловушку.

Необходимо согласовывать ценовую тарифную политику со всеми евразийскими странами — производителями и поставщиками природного газа: с Ираном, Саудовской Аравией, Туркменистаном, Казахстаном, Азербайджаном и т. д. В этом отношении следует подумать в будущем о создании газового аналога ОПЕК — организации, которая занималась бы выработкой консолидированной стратегии, где экономические факторы увязывались бы с глобальными геополитическими интересами.

Газовый фактор на постсоветском пространстве

Можно сказать, что сейчас в вопросе газоснабжения Россия относится к странам СНГ в духе постсоветской инерции. Здесь экономические и политические интересы переплетаются, как и везде в геополитике природных ресурсов, но ясного представления, ясной парадигмы и модели переплетения этих интересов в поставках российского газа в ближнее зарубежье нет, эта модель отсутствует. Это дает огромное пространство для политических и экономических спекуляций. Когда эти вещи ясно не определены и не работают ни экономические, ни политические законы, возникает огромное пространство для неправедной наживы различного рода посредников, менеджеров и всех тех,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 294 13.11.2012 15:32:59

кто в зазоре между экономикой и политикой играет в темные игры. Необходимо сформулировать эту модель.

Текущее положение в газовом секторе в отношениях России со странами СНГ будет в любом случае изменено в самое ближайшее время. Изменение возможно в двух направлениях. Либо Россия, устав от невнятности собственной позиции в отношении стран СНГ, заставит все страны СНГ платить за газ его полную стоимость по мировым стандартам, что сорвет в итоге любые интеграционные процессы на постсоветском пространстве, которые и так уже на ладан дышат. Либо будет выстроена четкая евразийская модель: газ в обмен на интеграцию. Приблизительно по такому принципу: хотите платить за газ меньше — вступайте в ЕврАзЭС и ЕЭП со всеми интеграционными обязательствами и не мешайте проводить евразийскую политику в отношении других пространств, то есть откажитесь от функций санитарного кордона, и тогда вы получите газ в пять раз дешевле. Не откажетесь от функций санитарного кордона — мы прекратим отдавать газ по льготной цене. Это было бы логично и давало бы реальную возможность для успешного развития экономик стран СНГ.

С другими поставщиками газа из СНГ следует также работать по интеграционной схеме. Подчас выгоднее осуществлять поставки газа в перекрестном режиме или на основе общей системы владения трубопроводами и компрессорными станциями. Здесь, кстати, можно выработать особую модель широкой системы льгот для участников евразийской газовой сети, для тех стран, которые поддерживают политические интеграционные процессы, например, таких, как Казахстан, и вовлекая через газ и очевидное понимание общих интересов в этой сфере в интеграционные процессы такие страны, как Туркменистан, ибо газ является важнейшим инструментом интеграции постсоветского пространства в некое наднациональное евразийское образование в духе идей Нурсултана Назарбаева.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 295 13.11.2012 15:32:59

Газ в отношениях с Европой

Потребность в газе в Европе возрастает. Наш газ — гарант развития геополитической субъектности Европы. Именно рыночный фундаментал евразийского газа есть стабильный силовой фактор, значение которого в отношениях России с Европой следует осознать, он гораздо глубже текущей конъюнктуры спроса и предложения.

Модели и методологии поставок российского газа в Европу — это гораздо серьезнее, нежели закрытие или незакрытие бюджета. Это будущее нашей страны, будущее нашего континента, будущее человечества. Правильная модель работы с российским газом в Европе означает создание предпосылок многополярного мира, неправильная модель работы с российским газом в Европе означает подыгрывание тем, кто хочет строить однополярный мир. Газ — самый прочный фундамент российско-европейских отношений.

Газ в отношениях с Китаем

Для Китая доступ к восточносибирским ресурсам вообще жизненно важен. Китай взял на себя большую ответственность, набрав высочайшие темпы развития. Но энергоресурсов у него настолько мало, что в XXI в. он может существовать в таком режиме, лишь имея доступ к сибирским ресурсам. И Китай будет к ним стремиться не мытьем, так катаньем, и он абсолютно прав, потому что это его внутренний императив развития.

Другое дело, что, если Россия будет озабочена проблемами стратегического планирования столь же серьезно, как Китайская Народная Республика, где с этим всё обстоит очень правильно и хорошо, она должна будет выработать свою модель использования Китаем этих ресурсов. Если этот процесс будет проходить в наших интересах и под нашим контролем, то мы избежим территориальных сецессий и демографической экспансии. Можно, например, предло-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 296 13.11.2012 15:33:00

жить китайцам распространяться на юг — там очень много незаселенных пространств, а мы, только без демографической экспансии, предложим им модель стабильного доступа к сибирским ресурсам. Таким образом, Россия смогла бы получить от этого процесса экономическую выгоду.

Надо смотреть правде в глаза — от Китая мы никуда не уйдем, это наш ближайший сосед и в нынешнем состоянии он нуждается в новом оформлении отношений с нами, на серьезной геополитической почве. И газ может стать надежным фундаментом российско-китайских отношений.

Рынок СПГ

Сжиженный природный газ представляет собой некий новый формат газовых поставок. Сжиженный газ, безусловно, является и будет являться энергоресурсом, гораздо более ликвидным, с точки зрения передачи от поставщика к потребителю, и рынок его будет, безусловно, расширяться. Транспортировка его несравнимо проще и компактней. Освоение рынка СПГ является важнейшим инструментом экономического рывка России. Если мы правильным образом обратим внимание на эту сферу, мы сможем диверсифицировать поставки газа, что очень важно для нас. СПГ — это то же самое в газовой отрасли, что развитие флота для сухопутной державы в стратегической сфере. Без флота мы не можем обеспечить мобильность на отдаленных территориях, без развития сферы сжиженного газа в новых условиях геоэкономических войн мы не сможем обеспечить надежного развития в этой области.

Газовый фактор во внутренней политике РФ

Для России газ — это тоже важнейший геополитический фактор. Например, возьмем такое явление, как шесть ценовых зон на газ в РФ: чем дальше от центров добычи, тем

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 297 13.11.2012 15:33:00

больше цена на газ. Понятно, что речь идет о заведомой мине социального значения, подведенной под отдаленные от газовых месторождений территории, и, соответственно, об угрозе территориальной целостности России. С другой стороны, газификация российского пространства — это залог экономического и социально-инфраструктурного развития.

Газ внутри России также выполняет важную функцию. Газовая сеть может быть и должна быть инструментом интеграции всего российского пространства, но в каких-то условиях, если не будет достаточной гибкости и если обеспечение газом не будет соотнесено с социально-политическими процессами и критериями, может служить и инструментом распада России. Это очень принципиально.

Либерализация цен, тарифов на газ должна проходить крайне осторожно, еще более осторожно, чем в любых других областях. Понятно, что внутренние цены на нефть либерализировать тоже крайне опасно, но газ — это тот стратегический фундаментал, с которым надо быть особенно осторожным. Это очень принципиальный вопрос, поскольку газовая сфера — это та слабовидимая, но на самом деле фундаментальная подземная составляющая российской геополитической системы.

Очень важно сделать экспорт газа прибыльным и инвестировать средства в развитие не только самой отрасли, но и вообще в развитие рынка и высоких технологий. Если Россия останется только в статусе поставщика природных ресурсов, долго мы не протянем. Мы должны использовать наши энергетические преимущества в наличии природных ресурсов для того, чтобы действительно начать серьезное построение действующей, эффективной и современной национальной экономики.

«Газпром» — синоним России

«Газпром» по сути — это синоним России в геоэкономическом смысле, и поэтому стратегическое планирова-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 298 13.11.2012 15:33:00

ние, геополитическая экспертиза проектов и постоянный политический консалтинг и аналитика высочайшего уровня должны быть нормой существования «Газпрома». Сегодня специалистам очевидно, что этого пока не происходит и за скрытостью, непрозрачностью «Газпрома» не всегда стоят благородные мотивации.

Необходимо, чтобы связка между президентом, российской властью и «Газпромом» основывалась на продуманной и четко выстроенной, а также прозрачной для общества стратегической парадигме, поскольку «Газпром» решает государственные задачи, а государство сплошь и рядом решает задачи «Газпрома». Какова формула этого взаимодействия, часто бывает неизвестно, поскольку дело решается, как правило, путем личных переговоров. Каким фундаментальным логическим, идеологическим и геополитическим критериям и клише эти договоренности соответствуют, известно лишь узкому кругу людей, и никакого общественного контроля здесь пока не предусматривается, что является недопустимым.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Вхождение в глобализацию с сохранением суверенного контроля возможно в минимальном масштабе постсоветского пространства

Экономика постсоветского пространства — тот фактор, который ставится во главу угла, когда речь заходит об интеграции постсоветского пространства. От него зависят динамика интеграционных процессов и влияние России, при помощи тех или иных экономических санкций, на страны, некогда входившие в СССР. Хотим мы того или нет, но сегодня Россия по факту является частью мировой экономической системы, а значит, вовлечена в процессы глобализа-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 299 13.11.2012 15:33:00

ции и постмодернизации экономики. В этих рамках создается сеть, которая включает в себя также технологический, информационный и социально-политический сектора. Всё это является для России вызовом, который она должна перестать игнорировать и относительно которого должна выработать наконец свой цивилизационный ответ.

Две стороны глобализации

Принято считать, что глобализация влечет за собой технологическое развитие, информатизацию производства и перевод экономической системы на новый уровень, что сопрягает ее с трендами постиндустриального общества. Однако этот вывод далеко не так однозначен. Процесс модернизации одних сфер в общемировых условиях сопровождается деградацией других, что подробно обосновывается экономической школой академика Осипова, а также в работах экономистов Михаила Хазина и Андрея Кобякова.

Формула «глобализация есть модернизация» — это скорее conventional wisdom, всеобщая мудрость Соединенных Штатов Америки, которую они пытаются навязать всему остальному миру. И хотя это предельно упрощенное обобщение, требующее фундаментальной корректировки, именно оно вдохновило наших политиков и экономистов в начале 1990-х гг. на очень спорный вывод о том, что развитие России возможно лишь путем встраивания в сеть глобальной мировой экономики и последующей автоматической модернизации.

В момент, когда наши политики начали осознавать ошибочность этого вывода, наметился крен к патриотизму и попытке сформулировать национальную идею России хотя бы в области экономики. Триггером поворота политической тенденции от ультралиберализма, глобалистского западничества и атлантизма к патриотизму стало президентство Владимира Путина.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 300 13.11.2012 15:33:00

Вместе с этим осознание того, что встраивание России в глобальные экономические процессы не влечет за собой ожидаемой модернизации и формула «глобализация равна модернизации» ошибочна, привело нас, вслед за еще одним экономическим аналитиком, Михаилом Юрьевым, к другому парадоксальному выводу: нам надо «плюнуть» на глобализм и закрыться новым железным занавесом.

Сам М. Юрьев обосновывает этот вывод через баланс внешнеторгового сальдо. Все страны стремятся к тому, пишет он, чтобы меньше импортировать и больше экспортировать, иначе говоря, чтобы баланс был в пользу экспорта. Но, как правило, этот баланс равен нулю, и это считается идеальным вариантом устойчивости системы для любой страны. Здесь Михаил Зиновьевич задается вопросом: а зачем тогда вообще нужна международная торговля, если основная задача свести этот баланс к нулю?

Таким образом, Юрьев дает очень простой и понятный аргумент в пользу *изоляционистской экономики*. Однако этот экстремальный ответ на вызов глобализации атлантистской модели является таким же предельно упрощенным вариантом, как и формула «глобализация = модернизация». Россия уже практиковала подобного рода изоляционистский проект, и ничем позитивным для нее это не закончилось.

В выявлении «золотой середины» между двумя этими формулами и заключается преодоление экономической дилеммы нашей страны — *интеграция в глобальную экономику без потери суверенитета*. Необходимо, чтобы оба элемента этой модели работали максимально эффективно. Интеграция влечет за собой модернизацию, но она должна быть скомпенсирована сохранением и укреплением суверенитета, чтобы мы могли говорить о России как о самостоятельном субъекте.

В конечном итоге у нынешней российской власти возникла формула: наша задача таким образом включиться в мировую сеть, чтобы взять из нее кусок, соответствую-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 301 13.11.2012 15:33:00

щий нашим масштабам, и сохранять над ним полный контроль максимально долго. Это создает своего рода фильтр, пропускающий всё то, что способствует модернизации российской экономики, и отсекающий всё, что этому не способствует.

Самостоятельная финансовая сеть

Проблема построения самостоятельной финансовой сети стоит перед российской властью довольно давно, и суть ее заключается в сочетании интеграции в глобальную экономическую систему с сохранением контроля над большим пространством. Немецкий экономист Фридрих фон Лист в этой связи предлагал следующее: для того, чтобы сегментам мировой экономической сети хотя бы частично сохранить суверенность, необходимо интегрировать пространственно, культурно, социально близкие экономики. Без этого даже очень большая страна обречена на потерю суверенитета.

Здесь и возникает понятие экономики постсоветского пространства. Все страны СНГ — и дружественные России, и не дружественные, и объединенные уже в интеграционные структуры, и не объединенные, по модели Фридриха фон Листа и его концепции автаркии больших пространств — обладают всеми признаками того, чтобы быть интегрированными в единое экономическое пространство. Для начала интегрируются наиболее близкие по уровню экономики, равные по темпам развития. Для России государства, чья экономика по всем параметрам тесно сопряжена с нашей — это, в первую очередь, страны СНГ.

Но и за пределами СНГ есть государства, которые могут с нами экономически интегрироваться безболезненно для своих экономик, не создавая при этом экономического дисбаланса. Это Монголия, Болгария и Сербия. Хотя очевидно, что, например, у Болгарии существует другой мощный полюс притяжения в виде Евросоюза — это тоже большое

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 302 13.11.2012 15:33:00

экономическое пространство, выстроенное по модели Фридриха Листа.

Именно Фридрих Лист является идейным отцом-основателем объединенной Европы. Его принципы таможенного союза легли в основу европейского объединения. Что же касается таких стран, как Монголия, которую мы можем экономически интегрировать так же безболезненно, как любую страну СНГ, или же сами страны СНГ, то они по всем признакам принадлежат к нашему экономическому пространству, причем именно у России с ними наиболее близкий уровень развития, схожее социальное и экономическое положение, обоснованное общим советским историческим наследием.

Наши страны объединены не только исторически, но и географически, культурно, поэтому нас объединяет общность судьбы. Между нашими странами также существуют промежуточные культуры, которые нас сближают, поэтому постсоветское пространство и является, с точки зрения классических норм геоэкономики, минимальным форматом для достижения той системы автаркии, о которой говорил Лист и которую стремится осуществить нынешняя российская власть. Интеграция же их в Евросоюз малореальна в силу полного различия экономических моделей и огромной пропасти в экономическом развитии.

Для того чтобы реализовать эту задачу, то есть интегрировать российскую экономику в современную глобальную экономическую систему при сохранении над ней суверенного контроля, абсолютно недостаточно границ и пространств Российской Федерации. Вопрос о расширении границ этого экономического пространства является центральным. Стартовые территориальные условия для планового и методичного развития регионального глобализма должны быть больше пространства, заключенного таможенными границами России. Его минимальный объем, в соответствии с теорией Фридриха фон Листа, охватывает не только страны СНГ, но и соседние с ними государства.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 303 13.11.2012 15:33:00

Сегодня в Кремле четкого понимания этой стратегии не наблюдается. Наше руководство все еще питает иллюзии о возможности справиться с задачей экономического подъема в рамках исключительно Российской Федерации, а интеграционные, стратегические и политические процессы захватывают в область своих приоритетных задач безопасность, контроль над нелегальной иммиграцией и другие, не менее важные, но не имеющие отношения к развитию экономики темы. Это несоответствие сегодня и лежит между российской властью и евразийским подходом.

Еще десять лет назад Кремль и евразийство были противоположными друг другу полюсами. На данный момент их позиции стремительно сближаются, но слияния не произойдет, пока во власть не придет понимание минимального масштаба экономического пространства, которое способно и интегрироваться в мировую сеть, и сохранить суверенный контроль над значительным ее сегментом. Иными словами — российский сегмент недостаточен для этого, а вот постсоветский сегмент уже вполне достаточен.

Евразийство в экономике — это одно простое утверждение. Вхождение в глобализацию с сохранением суверенного контроля возможно в минимальном масштабе постсоветского пространства. Что касается безопасности экономики постсоветского пространства, то становится понятно, что угроза ей состоит в одном — в саботаже процесса экономической интеграции. Конкретно в том, что делали бывший президент Украины Виктор Ющенко, грузинский президент Михаил Саакашвили и президенты (бывший и нынешний) Молдавии, саботировавшие процессы экономической интеграции. Они не только наносят ущерб России, но и гробят экономику собственных государств.

С точки зрения эгоизма, России выгодно продавать газ Грузии или Украине по рыночным ценам. Россия получит большие деньги, а Украина получит разруху. Но лидеры

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 304 13.11.2012 15:33:00

этих стран не заботятся даже о своих собственных экономических интересах. Их основная задача — сорвать наш процесс экономической интеграции. Это своего рода вирус или хакерская атака, которая врывается в порт нашего экономического интерфейса.

Главным экономическим диверсантом на постсоветском пространстве являются, в первую очередь, политические, а не экономические силы, которые создают дезинтеграционный климат на пространстве СНГ. И уже оттуда проистекают экономические угрозы, передел собственности и, по большому счету, срыв фундаментального евразийского проекта. Поэтому, с точки зрения экономики, никто не наносит России большего ущерба, нежели те режимы, которые по идеологическим соображениям работают вопреки экономическим интересам своих собственных народов.

Особая функция терроризма

Джордж Буш обозначал терроризм не иначе как «мировое зло», его пособников называл «bad gays», «плохими ребятами», которых не кормили в детстве, пороли, по причине чего они такими плохими и выросли. Именно так создается единый политический образ терроризма, который рассматривается как продолжение политики в эпоху, когда классические войны сдерживаются ядерным оружием и другими формами противодействия. Не случайно американский геополитик Збигнев Бжезинский называет терроризм политическим явлением.

Какую бы точку мира мы ни взяли, везде терроризм будет совершенно разным. И нет у террористов никакого общего интернационала. Террористы баскские, террористы ирландские, террористы в Перу, в Израиле или Индонезии — это абсолютно разный стиль. Идеологически, политически это совершенно разные организации. Если же копнуть глубже, мы обнаружим, что терроризм имеет не только полити-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 305 13.11.2012 15:33:00

ческий, но и экономический смысл. А на постсоветском пространстве терроризм выполняет исключительно геополитическую функцию.

Для простоты концептуализации можно выделить терроризм постсоветского пространства в самостоятельную категорию, ибо терроризм на постсоветском пространстве это одно, а терроризм не на постсоветском пространстве — это совершенно другое, это разные организации, разные силы, различные модели и задачи. Об этом и говорит Збигнев Бжезинский, оценивая чеченский терроризм как хороший, а арабский как плохой. России стоит делать то же самое. Тот терроризм, который нас атакует, срывает наши планы, наносит ущерб нашим политическим, геополитическим, национальным и экономическим интересам, — плохой. Другой терроризм, может, и не позитивен для России, но он просто «другой» и направлен в другую сторону. Такое осознание требует некоего философского окказионализма.

Если оторваться от представления о каком-то глобальном эфемерном международном терроризме, можно увидеть, какие цели преследует «конкретный терроризм» на постсоветском пространстве. Главная цель терроризма на постсоветском пространстве — сорвать процесс политической, экономической и стратегической интеграции. Для этих целей используется не только терроризм, но именно терроризм используется исключительно для этих целей. Другого терроризма на постсоветском пространстве нет. Всё остальное — локальные вещи.

Если сделать такой вывод, объединить императив интеграции постсоветского пространства и императив существования России, ее исторической миссии, возрождения экономики и таким образом контекстуализировать проблему терроризма на постсоветском пространстве, то можно получить концептуальный инструментарий, элементы стратегии для того, чтобы бороться с этим явлением эффективно, не впадая в схоластику.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 306 13.11.2012 15:33:00

Глобальная интеграция и сохранение контроля

Террористические вылазки и провокации в странах СНГ, подобные, например, ситуации в Андижане, всегда ставят перед собой совершенно конкретную цель: спровоцировать процессы недовольства в обществе, которые должны вызвать цепную реакцию и привести к отказу от собственной модели развития и к переориентации общества в сторону Запада.

Президент Узбекистана Ислам Каримов в свое время абсолютно адекватно расшифровал смысл андижанских терактов. И ответил на них как мог: где-то жестко, грубо, но с геополитической точки зрения абсолютно адекватно, сделав шаг в прямо противоположенном направлении, убрав с территории Узбекистана американские базы и начав интеграционные процессы с Россией, хотя инициаторы андижанских событий рассчитывали на прямо противоположный результат. Теперь уже можно говорить об экономике российско-узбекистанских отношений. До андижанских событий об этом говорить было нельзя.

То же самое следует заметить и в отношении ситуации в Азербайджане, где подъем волны террора и распечатывание ситуации в Нагорном Карабахе направлены на достижение определенных, вполне конкретных целей. После победы алиевской партии в Баку, безусловно, будет запущен в действие механизм развития того сегмента в экономике, который настаивает на разрыве российско-азербайджанских связей, в том числе и с использованием террора.

Ведь как можно еще досадить Алиеву, разве что не активизацией определенных «оранжевых» групп, послушно действующих по технологии идеолога цветных революций Джина Шарпа: приказано исполнить сидячую забастовку, они садятся, лежачую — лежат. Камеры снимают, как их выносят, ибо не могут не снимать, когда кого-то выносят. Следующий этап — это поднятие проблемы признания статуса Нагорного Карабаха как части Армении. Это следую-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 307 13.11.2012 15:33:00

щий удар. Что Алиев сможет сделать, если американцы начнут продвигать армянское дело? На повестке дня более жесткие сценарии.

Наша общая задача в перечисленных, а также в других подобных ситуациях одна — *продолжать интегрировать постсоветское пространство экономически*. Следующим нашим шагом должно стать включение уже единого пространства в глобальную экономическую сеть, но с сохранением суверенного контроля над ним. Задача наших геополитических оппонентов — интегрировать его в глобальное пространство по частям, с потерей суверенитета и контроля. Терроризм и другие формы являются в этом случае орудием нашего противника. Есть силы, которые одинаково хотят либо замкнуть Россию в изоляции, либо интегрировать ее в мировую сеть без сохранения контроля.

Это не значит, что американцы плохие. Просто они не согласны с тем, чтобы Россия контролировала свою часть глобальной сети. Поэтому для них мы хороши лишь в качестве узкого националистического или даже шовинистического образования, которое само отбрасывает от себя своих союзников, либо в качестве послушного им, беспроблемного сегмента глобальной мировой сети. Для них третьего не дано, но судьба России лежит только в третьем — и в интеграции в мировую экономику, и в сохранении полного стратегического контроля над ее сегментом в формате постсоветского пространства.

АРМИЯ И ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС

Основа современной идентичности России

Вопрос развития Оборонно-технического комплекса (ОПК) — вопрос не технический. Прежде всего это вопрос «быть или не быть России», и ответ на него напрямую за-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 308 13.11.2012 15:33:00

висит от того, будет или не будет развиваться наш ОПК и какой будет наша армия.

Сегодня субъектность России связана с двумя вещами. Во-первых, это энергетика, благодаря которой нас воспринимают всерьез, говоря о России как о великой энергетической державе. Нефть и газ для современной экономики вещь священная. И, во-вторых, это армия. Если у нас не будет армии, не будет ОПК, то наша энергетика будет не нашей. Это значит, что наиболее важная сторона российской идентичности напрямую зависит от ОПК. В то же время мы не можем говорить о собственно оборонной системе, поскольку мы живем в мире, где все взаимосвязано. Поэтому необходимо говорить о российском ОПК в более широком контексте евразийской интеграции.

Развитие интеллектуальной сферы в Советском Союзе было теснейшим образом связано с ВПК. Когда мы говорим: «военные», то возникает бытовая ассоциация — сапоги. Но «де-факто», и в том числе с позиции социологии — это, в первую очередь, мозги. В советские времена максимальная совокупность мозгов находилась именно в области военно-промышленного комплекса. Наука, инновации, большинство открытий были сконцентрированы именно в ВПК. Где это сконцентрировано сейчас — сложно сказать, и возможно предположить, что нигде. Но поскольку ОПК есть сфера секретности, то у всех теплится слабая надежда, что где-то там, «за занавесом», все это продолжает развиваться.

Наличие ОПК — это вторая причина, по которой с нами еще считаются до сих пор и почему нас пока еще не колонизировали. Сегодня у нас есть еще оборонно-промышленный комплекс и армия. В сочетании двух основных российских преимуществ и видится наша сила, с ней всегда и до сих пор считаются вне зависимости от интерпретации международных и отечественных массмедиа. Пока у нас есть нефть и газ и пока у нас есть оборонная промышленность — есть Россия. Все остальное: российская культура, администра-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 309 13.11.2012 15:33:00

ция, милиционеры, российская природа, представимо и в колониальном формате, в ситуации раздробленности разделенных территорий. Все то же самое: стоит вышка, рядом корпорация, качающая нефть, одуванчики и березы, читают Пушкина даже — но это не мы. И это уже не Россия.

Мы — те , кто мы есть, свободные и независимые — есть только при условии того, что у нас есть ОПК и армия. Это аксиома суверенности любого государства. Следовательно, мы говорим о нашей идентичности, напрямую сопряженной с нашей армией. Поэтому необходимо, чтобы в России это стало национальным проектом. Партии, профессиональные объединения и конфессиональные общественные организации в меньшей степени способны заняться этой темой. А вот общественным организациям широкого спектра и общественно-политическим организациям именно это и под силу. Более того, эта тема должна быть поставлена в центр актуальных государственных задач. Мы видим, что те люди, которые черпают нашу нефть и наш газ, участвуют также в нашей политике и экономике, играют определяющую роль. Им принадлежат все остальные непрофильные ресурсы. Сейчас идет процесс по национализации оборонно-промышленного блока, что совершенно правильно, поскольку государство стремится установить, заново укрепить свой контроль над тем, что составляет его идентичность. ОПК и не уходил из сферы государства, здесь нет процесса по ренационализации или по деприватизации этого ресурса. Но в период 1980-х и до последнего момента ОПК был заброшен — это всем известный факт. Им занимались лишь по остаточному принципу.

В той мере, в которой ОПК выполняет в идентичности современной России основополагающую, конституирующую роль, он должен быть поставлен на то же место, если не выше, что и энергопромышленный комплекс. Россия есть великая энергетическая держава, о чем говорит Путин, но она будет таковой лишь при условии, что она будет Великой военной державой. Если это будет не так, то Россия

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 310 13.11.2012 15:33:00

станет колонией, великим морем ничейных — равно принадлежащих всем — ресурсов; попросту — сырьевой служанкой, а не Великой державой.

Другими словами, то, что делает Россию Великой державой, — это ОПК и именно люди, которые руководят предприятиями ОПК России. Обратим внимание: согласно объективной и профессиональной точкам зрения — это так, но в обществе мы видим принципиально иную картину. Вопросы, определяющие курс страны, время от времени обсуждаются нашей властью со многими представителями крупного бизнеса (олигархами), но в эти круги субъектов власти не вхож и не участвует в определении геополитического курса и линии стратегического развития России никто из оборонщиков. Это аномалия: обеспечивая половину нашей идентичности, ОПК должен иметь на уровне принятия решений значительное количество акций. По крайней мере, 30% акций. Вот на это может быть затрачена энергия общественных движений, которые ставят своей целью укрепление идентичности России. Влияние ОПК на определение политики России сегодня патологически мал*о* и диспропорционально тому значению, которое ОПК играет в идентичности страны. Эту аномалию следует устранить. Согласившись с этим тезисом, мы должны продумать систему мер по дальнейшей реализации конкретных шагов в данном направлении.

Возрастной фактор — фактор эпох

Есть еще одно препятствие — возраст. Передача эстафеты, интеллектуальной работы наших военных, а на самом деле интеллектуально-стратегических мозгов — самая большая проблема. Именно об этом в одной из бесед со мной говорил, описывая свое виденье будущего мира, французский генерал Галуа, крупнейший геополитик, близкий друг Шарля де Голля: «Россия будет поставлять оружие Китаю, китайцы начнут учиться для того, чтоб обслужи-

вать ядерные технологии, и постепенно Азия интеллектуально будет расти. Таким образом и сложится многополярный мир». Оружие для генерала Галуа, известного современного европейского мыслителя, это призыв к интеллектуализации. Важно, что сейчас ВПК — та самая область, где если и нет интеллектуального процесса, то он непременно должен быть.

Лучшие, самые честные, самые фундаментальные люди России — это люди того возраста, которые формировались в иные эпохи. Мы живем в мире радикально отличном. Это не эпоха модерна, нового времени, модернизма, в которой мы жили в советское время. Это эпоха постмодерна. Сегодня возникают совершенно новые технологии, в том числе и лоббистские, информационные, которые отменяют и релятивизируют старые социальные и политические подходы. Пример из этической сферы: если в эпоху модерна честность была неким социальным элементом, который укреплял социальные позиции человека, то в постмодерне быть честным — это значит брать на себя совершенно не нужное обязательство. В постмодерне надо быть аморальным, подлым, это проще и эффективней. Мы видим, как люди, наделенные и «отягощенные» нравственным комплексом, становятся неэффективными в этой среде. Очень важно, что именно поэтому лоббисты, олигархи легко захватывают ключевые источники власти, а честные люди, которые, кстати, еще недавно обладали потенциалом, связями, влиянием, политическим весом, оказываются абсолютно маргинализированными. Потому что «честность мешает». И здесь возникает очень серьезный момент: множество других качеств мешает нам быть эффективными в отстаивании наших национальных интересов. Это то, что современное поколение называет предрассудками, в научном языке — пережитками модерна, а на языке этики именуется «совестью».

Сейчас многим пока еще сложно понять, что мы живем в новой эпохе, с новыми законами. Мы обычно говорим: новые нравы хуже, чем наши. Мы склонны критиковать,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 312 13.11.2012 15:33:01

вместо того чтобы понять ситуацию и стараться адаптироваться к этому. Понятно, что здесь появляется нравственная проблема: как людям, сохраняющим моральные качества, жить в мире, устроенном по совершенно аморальным принципам; как жить в мире ширпотреба, рекламы и дикой информационной политики людям, имеющим моральные принципы? Есть два выхода: отвернуться, уйти в глухую оборону и быть маргинализованным, как большинство из нас — порядочных людей — предпочитали сделать; либо взять на себя сложную миссию — отстаивать наши интересы, наши ценности, взаимодействовать с тем миром, который нас окружает. И, в каком-то смысле, осваивать его технологии.

Новые военные технологии: сетевые войны

Все вышесказанное напрямую связано с темой вооружения: мы все, люди возраста 35–45 лет и старше, сформировались в советское время — время эпохи модерна. И методологии, в том числе и военные, оборонные, которыми мы оперируем, это методологии, связанные с эпохой модерна, при том что западнопромышленный комплекс, в частности американский, стремительно переходит на новые технологии. И здесь возникает интересный момент: они совершили не просто количественный скачок по отношению к нашему уровню развития оборонки, они совершили именно качественный скачок. В этом смысле интересен переведенный на русский язык пентагоновский учебник генерала Себровского, посвященный сетевым войнам XXI века. Самое интересное в этой книге — прикладная классификация и технологический уровень мировых войн и их соответствие уровням ОПК. С точки зрения автора, существуют три парадигмы общества и соответственно им — три уровня технологий войн с соответствующим ОПК.

Первая парадигма — традиционное общество, премодерн, общество допромышленных революций, где в войнах

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 313 13.11.2012 15:33:01

побеждает определенное количество наемников и в незначительной степени — техническое оборудование.

Вторая — модерн. ОПК модерна связан с наращиванием индустриального потенциала, и тогда приоритет отдается той стороне, которая индустриально более оснащена: обладает более мощной техникой и военной индустрией, сложно вычленяемой из общей картины, так как при деградации промышленной индустрии в целом сложно представить развитие отдельного сектора военного производства.

Третья парадигма — парадигма постмодерна. Согласно американским стратегам и военным ученым, в ней сейчас и пребывает американский оборонно-промышленный комплекс. Это так называемое состояние информационного общества, где ОПК находится в состоянии сетевого развития. Здесь-то и происходит качественный скачок. Когда речь заходит о конфликте, военное преимущество достигается не столько за счет количества и качества военной техники, сколько за счет качества информационных стратегий. Меньшими средствами, меньшими затратами достигаются б*о*льшие результаты. Это и называется «сетевые войны».

Сетевые войны имеют весьма отдаленное отношение к компьютерам или симуляторам. Понятие «сетевой войны» — это новый качественный уровень понимания целей и задач вооруженных конфликтов. Сетевые войны, войны третьей парадигмы, выигрываются, как правило, не военными средствами. Они создают ситуацию, когда вооруженный конфликт является вспомогательной реальностью для осуществления заданной цели. Тем не менее цели сетевых войн остаются теми же самыми, что и в обычной, классической войне: победить противника, захватить его ресурсы, установить прямой контроль над его территорией, над его наиболее важными областями. Для того чтобы перейти к ОПК парадигмы постмодерна, американцы предприняли целый ряд качественно новых стратегий. И здесь встает самый важный вопрос: как российскому оборонно-промышленному комплексу существовать и сохранять конкуренто-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 314 13.11.2012 15:33:01

способность уже не просто с превосходящими количественно силами других оборонно-промышленных комплексов, и в первую очередь оборонно-промышленного комплекса США (мы видим, что здесь отставание продолжает расти), но с превосходящими нас силами в принципиальных, качественных аспектах? При переходе к сетевым технологиям очень многие прежние технологические преимущества фактически обнуляются, как обнуляются, к примеру, при переходе к промышленной экономике различия ведения войны против развитых и неразвитых аграрных государств, способных прокормить много воинов, так как наличие технических средств — танков, пушек, самолетов — аннигилирует преимущество в численном составе. Точно так же в эпоху сетевых войн, в эпоху постмодерна, непринципиально обладать большим количеством боеголовок, ракет, ядерных подводных лодок или ядерных бомбардировщиков. Важно правильно спланировать сетевую стратегию войны, и, возможно, этим бомбардировщикам даже не потребуется взлетать, либо потребуется нанести всего пятнадцать-двадцать ударов, а остальные тысячи ударов будут уже не важны. Так вот, этот качественный скачок американская стратегия сегодня совершает.

Для нас же самым здесь интересным является то, что, если с точки зрения объема экономических инвестиций Россия безнадежно отстала от военного бюджета США и пытаться нарастить это количественно невозможно, все же у нас остается одно конкурентное превосходство — это советские, русские, евразийские мозги, наш народ. Это та реальность, которая является основой перехода военно-промышленного комплекса на новый уровень. Это инновации, новейшие разработки, которые не требуют ни гигантских инвестиций, ни промышленных мощностей.

Откуда берут этот ресурс серого вещества сами американцы? Вы думаете, они собирают его в самой Америке? Ничего подобного! На ВПК Америки в инновационной сфере работают всего 4% коренных американцев, остальные мозги импор-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 315 13.11.2012 15:33:01

тированные. Иными словами, американцы переходят на новый уровень своего информационного статуса в глобальном масштабе, опираясь на ресурс, который является для них *редким*. Известный экономист Йозеф Шумпетер разделил две вещи: «экономический рост» и «экономическое развитие». Экономический рост — это, например, увеличение в конце XIX века количества гужевого транспорта. С появлением паровоза экономический рост гужевого транспорта отменяется экономическим развитием, вызванным появлением паровоза. То же самое можно отнести к оборонно-промышленному комплексу сейчас. Если построить линейный график роста ВПК американцев и нашего ВПК, мы придем к тому, что мы будем развиваться на одну клетку, а они сразу на пять. С точки зрения конкуренции в вопросах роста мы заведомо обречены. И если бы мы оставались в парадигмах модерна, нам надо было бы сдаваться, подписывать акт о капитуляции, хотя, разумеется, есть еще такие ресурсы, как мужество, воля и так далее. Но сейчас пред нами стоит иная интересная задача. Сами американцы переходят на новый уровень, и этот уровень не связан с уровнем роста, это уровень экономического и военного развития, то есть американская военная система мутирует качественно. Мы же рискуем пропустить этот уникальный шанс, который дается именно нам — это возможность качественного скачка в военно-промышленном развитии. И вот этот самый качественный скачок может фундаментально, полностью изменить состояние нашей оборонки, если для этого будут созданы определенные предпосылки.

Передача инициативы следующему поколению

В этом процессе должны активно действовать наши ученики, дети, наследники — люди, которые способны адаптировать традиции советской школы к новым условиям. Во-вторых, необходимо выделить государственный сектор по привлечению самых ярких интеллектуальных кадров Рос-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 316 13.11.2012 15:33:01

сии к работе над этим качественным скачком. Иными словами, мы должны найти эффективную точку приложения средств, которая и даст нам искомый качественный результат. Система специфических наукоградов, оборонных интеллектуальных предприятий, институтов, закрытых лабораторий могла бы стать самым главным национальным проектом. В этом случае мы сможем сделать то, чего никогда не сделать, двигаясь по инерциальной логике развития.

В частности, в сетевых войнах самое главное — создание *базового эффекта*. Это поражение не точечное, когда наносится прямой удар по цели, а косвенное. Создается система таких ударов, которые наносятся не по заданному объекту, а вокруг в определенной последовательности, и тот объект, на который нацелена главная задача, поражается сам собой исходя из системы резонансов и связей. Этот принцип *базового эффекта* пронизывает идеологию сетевой войны.

Действительно, мы можем уповать на такую консолидацию интеллектуальных усилий, которая позволит нам создать систему вооружений нового поколения. Тогда и только тогда Россия сможет по-настоящему отстоять свою идентичность, возродиться как великая держава и сохранить для нас и наших потомков нашу страну. Это не такая уж абстракция, речь идет о точной и правильной конфигурации подобного рода проекта при адекватном его лоббировании у первых лиц в государстве. Необходима консолидация флагманов российской стратегической промышленности, флагманов ОПК для создания общего консенсусного проекта такого рода.

Конечно, есть объективные причины, есть инерция, противодействие. Можно сказать, что операция «базового эффекта» наших противников ведется с огромным успехом, и мы это испытываем на себе. И действуют они очень тонко. Если мы будем отвечать им честно, по старинке, то мы далеко не уедем. Надо отвечать на их же языке, надо освоить их методы, их технологии, применять методологии постиндустриального общества, методологии постмодерна к возрождению нашего оборонного комплекса.

Часть 5

МЕТАФИЗИКА ДЕНЕГ

ЗАМЕТКИ К КОНКРЕТНОЙ ОНТОЛОГИИ КАПИТАЛА

Потенциальная природа финансов

Финансовый сектор хозяйства (банк, инвестиционные группы) относится к сфере потенциального (возможного). Промышленность, предпринимательство, торговля — к сфере актуального (действительного). По этой причине считается, что финансы более универсальны и менее зависят от исторически сложившегося хозяйственного профиля.

В монетаристском подходе универсализм финансового сектора хозяйства абсолютизируется. Деньги (кредиты) выступают в полном отрыве от конкретной структуры экономики, от промышленного, социального и исторического профиля.

Однако само зарождение «автономных финансов» — всего лишь эпизод конкретной истории хозяйства, имеющий временнýю и географическую локализацию, сопряженный с конкретными условиями промышленного и торгового развития определенных обществ и государств.

«Мейнстрим» экономической мысли (как либеральной, так и марксистской — хотя марксизм делает существенные поправки на исторический циклы — экономические формации) исходит из признания дезонтологизированной природы финансов (Капитала).

В этих рамках Капитал есть всеобщий эквивалент, как аболютизированная и полностью оторванная от конкретики хозяйства чисто количественная возможность.

В таком подходе профиль исторической и географической среды, где развертывается хозяйственная деятельность, считается влияющим только на действительное (=промышленность, предпринимательство, инструменты торговли и услуг) и не влияющим на потенциальное. Финансовый сектор выступает как абстрагированный всеобщий эквивалент, где сняты онтологические влияния истории и географии, национальной и социальной специфики.

Капитал в таком случае есть эквивалент рассудочной логистики, трансцендентной по отношению к миру хозяйственной эмпирики.

Если мы рассмотрим эту проблему иначе и свяжем Капитал с онтологией, поставим вопрос относительно качественной природы денег, логики соотношения финансового сектора (как области потенциального) с историко-пространственным профилем реальных экономик, то мы откроем целый ряд важнейших закономерностей, ранее от нас ускользавших.

Историко-геополитическая экспертиза

Для того чтобы осуществить эту концептуальную операцию, необходимо иначе отнестись к историко-географическому профилю конкретных хозяйств. Если рассматривать их как нечто только актуальное, действительное, то никакой привязки к сфере финансов (потенциального) обнаружить не удастся. Следовательно, надо подойти к ним с качественной меркой, рассмотреть их на потенциальном уровне.

Качественное время есть история, качественная география — геополитика. Вместе они предопределяют качественный срез хозяйства. Область финансов следует также брать в качественном срезе, то есть рассматривать не как количественную возможность хозяйственной деятельности, но как ее *качественную* возможность.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 319 13.11.2012 15:33:01

Этот качественный аспект финансов очевиден каждому конкретному финансисту или банкиру. Вопрос о реальном кредите или инвестициях (относительно серьезного объема) всякий раз решается эвристически, с учетом множества факторов, не обозначенных в самых развитых банковских пособиях. Подчас малейшая деталь в поведении получателя кредита, обстоятельства его истории, несущественный эпизод в истории фирмы могут склонить решение банка (инвестора) в ту или иную сторону.

Финансы как количественная возможность, трансцендентная хозяйственной практике, есть чистая условность, не подтверждаемая практикой.

Качественные факторы можно обобщить и связать со сферой финансов.

Что это будет означать на практике?

Проведение нового типа экспертизы любого масштабного кредитно-инвестиционного проекта. Новый тип экспертизы должен учитывать историческую и геополитическую природу проекта, просчитывать качественные последствия.

Можно сказать, что вся финансово-инвестиционная область делится на три асимметричные части:

1) нестратегические объемы кредитов (инвестиций) — микроэкономика,

2) стратегические — макроэкономика и

3) промежуточные объемы (мезоэкономика).

Первый случай с достаточной степенью приближения может быть описан количественной логикой. Второй требует частичного введения качественных критериев (т. е. элементов историко-геополитической экспертизы). Третий случай должен быть осмыслен при приоритете качественного понимания всего процесса, то есть полномасштабной историко-геополитической экспертизы с серьезной качественной же рефлексией относительно природы и структуры самого финансового органа (банка или инвестиционной группы).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 320 13.11.2012 15:33:01

Чем больше задействуемый объем капитала, тем серьезнее его качественный, онтологический характер, его прямая зависимость от историко-геополитических характеристик хозяйственной среды.

Banking и Евразия

Сегодня Россия, Евразия живет в переходном периоде хозяйственной истории. Экономический выбор отражает выбор исторический, геополитический, нравственный. Этот процесс не так очевиден, как кажется. Мало кто может возражать против развития рыночной инфраструктуры, против экспансии либерального подхода. Но этот общий настрой имеет некоторые черты популизма, эмоций, рыночного неофитства. Вопросы должны быть разобраны более внимательно и пристально.

В сфере мелкого частного сектора качественные показатели не важны. Микроэкономика вполне может работать, опираясь на гипотезу финансов как количественной потенциальности. Погрешность здесь невелика. Но соблазн распространить эту закономерность на макроэкономические процессы — опасен. При переходе определенной черты дают о себе знать иные закономерности.

Именно по этой причине рекомендации МВФ и ВТО, основанные на обобщении опыта одних хозяйств (западных либеральных экономик), не работают в качественно иных условиях, сколь бы адекватным в теории ни был кредитно-финансовый механизм. Ширящееся осознание этой неадекватности приводит к усилению антиглобалистских тенденций.

Россия-Евразия должна фундаментально связать финансово-кредитную, банковскую и инвестиционную сферу с исторической и геополитической экспертизой российского общества в целом.

Должна быть осуществлена рефлексия и саморефлексия основных финансовых институтов — от Центробанка

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 321 13.11.2012 15:33:01

и Сбербанка до крупных частных банков и ФПГ. Должна быть по-новому осмыслена вся область наиболее масштабных в финансовом смысле промышленно-информационных, коммерческих, транспортных и ресурсных проектов с их привязкой к исторической и пространственной онтологии.

Должны быть определены критерии мезоэкономической сферы, где оба подхода — количественный (микроэкономический) и качественный (макроэкономический) — должны быть скомбинированы.

Императив онтологизации хозяйства

Экономика России находится в транзиторном периоде. Но от чего к чему мы переходим? Оба термина не определены. Та система, от которой мы уходим, по мере удаления от нее и реформирования ее, оказывается совсем не тем, чем ее принято было считать (и в случае противников и в случае сторонников). То, куда мы движемся, еще менее определено, чем то, откуда мы движемся. Слепое копирование моделей эффективных в иных историко-геополитических условиях создает огромное количество непреодолимых проблем.

Выправить положение российского хозяйства возможно только через обращение к онтологизации, выявление неоспоримых констант хозяйственной истории, выработку безусловных и самоочевидных критериев, комбинирующих качественный подход (развитие) и количественный подход (рост).

В макроэкономическом аспекте акцент надо делать на развитии. В микроэкономическом — на росте.

Когда мы говорим об экономике, о либерализме, о критериях и т. д., необходимо всегда четко пояснять временны́е и пространственные рамки. Экономика — где? И экономика — когда?

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 322 13.11.2012 15:33:01

В разных точках времени и пространства, аккумулируясь в разных количествах, деньги меняют свой статус. Попытка абстрагироваться от этого постепенно приводит к накоплению погрешностей, что чревато в один прекрасный момент фундаментальным кризисом.

ДЕНЬГИ

Капитал как субъект истории

Деньги являются высшей реальностью современного мира, победившим всех конкурентов универсальным идолом. Жак Аттали справедливо назвал нынешний исторический этап «денежным строем», Ordre d'Argent. Наше время характеризуется полным триумфом денег, которые стали своего рода тоталитарным эквивалентом, общим знаменателем для всех вещей и процессов реальности. Сбылись тревожные предвидения Маркса, утверждавшего (в «Капитале»), что может наступить время, когда единственным субъектом истории останется Капитал.

Деньги представляют собой сегодня универсальный эквивалент «чистого количества», сконцентрировавший в себе все остальные параметры материальности. То, что было на прежних этапах истории материальной, инерциальной преградой для осуществления духовных начинаний, сегодня превратилось в абсолютизированную и приобретшую автономность массу. Капитал не просто вобрал в себя результаты истории, он тщится заменить божество, воссоздавая по своей прихоти самые разнообразные события прошлого, причем трактуя их в произвольном ключе. В питаемой Капиталом индустрии образов поп-звездами становятся диктаторы и тираны, маньяки и ничтожества, фиктивные персонажи и святые. Деньги обладают абсолютной властью над настоящим и, следовательно, способны воссоздавать прошлое и управлять будущим. Деньги — единственное содержание постмодерна. Их нельзя иметь,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 323 13.11.2012 15:33:01

это они имеют нас, превращая любое начинание, любую инициативу, любое предприятие в сервильное обслуживание цифровой массы. Больше нет капиталистов и хозяев, все — только менеджеры, слуги перемещения Капитала по его прихотливым, своевольным путям.

Капитал преодолел капитализм, деньги поработили своих владельцев, постепенно превратившись из инструмента в самостоятельное господствующее существо.

«Белая точка» фигуры Кузанского

Капитал, стремясь стать чистым количеством, имеет перед своим последним шагом к планетарному триумфу целый веер того, что он пока еще не преодолел, не изжил, не переварил, не трансформировал в экран, заполненный послушным мельканием фосфорисцентных миражей. Этот веер есть остаток жизни, последняя гранула света в знаменитой фигуре Николая Кузанского, которая представляет собой два взаимопроникающих треугольника — черный и белый. В ходе деградации реальности белый треугольник сужается, стягиваясь к точке. Черный треугольник становится всей плоскостью. Это и есть «царство количества» (по выражению Рене Генона) или «денежный строй» (Аттали). Иначе это называется «пост-историей» (Бодрийяр) или «постиндустриальным обществом» (Белл). Маленькая белая точка, рассеянная повсюду, но сущностно единая — лишь она противостоит темному давлению денег. Поиск ее, утверждение ее, служение ей составляет жизненный смысл современного нонконформизма, смысл священной войны против темной магии Капитала.

Капитал стремится преодолеть последние преграды для своей тотальной онтологической свободы. Эти «преграды» должны сплотиться в «единый фронт». Фронт «белой точки». Но для этого надо пристально исследовать все пласты реальности, в которых могут скрываться кванты того, что не есть деньги.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 324 13.11.2012 15:33:01

Деньги против времени и пространства

Поскольку Капитал хочет управлять всей реальностью, ему необходимо подчинить себе две наиболее обобщающие модальности — время и пространство. Все время и все пространство, которые имеют автономное от денег существование, представляют для капитала угрозу, урезывают его могущество. Если бы у времени и пространства не было качественных сторон, это не составляло бы для Капитала проблемы. Но это не так. Существует качественное время, и оно называется «историей». Существует качественное пространство, и оно называется «сакральной территорией» или «геополитической картой». Это и есть два последних проявления «белой точки».

Когда-то сама история и сама территория были преградами для человеческого духа, стремившегося к вечности по ту сторону времени и к освобождению от всех ситуативных ограничений. Но времена духовной полноты давно прошли. Сейчас мировое зло настолько сконцентрировано и экстериоризировано, что все его предшествующие воплощения представляются почти святостью. Если раньше «история и территория» подлежали преодолению, то перед лицом «тотальной доминации Капитала» их следует защищать.

История — это время, имеющее содержание, а территория — пространство, имеющее смысл. Капитал хочет выжать содержание и смысл и заменить их собой. «Сколько стоит минута эфирного времени?» «Сколько стоит этот участок земли?» То время, которое не является эфирным, и та земля, которая не продается, не существуют в мире Капитала. Это пережитки «варварских цивилизаций».

От «сакрального времени» через «рабочее время» к «эфирному времени». От «сакральной территории» через «землевладение» к «контролю над виртуальным пространством». Такова логика планетарного наступления Капитала на жизнь, логика финансового Спектакля.

Поэтому лозунги «конца истории» и «мондиализма», «единого мира» являются боевым кличем лакеев количе-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 325 13.11.2012 15:33:01

ственного чудовища. Фраза «End of History» на деле означает «End to History». А денонсация «геополитики как лженауки» в устах либерала означает не что иное, как его агрессивную решимость покончить с множественностью своеобразных культур и цивилизаций Земли. Они провозглашают то, что хотели бы видеть. Даже не они сами, а тот, кто стоит, точнее ползет, за ними, тлетворно дышит сквозь них.

Деградация светлого неба

Почему именно деньги оказались «телом антихриста»? А не жестокость, властолюбие, извращения, как это представляло себе эсхатологическое воображение древних. Почему Цезарь Борджиа, Макиавелли или Сен-Фон де Сада выглядят трагическими романтиками в сравнении с аккуратненькими (и не исключено, что вполне моральными) «голден бойз» мировых бирж?

В традиционном обществе «деньги» сами по себе были сакральными, качественными. Тогда они были не капиталом, а вещественным сгустком солнечной жизни. Их чеканили жрецы, украшая священными символами, приближающими к небу и свету. Ими владели только достойные, передавая как талисман. Сакральная природа денег сохранилась и в русском слове. «Деньги» происходят от тюркского корня, означавшего «небо», «дингир», «тэнгри». Так же у тюрок называлось и высшее божество.

Некогда деньги были материальным выражением света, сгущенным светом благородного золота.

Но постепенно их природа изменилась на прямо противоположную. Вначале прерогатива чеканки монет была отнята у касты жрецов в пользу второй касты — воинов и князей. Позже финансовые вопросы были перепоручены еще более низкому сословию — буржуазии вместе с мировым отребьем ростовщиков, менял, принадлежавших к неприкасаемым.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 326 13.11.2012 15:33:01

Затем вместо золота стали циркулировать банкноты как обязательство это золото при необходимости предоставить. И наконец, в 1970-е гг., и этот пережиток «качества» был упразднен и бумажки перестали быть обеспечены «сгущенным светом».

Теперь и сами банкноты стали замещаться карточками и виртуальными кодами, и процесс десакрализации дошел до своего предела. Полный цикл пройден — от светлого неба качества в материальный ад количества.

Фальсификация имиджей

Приравнивание вещи или процесса к финансовому эквиваленту означает их вычеркивание из бытия. Если есть цена, стоимость, значит, содержание вытеснено. Подлинное бытие есть то, что имеет центр в самом себе. Всё остальное — подделка, фальсификат, мираж, управляемая кем-то посторонним галлюцинация.

Демон денег фальсифицирует ткань реальности, легко превращая любую вещь вначале в цифровой код, а затем в плоскостной, но завораживающий экранный имидж. Причем стратегия Капитала настолько тонка, что он не атакует противника — «белую точку» — в лоб. Она стремится вначале выяснить ее внутреннее черное ядро, а затем искусственно обелить. Тьма хочет сама выставить от себя «белую точку». Поэтому Капитал финансирует Революцию, превращает цифры в образы, заставляет механику кристаллов имитировать органику жизни.

Помимо своей воли участниками грандиозного спектакля, выстроенного деньгами, становятся все те, кто по инерции принадлежит к иной реальности. Контркультура превращается в арсенал идей для рекламных роликов, исламские террористы становятся героями видеоклипов, радикальная оппозиция перемалывается в фоновый инструментал в стиле «амбиент» или в ярлык для одеколона.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 327 13.11.2012 15:33:01

Из ГУЛАГа и Освенцима можно было выйти. Но как можно выйти из тесных рамок экрана?

Тогда он осознает нас...

Изучение истории и географии — без внешнего финансового стимула, без заказа — становится сегодня таким же революционным занятием, как изготовление самодельных взрывных устройств. И даже более революционными занятиями. Вырвать любую вещь — малую или большую — из-под бремени Капитала в настоящее время приравнивается к подвигам Геракла.

Но любое усилие будет тщетным, пока мы не поймем со всей ответственностью, как глубоко внизу мы все очутились. Все прежние рецепты недейственны. Магия Капитала чудовищно сильна и эффективна.

Она преодолела классы и нации, сломила государства и сословия. И тот малый островок сопротивления, который еще остался — наша «белая точка», — вот-вот грозит рухнуть под мягким давлением надвигающейся кромешной ночи смыслов.

Если мы не заглянем в самый центр этого ада, если мы не сможем осознать последней тайны финансового дракона, зверя, мы фатально проиграем нашу битву, а монстр легко и без усилий превратит наши лозунги и позиции, наши идеи и наши доктрины в уютную развлекательную телерезервацию «кино не для всех».

Без такого интеллектуального рывка, без прозрения, без жертвенного прыжка в пасть чудовища, без мужественного прослеживания всего механизма, превращающего живое в мертвое, вплоть до корней, до истоков, до сверхплотного, мясистого ядовитого ядра, нам не победить. Нам даже не начать сражения.

Задача крайне трудна, почти невыполнима. Особенно страшно от того, что ее насущность так слабо осознается.

Если мы не сможем осознать Капитал, он осознает нас.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 328 13.11.2012 15:33:01

К единой евразийской валюте

Группой экономистов Евразийского движения разработан проект введения странами Евроазиатского экономического сообщества (в которое входят пять членов СНГ, наиболее активно поддерживающих интеграционные инициативы) общей валюты.

Реализация этого проекта будет означать введение двухуровневой валютно-финансовой системы в России и четырех других государствах ЕврАзЭС, а именно параллельное обращение национальных валют стран ЕврАзЭС и общей валюты.

В современной ситуации, при том что роль общей валюты выполняет доллар США, усиление интеграционного взаимодействия между странами ЕврАзЭС может привести к увеличению потребности в американском долларе в странах — участницах интеграционного процесса. Такое повышение потребности в долларе может вызвать повышение курса доллара по отношению к национальным валютам стран-участниц интеграционного процесса и в конечном итоге — усугубление непосредственной долларизации их экономик, укрепление доллара в качестве валюты сбережения и относительное обесценивание национальных валют, а вслед за валютами — номинированного в них национального достояния государств-участников.

Таким образом, интеграция без собственной общей валюты будет означать усугубление долларизации и обесценивание национальных валют в качестве платежного средства. Введение общей валюты ЕврАзЭС позволит избежать этих негативных последствий и, напротив, использовать эффект усиления интеграционных связей (который на макроуровне зоны интеграции тождественен эффекту роста внутреннего потребления) исключительно для стабилизации интегрированного валютно-финансового пространства стран ЕврАзЭС.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 329 13.11.2012 15:33:02

КАПИТАЛИЗМ: ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ

В марксистской и традиционалистской перспективах

Богатство реальности и нищета рефлексии

Мы переживаем интереснейший момент в истории развития цивилизаций. Множество тенденций сегодня обнаруживают свое историческое разрешение. Поверяются историей прозрения и предсказания лучших умов человечества. Сегодня можно окончательно вынести суждение: кто был прав, кто ошибался, кто оказался провидцем, кто галлюцинировал.

Сегодня, как никогда ранее, является актуальным вопрос о философском содержании «капитализма», об онтологии Капитала, о содержательной и эсхатологической сторонах его развития, о его соотношении с остальными фундаментальными реалиями человеческого бытия.

Если оглянуться вокруг, мы замечаем, однако, парадоксальную картину: чем богаче содержательная сторона исторического момента, тем беднее социальная рефлексия, тем бледнее диагнозы и банальнее осмысление, пассивнее выводы и невразумительней решения.

Сегодня капитализм одержал судьбоносную победу. Возможно, кризис социальной мысли — это одно из последствий такой победы. Отныне капитал мыслит за нас, вместо нас, отводя человеческому сознанию роль пассивного инструментального обсчета одномерных моделей «economics». Капитал завершает общий путь дезонтологизации мысли, вскрытой как основной процесс современного Запада гениальным Хайдеггером.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 330 13.11.2012 15:33:02

Онтология Капитала

Вопрос о том, что такое Капитал, сегодня может быть поставлен успешнее, чем раньше. Ясно одно, что мы должны поставить вопрос самым серьезным образом — если Капитал побеждает в истории, значит, это очень серьезно.

Говорили ли Маркс и Ленин об онтологии Капитала? Нет. Они были диалектиками. Но среди марксистов этот вопрос косвенно поднимался — в первую очередь Дьёрдем Лукачем («Онтология общественного бытия»).

Осмысление темы «Капитализм: индивидуальное и общественное» требует от нас сделать экскурс в проблему онтологии капитала.

Явно у Капитала есть какое-то глубинное измерение, ведь тень капитализма меняет параметры цивилизационного бытия, а не просто систему хозяйствования. Впрочем, система хозяйствования никогда не существовала в отрыве от глобального культурного контекста, являясь продолжением общего комплекса.

Капитал творит с человеком метаморфозы. Какого рода? Чтобы понять это, имеет смысл обратиться к автору, который никогда не занимался экономическими проблемами, но которого тем не менее стало общим местом в последнее время сравнивать с Марксом. Я имею в виду французского философа Рене Генона.

Откуда напрашивается эта аналогия (впервые сформулированная французским традиционалистом Рене Алле)? Из изучения книги Генона «Царство количества и знаки времени». В ней Генон указывает на «материализацию» мира, на его переход к уровню количественного существования в терминах, аналогичных марксистскому анализу Капитала и его исторической роли. Особенно интересны прозрения Маркса относительно «реальной доминации Капитала».

По Генону, «материя», а точнее materia signata quantitae, есть принцип «индивидуации». Иными словами, чистый

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 331 13.11.2012 15:33:02

архетип, окунаясь в материю, приобретает индивидуальные черты, которые, в последнем счете, есть погрешность, свойственная несовершенному отражению совершенного оригинала. Материя, таким образом, представляет собой инстанцию «привации», лишения, источник отчуждения.

Для Генона это самый внешний уровень бытия. По мере движения к центру онтологии материальное снимается, истончается, но вместе с ним истончается и пропадает индивидуальное.

Историческое видение Генона заключается в постулировании направления движения мира от идеального онтологического полюса к полюсу материальному и неонтологическому.

Этот второй материальный полюс, сопряженный с индивидуацией, отчуждением и максимализацией погрешностей, лежащий в основе индивидуации как таковой, удивительно напоминает описанную Марксом «реальную доминацию капитала».

Если принять идеовариативность геноновского материального полюса и марксистской «реальной доминации капитала» (оба сопряжены с принципом индивидуализации), то можно осознать максимализацию капиталистического строя (преодолевающего все препятствия) с его системой ценностей, основанных как раз на абсолютизации и экзальтации индивидуального начала, как глубоко эсхатологический феномен, сопряженный с Концом Истории. И здесь Генон и Фукуяма идеально совпадают друг с другом (хотя и с обратным знаком).

Капитал как экзальтация разделения

«Индивидуальное», по Генону, проистекает из самой сущности материи. Индивидуализм является философским основанием современного либерализма, восходящего к конструкциям Р. Декарта, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 332 13.11.2012 15:33:02

и завершающегося К. Поппером, Ф. Хайеком, «новыми философами» и пр. Капитал разделяет и отчуждает, дробит и абсолютизирует индивидуальное, экзальтирует погрешность.

Капитал никогда не объединяет, не является предметом солидарности. Он только разъединяет. И все, кто служит ему, отдаляются друг от друга.

Магокреативные потенции Капитала

Капитал подобен «materia prima» (в индуизме — «пракрити») еще и тем, что он способен порождать собственный мир. Но мир, рожденный пракрити, есть майя, двусмысленная силовая иерофания. Мир, порождаемый Капиталом, есть Спектакль, Зрелище. Подобно тому, как проницательное онтологическое зрение индуистских или буддистских традиционалистов распознает подвох в стихии материального мира — в мире майи, в колесе сансары, так пронзительный взгляд марксистских критиков капитализма — таких, как Жорж Батай или Ги Дебор — распознает фиктивную природу «общества зрелищ».

Капитал порождает «общество спектакля» так же, как пракрити порождает миры майи.

В чем иллюзорность для традиционалиста миров майи? В том, что часть выдает себя за целое, фрагмент за нечто законченное. В Традиции индивидуум, человеческое «эго» рассматривается как иллюзия, как корень заблуждения, невежества об истинной природе реальности, как сокрытие высшего архетипического «я», которое свободно от искажающего воздействия индивидуализирующей материи.

В чем иллюзорность «общества Спектакля», порожденного Капиталом, для марксистов? В том, что Капитал фальсифицирует «общественное бытие», соучастие индивидуума в чем-то большем, чем он сам, подменяя соучастие и сопереживание экранной имитацией, множественным ансамблем симулякров.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 333 13.11.2012 15:33:02

Из такого сопоставления следует важный вывод: там, где у традиционалистов (Генона и т. д.) находится мир высших трансцендентных принципов, у марксистов и коммунистов — онтология общественного бытия.

В определенной эсхатологической точке, по мере сближения реальности Капитала с традиционалистской концепцией финальной солидификации мира, его окончательного подпадания под бремя космической иллюзии материальной множественности, происходит сближение альтернатив, выдвигаемых традиционалистами и марксистами. «Общественное» (коммунистов) и «принципиальное», «духовное» (традиционалистов) сливаются через противопоставление абсолютизированному «индивидуальному», выраженному в «реальной доминации капитала».

Показательна предложенная марксистом Делёзом формула о переходе новой фазы капитализма от традиционного Марксова символа «крота» к символу «змеи». Но именно царством змея-антихриста считают традиционалисты нынешние апокалиптические времена.

«Общественное» в буржуазной системе — следствие примеси гетерогенного элемента.

Могут возразить, что капиталистические и буржуазные модели способны к социальной мобилизации, к революции, к созданию классовых систем и проектов, имеющих трансиндивидуальное измерение.

Это видимость. Во всех аналогичных случаях речь идет о примеси к собственно буржуазным прокапиталистическим инициативам каких-то гетерогенных некапиталистических элементов, связанных с той или иной формой самостоятельной «онтологии общественного бытия».

Упомянем только два примера: национальный характер буржуазных революций и этнорелигиозный исток наиболее эффективных капиталистических систем.

За революционную мобилизацию буржуа против феодальных порядков ответственны в большей степени национальные мотивы. Вспомним Французскую революцию —

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 334 13.11.2012 15:33:02

патриотический, национальный компонент там являлся мобилизующей энергией, в сочетании, кстати, с якобинскими элементами явного социализма. Таким образом, движущую силу капиталистическим трансформациям придает импульс внекапиталистического происхождения.

Религиозный характер капитализма подробно рассмотрен у Макса Вебера. Капиталистическая система является орудием протестантского меньшинства, направленным против католического большинства. Но религиозный фактор не принадлежит к сфере капитала, он консолидирует людей на основе общественной онтологии.

Еще отчетливее видна общинная природа раннего капитализма на примере русских старообрядцев. Старообрядческий капитал был сущностно коллективным и общинным, но часто записанным на одно лицо во избежание поборов, направленных против староверов. Более того, сами старообрядцы явно осознавали онтологически негативный характер капиталистических отношений. Они практиковали их, в некотором смысле, против никонианско-романовского отчужденного мира апостасии, как защитную реакцию на десакрализацию этого мира. Десакрализация романовской Руси заключалась, по мнению старообрядцев, в разрыве общинных связей, и поэтому вне самой старообрядческой общины (тщательно сохраняющей нормативы Святой дониконовской Руси в самой себе) отчужденно-капиталистический подход был морально и эсхатологически (прагматически) оправдан, хотя сам в себе и порочен.

К этому же типу относится феномен еврейского фактора в капитализме. Еврейская община, пребывающая в четвертом изгнании в «трефном», десакрализированном, язычески-демоническом (по учению раввинов) мире, применяет в отношении его хозяйственные капиталистические методики, порицаемые, а то и вовсе воспрещаемые в рамках самой иудейской общины. Но пресловутая «круговая порука» еврейских банкирских домов, активно способствовавшая собственно капитализму в его наиболее продвину-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 335 13.11.2012 15:33:02

той стадии, проистекает из этнорелигиозной солидарности, из онтологии еврейского национально-религиозного «общественного бытия», а отнюдь не из наличия каких-то неизвестных нам имманентных законов капитала.

Очень сходным образом функционируют и иные успешные в экономике этнорелигиозные кланы — например, армянский или греческий.

Капитал как последний общественный субъект

По мере глобализации либерализма, торжества рыночной парадигмы и детронизации Капиталом исторических альтернатив в планетарном масштабе (что происходит сегодня) все формы общественной онтологии — от религиозной до социалистической, от национальной до культурной — выхолащиваются. В этом заключается осознанная и декларированная цель либералов. Либерализм как наиболее последовательная и логическая форма реальной доминации Капитала есть тоталитарное требование отказа от всех форм внеиндивидуальной онтологии, осознаваемой самим Капиталом, в свою очередь, как «корень тоталитаризма». В общей схеме получается, что Капитал на высшей (мондиалистской) стадии своего развития стремится окончательно лишить последних следов бытия любые межиндивидуальные или надиндивидуальные реальности, подменив их экранными симуляциями планетарного Спектакля общества интегрированного зрелища, гениально предсказанного Ги Дебором накануне краха советской системы.

Но полный отказ от межиндивидуальных и сверхиндивидуальных реальностей в качестве референтных структур порождает колоссальный вакуум. Этот вакуум, это отсутствие интегрирующего внеиндивидуального субъекта развернуто и драматически иллюстрирует культура постмодерна.

Здесь скрыт определенный подвох.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 336 13.11.2012 15:33:02

Можно сказать, что некогда индивидуационная стихия капитала-материи-майи была подчинена духовно-коллективно-трудовому принципу. Если поставить на место «пещерного коммунизма» Маркса «золотой век» Генона, мы как раз получим сходную картину.

В ходе исторического развития капитал-материя стремится к своему освобождению из-под гнета коллективно-духовного. В какой-то момент капитал становится на один уровень со своей альтернативой. Это XX век, где разыгрывается драматическая битва между национальным и советским социализмом и либеральным Западом. В лице «красных» и «коричневых» «общественное бытие» дает последний бой «либерализму». И в этом бою проигрывает.

Этот макроидеологический процесс отражается и в матрице соотношения человека с капиталом. Изначально капитала как такового нет. Показательно, что в структуре индоевропейских обществ, исследуемых Жоржем Дюмезилем, отсутствует каста торговцев. Этот тип появляется позже и, по мнению Дюмезиля, «вместе с вкраплением иных, неиндоевропейских, расовых и культурных элементов» (первые признаки десакрализации). Деньги, материя, аналог капитала ниже человека.

На заре исторического капитализма капитал становится вровень с человеком. Один класс — буржуазный — солидарен с капиталом (но это еще свободный выбор экзистенциальной ориентации). Другой класс — пролетариат + аристократы-романтики + сектанты-общинники — противостоит капиталу.

Сегодня после краха социалистической битвы Капитал становится выше человека. Уже никто и ни при каких обстоятельствах не способен делать свободный выбор — все подлежат капиталу как принципу индивидуации, и, изгнав из реальности все иные формы надиндивидуальной интеграции, именно капитал становится на их место, выступая в финальной своей роли единственного оставшегося субъекта мировой истории. Понятно, что при таких обстоятель-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 337 13.11.2012 15:33:02

ствах история — как мы ее понимали — действительно заканчивается. «Economics» не математическая шутка Самуэлсона. Это одно из имен «князя мира сего». Интересно, каково цифровое значение этого термина.

В нашем мире нет буржуазии в ее традиционном понимании. Как нет и пролетариата. Пролетариат — такое же ностальгическое воспоминание, как и тамплиеры, фараоны или скифская конница. Мир постмодерна имеет единственного субъекта — мировой Капитал, который тотализирует своей отчуждающей магией количественную массу индивидуумов-погрешностей, клонированных скорлуп без корней, идентификационных культурных, расовых, религиозных, классовых, а вскоре и половых признаков. Постмодернистский стиль — «унисекс». При этом менеджеры и брокеры не владеют в привычном смысле ни деньгами, ни богатством. Они обслуживают движения мировой туши капитала так же покорно, как последний тайваньский рабочий.

На последней стадии своей доминации Капитал окончательно выхолащивает «общественное», утверждает тотальное превосходство «индивидуального», а затем интегрирует цифровую массу «индивидуального» в самом себе, утверждая планетарный суррогат «общественного» в тотальности симулированной жизни — в «обществе зрелища», «обществе спектакля».

ДУХ ПОСТМОДЕРНА И НОВЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ПОРЯДОК

Парадоксы постмодерна

Несмотря на то что в современной культуре постмодернистский подход утвердился как нечто необратимое и тотальное, содержание самого термина «постмодерн» до сих пор вызывает полемики, дискуссии и оживленные споры.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 338 13.11.2012 15:33:02

Постмодерн как ход, как поза, как стиль, как метод, как специфика отношения к объектам искусства и технологическим стратегиям постепенно вошел в плоть нашего общества до такой степени, что теперь едва ли можно говорить о том, что́ является, а что́ не является постмодернистским. На самом деле постмодернистским является абсолютно всё, поскольку в данном случае речь идет не о новом типе высказываний, но о фундаментальной фоновой трактовке реальности. Эта фоновая трактовка необратима, поскольку, по законам структурной лингвистики, дискурс («la parole»), превращающийся в референтную систему, иначе говоря собственно в язык («la langue»), не может снова стать дискурсом, то есть одним из возможных высказываний, предполагающих альтернативное высказывание.

Проникновение постмодерна в стихию нашего бытия столь глубоко, что вычленить его как нечто самостоятельное более невозможно. Поэтому все интерпретационные и гносеологические модели, которые строятся на принципах и предпосылках, отличных от расплывчатых и ускользающих максим постмодерна, вынуждены обращаться не к обычной публике, но к крайне узкому сообществу специалистов, занимающихся парадигматическими аспектами языка. Иными словами, любой непостмодернистский дискурс в нашей ситуации попросту невозможен. Он с неизбежностью попадет в среду, которая десемантизирует его изначальный посыл и встроит в свое собственное гносеологическое поле. Постмодерн отличается от модерна точно так же, как сам модерн отличается от премодерна. Конечно, это не синкопическое моментальное событие, но процесс. И хотя этот процесс может занять определенное историческое время, существенно ничего не изменится. По целому ряду признаков постмодерн сумел утвердиться всерьез и надолго, соблазнив и загипнотизировав своей экстравагантной стихией всех, кто способен уловить агрессивную универсальность его методологии.

Модерн, придя на смену премодерну, в свою очередь вытеснил на периферию, а то и в небытие все формы дис-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 339 13.11.2012 15:33:02

курса, связанные с традиционным обществом. Когда модерн стал языком, премодерн ушел в сферу разрозненных фрагментов, насыщающих собой периферию сознания и широкие поля бессознательного. Исследование и демифологизация этих «vestiges» («следов») составляли самое увлекательное занятие модернистов XX века. Интерес к «иррациональному» был стремлением победившей «модернистической рациональности», ставшей универсальным языком, освоить те гносеологические слои, на преодолении и отрицании которых основывался дух модерна. С самого начала модерн поступил с премодерном очень жестко. Рационализм эпохи Просвещения просто осмеял традиционное общество и его структуры, дискредитировал их, брутально загнал в подполье, декапитировал, как последнего французского короля. Немодерну было отказано в праве на существование: он был демонизирован в качестве «реакции», заклеймен как «отсталость», «нецивилизованность», «примитивность», «архаизм», «мракобесие» и т. п. Фактически премодерн как язык был табуирован. Лишь в XX веке к этому «преодоленному пласту» пробудился интерес, и оказалось, что модерн проявил некоторую поспешность, объявив премодерн побежденным, несуществующим, изжитым. Современный человек оказался гораздо менее рациональным и гораздо более архаичным, нежели триумфально утверждали позитивисты. Чем брутальней модерн поступил с премодерном, тем агрессивней его рудименты вели себя впоследствии. Европейский фашизм был яркой вспышкой такой реакции. Большевизм, внешне оперирующий рациональными моделями, был распознан как архаическая реакция несколько позднее. Иными словами, дух модерна в XX веке трагически и постепенно открывал для себя границы своей победы, осознавал ее шаткость, поскольку человек как факт оказался слишком заминирован архетипами предшествующих эпох, глубоко запрограммирован языком, предшествующим модерну.

Постмодерн пришел на смену модерну как сумма пессимистических рефлексий, как результат исчерпанности три-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 340 13.11.2012 15:33:02

умфальной стороны модерна, как результат кризиса наступательного аспекта позитивистской критики и воинствующего рационализма. Постмодерн явно воплотил в себе провал стратегии модерна. Но знаменует ли он собой иное, альтернативное направление? До какой степени правомочна аналогия между премодерном и модерном, с одной стороны, и модерном и постмодерном, с другой? Это очень не простой вопрос. В его решении расходятся между собой наиболее глубокие мыслители.

Крайней позиции придерживается Хабермас. Он считает, что постмодерн есть великая капитуляция духа Просвещения (то есть модерна) перед неспособностью изжить в человеке «варварство» (то есть «премодерн»). Отсюда его отчаянная полемика с французскими «новыми левыми» (Делёз, Гваттари, Деррида), которые, по его мнению, «предали дело» и встали чуть ли не на сторону «фашизма». Иными словами, Хабермас принимает аналогичность смены парадигм, происходящих в момент перехода от премодерна к модерну, с одной стороны, и от модерна к постмодерну, с другой, но распознает постмодерн как коварный возврат премодерна в новой форме. Этой же позиции (но с обратным знаком) придерживаются и некоторые «новые правые» (в частности, немецкий философ Армин Мёлер), которые приветствуют в постмодерне крах рационализма и позитивизма, в свою пользу перетолковывая открывшуюся безграничную плюральность интерпретаций, сменившую одномерный модернистский тоталитаризм. Мёлер даже видит в постмодерне возрождение методологии «консервативной революции», которой он посвятил исследование «Konservative Revolution in Deutschland (1918–1932)». С другой стороны, есть мнение, что постмодерн не является антитезой модерна, что их явное парадигматическое различие скрывает единство глубинного вектора. Такой (или сходной) позиции придерживается, в частности, теоретик пост-истории Жан Бодрийяр. В таком видении постмодерн открывается как новый ход стратегии модерна, который

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 341 13.11.2012 15:33:02

осознал неэффективность борьбы с премодерном через его прямое отрицание, через его «скотомизацию» (по терминологии Фрейда). Если операция по преодолению языка премодерна не сработала так, как предполагалось вначале, на оптимистической стадии рационализма, то следует занять более субтильную позицию, обнажить ушедшие в бессознательное архетипы, но не для того, чтобы их освободить, а для того, чтобы их «излечить». Понятый в таком качестве постмодерн открывается как рискованный вираж того же самого духа современности, который делает вид, что отступает со своих центральных позиций, допуская к поверхности веяния архаической периферии. Но на самом деле он и не думает сдавать свои позиции. За время своего тоталитарного и единоличного властвования он, в свою очередь, ушел в глубины парадигматических подразумеваний, стал «естественным» языком, сформировал очертания бессознательного. Вместе с тем силы разрозненных фрагментов премодерна, долгое время пребывавшие в культурном гетто, утратили жизненность, ослабли, обособились. Жизненность архаического комплекса поддерживалась при этом искусственно, путем внешних репрессий со стороны агрессивной тоталитарной модернистской рациональности. Отсутствие рефлексии и внимания к конфликтным элементам вытесненного языка со стороны доминирующей культуры лишь укрепляло и питало их.

Постмодерн стал возможен тогда, когда риск вызывания на поверхность «премодернистических предрассудков» стал приемлемым. Из человеческого подземелья премодерн поднялся слепым, разбитым, усталым и нежизнеспособным, вампиричным, призрачным (отсюда невероятная популярность темы «вампиров» и «ревенантов» в современной массовой культуре). Более того, этот премодерн был в значительной степени пропитан элементами самого модерна — по меньшей мере, теми, которые успели ассимилироваться глубинами бессознательного. И в таком случае постмодерн открывается не как преодоление модерна, но как его продолжение, как его завершающая стадия, при-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 342 13.11.2012 15:33:03

званная увенчать собой его изначальную стратегию. Отсюда понятие «конца истории» (Фрэнсис Фукуяма) и аналогичные концепции оптимистических либералов, отождествивших постмодерн с окончательной победой своих идеалов.

Бесспорно, оба взгляда на сущность постмодерна имеют под собой некоторые основания. Но едва ли можно сейчас настаивать на одном из них вопреки другому. Содержание и смысл постмодерна не могут быть схвачены в окончательном объеме, так как речь идет о неоконченном процессе, в котором мы все участвуем и исход которого будет в огромной степени зависеть от дальнейшей траектории его развития. Если правы Хабермас и Мёлер, дисперсные пока элементы премодерна смогут организоваться в консервативно-революционный полюс, сформировать исторический субъект, который обозначит новый, альтернативный курс цивилизации, где традиционное будет реабилитировано, модерн будет распознан как субверсивное отклонение и сложится новая парадигма. Если правы те, кто считает постмодерн новой тактикой модерна, последней стадией его «катарсиса», то сегодняшний хаос приведет к окончательной дезонтологизации архетипов, которые, будучи уравнены с разрозненными элементами рациональности и позитивизма, потеряют свою жизненность, сохранявшуюся на подпольной стадии, и человек спокойно сможет подвергнуться клонированию как очищенный биомеханизм, окончательно освобожденный от «онтологического тумана». И история действительно закончится, поскольку исчезнет ее субъект — человек.

Рынок — единственный законнорожденный наследник модерна

Многие экономисты говорят сегодня о серьезных трансформациях в системе рынка, которые означают смену парадигм и в этой сфере. В некотором смысле финансо-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 343 13.11.2012 15:33:03

вая система так же подвержена постмодернизации, как и сфера культуры, социальных институтов, политики. И естественно, содержательная сторона такой постмодернизации так же стоит под вопросом, как и общая дефиниция постмодерна во всех иных областях. Рассмотрим тему подробнее.

Модерн проецировался на две базовые экономические модели, в равной степени претендующие на наследие духа Просвещения, на рационализм, на ортодоксальное соответствие базовым установкам современности. Это: 1) либерал-капитализм и 2) социализм. Экономическая история XX века была драматическим противостоянием двух систем — капиталистической и социалистической — за право быть главным правопреемником Просвещения. Оба лагеря соревновались в том, насколько ортодоксальны их позиции в отношении современности, кто более верен той цивилизационной траектории, которая была задана у истоков Нового времени. Марксисты рассматривали свою теорию как более «современную», нежели теория либерализма, и, следовательно, были убеждены в том, что будущее за социализмом, которому суждено преодолеть «архаический капитализм» как экономическую модель, зараженную рудиментами иных формаций. Либеральные экономисты, со своей стороны, видели в социализме экономическую гетеродоксию, окольный путь современности, уводящий от простых и ясных принципов свободного рынка, экономического эгоизма и социального равенства возможностей, которые являются мировоззренческой базой модерна. И социализм, и капитализм считали себя законнорожденными детьми модерна, оспаривающими, кому из них принадлежит будущее. В этом, кстати, заключалась мировоззренческая основа «антифашистской конвергенции», которая легла в основание союзнических отношений во время Второй мировой войны: два лагеря современности выступили совместно против возрожденного «премодерна». После 1945 года состязание между двумя экономическими системами обострилось. Тех-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 344 13.11.2012 15:33:03

нологические параметры развития хозяйства, социальные проблемы, демография, экология, геополитические трения — всё это требовало определенности от двух противостоящих экономических систем, претендовавших на универсальность. Чисто теоретически можно было наметить три возможных сценария:

1) конвергенция систем на основе общего происхождения, лояльности парадигмам модерна;

2) победа социализма в мировом масштабе (это означало бы, что либеральная модель менее соответствует духу модерна);

3) победа либерализма (это означало бы, напротив, что социализм является более архаическим и, соответственно, менее модернистическим, чем либерализм, явлением).

Несмотря на то что до последнего времени этот вопрос оставался открытым, на рубеже 1990-х годов свершившимся фактом стал третий сценарий. И такой практический поворот событий — победа либеральной, рыночной парадигмы над социалистической моделью — несет в себе огромное концептуальное значение в смысле оценки истинного содержания процессов развития социальной и экономической модели современной цивилизации. Факт победы либерального Запада над социалистическим Востоком есть печать большей модернистичности и ортодоксальности капиталистической модели в сравнении с социалистической.

В советском социализме наличествовало два фактора — прогрессистский дискурс (модернистический компонент) и архаическая подоплека социального устройства (премодернистический компонент). Точно так же и в либерализме существовали модернистические элементы в сочетании с определенными социальными институтами довольно консервативного толка (в частности, институтами монархии, семейного наследования состояний и финансовых империй и т. д.). В противостоянии двух систем фактически решалось, какая тенденция и где перевесит — модернистическая или архаическая. Победитель в этой дуэли автома-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 345 13.11.2012 15:33:03

тически становился на сторону модерна, проигравший — на сторону архаики, премодернистической составляющей. События начала 1990-х годов недвусмысленно доказали, что именно социалистическая модель оказалась более архаичной и премодернистической, а либерализм подтвердил свое историческое право на единоличное обладание наследием модерна. Любопытно, что такое развитие событий предвидели гегельянец Кожев, либералы Поппер и Хайек, Раймон Арон, французские «новые философы» Бернар-Анри Леви и Андре Глюксман. Но если ранее такой взгляд был гипотетическим, то после краха советского лагеря обнаружилось, что приговор вынесен окончательно и бесповоротно. Коммунизм открылся как завуалированный архаизм, а либеральная модель экономики доказала свое единоличное право на современность. Рынок и модерн совпали. План проиграл, обнаружив свою премодернистическую подоплеку. При этом конкуренция была выиграна не только на уровне экономической и технологической эффективности одной из систем. Здесь решающим фактором стала более серьезная инстанция — свой суд вынесла сама история, по меньшей мере та ее линия, которая отождествила себя с Новым временем. Существование «альтернативной» или «параллельной» истории — вопрос отдельный, который мы в данный момент затрагивать не будем.

Итак, экономическая история модерна есть история капитализма, в которой социалистический эксперимент является вре́менной девиацией, аберрационным витком. Такое понимание социализма является само собой разумеющимся для наиболее последовательной части либеральных экономистов и объясняет, кстати, что стоит за ставшим медиакратическим штампом отождествлением «красных» с «коричневыми». Социализм не смог доказать свою преемственность модерну, обнаружил себя как архаически-консервативная модель. Следовательно, и в определении парадигмы постмодерна его доля будет несущественной. То новое, что соответствует в экономике стадии перехода

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 346 13.11.2012 15:33:03

от модерна к постмодерну, должно быть найдено в рамках исключительно капиталистической модели, в пространстве рынка. Поэтому в дальнейшем мы оставляем всякие апелляции к социализму, марксизму и т. д. за скобками. Новейшие трансформации в системе рынка должны быть изучены исходя из самого рынка, из имманентных ему законов.

Магический мир финансов

В современной финансовой системе капитализма существует сектор, который более всего соответствует постмодернистскому духу, воплощает в себе экономический эквивалент основной постмодернистской стратегии. Речь идет о так называемом «техническом анализе». «Техническим анализом» принято именовать теорию и практику биржевой игры, основанной исключительно на оперировании с трендами. Джордж Сорос, знаковая фигура этого направления, добившаяся на данном поприще самых ослепительных успехов, называет это «алхимией финансов». Действительно, «технический анализ», совершенно отвлекающийся от основы основ капитализма, иначе говоря от выяснения баланса между «спросом» и «предложением», напоминает скорее некую мистическую дисциплину. Джон Мерфи, крупнейший теоретик этого направления, выделяет три основных принципа «технического анализа», который он противопоставляет традиционному анализу рынка — так называемому «фундаментализму». Они сводятся к следующему:

1) рынок вбирает в себя всё (market discounts everything);

2) цены изменяются трендами (the prices move in trends);

3) история повторяется (the history repeats itself).

Первый пункт означает, что появление на стоковом или товарном рынке какой-то единицы уже включает в ее цену

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 347 13.11.2012 15:33:03

все аспекты реальности, сопряженные с этой вещью. Не только ценообразовательный механизм, но социальный контекст, политические мутации и даже возможность природных катастроф включены в рыночную стоимость вещи, и их реальность отныне снята. «Фундаменталистский подход», свойственный классическому либерализму, воздерживался от такой абсолютизации. В нем никогда не утверждался полный отрыв вещи от ее среды. И наиболее последовательные трейдеры, «фундаменталисты» — такие, как У. Баффет — вообще делали акцент не на том, что происходит на бирже, а на том хозяйственном цикле, который предшествует этому.

Несмотря на то что принцип «рынок вбирает в себя всё» внешне кажется привычной классикой либеральной теории, в нем проглядывает типично постмодернистский иронический намек. Полная абсолютизация рынка и рыночной цены вещи в отрыве от добиржевого цикла на самом деле мистифицирует саму реальность рынка, делает ее особой инстанцией, которая управляет бытием, отправляясь от особых виртуальных закономерностей. Рынок объявляется не завершением хозяйственного цикла, но его причиной. Следовательно, происходит серьезный сдвиг в имплицитной онтологии капитализма.

Классический капитализм определял бытие вещи через соотношение в ней спроса и предложения. Это было, безусловно, онтологической релятивизацией по сравнению с докапиталистическими моделями онтологии, где у вещей подразумевалась более самостоятельная основа, связанная либо с градусом ее иерархии в системе Божественного творения (креационизм), либо непосредственно с Божеством (манифестационизм). Но переход к принципам «технического анализа» представляет собой еще более радикальный шаг в сторону от традиционных моделей онтологии хозяйства. Вместе с формулой «market discounts everything» происходит разрыв даже с крайне релятивистичной моделью спроса и предложения, и бытие вещи помещается в стихию

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 348 13.11.2012 15:33:03

перманентного трейдинга в виртуальных пространствах биржи. В такой ситуации центральным значением начинают обладать такие формы, как «портфельные инвестиции», «циркуляции горячих денег», операции с валютами и самоценное обслуживание задолженностей. Иными словами, в данной ситуации происходит переход от рынка реальных товаров и стоков к чисто финансовым схемам, к виртуальной экономике, в которой самым важным моментом является движение капитала. Когда мы утверждаем, что «market discounts everything», мы подразумеваем фактически автономию финансовой системы относительно всех остальных аспектов реальности. Но поскольку эта реальность предполагается капиталистической, то новый финансовый порядок обнаруживается в качестве посткапитализма или виртуального капитализма. В такой посткапиталистической модели акцент падает не на динамику спроса–предложения, но на организацию и контроль над фоновыми биржевыми, фьючерсными потоками, которые получают автономное значение, самоценность и центральность, маргинализируя сектор «реальной экономики» и даже традиционной торговли. Движение капитала в биржевых циклах становится настолько важным и значительным, оперирует с такими цифрами (часто имеющими эфемерное значение), что на их фоне традиционные экономические сектора становятся несущественными.

Тезис «цены изменяются трендами» можно считать вторым признаком посткапитализма. Концепция «тренда» сама по себе весьма занимательна. Она впервые появляется в теории Чарльза Доу и становится базовым понятием «технического анализа». Сам Доу лишь сделал наблюдение за динамикой биржевых цен на рынках, которые он изучал, и на этом основании предложил рассматривать изменение цен на акции и стоки не как хаотический процесс, а как траекторию, имеющую особую имплицитную логику. Рыночные «фундаменталисты» пытались дискредитировать само понятие «тренда» в известной Random Walk Theory,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 349 13.11.2012 15:33:03

утверждающей стохастический характер поверхностной флуктуации биржевых цен, полностью определяющихся в последнем счете балансом спроса-предложения. Сторонники «технического анализа», напротив, абсолютизируют концепцию «тренда», полагая, что само наличие ценового тренда после прохождения определенной стадии практически не связано с добиржевыми процессами и рыночная цена складывается из имманентных законов виртуального трейдинга. Из этого вытекает важное философское следствие — динамика рыночных цен в системе трендов становится самостоятельным процессом, независимым от фактической реальности товара или стока. В этом выражается тот же процесс развеществления и перехода к манипуляции с оторванными от реальности знаками, распознанный Бодрийяром в качестве характерного признака постмодерна. Самостоятельность тренда есть не что иное, как биржевое выражение самостоятельности знака. Помимо всего прочего такой подход может привести к тому, что ценовые тренды могут существовать в реальности даже в том случае, если рыночный объект является чисто номинальным, фиктивным. Кстати, в случае «портфельных инвестиций», обслуживания и реструктуризации глобальных задолженностей и иных аналогичных финансовых процессов речь и идет о реальных операциях с фиктивными объектами.

Наконец, третий тезис — «история повторяется»— прямо отсылает нас к некоему подобию той картины мира, которая существовала в условиях премодерна. Необратимость и однонаправленность истории — это базовый элемент Нового времени, модерна как такового. Поступательность, прогресс, однонаправленное развитие суть неотъемлемые смыслополагающие вектора современного рационального мышления, предопределяющие всё то, что соответствует «конвенциональной мудрости» после эпохи Просвещения. Понимание времени как цикла, напротив, есть ярчайший признак традиционного общества. «Технический анализ» утверждает столь явно немодернистическую

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 350 13.11.2012 15:33:03

истину применительно к анализу биржевых циклов, иначе говоря, в довольно прагматическом аспекте. Но поскольку именно рынок является в данном случае онтологической суммой, то утверждение его циклической природы распространяется на все остальные аспекты реальности — ведь «market discounts everything».

Новая финансовая система, яснее всего очерченная в концепциях «технических аналитиков», описывается в терминах дисциплин премодерна — «алхимия финансов», «self fullfilled prophecy» (термин, разбираемый Мерфи и напоминающий «теургию» древних), «рыночных колдунов» (название бестселлера Jack D. Schwager — «Market Wizards»). Здесь мы имеем дело с зачатком новой реальности, с посткапитализмом и ярким проявлением постмодернистического духа в сфере экономики. Если от тематики постмодерна еще можно отмахнуться в сфере культуры (как это делают те, кто не отдает себе отчета в серьезности и глубине фундаментальной цивилизационной мутации, обозначенной термином «постмодерн»), то в сфере финансов и экономики, являющейся базовой повседневной реальностью, от нее отделаться не так просто.

Корректно прочитать график будущего

Магические лабиринты новой экономики, неоавгурическое искусство «chart reading», «финансовый герметизм» ставят перед нами те же проблемы, что и философские проявления постмодерна в иных областях. Подобно тому, как мы оставляем открытым вопрос о последнем значении постмодерна, нельзя заранее вынести окончательный приговор и зреющей мутации экономической модели, ее переходу от капитализма к посткапитализму. Постмодерн не просто отказывается от модерна, он иронично уравнивает модерн с премодерном, но с таким премодерном, который взят в качестве фрагмента и выхолощенного знака. Новая

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 351 13.11.2012 15:33:03

финансовая система, в которой «технический анализ» и магические спекуляции трейдеров соросовского типа будут занимать всё более центральные позиции, также не исключает механизмы классического капитализма. Она их вбирает в себя в снятом виде, уравнивая при этом с фрагментами экстравагантных принципов, иронично заимствованных из совершенно иных историко-культурных и экономических контекстов. При этом весьма вероятно, что, преодолев социализм и иные, еще более архаичные формы хозяйства, новый финансовый строй в дальнейшем включит в себя отдельные экзотические элементы, заимствованные из альтернативных экономических моделей. Нельзя априорно исключить, что на каком-то этапе посткапиталистическая реальность снова не введет в моду «марксизм», как модной становится одежда 50-х, 60-х или 70-х годов XX века в молодежной стилистике «нью-вэйв».

Мы стоим на пороге «чудесного нового мира», мира биржевого волшебства, герметических заклинаний брокеров, электронного движения автономного капитала. У этого мира много различных черт — гротескных, ироничных, экстравагантных, экзотических и зловещих.

Постмодерн — смена базовых парадигм. Мы должны постараться осознать, в чем их сущность, постараться расшифровать содержание этого сложнейшего витка человеческой истории. И ключом к такому осознанию, одним из ключей, по меньшей мере является пристальный анализ новейших тенденций в экономике. Посткапитализм необратим и неизбежен. Но кто может сказать, что это такое?

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 352 13.11.2012 15:33:03

Часть 6
ЭКОНОМИКА АКТУАЛЬНОГО

НОВЫЙ КУРС: МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Задача экономического роста в нашей стране, при том что в целом мировая экономика переживает общий спад, не является чисто технической. Но и не является нереальной. В вопросе деклараций о необходимости экономического роста как президента и премьера, так и экономического блока правительства в целом мы скорее имеем дело с заявкой, стратегической программой — какой, по мнению верховной власти, должна быть российская экономика в принципе. А от пути реализации этой заявки как раз и будет зависеть, какие силы для ее обеспечения в дальнейшем будут наиболее затребованы.

Уже в самой постановке задачи можно подспудно отметить выпад в адрес либеральной теории. Согласно классике либерализма, темпы роста ВВП являются лишь показателями экономического развития, имеющего автономную логику. Политическая власть может лишь констатировать изменение этого параметра — сожалеть о его стагнации, радоваться его росту. Но когда политическая власть волевым образом провозглашает сроки и темпы роста этого показателя, мы явно выходим за рамки либеральной теории: в логику развития хозяйства вмешивается «посторонний» критерий — государственная власть, минимализация участия которой в экономике была основной задачей предшествующих лет российской реформы. Из этого следует, что призыв президента и премьера к увеличению ВВП можно

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 353 13.11.2012 15:33:03

считать обозначением курса на мобилизационную экономику, а следовательно, отходом от жестко либеральной логики экономического развития.

Теория мобилизационной экономики не получила такого тщательного доктринального развития, как либерализм или марксизм. Мобилизационные моменты можно найти в обеих этих системах, но чаще всего они проявляются в критических ситуациях, когда решение насущных экономических и политических вопросов оказывается более актуальным, нежели споры теоретиков. Смысл мобилизационной экономики состоит в том, что государство активно участвует в хозяйственной жизни, но не через прямой контроль, не через «дирижизм» (управление, планирование), а через создание благоприятных условий для тех отраслей экономики, которые призваны срочно изменить положение дел в общенациональном масштабе. Мобилизационная экономика оперирует с рыночными механизмами, но ориентирует их на определенную цель, относящуюся к внерыночной сфере. Относительно сказанного можно предположить, что в данном случае экономический рост, в частности рост ВВП, нужен руководству страны не сам по себе, а как средство сохранения за Россией статуса геополитической субъектности, обороноспособности и суверенитета, которые, в противном случае, в условиях глобализации и перед лицом новых вызовов окажутся под ударом. И здесь можно поспорить с теми, кто считает, что президент и премьер потребуют не чего-то «амбициозного», а всего лишь возвращения к уровню докризисной экономической активности. К мобилизационной экономике руководство страны подталкивает не размышление над нюансами экономической теории, но логика сохранения государства, национальный императив.

В чем вообще может быть проявлен курс на мобилизационную экономику в ситуации, когда речь действительно идет о чем-то гораздо более важном и внушительном, а именно о смене экономической парадигмы?

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 354 13.11.2012 15:33:03

В первую очередь властью будет затребована новая группа экономистов, стоящая на равноудаленных позициях как от коммунистов, не имеющих никакой внятной экономической модели и ранее позорно проваливших всё, что можно и нельзя, так и от либералов-реформаторов, чьи методы не соответствуют исторической задаче. Эта группа может быть создана на базе эволюционировавших в патриотическом ключе вчерашних либералов с привлечением некоторых кадров из промышленного лобби. Как бы то ни было, в среде экономических экспертов грядет суровая ротация кадров. Очевидно, что либералы, верные своим теориям, не захотят и не смогут полноценно участвовать в задаче восстановления экономического развития — вся структура их мышления и стратегия действий противоречат этому даже теоретически, не говоря уже о практической стороне вопроса. Максимум, что они могут предложить, так это сократить государственные расходы — читай, полностью урезать любые социальные программы.

Второе: существенно изменится положение олигархов, крупного частного бизнеса. Вначале своего правления Владимир Путин «равноудалил» эту группу от политических интриг и контроля над СМИ, но формат их участия в экономике страны остался прежним. Фиговые листы участия олигархов в социальных и образовательных программах прикрывали продолжение старой стратегии: эффективный менеджмент в деле добычи и экспорта природных ресурсов с распределением львиной доли прибыли в частные руки. Мобилизационная экономика потребует существенной перемены отношений по оси власть—олигархи. В какой-то момент олигархам будет выдвинут ультиматум: либо включаться в мобилизационный проект, либо пенять на себя. Включение означает строгое увязывание основных параметров экономической политики олигархических групп с национальными интересами, определение объектов для основных инвестиций, делегирование ответственности за финансовую поддержку развития тех проектов, которые

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 355 13.11.2012 15:33:03

российская власть посчитает оптимальными и наиболее важными — включая различные направления ВПК, научные разработки и т. д. Такой подход отличается от национализации тем, что менеджмент крупных частных корпораций действует в либеральном режиме, тогда как государство активно вмешивается — формальными и неформальными средствами — в использование прибыли, в процесс реинвестиции. Добиться этого включения олигархов в мобилизационный проект можно разными путями: политическим, законотворческим и т. д. Суть же остается неизменной: экономическая свобода олигархов отныне будет существенно ограничена, подчинена интересам национальной администрации, ставящей перед собой вполне конкретные задачи. История с ЮКОСом прекрасно иллюстрирует, о чем идет речь. Ходорковского, после исчезновения из России Гусинского и Березовского, вполне можно было считать предводителем олигархов, политическим выразителем их классовых интересов. Ходорковский открыто провозгласил логику транснационализации крупного российского бизнеса, солидаризовался с глобализацией и тем самым вошел в прямую оппозицию с интересами национальной администрации Путина, призывая ее поступиться частью полномочий. Развитие России, по Ходорковскому, — это проект, прямо противоположный мобилизационной экономике: в нем национальные экономические интересы безусловно вторичны по отношению к императиву интеграции крупного бизнеса в наднациональную систему глобализма. Когда глава ЮКОСа не просто теоретически оформил свою позицию, но и приступил к ее политическому воплощению (спонсирование правой и левой оппозиции по отношению к национальной администрации), терпение власти лопнуло. Взаимоисключаемость этих двух сценариев (олигархат и экономическая мобилизация) на наших глазах становится чем-то само собой разумеющимся.

Мобилизационная экономика близка социализму в том, что предполагает контроль над крупным частным капита-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 356 13.11.2012 15:33:03

лом, но радикально отлична от него в том, что перераспределение касается не «убыточных» вливаний в социальный сектор, но реинвестиций (не гарантирующих, впрочем, прибылей) в те области промышленности, от которых зависит мощь государства как такового. Этими областями являются оборонная промышленность, высокие технологии, научно-исследовательские разработки, национальная индустрия, станкостроение и т. д. Одним словом, суть мобилизационной системы можно выразить так: императивное реинвестирование сверхприбылей ресурсодобывающих монополий в реальный сектор национальной экономики с учетом оборонных расходов.

Очевидно, что это потребует либо «перевоспитания» олигархов, привыкших к либерализму, либо их ротации. Оба направления быстро натолкнутся на препятствия — субъективное нежелание олигархов идти на ограничение своей свободы и своего соучастия в транснациональных проектах, к чему их подталкивают логика глобализации и заведомая неэффективность неолигархического менеджмента (что мы видим в случае цепи провалов «питерской группировки», пытавшейся войти в клуб олигархов). Медведеву и Путину еще только предстоит решить эту сложную проблему, и заведомо надежных рецептов тут нет.

Мобилизационные методы теоретически не должны затронуть средний и мелкий бизнес. Напротив, в этой сфере продолжение процессов либерализации будет только приветствоваться. Эта область призвана стать тем мотором, который даст системе устойчивость и стабильность.

И последнее: политическое оформление мобилизации. Встав на путь восстановления экономического роста, власть приобретает двух отчетливых политических противников — либералов и коммунистов. И те, и другие по разным причинам не могут согласиться с мобилизационным вариантом — для либералов неприемлемо ограничение рыночной свободы, затрагивающей крупный капитал, для коммунистов — постановка социальной проблематики на

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 357 13.11.2012 15:33:03

второй план. Следовательно, этот проект потребует создания качественно новой политической силы, не просто лояльной власти, но фундаментализирующей идеологически, политически и концептуально ее мобилизационный курс.

КАПИТАЛ ПРОТИВ КАПИТАЛА: НОВАЯ ВЕРСИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Олигархические монополии подлежат не национализации, но реприватизации по кускам

Еще вчера основные дискуссии разворачивались между либералами и нелибералами, сегодня же линия фронта проходит между крупным частным бизнесом, с одной стороны, и средним и мелким — с другой. В этой схватке разыгрывается государство, решается его судьба. Вместе с тем само государство является действующим лицом этой коллизии.

Крупный частный бизнес, олигархия в современной России контролирует сегодня около четверти всех финансовых ресурсов. Исторически российские олигархи появились в результате тотального ослабления советской, позже российской государственности и невиданной по размаху коррупции: разлагающийся бюрократический аппарат передал им экономические рычаги управления страной, которыми они прекрасно сумели воспользоваться в целях личного обогащения и оптимизации извлечения прибыли. Факт остается фактом: в позднеельцинскую эпоху крупный частный бизнес подошел вплотную к «приватизации государства». Причем на фоне укрепления олигархата обескровливались не только государство, реальный сектор экономики, промышленность, но и средний и мелкий бизнес. Для личной частнособственнической инициативы, для духа предпринимательства просто не оставалось места. Симбиоз олигархов-монополистов с коррумпированной бюрократией контролировал всё или почти всё.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 358 13.11.2012 15:33:03

С приходом Путина ситуация стала меняться. Провозгласив тезис о «равноудаленности» олигархов от власти, Путин взял курс на «укрощение олигархии» и, следовательно, на усиление государства. Это взаимосвязанное явление: сила государства в современной России обратно пропорциональна силе крупного частного бизнеса. У Путина чисто теоретически были два сценария стратегической битвы с олигархатом: социальный или либеральный. В первом случае предполагалось, что будут предприняты меры по широкой национализации и передачи менеджмента от крупных частных компаний в ведение государства. Но Путин ясно понимал одно: дело не только в том, что олигархи — зло, ослабляющее государство; олигархи сами по себе не причина, но следствие, продукт разложения государства, «дети распада» административной системы. И где гарантии, что после этапа национализации и передачи крупных частных монополий в руки государственных менеджеров вся история не повторится еще раз: чиновники в России какие были, такие и остались, а следовательно, национализированные предприятия и холдинги скорее всего вначале будут разорены неэффективным управлением, потом разграблены, а потом снова приватизированы. И всё начнется заново. Для успешной реализации проекта национализации фатально отсутствует важнейший компонент — здоровая и сплоченная нация, эффективный государственный аппарат. А для того, чтобы получить его, нужна «национальная идеология», причем мобилизационная и довольно «крутая». И вот уже Дума рассматривает закон о представлении глав регионов Президентом. Однако до полноценной политической диктатуры и массовой мобилизационной идеологии общенационального масштаба явно еще далеко. Общество реагирует на вызовы вяло и пассивно. Апатия и растерянная покорность масс лишь оттеняют эгоистический цинизм и показной «постмодернистический» аморализм элит.

Следовательно, укрепление государства и битва с олигархатом должны вестись по иному сценарию и с опорой

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 359 13.11.2012 15:33:04

на иного субъекта. Тут мы подходим к разгадке «либерализма» Владимира Путина, который многим казался несовместимым с его неприязнью к олигархам. На самом деле Путин — убежденный рыночник и либерал, но только применительно к сфере среднего и мелкого бизнеса. И именно этот мелкий и средний бизнес должен стать движущей силой укрепления государства.

У мелких и средних капиталистов с олигархами сложились самые настоящие классовые противоречия. За счет коррумпирования высших государственных чиновников в ельцинскую эпоху олигархи дублировали свою экономическую власть рычагами влияния на административный аппарат, что приводило к полному и заведомому устранению конкурентов, находившихся снизу. Если олигархам не удавалось скупить что-то интересное у средних и мелких собственников, у последних это просто отбиралось с помощью купленных чиновников. Таким образом, шли массированный саботаж становления среднего класса и перманентная эрозия государства.

Параллельно сложилась интересная социологическая и даже психологическая ситуация. Пассионарный элемент в современном российском обществе сконцентрировался именно в сфере бизнеса: ультрапассионарии — в олигархате, просто пассионарии — в среднем и мелком бизнесе. Бюрократия же состоит из цепких и хватких, но субпассионариев, людей более пассивных. Массы пребывают в состоянии «гомеостаза», сливаясь с природой и окружающей средой. «Солнечные», быстро думающие и жестко действующие бизнесмены разного градуса — как бы мужское начало, субъект российского общества. «Лунные», сонные и алчные госчиновники — женское начало, объект. Созерцательные российские массы пассивны настолько, что никакими внятными признаками не отличаются. Бизнесмены «осеменяют» российских бюрократов финансовыми вливаниями, получая за это плоть изнывающей от уныния и неопределенности страны, с которой расправляются по своему разумению и к своей вящей выгоде.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 360 13.11.2012 15:33:04

Путину предстоит изменить этот социальный и, в каком-то смысле, «гендерный» баланс российского общества. На «лунное» и «пассивное» чиновничество положиться нельзя. Для пассионарной эскалации масс нет ресурса, да и основные мобилизационные массовые «идеократические» идеологии XX века — коммунизм и фашизм — исторически дискредитированы. В такой ситуации усиление государства возможно лишь с опорой на «солнечное», «мужское», но при этом не олигархическое начало. А им является только средний и мелкий бизнес.

То, перед чем стоит наше общество, это классовая борьба нового поколения. Государство Путина–Медведева настаивает на своем укреплении, хочет усилить свой потенциал. Его главный союзник — средний и мелкий бизнес. Не случайно ассоциация мелких бизнесменов названа «ОПОРА». Народ же примет уничтожение олигархата «на ура». Всё это означает курс даже не на «национализацию» крупного частного бизнеса, а на «демонополизацию» и «деолигархизацию», где реципиентами призваны стать не чиновничество, а целый активный класс — средних и мелких собственников.

Однако это возможно только в том случае, если верхушка административного аппарата станет безупречно стойкой в вопросах коррупции, жестко отвернется от олигархата, традиционно промышляющего именно скупкой высших должностных лиц. И в этом случае без идеологии и мобилизации не обойтись. Впрочем, такая избирательная идеологизация элитной верхушки с опорой на активный предпринимательский класс среднего и мелкого уровня — задача несравнимо более легкая и менее опасная, чем эксперименты с мобилизацией широких масс. Путину достаточно поставить во главе административного аппарата группу фанатично преданных государственной идее людей, своего рода «державный орден», привести его к «антиолигархической» присяге, а далее переадресовать основные экономические инициативы среднему классу, другими сло-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 361 13.11.2012 15:33:04

вами, собственно рынку. Формула такой стратегии: державная (орденская) политизация высшего чиновничества на основе преданных Путину и его политическому курсу людей, плюс опора на рынок и предпринимательские круги в области среднего и мелкого бизнеса. Олигархические монополии в таком варианте подлежат не национализации, но реприватизации по кускам, пример чего мы можем наблюдать в случае ЮКОСа.

Ряд шагов в этом направлении Путин уже сделал: Правительство укомплектовано именно такими преданными людьми, позиции державных «питерских» и «силовиков» усилены, антиолигархическая кампания развивается. Но Путин вовсе не лукавит, когда настаивает на своей «верности рыночным реформам и либеральной экономике». Однако российские олигархи не только не попадают в этот разряд, но, напротив, препятствуют органичному и естественному развитию рыночной стихии. Лозунг Путина: «сильное государство + сильный рынок». Третий лишний. В данном случае третьим является олигархат ельцинского образца.

ТЕРАКТЫ 11 СЕНТЯБРЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

Оценка «ответных» мер, предпринятых США после терактов 11 сентября 2001 года, прямым образом вытекает из геополитического видения ситуации в целом: война Америки начата не против исламского мира, а, в первую очередь, против России. Стратегическая цель действий США после терактов — это разрушение возможности образования альтернативного, евразийского блока[1], создание хаоса и «балканизация» Евразии по модели Бжезинского[2]. Кто бы ни был организатором терактов, это не принципиально, по-

---

[1] *Дугин А.* Основы геополитики. М., 2000.
[2] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 362 13.11.2012 15:33:04

скольку ответ на них США был атлантистским, последовательным, направленным, четко просчитанным и ни к каким талибам или международным террористам (которые, кстати, являются прямым порождением спецслужб США и инструментом атлантизма) отношения не имел. Мы знаем, кто создал Хусейна, кто создал Норьегу, кто создал того же бен Ладена — всё это атлантистские функции, своего рода запоздалые элементы борьбы против Советского Союза, слегка автономизировавшиеся модули атлантизма, прилежно выполнявшие до последнего момента американские региональные и глобальные задачи.

Довольно давно я написал статью об эсхатологическом раскладе сил в современном мире — «Парадигма конца»[1]. В ней я сопоставлял социальную, геополитическую, культурно-религиозную и социологическую модели противостояния различных апокалиптических «дуализмов»: атлантизм против евразийства, труд против капитала, Север против Юга, англосаксонский мир против азиатского мира, западное христианство против восточного и т. д. Получается, что на одном полюсе оказываются евразийство, труд (социальная справедливость), восточные конфессии (православие, традиционный ислам и т. д.), Юг, обездоленные мира сего, восточные евроазиатские народы, включая славян, а на другом — атлантизм, капитал, западные конфессии (католичество, протестантизм, ваххабизм как исламская реформация), богатый Север, «золотой миллиард» и т. д. Всё то, что группируется на каждом из полюсов, както между собой связано. Но пока излишне, на мой взгляд, спорить, что является главенствующим — геополитика, экономика, конфессии или расы. Важнее осуществить верную группировку, нежели строго иерархизировать уровни составных полюсов.

Запад — это капитал, это англосаксонский мир. А то, что ему противостоит, тяготеет либо к социализму и социал-

[1] *Дугин А.* Русская вещь. М., 2001.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 363 13.11.2012 15:33:04

демократии, либо к рейнско-ниппонской (по выражению М. Альбера[1]) модели социально ориентированного капитализма. И всё вместе это ближе к традиционному обществу, чем к последовательному либерал-капитализму англосаксонского образца. Обе модели объяснения мира — геополитическая и политэкономическая — довольно близки. По выводам они вообще совпадают, и каждый здесь может расставлять оценки как ему больше нравится, это не принципиально. Здесь важно следующее: Восток — это смысл (или созерцание), Запад — это действие. Это геноновский дуализм[2], противопоставление «системы событий», на которой настаивает Запад, «системе значений», к которой тяготеет Восток. Запад по мере абсолютизации своего культурного кода начиная с эпохи Просвещения последовательно выхолащивал содержательность действия. Восток же, напротив, всегда настаивал на созерцании. Синтезом был советский строй, где совмещались смысловая и событийная модели. Советская система рухнула, и сейчас действительно разверзлась бездна между смысловым Востоком (Евразией смыслов), между «рассветным познанием» (по выражению Сохраварди[3]) и пустой, фиктивной «системой событий» общества Спектакля. Событие само по себе есть эфемерная реальность, если оно не укоренено в смысле. Отсюда виртуализация зрелища.

Теракт 11 сентября 2001 года человечество наблюдало по CNN. Это типично для общества Спектакля, генеалогию и феноменологию которого описал Ги Дебор[4].

Однако в оценке терактов 11 сентября есть не только геополитическая, философская и социальная (социалистическая) интерпретации, но и еще одна, не менее важная —

---

[1] *Albert M.* Capitalisme contre capitalisme. Paris, 1989.

[2] *Генон Р.* Кризис современного мира. М., 1993; *Guenon R.* Orient et Occident. Paris, 1928.

[3] Конец света. М., 1997. См. также: *Дугин А.* Рассветное познание восточного шейха.

[4] *Дебор Ги.* Общество зрелищ. М., 1998. См. также: *Дугин А.* Ги Дебор мертв // Дугин А. Русская вещь.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 364 13.11.2012 15:33:04

экономическая. На ней и остановимся подробнее. Ибо то, что происходило накануне этих событий в американской, да и в мировой экономике в целом, в значительной степени идентично тому, что происходит в ситуации нынешнего глобального экономического кризиса.

Состояние американской экономики накануне терактов 11 сентября

Каковы экономические последствия терактов 11 сентября? Каков их экономический смысл? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вернуться немного назад. Что происходило в экономике Соединенных Штатов Америки накануне 11 сентября, непосредственно перед терактами? А происходили очень тревожные и значительные события. Американская экономика активно двигалась в сторону виртуализации. Биржа, как и перед наступлением нынешнего кризиса, была чрезвычайно перегрета. Отношение капитализации акций многих флагманов «новой экономики» к реальному росту прибылей составляло подчас сотни процентов, а в случае интернет-компании Yahoo достигало рекордной цифры в 1000%! Причем большинство компаний, формирующих индекс NASDAQ, являли точно такую же картину. Это означало, что биржевые ожидания держателей акций предприятий «новой экономики» (ими в современной Америке являются рекордные более 50% всего населения страны) порождают некий автономный мир развоплощенных финансов, где ценовые тренды полностью оторваны от хозрасчетного фундаментала традиционной капиталистической экономики[1].

Режим финансовых пирамид — в отличие от российских доморощенных версий, типа «МММ» или индустрии «свя-

---

[1] *Дугин А.* Эвапоризация фундаментала в новой экономике // Философия хозяйства. М., 2001.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 365 13.11.2012 15:33:04

того письма» — обосновывается изощренной логистикой манипуляций с общественным мнением, искусственным воздействием на коллективную психологию держателей акций, многочисленными ухищрениями самих компаний, затрачивающих львиную долю баснословных доходов не на реальное развитие бизнеса и технологий, но на презентации, изготовление и тиражирование имиджа, PR и т. д. Биржевая аналитика сама по себе постепенно превратилась в самостоятельный род PR-технологий. Щедро оплаченные «новой экономикой» эксперты предрекали ее безоблачный рост и «вечную стабильность» вопреки очевидным проблемам, которые постепенно нарастали как снежный ком. Зазор между реальным положением вещей в американской экономике и ее образом, который приобрел не только хозяйственное, но и политическое, более того — геополитическое значение, стремительно увеличивался.

Объективные статистические подсчеты показали, что повальная информатизация производства в целом представляет собой чисто имиджевую кампанию, поскольку реальному росту прибылей компьютеризация, внедрение высоких технологий и перманентный upgrade способствует только в очень узком экономическом секторе. В большинстве же случаев предприятий реального сектора информатизация либо вообще не сказывается на хозяйственной эффективности (и является простой данью моде), либо дает очень небольшой плюс, совершенно не сопоставимый с капитализацией соответствующих фирм, работающих на рынке информационных технологий и услуг. Держателей акций убеждали, что эффект проявится позже, и коммерческая эксплуатация ожиданий действительно оказывается вполне доходной. Однако на определенном пороге такой великолепно поданный рекламный и спекулятивно проиллюстрированный волюнтаризм не может не войти в конфликт с объективными хозрасчетными показателями.

Положение дел усугублялось еще и тем, что всё больше самостоятельности приобретали не просто биржевые опе-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 366 13.11.2012 15:33:04

рации с акциями, но бурный рост рынка деривативов — опционов, свопов, варрантов, фьючерсов, опционов на фьючерсы и т. д. Объем денежных средств, задействованных в этом секторе, постоянно возрастал, и на этом фоне цепной индукции всё более и более виртуальных операций с финансами сектор реального производства утрачивал свое значение, переставал играть весомую роль.

Так сложилась некая самопродуцирующаяся система «визуального капитализма», «визуального экономического роста», который существовал, скорее, в области пропаганды и обеспечивался подчас хитростями подсчета. Так, например, в цифру роста американского ВВП включались потенциальные затраты американцев на жилье, которые, однако, в реальности не производились в том случае, если это жилье было частным. Этот и многие другие примеры приведены у профессора А. Кобякова[1]. Названный автор, в частности, обращает внимание на введение так называемого «гедонистического индекса», призванного учитывать (довольно условно) «степень наслаждения» потребителя от приобретения какой-то вещи или услуги. Если бы те же самые процессы оценивались по критериям «старой экономики», с позиции рыночного фундаментала, то экономическая картина получалась бы куда более печальной, а развитие основных процессов вообще внушало бы самые серьезные опасения.

Неоэкономическая модель, развивающаяся в США и ставшая там главенствующей (Литвак дал ей название «турбокапитализм»), перешла таким образом некий рубеж, критический порог перегретости. Экономическая состоятельность флагманов американской (и, соответственно, мировой) новой экономики зависела от довольно эфемерных процессов. И при первом серьезном испытании — например, при требовании обращения критической массы

---

[1] Крах мировой финансовой системы. М., 2000 (коллективная монография).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 367 13.11.2012 15:33:04

акций в некий эквивалент из области реальной (старой) экономики, скажем, в товарное покрытие или в деньги — опасность тотального краха всей мировой финансовой системы, в той или иной степени связанной с американской экономикой и с долларом, становилась вполне конкретной и весьма вероятной.

Еще одним важным показателем является резкое увеличение в американской экономике сервисного сектора по отношению к производственному. В настоящее время около 30 % всех американцев, занятых в экономическом процессе, относятся именно к этой категории. Это яркое выражение виртуализации экономики, маргинализации основных секторов «старой экономики», явной переоценки автономного значения многообразных имиджевых структур.

Собственно производство, инвестиции в реальный сектор, не приносящий тех быстрых доходов, которые стали нормой в перегретых механизмах биржевой игры, напротив, не развивались, смещаясь в новые геоэкономические сферы — в Азию, Евразию, Латинскую Америку и т. д., где цена рабочей силы и отсутствие экологических стандартов позволяли создавать реальные товары, добывать и перерабатывать энергоресурсы в ином экономическом режиме, как бы на периферии виртуальной экономики, задействуя малый экономический потенциал, без особенных проблем извлекаемый из игры цифр.

Сложная ситуация складывалась и с долларом. Доллар как мировая резервная валюта является таким же геополитически важным элементом доминации США, как ядерное оружие, новые технологии и информационные сети[1]. При этом, будучи точкой пересечения глобальной геополитической стратегии (атлантизм) и экономического механизма хозяйствования самих США, доллар включал в себя и магистральные процессы американской экономики (в част-

---

[1] *Дугин А.* Геополитические аспекты мировой финансовой системы // Философия хозяйства. М., 2000.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 368 13.11.2012 15:33:04

ности — виртуализацию). Следовательно, рост зазора между реальным сектором и виртуальными финансами не мог не отражаться на геополитическом статусе Америки.

Перспектива введения наличных евро в Старом Свете, эмиссия которых Евросоюзом опиралась на экономические структуры конвенционального образца, приближенные к реальному, а не к виртуальному капитализму, не только подрывала «долларовый империализм», но ставила под вопрос геополитическую и экономическую мощь США. При отсутствии угрозы со стороны тогдашней «демократической» России и с учетом новых энергетических горизонтов, открывающихся перед Европой в свете беспрепятственного освоения ресурсов Евразии (минуя отлаженную модель снабжения из арабского мира под жестким контролем США), ситуация становилась для Вашингтона критической.

Аналогичные проблемы назревали и в геоэкономическом секторе Азии. Несмотря на рецессию и подъем Китая, Япония остается второй страной в мире по объему ВВП, а темпы роста Китая и экономическое развитие всего Тихоокеанского региона постепенно подводили к логической неизбежности эмиссии новой «тихоокеанской» валюты — «тихоокеанского юаня» или «новой йены». В этой геоэкономической области валютное обеспечение логически привязывалось бы к реальному сектору производства.

Автономизация Евразии — экономическая, ресурсная, а впоследствии политическая и стратегическая (особенно если в этом вопросе активную позицию заняла бы ядерная Россия) — на фоне стремительной «виртуализации» экономической мощи США (что не могло не сказаться и на их геополитическом статусе) создавало фундаментальную угрозу дальнейшей доминации США в планетарном масштабе. При этом «падение Америки», «the decline of the Great Power» (если вспомнить название апокалиптического бестселлера Пола Кеннеди[1]), становилось чем-то почти

[1] *Kennedy Paul.* The decline of the Great Power. New York, 1987.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 369 13.11.2012 15:33:04

неизбежным, особенно если предположить мирное и эволюционное развитие основных мировых процессов.

Последней солидной основой американской экономики, действительно и прочно связанной с реальным (а не виртуальным) сектором, а также с конкретикой геополитического контроля, был ВПК, где наличествовали реальное производство и технологическое развитие, реальные рабочие места и инвестиции. Этот сектор и представлял серьезный оплот американской экономики. Однако именно этот наиболее весомый, конкретный и адекватный модуль американской экономики в ходе мирного развития событий в эпоху после окончания холодной войны на глазах утрачивал свой raison d'être, свою оправданность, свою социально-политическую легитимацию. Он обеспечивал содержание американской мировой доминации, давал ей устойчивую базу, в то время как американская система виртуальных финансов — при всех ее гипнотических информационных атрибутах и PR-стратегиях — напротив, делала позиции США в мире более шаткими и уязвимыми, неся в себе серьезную угрозу скорой и необратимой катастрофы.

Ситуация усугублялась еще и тем, что США — в той мировой конфигурации, которую они приняли на себя, заняв позицию центра однополярной глобализации и став единственной «гипердержавой», — не могли сделать шаг назад и сузить пределы своего контроля до границ американского континента. Сталкиваясь с колоссальными трудностями, сопряженными с «мировым господством», США не могут и отказаться от него. Экономическая картина сложилась так, что важнейшие центры реального производства находились уже не только вне национальной территории США, но и вне Нового Света, а гигантская масса ничем (кроме геополитики и финансово-имиджево-информационной сети) не обеспеченных долларов, хлынув в США, мгновенно затопила бы экономику, породив гиперинфляцию. Иллюзия процветания США, тесно связанная именно с планетарным масштабом американского присутствия, могла бы

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 370 13.11.2012 15:33:04

рухнуть в одночасье. Безысходность ситуации отразилась тогда и в беспрецедентно жесткой президентской кампании: Буш-младший (ставленник ВПК) — Гор (выразитель интересов «новой экономики»). Предвыборное послание («message») Буша-младшего американскому народу состояло примерно в следующем: «США не способны более продолжать курс на перегрев экономической системы; продолжение втягивания США в процесс глобализации во взятом ритме может привести к катастрофе». «Message» Гора был иным: «США не могут не продолжать этого курса, поскольку в противном случае реакция на затормаживание этих процессов со стороны остальных стран похоронит Америку. Стоит только прекратить индуцировать виртуальную иллюзию экономического процветания — и все те, кто сегодня вкладывает в этот сектор реальные средства, начнут их оттуда выводить. Это повлечет за собой коллапс всей системы, что скажется в конечном итоге и на геополитическом статусе США. Следовательно, единственным выходом для Америки является продолжение активной глобализации». Самое интересное, что оба они были абсолютно правы...

Нетрудно было бы вычислить тот момент, когда мыльный пузырь такого состояния в экономике достиг бы критической точки.

Сделаем вывод: эффективная игра с финансовыми технологиями, дававшая краткосрочную иллюзию «экономического процветания» США, на деле маскировала собой уже тогда неизбежно назревающий коллапс всей хозяйственной системы, сопоставимый с биржевым крахом 1929 года и Великой депрессией. При этом сравнение показателей двух эпох —современной и конца 1920-х годов — убеждало в том, что нынешний кризис должен был бы стать намного более масштабным, особенно если учесть доминирующую роль США в планетарном масштабе и их геополитическую функцию «гипердержавы». В итоге это и случилось, но с отсрочкой в семь лет. Так обстояли дела с американской экономикой до 11 сентября 2001 года.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 371 13.11.2012 15:33:05

После 11 сентября 2001 года

Наступает 11 сентября 2001 года. Рушится здание Всемирного торгового центра, горит здание Пентагона. Всемирный торговый центр — символ экономической мощи США, Пентагон — символ стратегической мощи. Обе цели имеют символическое значение. Казалось бы, удар нанесен в самое сердце Америки. Продемонстрирована уязвимость США, которые позиционируют себя как гарант безопасности, стабильности, процветания для всех остальных стран — причем в первую очередь в экономическом, военно-стратегическом и социально-психологическом смыслах.

Однако жесткая и душераздирающая трагедия, транслируемая всему человечеству через сеть CNN, — угнанные самолеты, рухнувшие здания, паника властей и ужас населения, — оказывается миниатюрной и относительно безвредной, локальной ситуацией по сравнению с той планетарной катастрофой, которая рано или поздно должна была бы постигнуть США, если бы террористов не существовало в природе и события развивались в том же плавном и гладком русле, как до 11 сентября 2001 года.

Давайте посмотрим, что происходит через несколько дней на бирже? Индекс NASDAQ падает, но падает относительно плавно и постепенно. Конечно, многие говорят о биржевом кризисе, но у такого кризиса на сей раз есть внешнее оправдание — он не является выражением критического состояния самой американской экономики и, следовательно, носит преходящий, случайный, ситуативный, а не тотальный и системный характер. Иными словами, «новая экономика» получает важнейший концептуальный аргумент для того, чтобы несколько снизить зазор между виртуальным и реальным секторами хозяйства, сохранив свои имидж и привлекательность для держателей акций, а главное замаскировав катастрофический характер протекающих в ней процессов.

Следующий момент: какова качественная структура тех акционеров, которые играют после 11 сентября на «медве-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 372 13.11.2012 15:33:05

жьем» поле? Независимый экспертный анализ показывает, что речь идет о самих флагманах «новой экономики», тогда как рядовые держатели акций остаются прикованными к телеэкрану в ожидании «американского ответа» и решения судьбы бен Ладена. Введение чрезвычайного положения облегчает эту задачу. В этой ситуации было очень важно, кто именно сбрасывает акции, в каком режиме и под каким предлогом. Если бы на фондовом рынке и, соответственно, на рынке деривативов началась массовая паника, то в проигрыше остались бы сами компании, а рядовые держатели акций не особенно пострадали бы. Так произошло во время Токийского кризиса, когда рядовые акционеры практически не пострадали, а ситуация в национальной экономике серьезно ухудшилась.

В итоге: ситуация на фондовом рынке в значительной степени исправлена, по крайней мере коллапс тогда был отложен. Далее Буш-младший объявляет о необходимости чрезвычайных мер по преодолению в стране «экономического кризиса». Для этой цели выделяются спецсредства из бюджета — открыто продекларированная сумма составляет 92 млрд долларов, но она не покрывает всего объема. Реальные убытки, связанные с уничтожением WTC и крыла здания Пентагона, серьезны, но далеки от этих баснословных сумм. По всем критериям теракты никак не могут быть причиной «экономического кризиса». И тем не менее речь идет именно о нем. Это противоречие имеет только одну разгадку: «экономический кризис», и очень серьезный, действительно назревал в США задолго до 11 сентября 2001 года. Падение двух башен WTC временно спасло «новую экономику» США. Это была серьезная операция. В экономической области США смогли извлечь из трагедии серьезную и однозначную выгоду. Понятно, как связаны американская экономика и геополитика атлантизма. Удар по зданию Пентагона также оказался весьма на руку США, и особенно самому Пентагону. Отныне геополитическая и ядерная мощь США заново получили легитим-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 373 13.11.2012 15:33:05

ность — как в международной политике, так и в сознании самих американцев. Перед лицом новой угрозы, нового врага — «международного терроризма» (столь дерзкого и зрелищного врага) — оправданны новые расходы на вооружение, необходимость НПРО, развитие ВПК. Всё это в чисто экономическом смысле дает прекрасную концептуальную базу для того, чтобы придать новый импульс развития реальному сектору, ядру реального сектора американской экономики — ВПК.

С чисто теоретической, ультралиберальной точки зрения, решение задачи представляеся не совсем корректным, но мы знаем, что США в критических случаях всегда прибегают к подобному решению — разрубить гордиев узел по ту сторону экономической ортодоксии и неоклассики. Так было в эпоху New Deal Рузвельта, что позволило США выйти из Великой депрессии. Аналогичные результаты принесла конверсия американской промышленности на военный лад после Пёрл-Харбора. Когда же после окончания Второй мировой войны обратная реконверсия грозила поставить страну лицом к лицу с новой волной экономического упадка, как нельзя кстати оказалась холодная война. Геополитическая поправка на внешнюю угрозу уже неоднократно в XX веке выручала экономику США без того, чтобы корректировать либеральную теорию эксплицитно.

В международной сфере стратегическая роль США также укрепляется, поскольку очередное взимание Америкой «ядерной ренты» с союзных блоков Европы и Азии получает новый аргумент. Защищая себя от угрозы «международного терроризма», США защищает всех остальных, и, следовательно, «все остальные» должны платить за то, чтобы защитник был силен, могущественен и во всеоружии. Экономическая конкуренция между геоэкономическими зонами, грозившая перерасти в политические трения с Европой (оттуда рукой было подать до относительно автономной системы европейской, а в дальнейшем и евразийской безопасности), мгновенно в новой ситуации отступает

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 374 13.11.2012 15:33:05

на задний план, поскольку перед лицом «нового вызова» может быть интерпретирована как «косвенное пособничество международному терроризму».

После терактов Вашингтон получил возможность сказать Европе: «международный терроризм» начал вести с нами всеми третью мировую войну, и мы в наших отношениях переходим к логике военного времени. Именно это и имел в виду президент Буш-младший, когда в ультимативной форме заявил, что «все страны мира должны в этой критической ситуации определиться — с кем они в этот решительный час: с Вашингтоном или с международным терроризмом — или-или, и третьего не дано». Таким образом, логика третьей мировой войны приходит на помощь США именно в тот критический момент, когда их планетарная глобальная функция поставлена под вопрос. И здесь очень важно понять, что однополярному миру под единоличной гегемонией США накануне 11 сентября 2001 года угрожал не «международный терроризм», а естественная перспектива мирной и мягкой эволюции главных геополитических субъектов — Евросоюза, России, Китая, Индии, Ирана, Японии, стран Тихоокеанского региона и арабского мира — в самостоятельные, автономные структуры, образующие многополярный ансамбль. Не теракты, а отсутствие терактов более всего угрожало американской доминации, однополярному глобализму, создавая предпосылки альтернативного мироустройства, где США отводилась почетная, но отнюдь не главная роль. А для того геополитического и экономического состояния, в каком находилась Америка накануне 11 сентября, это было равнозначно катастрофе.

Важно обратить внимание также на тезис об экстерриториальном характере новой угрозы — «международного терроризма». Бен Ладен и его сподвижники (назначенные символическими фигурами, олицетворяющими «врага») не только не имеют строгой локализации, воплощая в себе не страну, державу, государство, народ, а лишь «политизированную секту», но и сама причастность этих фигур к злодея-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 375 13.11.2012 15:33:05

нию в Нью-Йорке и Вашингтоне является «плавающей» презумпцией, и может случиться, что виновником окажется кто-то еще. Такой экстерриториальный враг может при необходимости быть обнаружен где угодно, превращая любую территорию в зону прямого военно-стратегического вмешательства США. Так легализуется право прямой интервенции США в любой точке мира. Точно так же дело обстоит и с финансовыми сетями, которые могут прямо или косвенно сопрягаться с сообществом «международных террористов». Поэтому США как главная жертва и главный борец с «международным терроризмом» резервирует за собой право прямого вмешательства в финансово-экономические процессы. Причем экстерриториальность «преступника» подразумевает экстерриториальные (в данном случае глобальные) полномочия того, кто его преследует.

Ультиматум Буша-младшего относительно необходимости всем странам определить свою позицию, свой лагерь несет в себе прямую угрозу: «экстерриториальность врага», его расплывчатый статус, неопределенность его очертаний позволяют «проследить его связи» вплоть до любой страны, любого народа, которые хоть в чем-то проявят дистанцию от планетарной воли США, вступивших на тропу третьей мировой войны. В экономическом смысле это дает США невиданные привилегии.

Может сложиться впечатление, что демократические нормы остановят Америку в осуществлении прямой доминации, удержат от злоупотребления теми инструментами — в том числе моральными и правовыми, — которые оказались у них в руках после событий 11 сентября. Однако следует рассматривать ситуацию реалистично: США давно тяготятся «демократическими» институтами (особенно в международной сфере, где они являются рудиментами исчезнувшего Ялтинского мира). В какой-то момент либеральная экономическая модель и сугубо американская система ценностей могут взять на вооружение методики, имеющие с демократией довольно мало общего, что вскоре

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 376 13.11.2012 15:33:05

и было продемонстрировано США в Ираке, где легальный политический режим был уничтожен, законный руководитель повешен, а страна лишена суверенитета, оккупирована и разрушена.

Если трезво взвесить, где исток и каково происхождение угроз, существовавших для США накануне терактов (особенно в экономической области), то мы увидим, что они концентрировались именно в тех странах, которые сегодня вовлечены в антитеррористическую коалицию на стороне США. Следовательно, объявляя третью мировую войну против «терроризма», США на практике расправились со своими реальными конкурентами. Иными словами, целью этой войны стали вовсе не те силы, которые обозначены в качестве противника, а те, которые, наоборот, выступали в роли союзников и партнеров.

Удивительно, но нечто подобное мы видим и в самой концепции «врага». Этим врагом были объявлены те силы, которые по происхождению, масштабу и геополитическому потенциалу не только не представляют для США серьезной угрозы (в геополитическом или экономическом смысле), но являются довольно эффективным инструментом американской политики в региональных конфликтах, начиная с противодействия СССР в период Афганской войны и заканчивая дестабилизацией положения в Средней Азии и на Кавказе, направленной против стратегических интересов России и Ирана. Более того, избирая в качестве главного противника единственной и не имеющей сегодня равных гипердержавы периферийное и довольно маргинальное явление, некогда оснащенное и выпестованное в недрах самих американских и английских спецслужб, США невероятно поднимают статус этой силы, дают ей тот геополитический вес, который она сама по себе не приобрела бы ни при каких обстоятельствах.

Возводя фиктивный, с геополитической и экономической точек зрения, полюс в разряд реального и наиболее опасного, США смогли под вполне благовидным предло-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 377 13.11.2012 15:33:05

гом требовать от своих реальных конкурентов (оказавшихся в роли невольных союзников) уступок в тех сферах, которые были наиболее чувствительны для сохранения и укрепления американской гегемонии. Такого рода требования руководители большинства крупных мировых держав или блоков государств получили сразу после 11 сентября. В каждом конкретном случае эти требования были сформулированы по-разному.

Евросоюзу и американским стратегическим партнерам США в Тихоокеанском регионе (Япония и т. д.) было предложено затормозить выход из долларовой зоны и диверсифицировать валютные вклады, а также оплатить военные расходы коалиции. Вместе с тем недвусмысленно предлагалось забыть о повышении политической или геополитической самостоятельности, об альтернативной модели глобализации, о многополярном мире.

России пригрозили экономическим давлением и зачислением в разряд стран-париев, потребовав ослабить стратегическое присутствие в странах СНГ (особенно в Средней Азии) и в кратчайшие сроки ликвидировать военные базы времен холодной войны за пределами собственно российской территории. Руководство Китая было проинформировано относительно назревающих проблем в Синьцзяньуйгурском округе и т. д. Отдельные ультимативные поручения получили страны СНГ, где описывался баланс новых отношений с США как главным субъектом мировой политики, отвечающим — в том числе стратегически и экономически — за своих «партнеров по коалиции» (особенно из числа слабых). Все вместе страны «многополярного клуба» получили настойчивое и жесткое предложение распустить этот клуб как можно скорее.

Выбор Афганистана как плацдарма для ответа также прекрасно вписывается в американскую логику. Эта страна расположена в центре Евразии, ее окружение — Россия, Китай, Иран, Пакистан, Индия, среднеазиатские государства СНГ — составляет остов потенциального евразийского бло-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 378 13.11.2012 15:33:05

ка, который более всего заинтересован в многополярном мироустройстве и более всего выигрывал бы в случае ослабления США и ухода их с позиции единоличной мировой доминации. Афганистан — удобная площадка для того, чтобы ввести главные державы потенциального «Евразийского блока» в чрезвычайный режим, в зону повышенной напряженности, в перспективе распространяя на них очаги нестабильности, зоны войн малой и средней интенсивности.

Могли ли Россия и другие континентальные державы отказаться от ультиматума США после событий 11 сентября 2001 года? Теоретически могли. Но это означало бы переход в стадию прямой конфронтации с США. Причем российское руководство должно было бы в кратчайшие сроки — молниеносно — усвоить и тотально признать как свою единственную и безальтернативную политическую и геополитическую платформу Евразийскую Идею. Процесс освоения этой идеи шел и так достаточно интенсивно, тем более что сама логика событий накануне 11 сентября подталкивала российскую власть к такому выбору. Однако неверно считать, что этот выбор уже был сделан, все ключевые решения приняты, а стратегические планы приведены в строгое соответствие с тем, чтобы в критический момент начать действовать по строго евразийской модели. Для того чтобы хотя бы немного дистанцироваться от США в столь критической ситуации, необходимо было быть законченными и последовательными евразийцами.

Столь же не готовыми к прямой и жесткой конфронтации с США, спасающими свою планетарную позицию, оказались и остальные геополитические игроки. Соответственно, и консолидированной позиции между этими «недозревшими» до последовательного евразийства субъектами в кратчайшие сроки и под жестким американским прессингом выработано не было.

Для того чтобы в экстремальной ситуации Россия могла реагировать иным образом, должна была бы существовать совершенно иная структура власти. В спокойном эволюци-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 379 13.11.2012 15:33:05

онном режиме Путин двигался в этом направлении; к этому вели объективно и процессы в Европе, Иране, Китае, Индии, Японии, арабских странах. Однако события произошли с опережением. И это оказалось фатальным.

Когда сегодня говорят о третьей мировой войне, это в целом правильно. После терактов 11 сентября 2001 года Америка объявила миру войну. Войну не просто «холодную», а с «горячими» элементами. Участники в этой войне не выбираются, не определяются свободно. Все крупные геополитические силы получили настоятельное предложение соучаствовать в афганской операции вслед за США. Но поскольку именно те страны, которым предлагается «двигаться вслед», и являются настоящими геополитическими, геоэкономическими и геостратегическими конкурентами (потенциальными противниками) Соединенных Штатов, то это было равнозначно предложению о полной и безоговорочной капитуляции.

Чисто теоретически можно представить себе евразийский сценарий реакции России, Европы, Китая, Японии, Индии, Ирана, арабских стран на военную акцию США в Афганистане. 12–13 сентября созывается экстренная конференция стран–сторонников многополярного мира. Проводится срочный саммит глав стран СНГ. Вырабатывается общая стратегия пацифистского решения конфликта. Осуждается терроризм, с напряжением всех спецслужб разыскивается бен Ладен и передается США. Америке оказывается мощная экономическая и гуманитарная помощь. Начинается активная кампания под эгидой ООН «за лучший мир», за «мир без террора», проводятся фестивали, симпозиумы, осуждается и искореняется «исламский радикализм». И мы возвращаемся к ситуации до 11 сентября 2001 года. Само по себе так произойти не могло. Чтобы так случилось, необходимо было заранее отработать всю инфраструктуру, систему взаимодействий, ясную геополитическую и экономическую стратегию в случаях столкновений с серьезными, судьбоносными вызовами.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 380 13.11.2012 15:33:05

Эти соображения подводят к неизбежному заключению: время для проведения терактов, манера их осуществления, форма трансляции катастрофы, выбор целей и исполнителей — всё было идеально выверено с тем, чтобы добиться заведомо поставленных и идеально просчитанных целей. Теракты произошли как раз в тот момент, когда США стояли на пороге скрытого экономического, геополитического и стратегического коллапса. В результате терактов, в ходе продуманной и великолепно рассчитанной реакции на них Америка фактически смогла предотвратить этот коллапс, решив блестяще (в свою пользу) и одновременно целую серию сложных экономико-геополитических уравнений с основными игроками мировой политики. При этом состояние самих игроков и степень консолидированности их позиций оказались таковы, что не смогли серьезно помешать осуществлению американских планов. Все слишком идеально сходится, чтобы списать это на совпадение, случайность или молниеносную геополитическую реакцию американского руководства, сумевшего в считанные часы оправиться от шока и прореагировать с гениальной находчивостью.

Если рассмотреть ситуацию геоэкономически и геостратегически, то становится очевидной несостоятельность нескольких моделей толкования происходящего, с которыми мы приоритетно столкнулись в СМИ.

Первое: абсолютно неправильно трактовать происходящее как столкновение цивилизаций, как конфликт «христианских» стран с «исламом». США — страна не христианская, а ислам настолько разнороден, что говорить о единой цивилизационной позиции исламских стран неверно, тем более что исламский радикализм, которому инкриминируется ответственность за теракты, представляет собой маргинальную ересь реформаторского (салафитского) толка. Поэтому переносить ответственность на, кстати, так точно и не установленных авторов теракта — на мусульман как таковых — совершенно неправомочно.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 381 13.11.2012 15:33:05

Второе: совершенно не очевидна и не доказана личная вина бен Ладена. Этот саудовский миллионер, воспитанный и оснащенный ЦРУ, встречавшийся с представителем ЦРУ в Дубае в ОАЭ еще в августе 2001 года, просто «назначен» на эту роль. И нельзя исключить, что речь идет об искусственном повышении его статуса и роли в среде радикального ислама в перспективе его дальнейшего использования в американских стратегических интересах. Миф об экономическом всемогуществе бен Ладена и вовсе несостоятелен — отследить движение серьезных капиталов в современной финансовой системе не составляет труда, а в каждой террористической или радикальной группировке осведомителей всегда найдется с избытком.

В-третьих: понятие «международный терроризм» является геополитически бессодержательным. Жизнь и политическая, экономическая и религиозная реальность гораздо сложнее, нежели примитивные, в духе американских вестернов, деления всех на «good guys» и «bad guys». Если люди и прибегают к террору, то исходя из определенных социальных, экономических, геополитических и иных причин. И остаются людьми и носителями определенных тенденций, имеющих истоки, логику и объяснение, а не абстрактными «bad guys». Всё это очень важные, значимые вещи. Крайне важно понять глубинные, философские основания и нынешнего кризиса, ибо это тот же самый кризис, несколько отложенный терактами в 2001 году. Необходимо понять, что же действительно произошло тогда, в каком мире мы живем сейчас и с чем нам еще предстоит столкнуться?

Что же это за зловещая дата — 11 сентября 2001 года?

Речь идет об очень глубоких, судьбоносных, фатальных, поворотных исторических, онтологических и эсхатологических реальностях. Эти события имеют множество толкова-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 382 13.11.2012 15:33:05

ний — геополитических, геоэкономических, социально-политических, технических и т. д., но они также имеют глубинный цивилизационный характер. Это не поход Севера против Юга, Запада против Востока, богатых против бедных и т. д. Это «крестовый поход» Соединенных Штатов Америки против всех остальных — против Евразии. И США в данном случае уже тоже не только страна, не только нация, не только государство, но авангард и резюме особой цивилизации, результат развития европейской постпросвещенческой истории и пик либерально-капиталистической системы. Это мировой символ, который кто-то может воспринимать как «глобальное добро», а кто-то как «глобальное зло» (но истинно что-то одно — либо то, либо другое). Это вопрос веры, наших собственных истоков, нашей самоидентификации.

Сегодня мы пребываем в самой гуще битвы архангела Михаила с дьяволом — это очевидно и не подлежит сомнению. Под вопросом другое: кто выступает в одной и в другой роли? Ведь каждый из участников битвы оценивает себя как «good guy», а свою родину — как «империю добра», сражающуюся против «империи зла».

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ В ИРАКЕ

Тема причин и последствий войны в Ираке часто трактуется в довольно упрощенном экономическом ключе: какой будет динамика цен на нефть, как скажется она на инвестициях в фондовый рынок и каким будет экономический рост США в очередном году? Однако есть и более глубокая трактовка как последствий, так и причин этой войны.

Попытаемся взглянуть на этот вопрос в более широком контексте: как война США в Ираке вписывается в логику развития американской экономики в последние десятиле-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 383 13.11.2012 15:33:05

тия и чем она может — или призвана — стать в русле дальнейших ее этапов?

Первое, что следует постоянно иметь в виду: экономическая мощь США, которой эта страна достигла к концу XX в., является выражением сложной системы исторических факторов, включая геополитику, стратегию, культуру, дипломатию, социально-политическую систему, цивилизационные тренды. Иными словами, экономика США является лишь одной из сторон в многомерном процессе возвышения Америки в ранг гипердержавы (если учесть, что «первоклассных держав» было много, «супердержав» — две, гипердержава — одна). Да, это наиболее понятная и наглядная форма процветания и превосходства, но отнюдь не единственная и не главная.

США шли к своему расцвету и к глобальному доминированию долго и последовательно. На одних этапах экономика была мотором, на других в дело вступали иные факторы — в том числе те, что способствовали борьбе с экономическими кризисами. Так, из Великой депрессии американскую экономику вытянули кейнсианство и New Deal Рузвельта. Можно сказать, что это было прямым вмешательством государства, обращением к плановой экономике и элементам «национального социализма». После Второй мировой войны, когда все экономисты предсказывали новый коллапс в результате реконверсии военной промышленности в мирную индустрию, холодная война снова спасла ситуацию, продлив оборонный заказ на неопределенное время. Это очень важное обстоятельство: экономика и государство в США — несмотря на декларации либеральных теоретиков — далеко не так уж и разведены. В сложной ситуации они приходят друг другу на помощь ради высшей цели, которой является мировое возвышение Америки.

После падения СССР экономика США оказалась в новой ситуации: исчезновение главного геополитического противника лишало руководство страны определенного оперативного простора. Отныне международная ситуация

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 384 13.11.2012 15:33:05

была такова, что экономическое процветание должно было достигаться преимущественно экономическими средствами. Иными словами, Белый дом терял важнейший аргумент — образ врага, — к которому можно было прибегнуть всякий раз, когда собственно экономические процессы подходили к критической черте. А эта черта в конце прошлого века была не далеко: перегретый фондовый рынок, огромный дефицит торгового баланса — всё это было чревато новой Великой депрессией. Причем эти явления в значительной степени возникли именно как побочный эффект американской геополитической стратегии в мировом масштабе, другими словами, как экономический инструментарий политического могущества. Резкое изменение в политической структуре мира столь же резко меняло и их экономический смысл.

В такой ситуации Америка нуждалась в новом образе врага. Эта потребность обосновывалась не просто кровожадностью американских ястребов, но вытекала из самой структуры американской экономики. Наличие внешнего «врага» должно было стать инструментом «патриотической мобилизации» граждан, аргументом в политико-экономических договоренностях с различными союзниками США в мире, обоснованием сохранения и увеличения военного бюджета, при необходимости — оправданием для чрезвычайных мер, в том числе и в экономической сфере.

Но, в отличие от СССР и восточного лагеря, чей «враждебный» характер был очевиден и подтвержден идеологически и исторически на протяжении долгих десятилетий, «новый враг», столь необходимый США, должен был доказать свою состоятельность — в противном случае этот миф не подействовал бы.

В 2001 году основные экономические показатели в США достигли критически низких отметок, что грозило обвалом всей системы. В этот момент и случились трагические события в Нью-Йорке, после которых имя бен Ладена стало известно всему миру. Образ врага был явлен, и мас-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 385 13.11.2012 15:33:05

штаб произведенных им злодеяний впечатлял. Последовавшие за этим действия Вашингтона развертывались по привычному сценарию — выделение новых средств на оборону, военная операция в Афганистане, новые аргументы со стороны США, для того чтобы союзники и противники выстроились в фарватере американской политики, в том числе и в вопросах экономики. Поскольку война с талибами и бен Ладеном была представлена как операция по обеспечению безопасности всего человечества, то экономические и стратегические издержки возлагались и на союзников — Европу, Японию, Россию.

Постепенно Афганистан исчерпал свое геополитическое значение, и сейчас на повестке дня — поиск нового врага. Из членов обозначенной Джорджем Бушем «оси зла» (Ирак, Иран, Северная Корея) Ирак был наиболее простой целью. С него и решено было начать. Война в Ираке была призвана реактуализировать образ врага, придать ему конкретное измерение, новую жизнь. Враг нужен был США не для того, чтобы его победить, но для того, чтобы с ним бороться. *США нужна война как процесс.*

Если отвлечься от краткосрочной экономической конъюнктуры, независимо от того, какой будет, в конце концов, цена на нефть, война в Ираке призвана решить очень серьезные экономические проблемы Америки. Война основательно отвлечет внимание американцев от положения дел в экономике; повышение госзаказа в военной индустрии создаст тысячи новых рабочих мест, даст импульс развитию высоких технологий. Война санкционирует при необходимости даже чрезвычайные меры. А если представить себе, какова цена мирового господства и его экономического обеспечения, то станет понятно, почему такими мелочами, как нестыковки в связях Саддама Хусейна с «Аль-Каидой», международные протесты и противоречия в отчетах экспертов, вполне можно пренебречь.

Американская экономика сегодня переживает более серьезный кризис, чем может показаться на первый взгляд.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 386 13.11.2012 15:33:05

Этот кризис не поверхностный, но системный. Он связан в том числе и с новым статусом Америки как гипердержавы, который требует не просто продолжения старых приемов господства, но их качественно нового уровня. Сегодня трудно сказать, справятся ли США с этой задачей, но очевидно, что без «врага» и «войны» они с ней не справятся точно.

ЧТО ДЕЛАТЬ, КОГДА МОДЕРНИЗАЦИЯ ОЗНАЧАЕТ КОЛОНИЗАЦИЮ: КАЗАХСТАН, РОССИЯ, УКРАИНА

Классическая экономическая модель, доминирующая сегодня — это модель либеральная. Она исходит из того, что формат экономического развития является универсальной категорией, одинаковой для всего человечества и его любых географических сегментов. Согласно ей, если какое-то общество является экономически «менее развитым», то ему предстоит движение по той же самой классической траектории, которую прошли «более развитые» страны. Возникает одномерная модель экономического развития, которая предполагает градацию или иерархизацию различных экономических структур, обществ, хозяйственных систем по количественному критерию: «недоразвитые», «развитые», «высокоразвитые».

Согласно этой модели, в экономике можно выделить три уровня или три фазы экономического развития: доиндустриальное общество (акцентированное на аграрном секторе, в котором еще не произошла модернизация и индустриализация); индустриальное общество промышленного типа (в котором происходят модернизация и индустриализация) и постиндустриальное, информационное, постмодернистическое общество (о котором на Западе заговорили в 1960-е годы).

Все эти этапы сегодня прошла только одна часть человечества — Запад (европейское и американское человечество),

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 387 13.11.2012 15:33:06

который в 1960-е годы завершил модернизацию или стал подходить к ее качественному пределу, к пороговому уровню процесса, переходя в постиндустриальное состояние.

В значительной степени конкуренция экономических систем — советской и западной — пришлась на очень тонкий ключевой исторический момент: Запад уже перешел на постиндустриальный уровень, а Советский Союз еще находился в состоянии модернизации, то есть в СССР модернизация и индустриализация не дошли до того порогового значения, в котором происходит качественный скачок. Когда Хрущёв говорил, что мы должны построить коммунизм не позже 1980-х гг., он, в принципе, говорил довольно разумную вещь. На самом деле коммунизм был своего рода советской версией постмодерна, которая не осуществилась, а вот аналог коммунизма на Западе, в либеральной системе, наоборот, нашел свое воплощение — это «новая экономика», экономика постмодерна, существенным образом отличающаяся от экономики модерна. Признаками экономики постмодерна являются: делокализация промышленных производств и вынесение их в страны «третьего мира», занятость большого количества населения в непроизводственном секторе (например, в США 70% населения занято в третичном, непроизводственном секторе — это парикмахеры, адвокаты, клерки, то есть в сфере услуг), переход к информационным технологиям, которые изменяют многие нормативы капиталистического производства.

В современной системе, в глобальном пространстве одновременно сосуществуют три экономических уклада: экономика постмодерна, которая воплощена в экономике США и Западной Европы; страны, которые двигаются по пути модернизации, но еще не дошли до ключевого порога (к ним относятся Россия, Турция, Китай, Иран, Казахстан и многие другие страны СНГ), и сектора премодернистического общества, которые участвуют в общем разделении труда, но в основном пассивно, не принося никакой экономической прибыли, и в экономическом смысле могут быть приравнены к экосистеме.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 388 13.11.2012 15:33:06

В чем смысл евразийской экономической теории

Евразийский подход к экономике начинается с принципиального закона, открытого немецким экономистом конца XIX века Фридрихом фон Листом. Он гласит, что при столкновении более развитого, индустриального общества с менее развитым, прединдустриальным или недостаточно индустриальным обществом произойдут максимальный взлет общества, находившегося в более развитом состоянии, и обнищание и деградация «отстающей» экономической системы. Иными словами, прямой контакт более модернизированной системы хозяйства с менее модернизированной не приводит к их уравниванию, а приводит к тому, что более модернизированная, более богатая часть становится еще более богатой, а менее развитая становится еще беднее. А поскольку в этой бедной зоне происходит диспропорциональное развитие экономического сектора, она становится сырьевым придатком, что, по сути, приводит к ее колонизации.

Фридрих Лист основывал свою «теорию неравновесия» или «асимметричной модернизации», ссылаясь на опыт Германии и Англии XIX века. Англия была тогда главным апологетом свободного рынка, Германия же была более архаичной, консервативной страной с меньшим уровнем индустриализации. Многие немецкие либералы того времени предлагали сблизиться с Англией, вступить с ней в экономический союз для модернизации немецкой экономики, на что Фридрих Лист отвечал: если Германия в актуальном состоянии полностью откроет экономические границы Англии, то она превратится в самую настоящую европейскую колонию. В ответ на требования модернизации менее развитой Германии по отношению к более развитой Англии Фридрих Лист предложил идею объединения Германии в таможенный союз со странами, имеющими сходный тип экономики (то есть с другими германскими странами), одинаково развитыми в культурно-социально-политическом

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 389 13.11.2012 15:33:06

аспекте. Эта концепция была воплощена в жизнь, в результате чего в экономике возникло понятие «немецкого экономического чуда», которое случалось в истории несколько раз: при Бисмарке (Бисмарк принял концепцию фон Листа), при Вильгельме и в период национал-социализма в Германии, при котором была повторена листовская модель. Кстати, российский экономист Сергей Витте был сторонником концепции Фридриха фон Листа: он перевел его книгу «Экономический национализм» и написал к ней предисловие.

Применительно к ситуации постмодерна и глобализации этот принцип также работает, но сегодня мы находимся в другой ситуации. Существует западная ультралиберальная экономика, развитая на уровне постмодерна, которая обращается со своей методологией к другим странам, предлагая развить и постмодернизировать эти страны. Это «новая экономика», которая предлагает себя в качестве цели и инструмента для экономического рывка, для перехода стран из индустриального состояния в постиндустриальное. И здесь возникает ситуация, симметричная ситуации XIX века, проанализированной Фридрихом фон Листом. Только если раньше в качестве объекта колонизации выступали страны с преимущественно домодернистической экономикой, то сегодня объектом эксплуатации постмодернистических систем становятся сами индустриально развитые страны. В них переносятся производства (как в зону Азиатско-Тихоокеанского экономического содружества), там эксплуатируются не только ресурсы, но и человеческий труд и возникает аналогичное явление колонизации на новом этапе.

Евразийская экономическая мысль начинается с утверждения, что глобализация есть не равномерная постмодернизация экономического пространства планеты, а процесс колонизации одной частью человечества (одной технологической системой) другой, менее развитой. Внедрение постиндустриальных технологий в опекаемое общество не ведет

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 390 13.11.2012 15:33:06

к реальному развитию его экономической и хозяйственной систем, а, наоборот, предполагает их деградацию и потерю ими конкурентоспособности.

Здесь существует принципиальный вопрос. Евразийская экономическая теория утверждает: даже если такие страны, как Россия, Казахстан, Турция, Китай, Иран, Индия и Пакистан, обречены на экономическое развитие в том же самом универсальном ключе, что и страны Запада, если они должны повторить экономический переход от экономики модерна к экономике постмодерна, от индустриального к постиндустриальному обществу, то им следует проделать это самостоятельно. В противном случае их конкурентоспособность и реальный инструментарий модернизации будут потеряны и подменены так же, как в колониальных системах, навязыванием симуляционной модели, лишь внешне выглядящей как развитие, а на самом деле приводящей к одностороннему, локальному развитию сфер «новой экономики» и к регрессу и архаизации всей экономической системы. Это мы наблюдаем в сегодняшней России.

В конце 1980-х годов советское руководство заметило, что для дальнейшей модернизации внутренних ресурсов у СССР нет, и обратилось за помощью к Западу, у которого эти ресурсы были. В результате либеральных реформ, то есть попыток спроецировать западные постиндустриальные модели на российскую почву, мы пришли к утрате тех стартовых позиций, с которых начинали. То есть процесс модернизации не был ни продолжен, ни развит, он был оборван и отброшен, вследствие чего сегодняшняя российская экономика является экономикой премодерна. Наш высокий потенциал, наши модернистические индустриальные технологии находятся в упадочном состоянии, наш бюджет наполняется из экспорта углеводородов, причем сырых ресурсов, потому что у нас до сих пор нет приличных НПЗ на экспортных терминалах. Это классическое подтверждение модели Листа: столкновение экономики, находящейся в ситуации модерна, с экономикой, находя-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 391 13.11.2012 15:33:06

щейся на следующей стадии постмодерна, не приводит к естественному развитию этой экономики и качественному скачку, а приводит к ее деградации и уничтожению. Другими словами, начинается процесс колонизации более развитой системой менее развитой системы с обрушением тех элементов, которые ранее служили модернизации хозяйственной системы. Это фундаментальный закон евразийского подхода к экономике, который предлагает отложить глобализационный проект, то есть отказаться от стремительного перехода к постмодернистическому режиму, пока постепенно не осуществлена естественная модернизация с сохранением собственной экономической, социальной и политической идентичности. Но это невозможно сделать в одиночку.

Россия пыталась конкурировать с западным проектом на своем специфическом пути, этот путь оказался неэффективен, он привел в тупик. Сегодня мы стоим перед следующей проблемой: дальнейшее втягивание России и стран Азии напрямую в процесс глобализации приведет к архаизации и деградации экономического уклада и не будет являться настоящей модернизацией, не приведет нас к постиндустриальному обществу по естественной логике развития. Вместе с этим мы не можем и закрыться от этого процесса, не можем не отвечать на него, не можем отвернуться от глобалистской экономики. Нам нельзя принять глобализацию, но нам нельзя принять и изоляционизм.

Этот парадокс, как и в эпоху Фридриха Листа, решается через концепцию таможенного союза. В свое время Фридрих Лист понимал, что Германия в одиночку не справится с задачей модернизации и сможет осуществить ее только в рамках большого пространства («автаркия больших пространств», по Листу). Экономическая концепция «большого пространства» является принципиальным элементом экономической модели Листа, и сегодня самое время применить ее к нашей конкретной ситуации.

Что мы получаем в качестве главного ориентира, главной рекомендации со стороны евразийского подхода?

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 392 13.11.2012 15:33:06

В мире есть зона, находящаяся исключительно в рамках постиндустриального уклада (это, в первую очередь, США). Европейская зона представляет собой общество переходного типа, существенно отличающееся от американского: это общество, которое в экономическом смысле пока только переходит от высокого модерна к постмодерну. Отсюда трения между США и Европой и зазор между социал-демократической экономической моделью континентальной Европы и чисто финансовой «новой экономикой» США. И здесь мы видим, что есть определенная градация в рамках самого постиндустриального общества, которая имеет географические и культурные черты. Интересно, что разделение проходит по оси Запад–Восток: Европа восточнее, чем США, поэтому она чуть-чуть и замедлена во времени относительно логики американского экономического развития.

Восточнее Европы простирается Евразия — Россия, страны СНГ, страны, близкие нам по стилю, по культуре, — такие, как Турция, Иран, Индия и Китай. Это общества, находящиеся в другой эпохе, живущие в ином пространстве, в ином историческом моменте. В экономическом отношении они находятся в состоянии незавершенной модернизации, причем каждое по-разному, но все они не завершили свой модернизационный индустриализационный проект. И логика евразийской мысли, вооруженная концепцией «автаркии больших пространств», подсказывает нам выход. Если это так, то следует объединить зону евразийского материка, населенного народами, находящимися в стадии незавершенной индустриализации, в некий единый организм, создать единый рынок, единую экономическую систему — пусть она будет отличаться по ряду параметров и от европейской и тем более от американской модели. Если мы создадим проект евразийской интеграции, то неконкурентоспособность, присущая каждой из этих стран поодиночке, сойдет на нет. Задача состоит в том, чтобы объединить наши экономические усилия и создать ту зону,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 393 13.11.2012 15:33:06

которая обеспечивала бы интеграцию и даже глобализацию, но в региональной форме — в форме *континентальной глобализации*.

В евразийском регионе находятся общества с приблизительно одинаковым типом экономического развития, со сходной азиатско-европейской психологией, потому что чисто азиатскую психологию уже сложно найти, ибо Европа, западноевропейская культура проникла уже не только в Россию, но и в Турцию, Индию, отчасти в Иран. Существуют определенные параметры, которые дают основания для социально-политической, психологической и экономической близости между нашими странами. Евразийская идея предлагает интегрировать это пространство в самостоятельную зону: у одних большие ресурсы, у других демография, у третьих интеллектуальный потенциал, у кого-то есть сильные мессианские идеи (иранской идентичности, турецкого национализма, русской идеи и т. д.). Евразийская идея предлагает интегрироваться не против Европы, не против США, не против кого бы то ни было, но как определенное экономическое пространство, требующее постепенного, без утраты собственной идентичности и без срывов, *модернизационого проекта*. Если мы придем к консенсусу относительно этой позиции со стороны политической элиты евразийских государств, мы сможем предложить конкретный проект той же самой Европе. Европа будет заинтересована по многим вопросам иметь дело именно с таким экономическим субъектом, в отличие, например, от интеграции в нее Турции или других стран. И тогда многие вопросы будут сняты.

Однако создание таможенного барьера между нами и развитыми экономиками Запада совсем не значит, что мы должны поставить там стену. Таможенный барьер — вещь полупрозрачная: мы будем потреблять и импортировать то, что нам надо по модели патернализма, но патернализма не национального (это мы уже проходили, это не действует), а по модели *континентального патернализма*. Речь идет

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 394 13.11.2012 15:33:06

о патернализме экономики, выведенном на уровень выше, чем сугубо национальные эгоистические интересы; это патернализм масштаба материка. Именно эти модели в самой Америке и дали эффект экономической инсуляции, как писал Кейнс. И именно кейнсианство всегда служило прибежищем американских экономистов в сложных ситуациях. Модель кейнсианства для Евразии или экономическая доктрина Монро для Евразии — это принцип евразийской экономической модели, о которой мы говорим.

Российско-казахстанское экономическое партнерство: энергетика

Наиболее близко к созданию реального таможенного союза подошли Россия и Казахстан. Особенный взаимный интерес вызывает энергетическое партнерство. Совокупный экспортный потенциал углеводородов России и Казахстана составляет внушительную сумму и лакомый кусок для всех потребителей. Идея российско-казахстанского евразийского партнерства заключается в том, чтобы осмыслить факт контроля над такими серьезными энергоресурсами не как элемент сиюминутной прибыли. Мы знаем, что Советский Союз несколько раз срывал настоящие революции третьего мира, которые назревали в сложные для Запада 1970-е годы, когда страны ОПЕК сокращали нефтяные поставки до такой степени, что фактически ставили ультиматум западной экономике. А Советский Союз всякий раз, преследуя свои довольно сиюминутные интересы, предавал эту борьбу стран третьего мира против эксплуатации Запада, приходя ему на помощь увеличением собственной добычи. Современная Россия действует в том же ключе, подыгрывая постмодернистическому, постиндустриальному заказчику, и Казахстан вынужден поступать точно так же, исходя из сиюминутных требований. Если в этой сфере возобладает более глобальный подход, более далекая исто-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 395 13.11.2012 15:33:06

рическая перспектива, если Россией и Казахстаном будут поставлены более фундаментальные цели, учитывающие исторический момент, то альянс России и Казахстана в области энергодобычи и маршрутов поставки энергоресурсов может стать важнейшим геополитическим козырем, который компенсирует недостатки наших стран в других секторах экономики. Это еще не делает нас конкурентоспособными, но это делает нас более уважаемыми и заставляет относиться к нам более серьезно, чем сейчас, исходя из холодных цифр нашего ВВП. Да, наш ВВП растет, раньше лучше, сейчас, в условиях мирового глобального кризиса, хуже, товарооборот растет, но не будем забывать, что по сравнению с постиндустриальной экономикой — это ничтожные цифры. Весь потенциал обществ, находящихся в стадии модернизации, — это смешная сумма по сравнению с теми цифрами, которыми оперирует «новая экономика», и, значит, нужно искать новые инструменты, новые модели оценки и ревалоризации того потенциала, который имеем.

Сегодня российско-казахстанское партнерство в области энергоресурсов все еще рассматривается либо как конкуренция, либо как регулярное улаживание тарифов. Пока еще далеко до полноценной братской стратегии наших стран, пока это в основном рыночно-спекулятивный подход. Если мы возвысимся над сиюминутной рыночной конъюнктурой и поймем, в чем состоит историческая задача, стоящая перед Казахстаном и Россией, мы поймем, что мы должны немедленно встать на другой уровень и разработать консолидированную стратегию по установлению тарифов и выбору маршрутов доставки. Но и этого будет мало.

Если мы будем действовать как конкурент ОПЕК или как некий дополнительный модуль, который всегда приходит на помощь Западу в стремлении опустить цены, это будет не самая хорошая игра. ОПЕК и энергодобывающие страны постепенно должны осознавать (как пролетариат в марксистской модели) свое революционное значение. Конечно,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 396 13.11.2012 15:33:06

пока мы, ресурсодобывающие страны, являемся придатком, эксплуатируемым ресурсопотребляющими странами. Но если ресурсодобывающие страны превратятся из объекта эксплуатации в субъект геополитики, то это уже напоминает революционную ситуацию. К такой геополитической революции, к превращению ресурсодобывающих стран из объектов в субъекты, призывает евразийская экономическая теория. И именно в этом контексте следует рассматривать российско-казахстанское партнерство в области сероводородов и других энергоносителей.

Вопрос транспортных тарифов

Российская тарифная транспортная политика является фундаментальным препятствием на пути более адекватного развития экономики Казахстана, потому что российские пошлины и тарифы в значительной степени ограничивают тот потенциал, который есть в Казахстане.

Когда эта ситуация выносится на уровень Правительства РФ, ответ с российской стороны звучит так: нам так выгоднее. Иначе говоря, несмотря на все договоры в рамках ЕврАзЭС, несмотря на все интеграционные процессы, мы продолжаем, в значительной степени, рассматривать Казахстан как своего конкурента. Но в диалоге с экономическими партнерами, с теми, с кем мы собираемся выстраивать единое экономическое пространство, должны действовать другие принципы.

Есть один важный момент, который мы должны преодолеть в сознании российской политической и экономической элиты: наши партнеры по ЕврАзЭС, и в первую очередь Казахстан и Беларусь — это не отдельные от нас хозяйственно-экономические субъекты, к которым мы должны обращаться с рыночными принципами, одновременно это и не вассалы, это самостоятельные хозяйствующие субъекты

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 397 13.11.2012 15:33:06

единого стратегического пространства. От отношений конкуренции мы должны перейти к разработке общей консолидированной стратегии, в том числе тарифной и транспортной. Лучше не терять времени и принять как абсолютную догму, что мы с Казахстаном, с Беларусью и другими странами ЕврАзЭС должны стать единым хозяйственным механизмом. И процветание России, процветание Казахстана, процветание Беларуси — это единое процветание, в одиночку мы неконкурентоспособны, особенно сейчас. Столкновение с более развитой постмодернистической постиндустриальной структурой обрушит любую из наших стран. Мы можем получить здесь только сиюминутную выгоду: быстро что-то продать, рассматривая друг друга как конкурентов и спеша стать колонией какой-то постиндустриальной структуры. По сути дела, это вызов сохранению нашей исторической идентичности, которую мы способны отстоять только совместно.

Последствия кризиса на Украине для экономической ситуации в России, Казахстане и на всем постсоветском пространстве

Нынешний кризис уже сказался наихудшим образом на Украине. А ведь еще совсем недавно Украина имела шанс позиционироваться как участник ЕЭП, как полноценный важнейший полюс евразийской экономической системы. Это было бы на руку и Европе, потому что мирно развивающаяся в индустриальном пространстве Украина гораздо привлекательнее, чем страна, расколотая гражданской войной, активно архаизирующаяся, требующая постоянных финансовых вливаний, лезущая в Европу, где ее никто особенно не ждет, перекрывающая газ и клянчащая денег на обогрев. Такая Украина находится в логике санитарного кордона, которая раньше портила отношения России с Гер-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 398 13.11.2012 15:33:06

манией, а сегодня портит отношения всей Евразии с Европой. Это и было целью провокационных стратегий, примененных западной стороной, причем не европейской, а американской, приведшей к власти оранжевый режим. Европу лишь втянули в этот процесс старшие американские партнеры, и теперь расколотая Украина с неразвитой экономикой стала буфером между российско-казахскими, евразийскими нефтью и газом и европейским потребителем, что больше всего вредит как раз Европе. Это является также настоящим ударом по нашей евразийской экономической интеграции. Очень многие страны на постсоветском пространстве, в частности Азербайджан, до сих пор воспринимают газовые скандалы с Украиной как прямое давление России, как очень грубую методологию. И это не способствует постепенному и планомерному развитию наших отношений.

Альтернативой всем этим проектам может и должно являться движение к прозрачным экономическим интеграционным шагам, причем не на базе двусторонних отношений России с Беларусью, России с Украиной, России с Казахстаном или России с Киргизией, а на сверхнациональном уровне, на базе создания действенных механизмов экономической интеграции. Это предполагает одновременное создание интеллектуального штаба, евразийского «think tank», который бы активно влиял на процессы сближения стран и который, как в свое время Комитет за единую Европу Жана Монне, был бы мотором экономической, политической, стратегической и геополитической интеграции евразийского материка.

Евразийская экономическая теория не догма, не свод абсолютных правил. Это приглашение к мысли, к творчеству, к конкретным дипломатическим, экономическим, ресурсным, политическим, интеллектуальным шагам. И мы все же двигаемся в этом направлении, невзирая на кризис.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 399 13.11.2012 15:33:06

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

Единое экономическое пространство — выход из патовой ситуации

Подписание договора между Россией, Казахстаном, Украиной и Беларусью об организации Единого экономического пространства — важнейшая веха в истории постсоветского времени. Задуманный изначально как инструмент «вежливого развода», СНГ мог выполнять только эти «бракоразводные» функции. Единое государство — СССР — распадалось на части, и появление на его месте новых суверенных государств, бывших союзных республик, было явной целью архитекторов Союза Независимых государств. А сам Союз задумывался не более чем площадка для обсуждения «раздела имущества».

Уже к 1994 году ряд руководителей новых государств, и в первую очередь Нурсултан Назарбаев, пришли к выводу, что этот курс имеет существенные недостатки и что следует подумать об иной межгосударственной структуре, названной Назарбаевым «Евразийским союзом». «Евразийский союз», по замыслу Назарбаева, призван был стать плацдармом новой интеграции стран СНГ, но уже на иной основе — в форме прямого аналога Евросоюза. Эти инициативы были прохладно встречены даже в Москве, которая более всего от этого выигрывала, не говоря уже о других странах СНГ, мечтавших только об укреплении собственной независимости. Но настойчивые усилия Назарбаева все же дали определенные результаты: процессы экономической интеграции стали постепенно развиваться, что привело к созданию Таможенного союза, куда вошли Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Таможенный союз — по определению, интеграционный проект. Реализуясь в рамках СНГ, он менял смысл этой структуры, создавая основу его дальнейшей эволюции в ином направлении.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 400 13.11.2012 15:33:06

Следующим шагом в интеграции постсоветского пространства стало создание ЕврАзЭС. Выстроенная на основе стран–участниц Таможенного союза, межгосударственная организация «Евразийское экономическое сообщество» фактически объявляла себя ядром нового политического образования. Постепенно замысел приобретал все более различимые очертания. Ответвлением этой же реинтеграционной стратегии стало учреждение российско-белорусского союзного государства, но объявленная степень тесного сближения не смогла реализоваться на практике. Более того, подоплека «славянского» объединения вызывала определенную тревогу у других стран СНГ, особенно азиатских.

Постепенное превращение ряда стран СНГ в ядро нового интеграционного пространства вызывало радикализацию тех стран, которые были ориентированы, как и все в начале всего процесса, только на развод. В результате на свет появилось новое объединение — ГУУАМ, которое продолжало настаивать на дальнейшей дезинтеграции СНГ и вхождении в иные военные и экономические союзы по отдельности. Во всех случаях речь шла о прямой и непосредственной интеграции в западный мир — НАТО, Европейский общий рынок, ВТО и т. д. Основой ГУУАМа, куда входили также Грузия, Узбекистан, Азербайджан и Молдова, была Украина — несущее ядро «антимосковской», а по сути антиинтеграционной коалиции.

Поляризация отношений между двумя блоками в СНГ — интеграционным и дезинтеграционным — постепенно переходила в политическую область. Ситуация накалялась. ЕврАзЭС оказалось слишком жестко ориентированным для того, чтобы втянуть туда Украину, и хотя Кучма под давлением внутриукраинской ситуации пошел на получение статуса страны—наблюдателя в ЕврАзЭС (вместе с Молдовой), по сути, Киев по-прежнему дистанцировался от подобных инициатив.

То, что произошло в сентябре 2003 года в Ялте, на этом фоне можно назвать крупнейшим успехом интеграцион-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 401 13.11.2012 15:33:06

ной, евразийской, если угодно, дипломатии. Новый формат экономической интеграции четырех ведущих стран СНГ (России, Украины, Казахстана и Беларуси) в Едином экономическом пространстве успешно разблокировал патовую позицию основных игроков. По сути, это объединение имеет один главный результат — подбор такого интеграционного проекта, который по форме и содержанию устроил бы Украину. Именно за Киев велась основная борьба. Без Киева вся стратегия ГУУАМа теряла свой смысл, антироссийская фронда рассыпалась на глазах, интеграционный процесс в Евразии впервые за всю постсоветскую историю достиг критической черты реализации, за которой он становится необратимым. Понимая все геополитическое значение Ялтинского соглашения о ЕЭП, оппозиционные украинские политики, разыгрывающие по привычке антимосковскую карту, сразу же подняли шум. Принятое Кучмой решение, по сути, закрывало историю дезинтеграции постсоветского пространства, создавая предпосылки для нового курса. Участие в ЕЭП Казахстана гарантировало всему проекту собственно евразийское измерение и делало процесс включения в него других среднеазиатских стран ЕврАзЭСа чисто техническим вопросом. Вместе с тем Украина своим примером приглашала сменить геополитические вехи Азербайджану, Молдове, Узбекистану и даже Грузии. Ограничив число участников ЕЭП четырьмя странами, его архитекторы поступили в высшей степени дальновидно: экономические системы России, Украины, Казахстана и Беларуси наиболее унифицированы и прозрачно регламентированы, они оптимально готовы к интеграции, причем не только друг с другом, но и к ее дальнейшему этапу — к совместной и скоординированной интеграции в европейскую экономику. А именно это и является дальней целью создания ЕЭП.

Однако путь к европейской интеграции может быть двояким: вместе и по отдельности. И выбор пути — проблема отнюдь не техническая. В зависимости от изначаль-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 402 13.11.2012 15:33:06

ного решения, каким путем идти, находится геополитический и геоэкономический смысл движения в Европу. Если мы идем к сближению с Европой совместно, как предлагает ЕЭП, то это усиливает совокупный евразийский потенциал, делает виртуальный пока что Евразийский союз экономической реальностью. И в такой интеграции ЕЭП может претендовать на субъектность, обеспеченную совокупностью экономик, природных ресурсов, стратегическим потенциалом всех этих стран. В таком случае между собой сближаются два асимметричных, но равнозначимых партнера. Если бы интеграция в западный мир шла по отдельности, то она означала бы: во-первых, антироссийский подтекст, во-вторых, прямую и необратимую абсорбцию Евросоюзом нового члена, с потерей какого бы то ни было намека на сохранение государственной идентичности, что не относится только к России, единственной стране СНГ, которая в силу своего масштаба ни при каких обстоятельствах такой абсорбции не подлежит.

По этой причине создание ЕЭП есть важнейшее геополитическое событие, которое, будучи реализованным, объективно приведет к укреплению совокупного экономического потенциала стран, в него входящих, поддержит общую субъектность и станет гарантом сохранения идентичности в условиях глобализации. И чем быстрее ялтинское решение станет явью, тем лучше будет всем нам — народам некогда единого, но трагически разделенного государства.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 403 13.11.2012 15:33:06

Часть 7
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС

ГОСУДАРСТВО И КРУПНЫЙ ЧАСТНЫЙ БИЗНЕС

История противоречий, «приватизация государства», новая модель отношений в эпоху Президента Путина, курс социальной и национальной ответственности

I. Генезис крупного капитала в современной России

К приватизации государства (предыстория)

Беспрецедентность становления крупного частного капитала в современной России

Либеральные реформы в России проходили в уникальной ситуации: *накопление капитала было связано не с постепенным ростом прибыли от частнособственнических инициатив, а с симбиозом политико-криминально-чиновничьего элемента, консолидировавшего усилия для приватизации объектов, находившихся в общенациональном ведении*.

В этом процессе полностью отсутствовал важнейший элемент капитализма: *открытая и равная конкуренция, соответствие между предпринимательской инициативой и экономическим успехом предприятия*.

Крупный частный капитал в современной России сложился *не по капиталистическому сценарию*, он является продуктом широкомасштабной общегосударственной коррупции и представляет собой особое явление, сочетающее в себе элементы, свойственные *деспотическим режимам «третьего мира»*, с элементами *экономических отношений*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 404 13.11.2012 15:33:07

постмодерна, характерных для развитых стран современного Запада. Причудливое сочетание этих моментов и беспрецедентность ускоренного перехода от стопроцентно социалистической экономики к экономике рыночной и либеральной предопределили структуру и специфику крупного частного капитала в современной России, не укладывающиеся в формат классических экономических теорий.

Три составляющие крупного капитала в современной России

Крупный частный бизнес при своем возникновении в России имел под собой три составляющие.

Первое — это политическая линия ориентации на Запад, на идеологический либерализм и жесткое отрицание социализма и коммунизма (эта ориентация бралась как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее оспариванию).

Это было вектором идеологической революции, волевого перехода правящего класса от социализма к капитализму. Этот процесс был осуществлен недемократическим образом, так как народу никто ясно не объяснил сущность решаемой проблемы: правящая верхушка тщательно избегала точной формулировки дилеммы — «социализм или капитализм». Таким образом, в стране произошел *либеральный* идеологический переворот, лишь отчасти закамуфлированный *демократическими* процессами. Крупный частный капитал создавался как *экономическое продолжение идеологической установки* (а не наоборот); материальное было вторичным, идеологическое — первичным.

Второе — криминальный элемент был *единственным* сегментом позднесоветского общества, в котором присутствовал опыт частнособственнической инициативы. Поэтому именно криминальная среда стала носителем российского капитализма. Частное предпринимательство при

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 405 13.11.2012 15:33:07

социализме считалось само по себе *преступным* и относилось к соответствующей области. *Идеологическая реабилитация* частного предпринимательства повлекла за собой криминализацию экономики. Весь крупный российский частный бизнес несет на себе несмываемую печать *криминального* (теневого) происхождения — от методов накопления первоначального капитала до этических установок, методов, гарантий по соблюдению коммерческих обязательств и решений спорных вопросов.

Коррупция чиновничества является третьей фундаментальной основой современного российского капитализма. Крупный частный капитал в современной России генетически возник из процесса приватизации, в которой принимали участие две стороны — госчиновники, передающие в частную собственность целые отрасли, и сами приватизаторы (со значительной составляющей организованных преступных сообществ). Весь механизм приватизации и был процессом *тотальной коррупции*, причем двухсторонней — приватизаторы коррумпировали чиновников (государство), а чиновники, в свою очередь, сами *порождали приватизаторов*, искусственно конструируя новый социальный субъект, который в дальнейшем выступал как источник их же собственного коррумпирования.

Верхушка частнособственнической системы, сложившейся в результате этих процессов в 1990-е годы, и составила *российский олигархат* — крупный частный бизнес.

Этот крупный частный бизнес по определению является:

- идеологически заостренным (либеральным),
- криминализированным (по происхождению и системе отношений),
- коррупционным (разлагающим институты государства, госаппарат).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 406 13.11.2012 15:33:07

Формула: «слабое государство — сильные олигархи»

Крупный частный капитал в современной России сложился в олигархическую систему и достиг монопольной концентрации в нескольких наиболее успешных структурах (своего рода российских «чеболей») в процессе *постоянного ослабления государства*. Реальность власти, контроля и признаки суверенности передавались от всесильного номинально, но стагнирующего по сути позднесоветского государства с тоталитарной партийной системой и полным запретом на частный бизнес к группе олигархических структур, объективно двигавшихся к «приватизации государства», к его подчинению своим частным интересам. Разлагающаяся вертикаль власти делегировала функции экономического контроля стремительно растущему субъекту экономико-социальной и политической жизни — крупному частному бизнесу.

В этом процессе воедино слились две различные идеологические установки: распад бюрократической системы с ее перерождением из политической власти в сверхкоррумпированный компрадорский аппарат с сохранением важнейших контрольных функций полудеспотического типа (тираническая психология экс-партократа Ельцина прекрасно иллюстрирует этот момент) с идейной установкой либералов-западников на минимализацию участия государства в рыночной стихии. Здесь в резонанс вошли два различных фазовых состояния: *отсутствие рынка* и *всевластие бюрократии* (унаследованные от социалистической системы), с одной стороны, и идеологическая абсолютизация оптимальных условий развития рыночной системы, воплощающая в себе опыт устойчивых и высокоразвитых рыночных обществ с многовековой историей развития капиталистических отношений — с другой. Моральный упадок, дезориентация общества и идеологический вакуум, оставленный идейным крахом коммунизма, довершили дело, создав в социуме атмосферу этической индифферент-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 407 13.11.2012 15:33:07

ности, цинизма, нравственной апатии, пассивной пермиссивности (вседозволенности) — но не от высокого уровня демократического и гражданского самосознания (истинная толерантность), а от глубокого ценностного кризиса.

Крупный частный капитал усиливался в той же мере, в какой ослабевало государство, разлагалась бюрократическая система, деградировало общество. Это стало основным законом новейшей российской истории: там, где *государство в убытке, крупный частный капитал в прибытке, и наоборот*.

Слияние власти и частного бизнеса на региональном уровне

Процесс усиления крупного частного бизнеса имел два уровня: федеральный и региональный. В региональном масштабе крупный *частный бизнес сливался с бюрократией вплоть до неразличимости*. Но условия приватизационных процессов были таковы, что во многих случаях региональные власти превращались в экономических олигархов регионального масштаба, сливая административную и экономическую власть в одно целое. Демократические процедуры и институты служили в этом процессе лишь ширмой.

На региональном уровне более явственно проявился «феодально-деспотический», «преддемократический» характер экономических реформ в России. В национальных республиках этот процесс был еще более очевиден, так как подкреплялся этноконфессиональной идеологической составляющей, «легитимирующей» в глазах населения сочетание в лице местных правителей (Президентов или глав законодательных собраний) административных и экономических рычагов контроля. По этому же «феодальному» сценарию проходили политические процессы в большинстве азиатских стран СНГ. В Чечне этот процесс вылился в прямой сепаратизм. В регионах не столько крупный частный бизнес приватизировал власть, сколько сама власть превра-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 408 13.11.2012 15:33:07

щалась в олигархического субъекта. Здесь речь шла уже не о «приватизации» бизнесом власти, но о «неофеодальном» синтезе административных и экономических рычагов управления в единой инстанции. На этой основе появились первые проекты регионального сепаратизма не только в национальных республиках РФ, но и в областях с русским населением — отсюда идеи «Уральской Республики», «Дальневосточной Республики», известный сепаратизм «губернаторской фронды», вылившейся в 1998 г. в лужковско-шаймиевское «Отечество — Вся Россия».

Приватизация государства на федеральном уровне

На федеральном уровне ослабление государства сопровождалось появлением отдельного от него субъекта: крупного частного бизнеса — *олигархии.* Масштаб России, сложность ее социального состава, обширность географического положения, многообразие интеллектуальных и культурных уровней населения, давление инерции «великой державы» — все это не позволило сложиться на федеральном уровне *экономико-феодальной* модели, которая реализовалась в регионах и в большинстве стран СНГ. Несмотря на то что расхожим штампом стало представление об олигархате 1990-х как о представителях «семьи» Ельцина, на самом деле подлинного слияния политической власти с экономической не произошло. Государство в своей политической, административной, геополитической функции слабело, хотя и сохраняло (подчас только номинально) рычаги административно-политического контроля. Параллельно с этим усиливался иной субъект — чисто экономического уровня: *федеральная олигархия*, группа крупных частных компаний, которые смогли полностью использовать процессы государственного разложения в свою пользу.

Сложившийся федеральный олигархат претендовал не только на экономическое господство, но и на контроль за

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 409 13.11.2012 15:33:07

политическими процессами (напомним, что в феномене олигархата важнейшую роль сыграли (либеральная) *идеология и (бюрократическая) коррупция*, то есть моменты, прямо относящиеся к области политики и государства).

В определенный момент (1990-е годы) разногласия между группировками олигархов в ходе приватизации и олигархические войны составляли *основное содержание* российской политико-государственной жизни. Государство и политика не были независимыми арбитрами по отношению к олигархам, они были составляющими *единой системы*, главной силой которой стали олигархи.

Важно отметить, что, вопреки распространенному мнению, на федеральном уровне «семья», то есть полное слияние политико-административной власти и экономического могущества, в отличие от региональных ситуаций, так и не сложилась. Государство и федеральный олигархат были принципиально *различными* игроками, до определенной степени противопоставленными друг другу. Обремененное множеством геополитических, стратегических, социальных, политических проблем, государство постепенно «растворялось», а олигархат, использовавший эти процессы в корыстных интересах, напротив, усиливался. В определенный момент сила олигархов и слабость государства пришли к такому соотношению, что олигархический субъект, ставший самостоятельным, могущественным и влиятельным, сделал попытку «приватизации государства».

II. Фактор Путина. Государство контратакует

В сторону «равноудаления»

Вся ситуация в соотношении власти и крупного частного капитала стала меняться самым радикальным образом с приходом к власти Владимира Путина. Основной смысл

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 410 13.11.2012 15:33:07

реформ Путина состоял в том, чтобы качественно укрепить статус государства, остановить процесс его приватизации, вернуть ему утраченную суверенность, прекратить распад и «растворение». «Укрепление вертикали власти» стало политической осью правления второго Президента России. Это означало процесс *отделения государства и политики от олигархата*. По сути, Путин выступил против *олигархата как системы,* то есть против идеологического *ультралиберализма*, *криминализированности* бизнеса и *мегакоррупции* госаппарата.

С момента прихода к власти Путин предложил олигархам принцип «равноудаленности»: крупному частному бизнесу предлагалось перейти в новое качество, отказаться от роли главных субъектов, передать силовые рычаги влияния назад государству. Вместе с тем Путин выступил и против «региональной олигархии» неофеодального типа, жестко прервал фрондерский стиль общения губернаторов с центром, рассеял их политические структуры, ассимилировав их с «партий власти» («Единая Россия»), остановил сепаратистские процессы на Северном Кавказе.

Путин фактически стал на путь «*этатизма*», избрав ориентацию на возвращение государству престижа, утраченного им на прежнем переходном этапе. При этом Путин никогда не был противником капитализма как такового. Напротив, он хотел создать условия для органического и планомерного развития капиталистических отношений в России, но при сохранении, *укреплении и развитии независимых государственных институтов* и соблюдении социальной гармонии.

Главным препятствием на этом пути был *крупный российский бизнес*, который в силу своего происхождения, природы и качественного содержания придерживался *прямо противоположного направления*. Это и предопределило основное содержание правления Путина. Все восемь лет его президентства — это история диалога (борьбы) Путина против олигархии или олигархии против Путина.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 411 13.11.2012 15:33:07

Путин vs Березовский–Гусинский

Первый этап контролигархической кампании Президент Путин развернул против авангарда олигархии ельцинской эпохи, который воплощал в себе наиболее активную, мощную, эффективную и агрессивную часть этого самостоятельного субъекта.

Владимир Гусинский и Борис Березовский стояли в 1999 г. во главе олигархата, выражая и озвучивая его фундаментальные интересы. Именно они воплощали собой процесс «приватизации государства». Березовский открыто заявлял об этом как об идеологическом проекте.

Березовский и Гусинский несли на себе все основные характеристики олигархии как явления, природа их могущества (экономического и политического) была прямым выражением всей структуры стремительно возникшего в России крупного частного капитала.

Гусинский и Березовский были также основными *спонсорами либеральной идеологии*, опорой правых (либеральных) партий, проповедниками (в принадлежащих им СМИ) либеральных теорий и систем оценок актуальных событий. Они больше всех преуспели в *коррумпировании* высших должностных лиц, вплоть до ближайшего окружения Президента (феномен «квазисемьи»), активно *влияли на власть*. В определенный момент они почти напрямую заведовали основными правительственными назначениями. Вместе с тем они были теснейшим образом *сращены с криминальной средой*. В этих двух личностях первого плана наглядно воплощался вектор развития олигархата: *он усиливался и укреплялся по мере ослабления государства*. Показательно, что внутриолигархические войны Гусинского и Березовского проходили наиболее бурно, и инструментами в них служило все общество — Президент Ельцин, правительство, СМИ, политические партии, Парламент, Совет Федерации и т. д.

Приход Путина Березовский и Гусинский приняли технически как появление «конвенционального арбитра»,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 412 13.11.2012 15:33:07

прагматически выгодного для олигархата, чтобы межолигархические войны не привели к катастрофе, а расшатанное и «растворенное» (с помощью их же усилий) государство не рухнуло окончательно и не погребло бы под своими обломками источники их стремительного и непомерного обогащения. Столкнувшись с тем, что Путин претендует на нечто большее, нежели роль «арбитра», всерьез решился на укрепление государства и готов осуществить это за счет ослабления олигархии, Березовский и Гусинский встали в формальную оппозицию Путину и превратились в первую жертву антиолигархической кампании.

Смысл первой олигархической оппозиции Путину состоял в защите идеологии либерализма, настаивании на сохранении крупным частным капиталом тех же позиций в политике и государстве, которые он занимал при Ельцине — с той же степенью криминализированности общества и коррупции бюрократии. Березовский и Гусинский отказывались пересмотреть курс на «приватизацию государства», начали войну с Путиным и его реформами по укреплению властной вертикали. И *проиграли*. Весь задействованный ими арсенал средств, который был эффективен на предыдущих этапах, оказался на этот раз недейственным или недостаточным. Вынужденная эмиграция Березовского и Гусинского и постепенная ликвидация их основных экономических, медийных и политических структур в России составляли содержание первого раунда антиолигархической кампании Путина. Он ее полностью выиграл.

Бюро РСПП и новая оппозиция Михаила Ходорковского

Остальные олигархи в битве Гусинского–Березовского против Путина решили занять нейтральную позицию и принять предложение о «равноудалении». В этот момент символическим жестом нейтральной позиции и прагмати-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 413 13.11.2012 15:33:07

ческого согласия с предложенными Путиным правилами игры на усиление государства со стороны представителей крупного частного бизнеса стало вступление в состав Бюро РСПП. Бывший ранее структурой, объединявшей промышленников старой закалки и «красных директоров», с этого момента РСПП существенно поменял свой статус и свои функции. Отныне он стал играть роль площадки для *диалога олигархов с властью.*

Березовский и Гусинский покинули страну, и в новейшей истории отношений крупного частного бизнеса с Президентом Путиным началась *вторая фаза* — позиционной конфронтации. Сделав в начале своего правления ряд резких и необратимых шагов в сторону реального укрепления властной вертикали (реформа Совета Федерации, введение Федеральных округов, подавление сепаратизма в Чечне, поглощение «Единой Россией» «Отечества — Вся Россия», замена наиболее одиозных губернаторов, укрощение наиболее радикальных лидеров национальных республик и т. п.), Путин *сохранил либеральный курс* в экономике, приостановил давление на крупный частный бизнес, установил партнерские отношения со странами Запада, с США и Европой.

Со своей стороны, олигархат занял выжидательную позицию, приняв статус-кво. Без энтузиазма, но и без особых опасений. Некоторые его представители органично вписались во власть, но не через ее приватизацию, а скорее через согласование своих интересов в регионах со стратегией федерального центра в отношении местных неофеодальных режимов (Абрамович, Хлопонин, Маммут, Потанин и т. д.). Другие, как Анатолий Чубайс, заняли крупные государственные посты.

Ситуация в отношениях Путин—олигархи (власть—крупный бизнес) стала накаляться за год перед выборами 2004 года. Отныне роль «споуксмена» крупного частного бизнеса взял на себя Михаил Ходорковский. Позиция Ходорковского заключалась в следующем: Путин, снизив на-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 414 13.11.2012 15:33:07

кал и темпы антиолигархического курса (укрепление государства), не отказался от него вовсе, но продолжает проводить его подспудно; следовательно, рано или поздно это противостояние должно достичь критической точки. Глава «ЮКОСа» рассуждал приблизительно так: «репрессии» против крупного частного бизнеса первой формации в ходе путинских реформ неотвратимы (социологическая фигура речи для обозначения этой опасности — «силовики», «питерские»), и пока позиции олигархата как экономического субъекта сильны, пока на высших государственных постах еще много фигур, генетически связанных с предыдущим циклом «растворения государства» и прямых ставленников олигархов, *пора открывать новый фронт*. Особенно это важно в предвыборной ситуации, когда популизм (и, соответственно, антиолигархический пафос) будет активно использоваться властью.

Ходорковский на новом уровне и на более корректном и «интеллигентном» языке, нежели ранее Березовский и Гусинский, противопоставил Путину классический набор «тезисов олигарха»:

- либерализм (финансирование правых партий с добавлением прагматической поддержки КПРФ, призванной пошатнуть политические позиции сторонников Путина — «Единой России»);
- доминация интересов крупного частного бизнеса над государством (через легитимацию интересов транснациональных экономических структур, апелляцию к глобализации и некритическую ориентацию на США во внешней политике);
- требование необусловленной амнистии капиталов (легитимации криминальных и коррупционных механизмов приобретения олигархами начального капитала в ходе приватизации).

По сравнению с Гусинским и Березовским, Ходорковский привнес и относительно новые моменты:

- тактическое использование нелиберальных политических сил для оппозиции Путину (финансирование

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 415 13.11.2012 15:33:07

КПРФ), хотя отчасти это использовалось и первыми олигархами;

- стремление легитимизировать автономный характер крупного бизнеса в отношении к государству через апелляцию к «логике глобализации» и идее тождества транснационального и модернизированного (транснациональное равно модернизации), а также через официальную амнистию криминальных аспектов приватизации.

Ходорковский сформулировал *программу-максимум*, настаивая на системной легитимации олигархической системы с перспективой окончательного «растворения» государства в пространстве *транснациональной глобализации*. Себя самого он видел ключевой, ведущей фигурой этого фундаментального процесса. При этом он понимал необходимость смягчения жесткости такого развития событий и стремился использовать различные стабилизационные механизмы — социальную защиту, образовательную систему для воспитания «глобалистской молодежи» («Открытый Университет», «Открытая Россия», покупка РГГУ под Невзлина и т. д.). Линия Ходорковского жестко противоречила линии Путина, двигавшегося к тому, чтобы:

- поставить государство *над* крупным частным бизнесом;
- вернуть ему качество *суверенного субъекта;*
- релятивизировать либерализм, перейдя к новой форме прагматической национальной (консервативной) идеологии;
- постепенно декриминализировать Россию.

Ходорковский является знаковой фигурой следующей фазы противостояния олигархата Путину и его главной стратегии. Он объявил Путину очередной «олигархический джихад», но проиграл по всем пунктам. Провал СПС и «Яблока» на выборах, резкий упадок КПРФ 2004 года, тюремное заключение, разгром крупнейшей олигархической структуры «ЮКОС», арест акций, объявление в розыск руководства компании — все это означало не просто

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 416 13.11.2012 15:33:07

проигрыш Ходорковского, но провал очередной попытки олигархии укрепить или расширить свои позиции.

Арест Ходорковского и других руководителей «ЮКОСа», бегство Невзлина сопровождались отставкой главы Администрации Президента А. Волошина и снятием с должности премьера М. Касьянова. По сути, это стало своего рода политической революцией. Несмотря на то что на защиту Ходорковского олигархат бросил все свои силы, включая известного политтехнолога Глеба Павловского, с пеной у рта защищавшего «ЮКОС», ничто не могло повлиять на ситуацию. Волошин сошел со сцены, Касьянов перешел в радикальную оппозицию и стремительно маргинализировался.

В «покаянном письме» из тюрьмы Ходорковский признал свое стратегическое поражение.

Позиция Бюро РСПП в отношении «дела Ходорковского» была довольно неопределенной. «Классовое сочувствие» олигархов к главе «ЮКОСа» не могло перевесить прагматических интересов и ясного осознания объективного баланса сил, в этой ситуации однозначно говорившего в пользу Путина. Государство в лице Путина выиграло этот раунд и продолжало уверенное контрнаступление на крупный частный бизнес.

Неснимаемость противоречий между олигархатом и Путиным

Проблема в том, что оппозиция «олигархи—Путин» не случайное противоречие, но *столкновение двух парадигм государственного и политического устройства*. В случае Путина отсутствуют все три основополагающих принципа, сделавших олигархат в России не только возможным, но и преобладающим:

- вера в ультралиберализм и ничем не обусловленное западничество (идеология Путина — скорее «этатизм»,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 417 13.11.2012 15:33:07

«просвещенный патриотизм», «модернизированная державность»);

• коррумпированность (Путин всегда был подчеркнуто чистоплотен в чиновничьей карьере);

• связь с криминалом (Путин был на другой стороне баррикад).

В своей программе Путин опирался на широкую поддержку масс, которые от олигархата ничего не выиграли, но лишь проиграли. При этом важно подчеркнуть, что Путин — реалист и прагматик, лишенный ностальгии по коммунизму. Именно его прагматизм и реализм ответственны за то, что элементы олигархического строя при нем сохранились, а многие явно коррупционные модули на высших этажах власти остались нетронутыми.

Путин понимал, что государство не может окрепнуть само по себе, что для этого нужны новые структуры, новые методы, новая система отношений между административной властью и крупным частным капиталом, который сохранял значительную субъектность и относительную суверенность.

Для воплощения своего курса Путину нужно было только одно — *время* и *сохранение политической власти*.

Противоречия между олигархами и Путиным носили объективный (а не субъективный) характер. Это значит, что олигархам противостояли не личность, но курс, не отдельный человек, но система. В период второго срока президентства *системный характер линии Путина* стал очевидным даже для самых скептически настроенных наблюдателей. Маргинализация «правых» партий продолжилась, олигархи постепенно все больше оттеснялись от влияния на власть, росли позиции «силовиков». При продолжении этого вектора в будущее становилось ясно, что, с ускорениями или замедлениями, искоренение олигархата было неизбежно во всех его измерениях — от идеологического до технологического.

Это порождало вопрос принципиальной альтернативы: *либо Путин — либо олигархи*.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 418 13.11.2012 15:33:08

Олигархи, отказывавшиеся признавать жесткость этой альтернативы, лишь откладывали «окончательное решение». Возможности адаптации к новым условиям имели предел, так как в них заключались противоречия с самой структурой их существования — генетически, системно, структурно и конкретно. Государство для олигархов — это «преграда» или «объект коррумпирования». Политика для олигархов — метод укрепления ультралиберализма, игра против власти (шантаж), способ лоббирования и ведения межолигархических войн. Общество для олигархов — «неоправданная убыточная нагрузка». Вся история становления олигархии убеждает олигархов в их правоте. *Они не могли поверить в то, что государство заняло в отношении их позицию субъекта*. Это противоречило всему их жизненному опыту приобретения капиталов — капиталы возникли в процессе «распада государства», и сам факт их столь массивной аккумуляции в руках небольшой группы людей как бы подтверждал объективными реалиями «мессианский» характер современной российской олигархии. Они столь несопоставимо богаты и могущественны, потому что они «избраны», посчитали олигархи. А государство, за чей счет они стали «избранными», соответственно, есть нечто «проклятое». В этом состоит своеобразная «неолигархическая религия». Российские олигархи, как и многие преступные авторитеты современной России, бессознательно отождествляют себя с «богом» или «сверхчеловеком» на фоне продажного чиновничества, покорного и бестолкового народа, распутных грошовых политиков, нелепых кривляк от культуры и обнищалых недееспособных «ботаников»-интеллигентов.

Поэтому олигархи предпочитали трактовать период президентства Путина как «временное явление». В лучшем случае они имитировали «адаптацию» к парадигме Путина, так как принять ее для них концептуально было невозможно.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 419 13.11.2012 15:33:08

Расшифровать экономическую мысль Путина: недостаточность парадигмы — олигархи (эффективный менеджмент)/чиновники (неэффективный менеджмент, коррупция)

Чтобы понять ход экономической мысли Владимира Путина, следует несколько отвлечься от привычных клише, которыми мыслят поверхностные политики и преподаватели классической политологии.

В отношении крупного частного бизнеса (олигархата) существует устойчивое клише:

- *государственный менеджмент — неэффективность, убыточность, депрессия;*
- *олигархический менеджмент — эффективность, оптимизация прибылей, развитие.*

Через эту парадигму обычно рассматривается модель приватизации/национализации: *приватизация — эффективность, национализация — неэффективность.*

На самом деле это догматическая аксиома либерализма больше напоминает лозунг и пропаганду, чем реальное положение дел. Экономическая история дает нам различные примеры, как подтверждающие, так и опровергающие это утверждение. Эффективность частного менеджмента носит, как правило, краткосрочный характер и связана с позитивной конъюнктурой, а также инвестиционной стратегией. Частный владелец стремится извлечь из приватизированного объекта максимальную прибыль в кратчайшие сроки, не вкладывает ее в долгосрочное развитие отрасли, привлекает инвестиции без учета национальных интересов и соображений государственной безопасности. Краткосрочная эффективность такого менеджмента в среднесрочной и долгосрочной перспективах оборачиваются убытками. Особенно это очевидно в сфере экспорта природных ресурсов.

Государственный менеджмент, в свою очередь, также может быть различным. Когда мы говорим «государствен-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 420 13.11.2012 15:33:08

ный менеджмент», мы, как правило, имеем в виду *ситуацию позднего социализма*, когда разложению подвергались все аспекты политико-экономической системы. В иных государствах и иных социально-политических условиях государственный менеджмент бывает *весьма эффективным*. В условиях последней стадии разложения социализма государственный менеджмент сам провоцировал приватизацию и действовал по логике коррупции и создания для нее благоприятных условий. Но в иные периоды цикла все может быть иначе, особенно если система социальных и материальных мотиваций в государственном секторе достаточно продуманна и адекватна.

Эффективность частного менеджмента (олигархата) и неэффективность государственного управления *не являются нерушимыми аксиомами*, и теоретически можно представить себе *эффективную рыночную экономику без олигархата*, и государственный менеджмент крупных отраслей без обязательной коррупции и неизбежного цикла реприватизации. Это соображение крайне важно: олигархат, сложившийся в России в силу исторических обстоятельств, *не является неизбежным и единственно возможным в настоящем и будущем*, особенно если государственная система найдет новые модели и новые смыслы существования, помимо инерциальных структур разложившегося позднего социализма. В частности, принцип *национальной мобилизации*, объявленный в качестве государственной стратегии, перевел бы проблему в иную плоскость.

Цепочка этих выводов плавно подводит к тому, чего, собственно, хотел Путин от российской экономики. Он стремился выстроить реально сильное государство, обладающее качеством субъектности, но основанное при этом на эффективном административном и экономическом менеджменте. *Сильное государство с опорой на сильный рынок.*

В принципе, пример такого государства известен. И это не какой-то диктаторский или деспотический восточный

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 421 13.11.2012 15:33:08

режим с тоталитарной идеологией. Это процветающая мировая держава — США. В США крупный частный бизнес и государство представляют собой единое целое при полном консенсусе относительно основных ориентиров геополитического и социального развития. У крупного частного бизнеса нет поползновений к «приватизации государства», а у государства — к использованию языка репрессий против крупного частного бизнеса. И то и другое, вместе с интеллектуальной элитой, составляет единый субъект власти, реализующий сквозь эпохи Manifest Destiny проект мирового американского господства.

III. Стратегии разных секторов крупного частного бизнеса в отношении государства в период 2004–2008 годов

Три стратегии крупного частного бизнеса

Как реагировал крупный частный бизнес на фактор Путина в период второго срока (2004–2008). Теоретически существовали три позиции:

- *фрондирование, противостояние* (продолжение на новом витке линии Березовский–Гусинский–Ходорковский);
- *имитация согласия*, формальное признание модели Путина с параллельным саботажем содержательной стороны (внешняя лояльность);
- *реальное включение в систему*, предлагаемую Путиным, поиск путей интеграции с эффективным и суверенным государством на условиях признания необходимости его укрепления, восстановления субъектности и реальной суверенности.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 422 13.11.2012 15:33:08

Стратегии активного противостояния олигархата Путину

В случае стратегии фрондирования олигархат ставил своей целью любыми путями сохранить *прежнее положение вещей*. Это означало на практике:

- *продолжение работы по дальнейшему ослаблению государства* и его властных инстанций (коррупция, лоббирование);
- создание эффективной *политической оппозиции* Путину (системной в форме поддержки правых партий и внесистемной в форме оппозиционных движений — «Другая Россия», маршей «Несогласных» и других сетевых стратегий);
- провоцирование *негативного отношения к России Путина со стороны зарубежных стран* (в первую очередь со стороны США, Евросоюза, во вторую — со стороны исламского мира), постоянные жалобы в США на притеснение свободы предпринимательства;
- *попытки установления влияния на «Единую Россию»* (коррумпирование ее руководящих кадров, парламентской фракции, инфильтрация изнутри);
- провоцирование *раскола в среде «силовиков»*, сепаратные отношения с представителями путинского окружения, включение новых высокопоставленных чиновников в коррупционные схемы;
- попытки шантажа Путина «цветной революцией» в 2008 году, в момент передачи власти преемнику;
- инструментальное использование последствий *социальных проблем и протестных движений;*
- стремление к максимальному *контролю за информационным пространством* в целях его выстраивания в соответствующем идеологическом и имиджевом ключе.

Эта стратегия выражалась в политических действиях, в частности:

- *в попытках разложения «Единой России»*, в провоцировании конфликтов в руководстве партии, создании аль-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 423 13.11.2012 15:33:08

тернативных идеологических центров, укреплении либерального крыла партии;

• *в финансовых инвестициях (с целью модернизации) в парламентскую оппозицию* — ЛДПР, КПРФ, «Родину» (в 2004 году с успехом прошедшую в Думу) — для превращения этих структур в *более эффективные* оппозиционные электоральные и социальные силы;

• *в поддержке праволиберальных партий* («новый правый проект» или слияние СПС и «Яблока»);

• в создании искусственных *«новых левых» проектов* (*движение антиглобализма* и т. п.);

• скрытая поддержка радикальных, в том числе националистических (НБП, ДПНИ) и исламистских, политических образований, призванных дестабилизировать ситуацию.

В экономической политике это выражалось:

• в продолжении *коррумпирования* чиновничьего аппарата, Правительства, повышении лоббистских тарифов;

• *в игре на противоречиях* между чиновничьими кланами;

• в активизации взаимодействия *с либеральным сектором* Правительства;

• в стравливании «государственников» (силовиков) и «социальщиков» с экономическим (либеральным) сектором Правительства;

• в реструктуризации позиций олигархических кланов и переходе от межолигархической конкуренции (с обособленными лоббистскими и пиаровскими стратегиями) *к единой консолидированной (антипутинской) стратегии*;

• в продвижении в СМИ проектов, призванных прямо или косвенно нанести ущерб политическому имиджу Путина (эта стратегия была направлена не только против Президента, но и против его *курса*, против *слабых мест* его системы, со специально продуманной моделью искусственного сталкивания элементов этой системы).

В экспертном сообществе олигархи-фрондеры предпринимали усилия:

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 424 13.11.2012 15:33:08

- по *консолидации прозападных либеральных экспертов*;
- по созданию *фондов и клубов* (отчасти закрытых) для разработки более эффективных антипутинских стратегий «нового поколения»;
- по реанимации «демократического», «западническо-го» и «правозащитного» направления;
- по пиару либеральных экономических «think tank», последовательно критикующих «этатистские» проявления в политике Путина.

Фрондирование было *качественно иным*, нежели в период прямолинейных стратегий Гусинского–Березовского–Ходорковского, но сохраняло основные его параметры.

Этой стратегии в 2004–2007 годах придерживалось лишь меньшинство крупных олигархов, так как идеологи из ближайшего окружения Путина сделали все возможное, чтобы предотвратить открытое проявление фронды. Правые партии подвергались административному давлению, что сделало их существование трудным (при условиях отсутствия широкой поддержки населения). Образ «несогласных» был демонизирован. Зарубежные источники финансирования радикальной оппозиции были преданы широкой огласке. Фрондерские СМИ сузились до «Эха Москвы», «Новой Газеты», «New Times», телекомпании RTVi, интернет-изданий и блогов.

Власть отчетливо дала понять олигархам, что замеченные в прямом проведении подобной политики будут незамедлительно наказаны.

Объединить все антипутинские силы попробовали на дистанционном направлении Борис Березовский из Лондона и Борис Невзлин из Израиля (в частности, при посредстве политтехнолога Станислава Белковского), предложив идею коалиции несистемных либералов с коммунистами и националистами. Но этот альянс не дал результатов — и в силу жесткого противостояния властей, и в силу идеологической разнородности объединяемых сил.

При всем желании российские олигархические структуры из РСПП в этот процесс не смогли включиться из-за

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 425 13.11.2012 15:33:08

жесткого контроля со стороны Кремля. Инициативы в этом направлении постоянно предпринимались, но системными они не стали, и в целом Путину и его окружению удалось блокировать эту фрондерскую стратегию.

Стратегии имитации олигархатом лояльности курсу Путина

Гораздо более успешной была другая стратегия, состоявшая в имитации *признания обоснованности курса* Путина на укрепление государства параллельно:

- с мягким продвижением во власть либеральных политиков, экономистов и интеллектуалов, поддерживающих Путина, но стремящихся повлиять на его политическую линию в либерально-западническом ключе;
- с поиском новых подходов для коррумпирования правительства и власти;
- с противодействием политической и идейной консолидации пропутинских социально-политических сил, кругов и движений;
- с созданием и укреплением уже существовавших интеллектуальных и экспертных центров либерально-центристской ориентации.

Эта стратегия реализовалась на различных уровнях следующим образом.

В политической жизни:

- через сохранение политического статус-кво с поддержанием виртуальных процессов: псевдоидеологических полемик, дискуссий, фиктивного (пиаровского) партстроительства, концентрации политического внимания вокруг второстепенных целей;
- средствами укрепления либерально-западнического крыла чиновников Правительства (экономический сегмент) и праволиберального сегмента «Единой России».

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 426 13.11.2012 15:33:08

В социальной политике мы имели:

- показной избирательный пиар, имитацию фасадной «социальной» активности олигархов;
- затяжные споры о приоритетных целях социальной поддержки и областях создания «стабилизационных фондов» без серьезных подвижек в этом вопросе;
- выдвижение на первый план знаковых для либерализма точек приложения избирательной благотворительности (инвалиды, бездомные, детдома и прочее) при сохранении либеральной политики Правительства и релятивизации в целом значения социальной и патерналистской политики государства;
- инвестиции в развитие социальных движений (политических и общественных), призванных «доказать» «новое понимание» олигархами их ответственности перед обществом, с сохранением над ними партикулярного контроля и отсутствием реальных результатов деятельности;
- занятие олигархами (Абрамович, Зеленин, Хлопонин) губернаторских должностей, соединенное с кампаниями по реабилитации образа олигарха, вкладывающего «собственные» средства в благосостояние народа.

В сфере власти это выражалось:

- в формальном признании обоснованности диктуемых реформой Путина требований с постепенным выхолащиванием их содержания;
- в стремлении прямо не противостоять директивам власти в экономической политике, но размывать эти директивы, отклонять их от цели, превращать в «движение по кругу»;
- во взаимодействии с властью при активном влиянии на нее по новому сценарию, под видом добровольного и деятельного соучастия в путинских реформах, с подменой их вектора (пример: финансирование Интерросом темы «повышения качества корпоративного управления» как «панацеи» и т. д.).

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 427 13.11.2012 15:33:08

В сфере пиара и СМИ это выражалось:

- в поддержке либеральных журналистов, поддерживающих курс власти;
- в оспаривании с опережением и упреждением основных этапов путинских реформ, «забалтыванием» основных ее ориентиров;
- в консолидированной стратегии по демонстрации «покаяния олигархов», их «раскаяния», их «перевоспитания»;
- в отмывании «олигархического имиджа» с уходом от негативной терминологии, в применении к олигархам позитивной лексики — «национальный магнат», «крупный национальный бизнес», «социально значимый капитал» и т. д.

В экспертной области осуществлялось формирование «обновленной модели экспертного сообщества» (ФЭП, клуб «Валдай» и т. д.), призванного проводить тонкую операцию по изучению содержательной стороны президентских реформ (наличие адекватных, «патриотически» настроенных экспертов) с ее постепенной *денатурацией и десемантизацией* в либеральном ключе.

Именно эта стратегия стала приоритетной для крупного частного бизнеса в 2004–2007 годах, и она дала свои результаты. Отсутствие прямой конфронтации нашло относительную поддержку в окружении Путина, и такая позиция олигархата (бюро РСПП) была в целом принята. Отдельные олигархи заняли места в структурах власти, попали в «Общественную палату». Выразивших лояльность Путину либеральных журналистов и общественных деятелей не просто оставили в покое, но в ряде случаев поддержали. Ряд либеральных интеллектуальных площадок на паритетных основаниях финансировались Кремлем и олигархами.

Причин такой благосклонности Кремля к внешне покорным олигархам может быть несколько, какие из них оказались решающими, остается только гадать.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 428 13.11.2012 15:33:08

Либо Путину надо было выиграть время и сохранить силы и контроль над ситуацией для будущего этапа решения олигархического вопроса, либо он сделал ставку на их «перевоспитание», либо реальный баланс двух сил — олигархата и политической власти — был в этот период таков, что Путину не оставалось другого выхода, кроме как принять подобный сценарий. В любом случае, и те, кто ожидал реванша и возвращения 1990-х годов, и те, кто надеялся на искоренение олигархата как класса, обманулись в своих расчетах. Во второй период правления Путина между властью и крупным частным бизнесом сложилось определенное равновесие сил — от деструктивной и «революционной» деятельности олигархи воздерживались, а власть позволяла им сохраняться в прежнем состоянии.

Стратегия крупного частного бизнеса по активному и конструктивному соучастию в реализации путинских реформ

Третья возможная стратегия отношений власти и крупного частного бизнеса, связанная с реальным принятием модели путинских реформ, направленных на существенное усиления статуса государства, предполагала, чисто теоретически, следующие вектора.

В партийной жизни:

- отстранение крупного бизнеса от участия в партийной политике;
- инвестиции в укрепление позиций «Единой России» как реальной политической силы с конкретным государственническим содержанием, новой современной идеологией, прозрачной системой участия в диалоге государства и общества;
- контроль за соблюдением юридических гарантий частной собственности через правящую партию;

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 429 13.11.2012 15:33:08

• благожелательное отношение к развитию «левого» крыла «Единой России», настаивающего на укреплении социальной ориентации партии власти.

В сфере власти:

• прозрачное взаимодействие с Правительством в русле «общей задачи» синтеза между административной системой и крупным частным бизнесом во имя четко обозначенных и строго реализуемых целей — укрепления государства, повышения роли его эффективности и субъектности;

• сближение с правительственными структурами и другими органами исполнительной власти в вопросах подготовки и выработки стратегии экономического развития России;

• открытое соучастие в разработке и экспертизе решений и постановлений, а также в подготовке законодательных и нормативных актов;

• вовлеченность в процесс выработки налоговой политики государства, шкалы таможенных и транспортных тарифов с учетом политических и геополитических приоритетов государства в переходный период;

• соучастие в финансировании и эффективном менеджменте целевых государственных программ в военной сфере, в вопросах государственной, энергетической, алиментационной (продуктовой) безопасности.

В региональной политике:

• сближение с региональной властью в русле реализации общефедеральной стратегии;

• активная и прозрачная включенность в административные процессы и решение социальных задач регионов (по модели «молодых губернаторов»);

• решение о разделе секторов влияния *с учетом общегосударственной стратегии*, без использования деструктивных пиар-методологий, в русле соблюдения интересов национальной безопасности.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 430 13.11.2012 15:33:08

В экспертной области:

• создание *экспертного сообщества нового типа,* сочетающего государственническую, социально ориентированную парадигму с компетентностью, профессионализмом и модернистическими технологиями;

• инвестирование в интеллектуальные центры «путинского» формата для выработки «нового курса», для придания вектору президентских реформ конкретного и развитого *содержательного* системного наполнения.

В сфере пиара и СМИ:

• отказ от использования СМИ для «фрондерских» целей и межолигархической конкуренции;

• инвестиции в содержательные и образовательные сектора вещания, в культурные и образовательные медийные проекты, развитие региональных сетей вещания.

Эта стратегия олигархата осталась чисто теоретической возможностью. Принципиально она отличалась от предыдущей лишь содержательной и искренней заинтересованностью в долгосрочном будущем российской государственности, но такой искренности, учитывая генезис олигархов, едва ли можно было ожидать. По собственной инициативе олигархат решительного шага в этом направлении сделать не мог бы. Но определенные моменты в настроениях олигархов и некоторых членов бюро РСПП после дела «ЮКОСа» свидетельствуют о том, что кое-кто из них был готов и к такому сценарию. Для этого должны были бы быть реализованы следующие условия:

• власти было необходимо продемонстрировать олигархам (причем убедительно), что курс на упразднение олигархата взят решительно и бесповоротно, что это жесткая политика и политика долгосрочная;

• убежденность в необходимости сворачивания либерально-западнического направления должно было стать четкой идейной и мировоззренческой платформой самой

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 431 13.11.2012 15:33:08

политической элиты, то есть Путину необходимо было оформить свой курс в идеологию, в государственную идею — только в этом случае олигархи поверили бы в серьезность основных политических процессов.

То, что олигархи будут готовы самоупраздниться добровольно или перевоспитаться по-настоящему (что почти одно и то же), наивно. Нужны были системные и идеологически обеспеченные репрессии, продолжающие линию Гусинского–Березовского и «ЮКОСа». В определенный момент олигархам ничего не осталось бы делать, как принять третий проект, и в этом случае они могли бы быть власти по-настоящему полезны.

В любом случае, в 2004–2008 годах эти условия реализованы не были, и олигархат занял позицию имитации, описанную выше, ожидая любой возможности повернуть политические процессы вспять.

IV. Эффективное и сильное государство как совместный проект власти и крупного частного бизнеса

Необходимость изменения природы крупного частного бизнеса

Если чисто теоретически рассмотреть третью стратегию — «патриотического перерождения» крупного частного бизнеса в позитивную государственную силу, то следует выделить следующие основные моменты. Правда, в данных условиях эти вектора развития представляют собой чистую абстракцию, так как для их реализации не созданы необходимые условия. Эти условия могли бы быть созданными в 2004–2007 годах, но этого не произошло. Поэтому данный проект остался чисто виртуальным, и вернуться к нему можно будет только на новом витке.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 432 13.11.2012 15:33:08

В случае принятия путинского курса на укрепление роли государства олигархат был бы принужден изменить свою *качественную природу*, свое содержание. По сути, это должна была быть эволюция в нечто новое, смена идентичности.

Олигархат конституируется в новый субъект

Конструктивный проект модернизации и усиления государства с опорой на крупный частный бизнес потребовал бы фундаментальной перестройки и бизнеса, и административной системы. Это не просто согласие с требованиями государства, которое стремится заново вменить себе право превосходства в политико-экономической системе общества, превратив олигархат в рядовой объект (или даже в «козлов отпущения»).

Сам проект наделения национального государства субъектностью, утраченной в период Горбачева–Ельцина (в силу чего и сложилась олигархическая система как новый альтернативный субъект), весьма *проблематичен*. Он требует активизации и мобилизации самых *пассионарных* социальных типов. Представители олигархата и крупного частного менеджмента безусловно относятся к этой категории, представляя собой «пассионарную среду» с максимально выраженной субъектностью в сравнении с остальными общественными сегментами, и в первую очередь с чиновничеством. Исходя из этих соображений представители олигархата, понявшие и признавшие легитимность «державного проекта», могли бы быть приглашенными к *сотворчеству* в новой фазе социально-политического становления российской государственности. Им можно было бы предложить *включиться в формирование нового исторического субъекта*.

Смысл этого субъекта теоретически заключался бы в том, что он призван *синтезировать государственные (национальные и социальные) интересы с энергиями крупного част-*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 433 13.11.2012 15:33:08

ного предпринимательства. За образец может быть взято американское общество, чье процветание основано на полной *конвергенции интересов государственной геополитики, административной системы, крупного частного капитала и интеллектуальной элиты.*

Государство в такой ситуации предстает перед крупным частным бизнесом не как объект коррупции, расхитительства, эксплуатации и демпинговой распродажи, но как *консолидированный и оптимизированный хозяйствующий субъект*, оживленный динамикой эффективного частного менеджмента.

В такой модели *качественно меняется не только положение олигархов, но и природа государственной власти*. Олигархи инвестируют свою энергию в государство, но при этом государство видоизменяет свою структуру в соответствии с логикой оптимизации эффективности, модернизации и максимализации прибыли, свойственной крупному частному бизнесу.

Государство как субъект неуклонно слабело на всем протяжении позднесоветского (Горбачев) и либерально-реформаторского (Ельцин) периодов. Это проявлялось во всем: в утрате геополитического контроля над Восточной Европой, в распаде СССР, в невиданном повышении уровня коррупции, в начале сепаратистской волны на Кавказе, в интеллектуальном и нравственном разложении общества, в росте преступности, в упадке социальной системы и т. д. Разлагаясь и утрачивая реальность власти, чиновничество *само создавало* олигархическую систему, которой постепенно — через механизмы тотальной коррупции — передавало инициативу реального управления экономикой в стране. По мере утраты государством эффективности, напротив, эффективность олигархических кланов возрастала.

В период своего президенства Путин попытался *обратить этот процесс вспять и восстановить субъектность государства*. Но он был вынужден опираться на прогнившую и по-прежнему мало эффективную чиновничью

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 434 13.11.2012 15:33:09

власть, то есть на само государство в его конкретном административном воплощении. Новое государство, которое было необходимо запустить, *нуждалось в силе и энергии*, которую трудно встретить в чиновничьей среде. Для этого Путину понадобились бы *динамичные и эффективные структуры, существующие в менеджерском сегменте олигархических структур*. И основная задача состоит в том, чтобы *включить этот сегмент* на прозрачных, взвешенных и достойных условиях в *общегосударственный менеджмент* с соответствующим видоизменением самой его природы.

В этом мог бы состоять смысл политической «оферты» Кремля олигархату.

Если на предыдущих этапах ослабление государства шло параллельно усилению олигархата, то в новых условиях, при административно и политически укрепленном государстве, можно было бы перераспределить эти процессы на новых основаниях: не на условиях олигархата (*власть для бизнеса* — пик коррупции) и не на условиях государства (в его инерциальном бессубъектном, неэффективном и коррумпированном состоянии — *экономические репрессии*), а на условиях «общего проекта».

Крупный частный бизнес берет на себя социальную ответственность

Серьезность принятия новой модели отношений власти и бизнеса со стороны крупного частного бизнеса должна была бы проявиться *через осознание своей реальной социальной ответственности* перед обществом.

Крупный частный бизнес должен был бы научиться рассматривать страну и народ как *важнейший элемент своей собственной экономической стратегии*: не просто как количественный материальный элемент (наемную рабочую силу или затратную часть), но как *«жизненную среду»* всего цикла хозяйствования. Это означает, что экономическая

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 435 13.11.2012 15:33:09

деятельность олигархических структур должна была бы мыслиться как *протекающая в конкретном социальном контексте*, ответственность за гармонизацию которого несет не только государство, но и сам этот бизнес.

Такой подход возможен только в том случае, если крупный частный бизнес будет *отождествлять свои интересы с общей логикой государственного и общественного развития*, осознавать себя полноценной и полновластной частью государства и общества, на которой лежит дополнительный груз заботы о поддержании и воспроизводстве «человеческой», культурной среды обитания.

В современной России социальная проблема и ее решение по-прежнему повисают в воздухе. В государственном бюджете эта строка чисто затратная, и ее насущность определяется лишь потребностью удержать общество от протестных выступлений, смягчить последствия кризиса или «утихомирить» народ перед выборами. Либеральный подход к обществу предполагает, что слабые должны сами заботиться о себе, становясь сильными по логике «борьбы за выживание». При таком подходе государство *имитирует озабоченность* социальными вопросами, а крупный частный бизнес и вовсе освобождается от этой темы, периодически кидая обществу «добровольные подачки» («акты милосердия») или договариваясь с коррумпированным чиновничеством об «имитации» социальных мер. В остальных случаях социальные траты частного бизнеса прикрывают собой махинации и манипуляции с налогами. Слабое и коррумпированное государство с либеральной экономической политикой и сильный и самостоятельный крупный частный бизнес просто не могут иначе относиться к социальной сфере; по практическим и даже теоретическим соображениям социальный вопрос является здесь *второстепенной заботой*. Слабое государство не может (при всем желании) оказать населению необходимую социальную поддержку, а сильный крупный частный бизнес не видит в этом необходимости. *В условиях преобладания либераль-*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 436 13.11.2012 15:33:09

ной теории социальный вопрос маргинализируется даже на чисто теоретическом уровне.

Реальное изменение к лучшему состоянию социальной сферы в современной России возможно только через *видоизменение базовых параметров* — через укрепление государства, ревизию либеральной идеологии и внимание *крупного частного бизнеса к общенациональным интересам.*

Последовательное распространение такой модели как прозрачной системы с понятными и определенными правилами решило бы три фундаментальные задачи:

1. *Укрепило бы административную систему реальными менеджерами с современным опытом эффективного оптимизированного управления* (в отличие от «генетических» чиновников, чей управленческий опыт по определению связан с историческим этапом «старой» и «ослабленной» государственности).

2. *«Легитимизировало» бы крупный частный капитал как позитивный социальный гарант экономической стабильности* — как общенародный «стабилизационный фонд».

3. *Заставило бы скорректировать либеральный подход к экономике в социальном ключе* (в частности, через реабилитацию принципа «социальной справедливости»).

Крупный частный бизнес и национальная ответственность

Национальная ответственность крупного частного капитала теоретически должна была бы проявляться в осознании и признании высшим критерием геополитических и стратегических интересов государства.

Это означает, что свобода крупного частного предпринимательства заведомо должна *ограничиваться рамками, в которых оно нейтрально в отношении глобальных интересов России или протекает в их русле.*

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 437 13.11.2012 15:33:09

Основными геополитическими приоритетами России на данном этапе являются:

- подержание и укрепление целостности государства;
- превентивные меры против сепаратизма и этноконфессиональных конфликтов на территории РФ;
- укрепление суверенитета России и повышение ее влияния в международной жизни;
- создание многополярного мира, развитие гармоничных отношений со странами Востока и Азии (шире — третьего мира);
- усиление влияния России на постсоветском пространстве (евразийская интеграция);
- сбалансированная политика между Евросоюзом и США.

Эти приоритеты должны были бы лечь в основу экономических программ и проектов крупных частных монополий, их следует учитывать как граничные *условия*, в рамках которых осуществляется собственно рыночная стратегия извлечения максимальной прибыли.

Крупный частный бизнес и укрепление целостности государства

Принцип *укрепления целостности государства* накладывает особые обязательства на крупные частные компании, связанные с ТЭК и транспортными сетями. Это означает, что ценовая политика платы за энергоресурсы внутри страны, тарифы на транспорт и цены на топливо и бензин должны были бы учитывать стратегический императив укрепления территориальной целостности, что напрямую влияет на ценовую конъюнктуру. Этот фактор должен был бы закладываться как необходимый индекс в экономические планы крупного частного бизнеса, ограничивая собственно рыночный подход.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 438 13.11.2012 15:33:09

В принципе, полезно было бы ввести процедуру специальной *экспертизы* деятельности крупных частных компаний этого сектора, в ходе которой разрабатывалась бы шкала допустимых изменений в ценовой политике, прозрачно согласуемая совместно правительственными инстанциями и топ-менеджментом крупных частных компаний.

Крупный частный бизнес и противодействие угрозе сепаратизма

Превентивные меры против *сепаратизма и этноконфессионального экстремизма* предполагают учет крупными частными компаниями, имеющими в ряде регионов функции *основного экономического фактора*, напрямую влияющего на социально-политическую ситуацию в регионе, *этноконфессионального баланса*, а также демографических последствий процессов миграции, связанных с развитием тех или иных экономических инициатив. Массовое и бесконтрольное привлечение в ряде областей низкооплачиваемых рабочих из сопредельных стран может привести к серьезному нарушению этносоциального баланса и стать питательной средой деструктивных процессов. Особое значение имеет здесь конкретное положение в Сибири и на Дальнем Востоке, где налицо прямая угроза демографической экспансии китайского населения. С учетом слабой заселенности этих территорий и больших транспортных издержек весь этот обширный регион РФ представляет собой *угрозу сохранению территориальной целостности страны*.

Другим потенциально опасным регионом являются полиэтнические области Северного Кавказа и национальные республики Поволжья и Юго-Восточной Сибири, где демографические сдвиги, сопряженные с деятельностью крупных частных компаний федерального уровня, могут привести к катастрофическим последствиям. Эти соображения

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 439 13.11.2012 15:33:09

накладывают на крупные частные компании, действующие в этих областях, повышенную ответственность и требуют корректировки чисто рыночного подхода. Здесь также речь может идти о создании процедуры прозрачной *геополитической экспертизы.*

Крупный частный бизнес и роль России в международной жизни

Требование *укрепления суверенитета России и повышения ее влияния в международной жизни* теоретически накладывает на крупные российские компании обязательства *в области международной торговли*. Это заставляет корректировать экономические проекты, ценовую и тарифную политику крупных частных компаний, особенно связанных с экспортом энергоносителей, *с общими геополитическими установками РФ*. Долгосрочные и среднесрочные интересы российской государственности, соображения заботы о грядущих поколениях должны были бы быть *корректирующими моментами экономической внешнеторговой стратегии* крупных частных корпораций. Для этого также необходимо было бы создать структуры тесного взаимодействия геополитических и экономических экспертов Правительства с топ-менеджментом крупных компаний.

Крупный частный бизнес и строительство многополярного мира

Императив *создания многополярного мира* требует сбалансированного подхода к внешнеторговым отношениям с разными странами — как с развитыми странами Запада, так и с развивающимися странами Востока. В стратегических интересах России — *многовекторность* экономических отношений России с различными странами. Это каса-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 440 13.11.2012 15:33:09

ется сферы внешней торговли энергоносителями, поставок других видов стратегического сырья, обмена высокими технологиями и торговли вооружениями.

Помимо очевидных преимуществ развития внешней торговли со странами Запада, следовало бы уделять повышенное внимание внешнеторговым связям со странами Востока и Азии, которые могут представлять для России новые рынки, а также важных стратегических партнеров по различным видам экономической деятельности. Россия заинтересована в экономическом и стратегическом развитии стран Азии и Востока как в силе, *потенциально уравновешивающей* экономически развитый Запад. Этот фактор следовало бы учесть как желательный вектор стратегии крупного частного бизнеса.

Крупный частный бизнес и интеграция постсоветского пространства

Усиление влияния России на постсоветском пространстве теоретически предполагает координацию деятельности крупных частных компаний с общими стратегическими задачами РФ. В развитии партнерских отношений со странами СНГ следовало бы руководствоваться принципом самоценности и долгосрочной стратегической целесообразности *интеграционных аспектов*, что в ряде случаев может повлиять на тарифы и ценовую политику, с договоренностью относительно налоговых льгот и таможенных пошлин, взимаемых с крупных частных компаний, внимательно учитывающих геополитические приоритеты России в сфере интеграции. Стратегии ценовой политики в сфере энергоресурсов, а также тарифы на перевозку и транспортировку сырья следовало бы определять в *специализированных экспертных инстанциях*, где согласовывались бы приоритеты Правительства РФ в пространстве стран СНГ с экономическими интересами крупных частных корпораций.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 441 13.11.2012 15:33:09

Крупный частный бизнес и отношения со странами Запада — США и Евросоюзом

Сбалансированная политика РФ в отношении Евросоюза и США является залогом гармоничного развития отношений со странами Запада в условиях, когда *экономическая конкуренция между ЕС и США становится все более ясно обозначенной.* Это в первую очередь затрагивает область экспорта Россией газа и нефти в Европу по сети континентальных газо- и нефтепроводов, что обеспечивает Европе экономически конкурентные преимущества перед США и независимость от американского контроля над нефтедобычей в арабском мире и Центральной Азии. Энергоресурсы России и центральноазиатских стран СНГ, а также территориальный транспортный потенциал таких стран СНГ, как Украина и Беларусь, делают Россию (и СНГ в целом) *важнейшим фактором в экономической конкуренции двух западных экономических империй*. Это превращает крупные частные нефте- и газодобывающие, а также транспортные и перерабатывающие компании России *в геополитический фактор планетарной значимости*, намного превосходящий тот масштаб, который связан с конкретной конъюнктурой цен и возможными краткосрочными выгодами от сделок. Стратегия поведения крупных российских частных компаний в этом вопросе не может быть делом извлечения сиюминутной выгоды, но *требует серьезного стратегического планирования* с учетом долгосрочных и среднесрочных государственных интересов. В этой сфере, как и во всех остальных, необходим инструмент эффективной совместной экспертизы власти и бизнеса.

Необходимые условия и отложенные песрпективы

Описанная модель гармонизации отношений между властью и крупным частным бизнесом представляет собой

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 442 13.11.2012 15:33:09

теоретический проект, необходимым условием которого является наличие у Кремля ясного осознания необходимости системной реструктурации отношения с бизнесом и твердой воли к доведению этой линии до логического конца. Иными словами, необходимы государственная идея, цельное и современное мировоззрение, которое обеспечило бы движению в этом направлении последовательность, длительность, гарантии, независимость от случайных условий и флуктуаций. Проведение подобной политики требует перехода от *личностей* властителей и олигархов, с их конкретными историями и отношениями, к *принципам*, идеям, строго установленным и жестко соблюдаемым всеми участниками процесса правилам. А так как перераспределение сил в данном случае идет в пользу государства, оно само должно осознать, что есть определенный лимит времени, в течение которого необходимо качественно повысить свою эффективность, и инициатива в этом вопросе должна исходить именно от него самого. Крупный частный бизнес вполне способен понять смысл такой мировоззренческой оферты. Но по своей воле он, конечно же, на это не пойдет, хотя бы потому, что прекрасно знает цену государственным чиновникам, которые в инерциальном сценарии готовы, за определенное вознаграждение, подстроить самые здравые директивы высшего руководства под интересы своих коррупционных контрагентов. Даже признавая логическую убедительность подобных проектов, олигархат согласится с ними только перед лицом чрезвычайно убедительных мер, которые, если называть вещи своими именами, должны представлять собой не что иное, как угрозу репрессий (как экономических, так и юридических). Государство — это единственная инстанция в демократическом обществе, имеющая право на легитимное насилие. Однако если применять его избирательно, против отдельных фигур, и если не замечать коррупции и разложения в своей собственной структуре, эта исключительная прерогатива может быть дискредитирована. Без насилия должных резуль-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 443 13.11.2012 15:33:09

татов добиться, видимо, не получится. Но его применение с необходимостью должно исходить из правового обеспечения и справедливости.

Несмотря на то что в настоящих условиях проект гармонизации отношений между властью и крупным частным бизнесом практически снят с повестки дня, с чисто теоретической точки зрения, он является неизбежным и к нему рано или поздно придется прибегнуть в том случае, если Российское государство выстоит и дозреет до осознания необходимости своего глубокого совершенствования.

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ И ОЛИГАРХАТ

Выборы нового Президента РФ, Дмитрия Медведева, привнесли в отношения власти с крупным частным бизнесом новые мотивы. Накануне его избрания на базе РСПП был создан новый экспертный центр — Институт современного развития (ИНСОР) под руководством «спикера олигархов» Игоря Юргенса. Председателем попечительского совета центра стал Президент РФ Дмитрий Медведев. В окружении нового Президента быстро появились и другие либеральные экономисты и эксперты — Аркадий Дворкович, Евгений Гонтмахер и т. д. Крупный частный бизнес стал рассматриваться новой командой в Кремле как мотор и главная сила модернизации страны.

По сути, это стало новым этапом, который по ряду параметров контрастировал с путинским курсом. При отсутствии четко описанной государственной идеи, с не доведенной до логического конца политикой по «перевоспитанию олигархов», не говоря уже об искоренении олигархата, такая линия поведения Кремля могла быть истолкована олигархами как слабость. Учитывая структуру происхождения российского крупного частного бизнеса, половинчатость алгоритма отношений к нему со стороны власти в период

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 444 13.11.2012 15:33:09

2004–2007 годов, можно предположить, что он воспользуется ситуацией для укрепления своих позиций. Следовательно, общество имеет перспективу возврата на новом этапе к ситуации 1990-х годов, то есть к новой попытке «приватизации государства».

Курс Медведева на борьбу с коррупцией теоретически должен был бы означать усиление государства по отношению к частному бизнесу, совершенствование репрессивной системы, препятствующей тем сложившимся стереотипам отношений, которые лежат в основе современного российского капитализма. Но вместо этого Медведев делает ставку на «демократизацию» и «либерализацию», полагая, что хронические проблемы российской экономики и негативные стороны социально-политической системы представляют собой лишь инерциальное наследие «додемократической» (читай «советской») эпохи.

Курс на модернизацию и борьбу с коррупцией, будучи сам по себе здравым и жизненно необходимым для современной России, должен учитывать историческую специфику нашего общества. Особенно следовало бы обратить внимание на то, что на всех этапах российской истории модеранизация и борьба с коррупцией проходила в очень жесткой форме, так или иначе связанной с «опричиной» или с ее еще более брутальными и идеологизированными аналогами. Крупный частный бизнес даже теоретически не может быть в этом помощником, равно как и обычное чиновничество, поскольку любые стратегии по борьбе с коррупцией и модернизационные программы будут немедленно использованы для повышения чиновничей ренты и захватов освободившихся зон новыми приватизаторами. Чтобы справиться со все еще сильным российским олигархатом, государство должно быть сильным. Медведеву в наследство от Путина досталось государство, которое является несравнимо более сильным, чем в предыдущие годы. Но все же недостаточно сильным, чтобы искоренить олигархат

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 445 13.11.2012 15:33:09

как явление. Любые шаги в сторону олигархата со стороны власти могут только ослабить государство и усилить сам олигархат, который при любой возможности снова начнет проверять власть на прочность и в определенный момент, по естественной траектории, возобновит свои попытки «приватизации государства».

Это очень тонкий момент. Путинский курс отличался постоянным стремлением повысить значение государства. В международной политике это было связано с укреплением суверенитета в противовес давлению США и Запада. Во внутренней политике — с укреплением федеральной вертикали власти в противовес сепаратистским тенденциям. В экономической политике — с прогрессирующим ослаблением олигархата, вопреки «внесистемной оппозиции» и вначале активному, а затем пассивному сопротивлению самих олигархов. Если курс Президента Медведева начнет отклоняться от путинской траектории в пользу олигархата, то нельзя исключить, что это приведет к ослаблению позиций государства и в остальных областях — по той же логике, по которой события развивались в 1990-е годы.

При такой парадигме при всем желании невозможно представить себе выстраивание конструктивных отношений между крупным частным бизнесом и Кремлем: для реализации содержательной трансформации этого бизнеса и перехода его на устойчиво патриотические и государственные позиции нет никаких серьезных оснований. В силу своей ментальности олигархи воспримут ослабление давления на них со стороны власти как ее слабость, подобно тому, как американцы расценили «реформы» Горбачева и Ельцина как признание поражения России в холодной войне. Путинский курс в 2000–2008 годах также может быть расценен как противостояние государства с олигархатом. Ослабление позиций государства при Медведеве может послужить только к стимулированию того, что олигархи вновь попытаются «завоевать государство» и смелее

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 446 13.11.2012 15:33:09

перейдут от политики имитационной покорности Кремлю к политике шантажа. И естественно, в какой-то момент они выдвинут свои главные требования: отставка Путина, критика его курса, очередный пересмотр нашей недавней истории. И из уст некоторых идеологов, входящих в окружение Медведева, выражающих интересы крупного частного бизнеса (Юргенса, Гонтмахера и др.), призывы к ревизии путинского курса уже давно и открыто звучат.

МАЛОМУ БИЗНЕСУ НЕОБХОДИМО СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Помимо вопросов взаимодействия власти и крупного бизнеса в России совершенно не отрегулирован вопрос взаимоотношения государственных структур и «малого бизнеса». При этом речи о необходимости поддержки малого и среднего бизнеса можно слышать из уст государственных чиновников постоянно. Государством не раз затевалось реформирование этих отношений, однако в ответ происходит нечто странное — против таких реформ активно выступают представители именно малого и среднего бизнеса, в интересах которого эти реформы якобы и проводятся. Они заявляют, что будет только хуже, что взяток платить им придется еще больше, что действия правительства загонят их в тень, чего они на самом деле не хотят.

Мы всё время говорим, что необходимо поддерживать малый и средний бизнес как альтернативу олигархам, как будущую опору экономики. И вдруг такая неожиданная реакция.

Следует заметить, что в значительной степени малый и средний бизнес в наших условиях был проигран еще на заре реформ. Дело в том, что удержать ситуацию от глобальной коррупции, от полного разложения государства можно было лишь на первом этапе горбачевских реформ.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 447 13.11.2012 15:33:09

Для этого надо было сохранить сильный государственный аппарат и, может быть, даже партийную систему, как в Китае, и на этой основе постепенно передавать полномочия на приватизацию среднему и малому бизнесу. Мы этот вариант проскочили, предельно ослабив государство и предельно его коррумпировав. Государство при Ельцине фактически стало фасадом, декорацией олигархического капитала, который заполучил в свои руки всю власть, всё скупил, расставил своих президентов, причем сделал это очень легко. Но сегодня с этой ситуацией уже не так легко справиться. Для того чтобы ее переломить, необходимы меры настолько мощного воздействия государства, которые без мобилизационной идеологии, причем в жесткой форме, просто не осуществить.

Исходя из такого анализа наших реалий всё становится понятным. Вопрос о среднем и малом бизнесе — это вопрос о фундаментальном повышении статуса государства. Только сильное государство способно предотвратить коррупцию в высших эшелонах чиновничества и побороться с ней на уровне нижнего и среднего звена, который будет нормально взаимодействовать со средним и малым бизнесом. А пока таких вещей нельзя сделать, все остальные попытки реформировать государственную машину будут сохранять «статус-кво» господства олигархического капитализма. При этом у нас за последние годы установилась классическая форма компрадорского внешнего управления страной кланами, не связанными ни с нашей экономикой, ни с национальной системой, ни с политикой, ни с социумом, — управление отщепенцев.

Вопрос именно в этом: средний и малый бизнес у нас бессилен, его почти нет, он загнан в положение, очень близкое к бюджетникам, к самому низу, к ногтю. Реальный, нормально работающий рынок у нас отсутствует именно потому, что у нас слабое государство. А усилить его не получается: одних деклараций и заклинаний недостаточно.

Для того чтобы усилить государство, надо ограничить и уничтожить олигархию. Причем не частично, не выбо-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 448 13.11.2012 15:33:09

рочно, но надо уничтожить весь олигархат. Не просто одного-двух посадить, а всех вывести под корень. Надо деприватизировать монополии на энергоресурсы. И дальше строить нормальный, более-менее сбалансированный капитализм. Сегодня именно олигархат не дает развиваться капитализму. И любые действия ныне существующей государственной машины, подконтрольной олигархам, представляют собой камуфлирование реальной недееспособности государства, маскарад, дурную пьесу, поставленную теми же олигархическими структурами. Малый и средний бизнес, на самом деле, понимает это, но он ничего сделать не может: у него нет сил, его слишком мало, он растерян, хаотичен. И потом, малый и средний бизнес в наших условиях является продуктом сильной государственной системы, а не наоборот. Малый и средний бизнес сами по себе не возникнут, пока государство не решит проблему с олигархами и не установит жесткие единые для всех правила игры и не будет их поддерживать.

Для того чтобы малый и средний бизнес стали сильными, стали классом, стали субъектом, нужна реформа. Возможно, обращение к авторитаризму, режиму чрезвычайной ситуации и политической диктатуре. Без этого, как показывает ситуация, ничего не решить. Вопрос необходимо ставить так: либо демократия (плюс олигархия), либо свободный рынок (плюс диктатура).

ИДЕОЛОГИЯ БИЗНЕСА

Принято думать, что бизнес — это деньги, экономические расчеты, маркетинг, финансы и т. д. Но бизнес делают люди, и своим появлением он обязан именно социальным явлениям. Жизнь человека определяется его мировоззрением, а над обществом, по словам В. Белинского, имеют прочную власть только идеи. Стало быть, и в основе бизнеса как части социальной системы должна лежать некая идеология.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 449 13.11.2012 15:33:10

Мировоззренческая база бизнеса и экономики

Какая же идеология сформировала бизнес и сделала его успешным? С точки зрения социологии, экономика является производной от мировоззрения и идеологии. Более того, идея бизнеса и предпринимательства, осмысленная как последовательная стратегия, лежит в основе появления современного мира. Это прекрасно описал социолог Вернер Зомбарт в своих книгах «Буржуа» и «Герои и торговцы». По мнению Зомбарта, в основе предпринимательства лежит специфический мировоззренческий тип Торговца, который во всем противоположен типу Героя, находившемуся в основе традиционного средневекового общества. Герой — это не просто положительный персонаж. Герой в социологии — это центральная фигура в обществе, которая вводит идею силового поведения. Герой — человек, творящий насилие в любой форме: морально оправданное (рыцарские завоевания) или бессмысленное и жестокое (грабежи, захватнические войны). Идеал Героя основан на примате силы. В противоположность ему идеал Торговца основан на примате хитрости и коварства. Есть и третий путь, который предлагают социалистические идеологии. Немецкий мыслитель Эрнст Юнгер в 1920-е годы выдвинул идею Труженика — честного человека, не являющегося насильником, то есть не воина и не торговца, а творца и созидателя. На практике этот третий тип все равно тяготет либо к Герою, либо к Торговцу (золотую середину выдержать трудно).

Можно с уверенностью сказать, что бизнес как явление основан на идеологии Торговца. Торговец — это такой же индивидуалист и насильник, как Герой, но реализующий свои устремления подлыми, низкими способами. Не рискуя отобрать и подчинить себе более слабого, он обманывает, подставляет его, нарушает обещания, ищет лазейки в законах и договорах. Словом, берет не силой, а хитростью, причем формально не выходя (или почти не выходя) за рамки законности.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 450 13.11.2012 15:33:10

В российском бизнесе после краха социалистического идеала Труженика присутствуют обе эти модели. Наше российское бизнес-сообщество, с сильной примесью бандитизма, номинально основано на идеале Торговца, но имеет много силовых черт. Неслучайно только у нас существует выражение «авторитетный бизнесмен», то есть «полубизнесмен-полубандит».

Религиозное мировоззрение в формировании идеологии бизнеса

Не секрет, что предпринимательство в Европе начало бурно развиваться с приходом протестантизма: идеи Лютера и Кальвина в идеологию Торговца встраивались абсолютно беспрепятственно. Дело в том, что протестанты в начале своего пути были религиозным меньшинством. Они представляли интересы третьего сословия, и, не будучи способными воплотить пассионарную энергию в рамках сословного общества с доминацией силовых установок, аристократы и католический клир были вынуждены «идти в обход», реализуя волю к власти косвенными способами.

Обходные пути предполагают маскировку того хищнического инстинкта, который лежит в основании героического подхода. Что делает Герой, когда видит слабого? Он покоряет его и отбирает имущество. Так устроено сословное, феодальное и, в значительной степени, монархическое общество, где на вершине стоит самый сильный. Протестантизм стал альтернативной идеологической и религиозной установкой, делавшей ставку не на иерархию, а на отдельного человека третьего сословия, который находился внизу этой лестницы. Протестантизм предложил обходить сложную иерархию, реализуя волю к власти не прямо, путем силового контроля и давления, а хитростью и иногда подлостью.

По большому счету, бизнес — это месть обществу со стороны пассионариев, которым не дали возможности зани-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 451 13.11.2012 15:33:10

маться прямым грабежом. Идеал протестантизма — образ Скупого рыцаря. Это фигура, являющая собой начало новой протестантской культуры, где все, что нельзя отобрать, приобретается хитростью. Так, за грошовые бусы была скуплена у индейцев земля в Америке. Примерно таким же образом у нас проходили залоговые аукционы и ваучерная приватизация. Если бы появившаяся тогда «новая знать», вроде Березовского, Гусинского, Чубайса, Абрамовича, Потанина и других, попыталась строить открыто феодальное общество, то есть отнять все силой, их бы мгновенно вздернули на фонарях. Поэтому то же самое они реализовали косвенным путем, через видимость либерально-демократической революции.

Идеология бизнеса теснейшим образом связана с идеологией меньшинств, наделенных очень мощной волей к власти, но по некоторым причинам — религиозной, этнической, социальной принадлежности — не способных заявить свои права на власть и насилие напрямую. Вот что лежит в основе идеологии бизнеса и типа бизнесмена. Бизнесмен — это «стыдливый насильник», который не может или боится отобрать напрямую.

Можно в этой связи предположить, что экономическое чудо, которое наблюдалось недавно в странах Юго-Восточной Азии, связано именно с тем, что страны «третьего мира» (как некогда и представители «третьего сословия»), которые не могли заявить о себе с позиции силы, заявили о себе с позиции бизнеса. Возьмем, например, вариант с Южной Кореей. Ее успех связан, в том числе, с распространением протестантизма, который исповедуют уже более половины населения страны. В рамках буддистской или конфуцианской этики, которая была распространена в Корее традиционно, построить настоящий капитализм невозможно. Поэтому для имплантации капитализма американцы завезли туда протестантских проповедников, ставших создавать идеологические предпосылки для развития бизнеса.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 452 13.11.2012 15:33:10

Кроме того, в Южной Корее, прежде чем она стала «экономическим чудом», возникли большие государственно-частные мафиозные группировки, стыдливо называемые «чеболями». Вместо клановой и религиозной аристократии, сложилась новая модель крупных мафиозных структур, которые стали объединять экономические факторы в своих руках, создавая альтернативные, параллельные формы власти, не свойственные традиционному южнокорейскому обществу.

Аналогичная картина складывается во всех районах Азии, кроме Китая, где бизнес и бизнес-элементы развиваются под жестким контролем коммунистической партии. По сути, бизнес везде одинаков — это всегда обман и разложение традиционных устоев. Он всегда находится в оппозиции к идеалам героев и тружеников. «Частная собственность есть кража», как сказал Прудон. Вот и вся идеология предпринимательства. Единственное, что эта кража должна быть красиво обставлена.

Торговцы и плуты сегодня надевают чистые костюмы, нанимают себе армию юристов, всем своим видом говорят: «мы не такие, как вчера, мы больше не носим малиновые пиджаки, не ездим на стрелки, не кидаем партнеров открыто», и пытаются придать своему бизнесу подчас «государственный» характер. Однако сущность их осталась прежней. Наша политическая система, опирающаяся в экономической сфере на бизнес и обслуживающий его персонал (журналистов, политиков, экспертов), — это система реабилитации воровства, надувательства и мошенничества.

С появлением во власти Путина многие тенденции давали надежду на то, что будут введены какие-то силовые модели, что будет создан некий аналог опричнины и осуществлен возврат к идеалу Героя. Замаячила перспектива передачи власти от мошенников к героям. Но пока это осталось большим мифом. Впрочем, битва эта еще не окончена, и сегодня своевременно поднять вопрос об идеологии бизнеса.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 453 13.11.2012 15:33:10

В нашей ситуации в России идеология имеет очень большое значение, и борьба «силовика» с «мошенником», возможно, и составляет тот контекст, в котором разворачиваются основные события в экономике и обществе.

Конечно, нельзя по умолчанию констатировать деградацию общества даже в том случае, если верх берет «мошенник». «Мошенник», «подлец» и другие эпитеты здесь следует воспринимать как социологические термины: это рассуждение с позиций социолога, направленное к элитам, а не к массам, воспринимающим всё буквально. Все три типа — силовики, мошенники, труженики, — придя к власти, подстраивают общество под собственную систему ценностей. Сложно сказать, переход к какому обществу можно считать деградацией. Это дело выбора. Кто-то считает, что с мошенниками проще — они не прибегают к прямому насилию, в отличие от силовиков: разорить, унизить, обобрать и облапошить все же лучше, наверное, чем убить (если рассуждать с позиции жертвы). У тружеников свои особенности. Они, возможно, создадут справедливую систему, где не будет обмана или его будет меньше. С другой стороны, чтобы этого добиться, они, опять же, прибегнут к насилию пусть не к индивидуальному, но к общественному, которое мы видели при социализме и которое препятствует социально-экономическому развитию. Чистая доминация героев эстетически красива, но неплохо было бы узнать, что думают об этой красоте серфы и рабы.

Нельзя назвать доминирование какой-то из идеологий деградацией. Другое дело, к чему приведет, например, триумф мошенников в нашей стране? Опасность власти мошенников в том, что в какой-то момент они постараются «объегорить» государство и народ, поскольку никаких обязательств они ни перед кем не имеют. Бизнесмен не может быть нравственным человеком, иначе он просто разорится. Поэтому совершенно спокойно рано или поздно он может дойти до того, что превратит в товар Родину.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 454 13.11.2012 15:33:10

А к чему могут привести силовики? К переделу собственности, к «беспределу», к «черным воронкам». Но скорее всего они сохранят страну. Так вот, те, кто хочет мира, кто хочет больше всего заработать, будут поддерживать мошенников. А те, кому важно сохранить государство, будут на стороне силовиков либо тружеников. Но здесь стоит понимать, что и от тех, и от других можно индивидуально получить «по башке» ни за что. Словом, все имеет свои плюсы и минусы. Социология просто пытается описать эти процессы объективно.

Если посмотреть на историю России, то бóльшую ее часть нами правили либо силовики, либо труженики. У нас были всего два периода власти торговцев — это февральская революция, которая продлилась с полгода, и ельцинско-гайдаровско-чубайсовский период, который длится до сих пор. Для нашей страны эта идеология просто не характерна. И по моим прогнозам, в какой-то момент мы вновь придем к доминации «силовиков», привычной для нас, а затем, может быть, и к доминации «тружеников». Когда озвереем от силовиков. Но только не сейчас, а через несколько этапов. Поскольку в данный момент мы пресыщены социализмом.

Идеал труженика — самый симпатичный из всех названных. Но, с другой стороны, когда труженик строит свое государство, насилия употребляет немало. Две тоталитарные системы, которые уничтожили больше всего своих граждан, представляли собой общества тружеников. Как ни странно, самый меньший ущерб — от силовиков.

Феномен купцов-старообрядцев

Что касается религиозного фактора, сформировавшего бизнес-сообщество в России, то в этой связи часто любят вспоминать русских купцов-старообрядцев, которые считаются у нас едва ли не эталоном честного предпринимательства. Но в этом есть элемент определенной мифологизации

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 455 13.11.2012 15:33:10

русского купечества — например, «твердое слово», честность и пр. Я сам — старообрядец, достаточно подробно изучал этот вопрос и с полным правом могу говорить об этом. Дело в том, что старообрядческое купечество рассматривало русское общество после раскола как общество антихриста. Никониане были для старообрядцев все равно что черти. Поэтому, например, старообрядческие купцы федосеевского толка, очень жестко соблюдавшие не только посты, но и малейшие тонкости древнего канона и фундаментальные требования личного благочестия, свободно продавали никонианам, к примеру, мясо в Великий пост. Почему? Они просто считали, что перед ними не люди.

По сути дела, само использование такими религиозными людьми методов бизнеса было возможно только в том случае, если те, с кем они имели дело, рассматривались как нелюди, с которыми можно обращаться довольно отчужденным способом. Можно сказать, что старообрядцы были социалистами *внутри* своего сообщества и капиталистами *вовне*. Сплошь и рядом они записывали весь капитал старообрядческой общины на одно лицо. Этот человек на самом деле не был бизнесменом, он жертвовал собой, занимаясь бизнесом, поскольку это считалось про́клятым делом. Занимаясь предпринимательством, он брал грех на себя, но спасал общину, которая благодаря ему получала возможность материального существования. И этот купец-старообрядец рассматривал людей, с которыми он торговал, как тех, кого можно и нужно «объегорить», как нелюдей и недолюдей. Как видим, старообрядцы, если говорить об идеологической базе предпринимательства, не являют собой исключение. Другое дело, что их деятельность имела богословскую подоплеку, а послераскольную Россию они считали «новым Вавилоном». Никониан они называли «кадровыми» — принадлежащими Вавилону, работающими на него, «ходячими трупами» (в этом как раз и состоит сущность капитализма, который относится к людям либо как к трупам, либо как к мерзавцам, либо как к недолюдям). Старообрядцев испокон веков зажимали, не давали

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 456 13.11.2012 15:33:10

им занимать должности, и они не могли реализовать пассионарность каким-либо другим способом, кроме как заниматься бизнесом. Все это оправдывалось тем, что они все это совершают для общины, живущей по настоящим человеческим законам.

С этим же, кстати, связана и суть еврейского бизнеса. У меня много знакомых раввинов, и они мне многое прояснили. Оказывается, среди евреев Талмудом запрещены банковский процент и многие классические формы предпринимательства. Тем не менее в современном обществе множество бизнесменов-евреев. Дело в том, что здесь работает точно та же модель, что и в случае с протестантами и старообрядцами.

Бизнес, каким он был в XX веке, с точки зрения нравственности, конечно, имеет много отрицательных аспектов. Но многие до сих пор задаются вопросом, есть ли возможность вообще создать бизнес с «человеческим лицом»? Ответ здесь прост. «Человеческое лицо» бизнес себе покупает. С другой стороны, с чего мы взяли, что подлость не в природе человека? Человек как тварь, с религиозной точки зрения, волен быть каким угодно. Если человек выбирает путь подлеца, обманщика, эксплуататора, проходимца и т. д. — он поступает вполне по-человечески. Это в его природе. Только такое человеческое лицо очень специфично. Что касается вопроса о том, может ли быть бизнесмен порядочным, то отвечу — нет. Если он будет порядочным, он будет плохим бизнесменом или вовсе не будет им. Это все равно что солдат станет гуманистом. Его либо убьют, либо отправят в сумасшедший дом. Если хочешь быть по-настоящему честным, то с бизнесом надо завязывать. Тогда ты будешь бедным и благородным. Если человек выбирает честность и добро, то бизнес-среда его списывает со счетов. И говорить, что сам по себе бизнес как стихия мошенничества может не быть этой стихией, не реалистично.

Тогда возникает вопрос — есть ли высший смысл бизнеса? Зачем он такой нужен миру, человеку, Богу? А зачем

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 457 13.11.2012 15:33:10

существует дьявол? Над этим бьются многие теологи. А нужен он для того, чтобы был Бог. Для того чтобы Бог, Божья благодать и чистота имели контраст. Чтобы человек чувствовал разницу между добром и злом. Бизнес нам демонстрирует темную, греховную природу человека, а может быть, и мира. Бизнес нужен для того, чтобы им не заниматься, чтобы можно было повернуться к нему спиной, чтобы от него отрешиться, откреститься, отплеваться. То есть, понимая, что бизнес есть чистое воплощение зла, люди, имеющие материальные трудности, могут получать определенную моральную компенсацию в том, что, по контрасту с ними самими, есть люди, которые занимаются бизнесом, губят душу и, как козлы отпущения, берут на себя грехи тех, кто бизнесом не занимается. Бизнес нужен для того, чтобы люди, глядя на наших бизнесменов, чувствовали себя людьми.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 458 13.11.2012 15:33:10

Часть 8
ЭКОНОМИКА И ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Тезис Фрэнсиса Фукуямы о наступающем (фактически наступившем) «конце истории» теснейшим образом увязывается им самим с наступлением эры либерализма. Другой либеральный мыслитель и идеолог — Жак Аттали — в очень схожих тонах трактует «Денежный Строй», Ordre d'Argent, сегодня сменяющий «Религиозный Строй» (Ordre de Foi) и «Строй Силы» (Ordre de Force). Мы привыкли, вслед за Раймоном Ароном, Карлом Поппером, Николаем Бердяевым и Норманом Коном, говорить об «эсхатологической ориентации коммунистических учений». Более того, вскрытие их завуалированного эсхатологизма было до поры до времени одним из самых сильных аргументов в пользу «антинаучности», «утопичности», «архаичности» («несбыточности») коммунистических и социалистических учений.

Сегодня мы сталкиваемся с новым явлением — главные борцы с «эсхатологизмом», либеральные демократы, сами выступают в роли проповедников и глашатаев «конца истории». Такая метаморфоза требует от нас са́мого пристального внимания и са́мого серьезного исследования.

Показательно, что тот же Фукуяма заимствует тезис о «конце истории» у Фридриха Гегеля, которого Поппер возводит в сомнительный ранг «духовного отца всех разновидностей современного тоталитаризма — как правого,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 459 13.11.2012 15:33:10

так и левого». Но Фукуяма, вслед за Марксом и Джентиле перетолковывая прусского националиста Гегеля, применяет концепцию «конца истории» к той фазе, которая наступает вместе с победой либеральной идеологии и рыночной парадигмы хозяйствования (в ее наиболее абсолютизированной англосаксонской форме) над всеми остальными формациями — феодальными, социалистическими, националистическими, религиозными. (Кстати, этот тезис он почерпнул у гегельянца Кожева, который довольно давно — но с отрицательным знаком — узрел грядущее исполнение гегельянского тезиса не в Советах, как он думал раньше, а в США.)

Так, последним словом человеческой истории объявляется капитализм в его наиболее совершенной, наиболее развитой стадии.

Эта современная стадия капитализма отличается от известных из истории классических его форм. Отличие настолько существенно, что сегодня для его определения принято говорить о новой стадии развития общества — о постиндустриальном или информационном обществе. Такое постиндустриальное общество есть социально-экономическое и социально-политическое выражение постмодерна. Верно и обратное: постмодерн является культурным эквивалентом постиндустриального общества, начинающего полнее рефлектировать свою сущность, свое глубинное отличие от предшествующих этапов.

Мрачные прозрения в сущность новой стадии развития капитализма, когда Капитал окончательно подчинит себе все альтернативные силы и полюса социальной истории, составляли завещание последних мыслителей «новой левой» школы — Делёза, Гваттари, Дебора, Бодрийяра. В их трудах последнего периода наступление постиндустриального порядка рассматривается в крайне зловещих тонах. Но с тезисом о «конце истории» они, в принципе, согласны. Бодрийяр, правда, предпочитает говорить о «постистории», что то же самое. Таким образом, левая, антили-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 460 13.11.2012 15:33:10

беральная мысль хотя и с противоположным, пессимистическим знаком, но в целом согласна с диагнозом оптимистического капиталиста Фукуямы, идеального «последнего человека» (именно ницшеанской концепции «последнего человека» посвящена последняя книга Фукуямы). Но там, где либералы видят исполнение исконных чаяний о «прекрасном новом мире планетарного рынка», «новые левые» видят шабаш капиталистического отчуждения и социального зла, «реальной доминации капитала», следующей за эпохой его «формальной доминации» (формула из шестого тома «Капитала» Маркса).

Оптимизм либералов основан на их понимании человеческой истории как движения от зла к просветлению. Ее содержанием было «непрерывное хаотическое насилие», следование иррациональным импульсам архаичной человеческой души, которая стремилась спроецировать свое дикарское содержание на социальные реальности, порождая насилие, конфликтность, неравенство, войны, революции, тоталитарные режимы. Мифологическое растяжение индивидуального до вселенских масштабов, как считают теоретики либерализма, и есть философская основа всех нелиберальных, иерархических, тоталитарных обществ — как древних (рабовладельческих, феодальных), так и современных (коммунизм, фашизм). И во всех случаях общества основывались на экономическом насилии над «естественными законами рынка».

Современные либералы рассматривают наступление капиталистического порядка как необратимый шаг прочь от «вечного возвращения» традиционных обществ и их современных, завуалированных внешне дублей. Линейное время возникает вместе с капитализмом и начинает прокладывать магистральный путь сквозь инерциальные толщи циклических представлений.

Падение социалистического лагеря и начало рыночных реформ стало для либералов мессианским знаком. Этот момент, конец 1980-х — начало 1990-х годов, является реша-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 461 13.11.2012 15:33:10

ющей разделительной линией. Многие вещи были впервые названы политической элитой Запада своими именами. Мы услышали из уст западных властителей все ключевые слова и пароли: «новый мировой порядок», «мировое правительство», «единый мир», «планетарный рынок» и т. д. Если ранее либерализм разоблачал традиционный или марксистский миф, используя при этом критический, аналитико-позитивистский метод, то после исчезновения оппонента открылась возможность самим прибегнуть к конструкциям, удивительно напоминающим мифологический язык только что поверженного врага. Иными словами, оставшись наедине с самим собой, либерализм заговорил языком мифа. Каковы основные черты этого мифа? Каковы его источники и составные части?

Законченная эсхатологическая модель либеральной концепции основывается на следующих концептуальных блоках:

1) на минимальном гуманизме, индивидуализме как универсальном ключе для любых (в рамках политкорректности) разновидностей гносеологии; на микроантропоморфизме интерпретаций; на абсолютизации тезы софиста Протагора «человек есть мера вещей», приобретающей редуцированный характер — «маленький человек есть мера вещей», «индивидуум есть мера вещей»;

2) на просвещенческом мифе однонаправленного прогресса, линейного механического времени, необратимого поступательного развития;

3) на культурном, цивилизационном и экономическом расизме Запада, выступающем под видом «универсализма» и «общечеловеческих ценностей»; на наследии католического понимания ойкумены, отождествляемой со «всем миром», откуда, однако, исключены не только нехристианские народы, но и весь православный Восток;

4) на специфическом англосаксонском мессианизме, в котором протестантская этика хозяйства (капитализм) наделена религиозным, сотериологическим значением;

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 462 13.11.2012 15:33:10

5) на представлении о техносфере как о самодовлеющей ценности.

Минимальный гуманизм, лежащий в основе обскурантистской по своей сути теории «прав человека», стал проговариваемым (или подразумеваемым) стержнем современности, пронизывающим юридические, культурные, социальные, политические, экономические, хозяйственные сферы. Эталон «последнего человека» транслируется на тысячи ладов всеми видами СМИ — причем от самых концептуальных форм (философские проповеди либеральных теоретиков) до самых упрощенных — суггестивных стилизаций рекламных роликов и телевизионных заставок.

Падение социализма перед лицом рыночного строя является фактом огромного гносеологического значения. Речь идет не о победе более эффективного порядка над менее эффективным, речь идет о выигрыше колоссального спора о содержании «конца истории». Проигрыш коммунистической версии этого конца имеет необратимые последствия. Линейное время окончательно побеждает циклическое. Запад после выигрыша холодной войны становится единственным полновластным централом геополитической власти. Падение Восточного блока подтверждает в глазах либералов окончательную историческую правоту своего пути: «полноценные люди Запада победили неполноценных архаиков Востока».

Англосаксонский мессианизм, сформировавший американское общество по искусственному социально-экономическому шаблону, доказал свою состоятельность как великий либеральный эксперимент. Победа США над СССР, в такой оптике, приобретает характер «исполнения пророчеств», эсхатологически обещанное падение «империи зла» (Рональд Рейган). Технологическое развитие, и особенно рывок в информационной инфраструктуре, где лидером являются либеральные страны, позволяет Западу контролировать и задавать исходные параметры структуры

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 463 13.11.2012 15:33:10

техносферы, которая обеспечит материально-силовую поддержку новой либеральной гегемонии.

Налицо все признаки осуществляющейся, сбывающейся эсхатологической утопии. Либеральной утопии.

Как и всякая утопия, как и всякий миф, такая концептуальная конструкция стремится избежать критики, апеллирует к эмоциональной, сублиминальной, суггестивной сфере, стремится выдать себя за нечто само собой разумеющееся, естественное, безальтернативное, неизбежное. За то, чем она не является.

Задача истинного ученого — игнорировать этот гипнотический тоталитарный вызов и беспристрастно препарировать структуру либерального рыночного мифа.

Готовых рецептов здесь нет. Историческая ситуация является беспрецедентной, уникальной, и только сочетание серьезной научной подготовки с эвристическими методами может вывести нас на позицию, с которой мы увидим во всем объеме реальные очертания того «прекрасного нового мира», который нам усиленно навязывают современные проповедники рыночной либеральной Веры.

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ И МУЛЬТИЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

На первый взгляд кажется, что бедность есть абсолютное зло, с которым надо бороться совместными усилиями. Но если приглядеться к этой проблеме внимательнее, все окажется несколько сложнее.

Представление о бедности как зле является не универсальным. Оно характерно для некоторых типов религиозного и светского мировоззрения, которые тем или иным образом сопряжены с англосаксонским миром, с протестантской теологией и ее светскими ответвлениями. Вместе с социологом Максом Вебером можно сказать, что дух капитализма проистекает из протестантской этики. И именно

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 464 13.11.2012 15:33:10

в капиталистической или протестантской перспективе проблема бедности чаще всего и рассматривается.

Философской предпосылкой проблемы бедности в этом контексте является концепция «имманентной справедливости» или «предестинации». В соответствии с данной теорией, человек получает вознаграждение уже в этой жизни, богатство и является выражением богоугодности, в то время как бедность, напротив, богопротивности. Таким образом, в классическом кальвинистском протестантизме бедность представляется не просто следствием слепых обстоятельств, бедой, трагедией, но еще и формой *наказания* и результатом высшего суда. Поэтому бедняк является не просто несчастным, но злым, плохим, порочным по своей сути.

В капиталистическом мифе бедность символизирует «дьявола» религиозных мифологий. Для того чтобы существовало добро, необходимо зло. Для того чтобы обожествить богатство, необходимо демонизировать бедность.

Гегель в «Основах философии права» писал: «При всем богатстве капиталистическое общество никогда не будет достаточно богатым и никогда не сможет исходя из своих собственных ресурсов воспрепятствовать росту нищеты и увеличению числа неимущего населения». Маркс пошел еще дальше и показал функциональную необходимость бедности, нищеты для адекватного существования и развития капиталистической системы.

Иными словами, как бы мы ни относились к этому — как к неизбежному злу, о котором мы сожалеем, или как к чему-то безнравственному, требующему искоренения, — бедность и ее негативная философия являются неотъемлемыми элементами капитализма.

Легко заметить, что психология капитализма предполагает негативный полюс бедности, нищеты как мотивацию хозяйственной деятельности, как важнейший стимул, как рычаг жесткого экономического принуждения. Полнее всего это выражается в ультралиберальном учении объективизма (Айн Рэнд). Согласно этому учению, бедняки

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 465 13.11.2012 15:33:10

являются обязательно «лентяями» и «подлецами». При этом они создают особый инструмент, защищающий их от «сильных» и «успешных». Этот инструмент — государство. Высшим достижением «бедняков» является социальное государство, покоряющее сильных и подчиняющее их воле слабых «бездельников». Айн Рэнд в своих трудах описывает войны богатых против бедных, прекрасных менеджеров и предпринимателей против ужасных рабочих и отвратительных государственных служащих. Показательно, что идеи объективизма пользуются огромной популярностью в США, где их яростным приверженцем является создатель современной американской финансовой системы Ален Гринспэн, близкий друг и ученик Айн Рэнд.

Конечно, на современном Западе ситуация несколько более нюансирована, но только за счет того, что зона бедности вытеснена в третий мир, который стал сегодня аналогом пролетарского полюса ранних капиталистических обществ.

Вне протестантского, англосаксонского, капиталистического контекста мы встречаемся с иным пониманием проблемы бедности. Православная традиция считает жизненный цикл человека не результатом воздаяния и приговора, но предварительным испытанием, чьи результаты будут объявлены лишь в грядущем миге Страшного суда. Это концепция «трансцендентной справедливости». Нетрудно понять, что в такой картине мира бедность перестает быть безусловным злом или пороком, равно как теряют свой положительный смысл богатство и достаток. Диалектика материального положения становится более сложной. Отсюда культ монашества, обетов добровольной бедности. Не случайно институт монашества был упразднен в протестантизме уже Лютером.

Восточные традиции и их современные секуляризированные версии относятся к проблеме бедности фаталистически. Для них земное существование — лишь незначительный эпизод в долгой цепи метаморфоз. Поэтому проблема

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 466 13.11.2012 15:33:11

бедности теряет свой драматический вес, которым она наделена в протестантских и постпротестантских (=капиталистических) социальных средах.

Показательно отношение к бедности в традиционной России. Оно емко выражено в пословице: «Бедность не порок». Переносить бедность надо с достоинством, с надеждой на улучшение своего положения и упованием на волю Божью. С другой стороны, помощь бедным, милостыня, странноприимство считались на Руси добродетелями, имеющими почти нормативное значение.

Рассмотрение проблемы бедности в широком цивилизационном контексте показывает, что мы имеем дело не с одной, общей, универсальной проблемой, а с целым спектром проблем, которые в зависимости от культурной и социальной среды формулируются совершенно различным образом. Иными словами, здесь до́лжно обязательно учитывать геополитические, культурно-географические, цивилизационные факторы.

Одной из секуляризированных версий непротестантского подхода к проблеме бедности является широкий спектр *социалистических* взглядов. Факт победы социалистических революций в обществах Востока — весьма выразителен в этом смысле. Антикапитализм русских и поиск собственного социально-экономического пути целым рядом стран Востока можно рассмотреть как выражение особых мировоззренческих предпосылок, уходящих в глубь веков.

Социализм отвергает теологию и идеологию капитализма, и социалистический подход к проблеме бедности основан на иной идеологической предпосылке. Поскольку бедность и богатство социалисты считают не проявлением высшей воли Провидения, а результатом исторической несправедливости и единственно моральным им видится справедливое, более или менее равномерное распределение материальных благ, то, в социалистической оптике, борьба с бедностью приобретает характер идеологической войны с самим капитализмом. В крайнем случае, она означает

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 467 13.11.2012 15:33:11

антикапиталистическую, антилиберальную революцию в мягкой или жесткой форме.

Наконец, мы можем обратиться к геополитической дифференциации планеты. Здесь мы видим жесткое деление всех стран на «богатый Север» и «бедный Юг». «Богатый Север» имеет в качестве оси англосаксонский мир и страны с развитым капиталистическим способом производства. Север является богатым в той же мере, в какой капиталистическая идеология рассматривает богатство в качестве безусловного блага. Отсюда, кстати, демонизация стран третьего мира в либеральных трактовках (с чем долго, но, как видно, безуспешно боролись «левые» на Западе).

Чтобы не просто преодолеть факт своей бедности, но опрокинуть ту систему оценок, которая зиждется на западной модели капитализма англосаксонского типа, странам «бедного Юга» надо не разбогатеть, но совершить *геополитическую революцию*, отвергнув как идеологию капитализма, так и конкретную социально-политическую, культурную, идеологическую и экономическую доминацию Запада. В противном случае все меры останутся недейственными.

Подводя итог этим кратким и общим соображениям, можно сделать несколько выводов:

1) проблема бедности рассматривается с радикально различных позиций в зависимости от того, в каком политэкономическом, геополитическом, религиозном и культурном контекстах она решается;

2) соответственно постановке вопроса определяются и пути его решения;

3) проблема бедности, являясь осевой философской, мировоззренческой темой, требует не столько технического, сколько духовного, идеологического, мировоззренческого решения.

Последовательные либеральные мыслители типа фон Хайека, основываясь на концепции «рыночного дарвинизма», считают проблему бедности «проблемой самих бедных». Иначе говоря, для них такой проблемы попросту не

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 468 13.11.2012 15:33:11

существует. В этой связи напомню слова французского философа Филиппа Немо, ученика Хайека, который заявил: «Требование социальной справедливости глубоко аморально». В этой ультралиберальной оптике «борьба с бедностью» становится не просто нелепой и ненужной, но вредной и прямо (или косвенно) ведущей к «тоталитаризму».

Для России «бедность не порок». И поэтому первым шагом на пути российского, шире, евразийского ответа на проблему бедности логически должен стать решительный отказ от демонизации бедности и, соответственно, от обожествления и положительной моральной оценки богатства. А далее мы возвращаемся к требованию *социальной справедливости* (вопреки пристрастной псевдодиалектике ультралибералов), справедливого и равномерного распределения материальных благ, самостоятельности любых, развитых или неразвитых, стран в выборе цивилизационных приоритетов, отказа Западу, «богатому Северу», в праве на роль планетарного арбитра.

Причину бедности одних надо искать в богатстве других.

ЭКОНОМИКА И ПРАВОСЛАВИЕ

Православие — нечто большее, нежели только религия

Православие есть не просто религия. Это также мировосприятие, жизненная позиция, этика, культура, социально-политическая ориентация. Помимо строгих церковных догматов и обрядов существует множество элементов православного миросозерцания, которые передаются в богатейшей книжности, в искусстве, культуре, социальной психологии.

Многие важные темы человеческой жизни, общественного устройства, культурных предпочтений не отражены

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 469 13.11.2012 15:33:11

в Священном Писании и не имеют строго учительного характера. И тем не менее мы вполне можем говорить о православном понимании того или иного события или о том, какое понимание может быть максимально приближено к православному, а какое, напротив, быть с ним несовместимым.

Тема «труда», «хозяйственности» принадлежит к этой категории: мы не найдем в православном учении категорических установок на этот счет, но можем сделать некоторые выводы относительно того, как понимается труд в Православии.

Домостроительство

Греческий термин «экономика» означал изначально «учение об организации дома, места» (от греческого слова «οικος» — «дом» и «νομος» — «устройство», «надел», «удел»).

На русский язык оно переводилось как «домостроительство» или «домострой». Данным термином часто пользовались святые отцы и церковные учители применительно к самым высоким предметам богословия. Так, в частности, широко употребительным выражением было «домостроительство спасения» или «экономика спасения». Под этим понималась некая совокупность разумной организации духовного пути человека, описывались закономерности и этапы самосовершенствования и христианской жизни. В «домостроительстве» христианин призывался к активной созидательной деятельности, которая была необходимой, но еще не достаточной для того, чтобы спасти душу. Согласно православному учению о «синергии», «содействии», в деле спасения должны гармонично сочетаться творческая активность самого человека и благодатный дар, основанный на божественном произволении. Человеческая составляющая устроения спасения и называлась «экономикой», что подразумевало разумную, планомерную органи-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 470 13.11.2012 15:33:11

зацию христианского бытия, являющегося рационализацией усилий, предпринимаемых на этом пути.

Термин «домостроительство», как показывает известный богослов Владимир Лосский, применялось отцами и в их умозрении самих Божественных Лиц. Более того, речь шла о «домостроительстве», то есть об «экономике», свойственной каждому из этих Лиц, что никак не нарушает единство самой Пресвятой Троицы. Домостроительство Бога-Отца есть творение, домостроительство Бога-Сына — спасение, домостроительство Бога–Духа Святого — утешение и преображение, хотя все Лица соприсутствуют и соучаствуют в делах каждого из Них.

Мы видим, что, по мнению святых отцов, даже само высшее Божество, Пресвятая Троица, трудится, действует, участвует в организационном, созидательном процессе бытия.

Именно в этих двух примерах следует искать истоки православного понимания природы труда и трудовой деятельности.

Труд, понимаемый таким образом, имеет в своей сути священный характер, это состояние усилия, деятельности, разумной организации, лежащей в основе бытия — которое создано, спасено и преображено благодаря труду.

Труд в такой перспективе приобретает ценностное, священное значение, самостоятельный бытийный и сотериологический, спасительный вес.

В истоках православного представления об экономике лежит, таким образом, идея о священной, спасительной, преображающей природе труда.

Труд как самоценность

Важно заметить, что представление о труде как о ценности и священном явлении делает его отчасти самодостаточным, первичным по отношению к представлению о его

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 471 13.11.2012 15:33:11

оплате, о компенсации, о стяжании в его результате какого-то эквивалента.

Пример с «домостроительством» Лиц Пресвятой Троицы убедительно показывает: труд есть свободный волевой дар и одновременно жертва. Труд как священная самоценность лежит в основе порождения ценности, причем ценности возникают в процессе труда только потому, что труд ценен сам по себе, а не потому, что он имеет прикладной, прагматический характер.

Так формируется важнейшее православное представление: труд ценнее оплаты за него, труд является не столько печальной необходимостью, сколько свободным волеизъявлением. Труд — не столько следствие дефицита, недостатка, изъяна, сколько проявление переизбытка силы, волевой свободной мощи. Труд — не дело слабых, несчастных и униженных, но свободных, счастливых и благородных.

Усилия, затрачиваемые на труд, не являются в таком случае энтропией, они обязательно учитываются на высшем духовном уровне, вписываясь в структуры Божественного Промысла. Труд возвышает личность, а не изматывает ее. Усталость от труда экзальтируется в стихии праздника: праздник не просто отдых, это перевод свободного делания в высшее экстатическое, восторженное измерение.

Трудовые усилия имеют качественный, а не количественный характер. Если немощный или бедный человек отдает во имя благой цели бóльшую часть того, что он имеет, это — как в известной притче о таланте вдовицы — становится великим подвигом, который получает достойную оценку независимо от величины лепты. Искренне пожертвованная малая лепта может обернуться спасением души; большие труды и милости, осуществленные с нечистыми помыслами, лишь усугубят ужас падения и расплаты.

Идея оплаты труда в православной экономике основывается не на представлении о приблизительном эквиваленте усилий и цены, но на представлении о взаимодарении: и тот, кто работает, и тот, кто платит, совершают жертвенный акт,

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 472 13.11.2012 15:33:11

который не может быть, строго говоря, количественно оценен. Мерилом труда выступает очень тонкая материя — чувство справедливости, которое в силу своей нравственной природы противится четкой формализации. Приблизительность и неконкретность этого критерия, привлекающего к решению материального уравнения духовный фактор, в значительной степени свойственны и другим сторонам восточнохристианской культуры, избегающей четких и строгих формализаций, механических формул, однозначных рационалистических рецептов и фиксированных сводов правил. Поступая так, православная культура оставляет в сфере конкретного место для лучей духовного высшего мира.

Одним словом, православная экономика есть в своих истоках экономика дара и экономика жертвы.

Трудовая деятельность и материальное преуспевание являются интегральной частью общерусского национально-православного восточнохристианского идеала единого и неделимого благочестия, которое должно пронизывать всё существование человека — от обрядово-ритуального до бытового. Православная духовность — явление тотальное, не избирательное, она все проявления человека ориентирует относительно единой высшей цели.

Это православный архетип цельности.

Православие и капитализм

Современная капиталистическая система хозяйствования и даже призванная оппонировать ей марксистская теория исходят из совершенно иных представлений о сущности хозяйства, природе труда, логике экономической сферы.

Эта система, как показали Макс Вебер и Вернер Зомбарт, является продуктом развития западнохристианской культуры, получившей окончательное воплощение в протестантизме и протестантской этике. Вся структура отно-

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 473 13.11.2012 15:33:11

шения к труду в западнохристианском контексте является иной, нежели у нас. Труд видится здесь как следствие грехопадения и, следовательно, как зло, которое следует преодолеть. Имущественное неравенство представляется выражением божественной справедливости (откуда возникают представление о неимущем как о грешнике и свойственная либерализму «демонизация нищеты»). Рационализация отношений между затраченными усилиями и полученным результатом (в том числе и оплатой труда) является основным направлением развития экономической системы. Эксплуатация начинается не с присвоения прибавочной стоимости, но гораздо ранее: с низведения трудового процесса до уровня чисто материальной деятельности; ибо труд, лишенный высшего духовного смысла, сотериологического измерения, автоматически становится рабством. Работа для Господа и во имя спасения возвышает, работа на человека унижает.

Когда нам указывают на материальные преимущества западной модели экономики, нам вместе с результатами подспудно навязывают и критерии оценки — с точки зрения протестантской этики, богатство и успех, рационализация деятельности и оптимизация производственного процесса действительно являются ценностями. Но для нас это не так. В православной системе ценностей акценты расставлены совершенно иначе. Здесь жертвенность и справедливость явно перевешивают результативность и оптимизацию.

Поэтому совершенно неслучайно в XX веке глубоко консервативный и во многом архаичный православный русский народ так много сил потратил на реализацию социалистической мечты: марксизм как западная антитеза либерально-буржуазной системе вошел в резонанс с базовыми, часто полуосознанными представлениями о православном характере хозяйства. Однако этот страшный, но масштабный эксперимент окончился крахом, и возвращаться к нему вряд ли имеет смысл. Впрочем, вдуматься в его смысл явно стоит.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 474 13.11.2012 15:33:11

Чем может быть православная экономика в современных условиях

Ответ на этот вопрос можно найти только в глубоком и непредвзятом анализе концептуального развития той экономической — либерально-демократической — модели, которая сегодня преобладает на Западе и во всем мире. В той мере, в какой мы будем некритически, имитаторски следовать за процессами глобализации, мы будем неумолимо отдаляться от православного духа, от наших духовных и культурных корней. За эффективность, конкурентоспособность и вхождение в клуб «преуспевающих держав» нам придется заплатить такую цену, которая может оказаться еще выше той, что была заплачена за социалистический марксистский эксперимент.

Как минимум, перед западнолиберальными экономическими моделями необходимо поставить определенный интеллектуальный, духовный, нравственный фильтр, возвести решетку национально-православной экспертизы. Сквозь эту решетку должно проходить лишь то лучшее из западного опыта, что является нейтральным, не противоречит основам нашего национального и религиозного миропонимания.

В отношении всего остального мы должны либо научиться дезактивировать заложенные в экономических методиках вредные для нас направления, либо отвергать их вовсе.

Идеальным было бы подвергать каждое масштабное экономическое действие — от реформы ЖКХ до вхождения России в ВТО — *цивилизационной православной экспертизе*, которая соотносила бы последствия решения с нашей глубинной «экономикой спасения».

В перспективе следовало бы обосновать и развить самостоятельное учение о национальной экономике, о российской философии хозяйства, опираясь при этом не только на опыт отечественной истории, но и на опыт переосмысленных в нашем ключе путей западных и восточных держав.

В развитии национального капитализма в России на рубеже XIX–XX веков при внимательном рассмотрении также обнаружатся многочисленные примеры православного

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 475 13.11.2012 15:33:11

отношения к хозяйству. Крайне актуален опыт реформ графа Витте, продолжателя традиции немца Фридриха Листа, основателя теории «автаркии больших пространств», «таможенного союза» и «геополитического патернализма», который идеально подходил России в начале XX века и оптимально соответствует нашим целям сегодня.

Другой пример национального хозяйствования: система купеческих фондов, где огромные средства тратились на социальные нужды рабочих.

Не менее достойно внимания участие православных фундаменталистов-старообрядцев в экономическом развитии России. Здесь речь идет не просто о сохранении старообрядческой самобытности, но о совершенно особой хозяйственной этике, где баланс между личным и общественным решался на уровне конкретной религиозно-трудовой общины (у истоков старообрядческого капитала стояли общинные сбережения, записывавшиеся из-за социально-экономических ограничений на единоличного владельца, показным образом принимавшего господствующую веру).

Нынешняя полемика сторонников и противников либерализма, где противоборствующей стороной выступают, как правило, представители коммунистического старо-советского лагеря, не даст никаких созидательных результатов. Здесь плодотворнее всего было бы обратиться к полноте православного миросозерцания в поиске «третьего пути» для России — не либерально-капиталистического и не марксистского.

Солидарное общество свободных тружеников, этика созидания, принципы милосердия, взаимопомощи, сострадания и жертвенности в отношении слабых — все это должно стать нормой сбалансированной российской экономики будущего.

Как это ни парадоксально, но социальную справедливость, даже новую социальность, если угодно, сегодня следует искать в таком консервативном и традиционном явлении, как Русское Православие.

И тогда мы не собьемся с пути.

СОДЕРЖАНИЕ

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 477 13.11.2012 15:33:11

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 478 13.11.2012 15:33:11

Научно-популярное издание

Дугин Александр Гельевич

КОНЕЦ ЭКОНОМИКИ

Ответственный редактор *Игорь Степанов*
Художественный редактор *Егор Саламашенко*
Технический редактор *Виктория Вершинина*
Корректор *Валентина Важенко*
Верстка *Любови Копченовой*

Подписано в печать 04.06.2010.
Формат издания 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,20. Тираж 2000 экз.
Изд. № 90723. Заказ № .

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1.
Телефон/факс: (812) 495-56-10.

Dugin_Konec_Ekonomich_Teorii_84x108.indd 480 13.11.2012 15:33:11